

***XV международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2023***

***РАЗУМНОСТЬ. ПРАКТИЧНОСТЬ.
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.***

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции

16–18 ноября 2023 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XV International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2023***

***RATIONALITY.
PRACTICABILITY. HUMANITY.***

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics*

***Conference proceedings
St. Petersburg, Russia
November 16–18, 2023***

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов, к.филос.н. С.В.Глебова

П26 **XV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность».**
Санкт-Петербургский Государственный Университет, 16-18 ноября 2023 г.
Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2023. – 240 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии. Ключевая задача конференции – выявить теоретические и методологические основания современного состояния этической науки, выявить основные проблемы и перспективы развития научных исследований в области теоретической и прикладной этики. История неоднократно сталкивала человека с рубежными ситуациями, современность бросает нам новые вызовы. Ценностные стратегии, тот выбор, который совершает каждый в подобных условиях, являются непосредственным предметом этических исследований.

Конференция проводится в преддверии 300-летнего юбилея Санкт-Петербургского государственного университета.

Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85-263070-4

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2023
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель
Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет) – заместитель
председателя
Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Гефенас Е. (Вильнюсский университет), Глебова С.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Громова Л.А. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лаптенко А.С. (Белорусский государственный экономический университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Маджима Ш. (Университет Хиросимы), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плашиенкова З. (Университет им.А.Я.Коменского), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет промышленности технологий и дизайна), Разин А.В. (Московский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский государственный университет)
Секретарь программного комитета: Перова Н.В.

PROGRAM COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman
Larionov Igor (St.Petersburg State University) – Vice-Chairman
Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Artemov Georgiy (St.Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St.Petersburg State University), Brodsky Alexander (St.Petersburg State University), Vasilyev Ilia (St.Petersburg State University), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Glebova Sofia (St.Petersburg State University), Gromova Ludmila (Herzen University), Derzhivitsky Evgeniy (St.Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St.Petersburg State University), Kulakova Tatyana (St.Petersburg State University), Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Lisanyuk Elena (St.Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Ovchinnikova Elena (St.Petersburg State University), Plasienkova Z. (Comenius University in Bratislava, Slovakia), Polozhentsev Andrey (St.Petersburg State University of Industrial Technologies and Design), Razin Alexander (Moscow State University), Sinyutin Mikhail (St.Petersburg State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Strebkov Alexander (St.Petersburg State University), Sunami Artem (St.Petersburg State University), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus)
Executive Secretary: Perova Nina

Alper Ateş
doctor, Associate Professor
Haci Arif Tunçez
doctor, Associate Professor
Aytac Demiray
PhD, Assistant Professor
Selcuk University

Corporate Social Responsibility in Tourism Sector: A Review of Literature between 2018-2023

As tourism businesses' practices towards corporate social responsibility increase in the last decade, there has been significant growth in the tourism literature on corporate social responsibility. A considerable amount of tourism companies have introduced corporate social responsibility initiatives to anchor economic and environmental mutually beneficial situations whilst engaging in socially responsible behavior. Tourism businesses generally have corporate social responsibility initiatives that improve environmental, economic, and social sustainability, which include the basic strategies of «doing good» and «avoiding bad». This study aims to analyze the content of studies on corporate social responsibility in the tourism sector between 2018 and 2023. We conducted a content analysis of corporate social responsibility studies in tourism industry. The authors reviewed xxx articles covering the 5 years between 2018 and 2023. Recent corporate social responsibility research has been centered on organizational and stakeholder themes. There has been a notable shift in recent corporate social responsibility research trends from financial emphasis to customer emphasis. Practitioners may gain insight from reviewing previous corporate social responsibility activities and devising new corporate social responsibility initiatives within their sectors. Academics are strongly encouraged to address under-researched areas within the field. Seven potential research areas in the tourism sector have been recommended, comprising of secondary stakeholders, such as residents, government, media, and activists; the consequences of corporate social responsibility practices; the antecedents of corporate social responsibility practices; the negative aspects of corporate social responsibility; communicating corporate social responsibility initiatives; comparatively less examined contexts and topics; and novel analytical techniques. Furthermore, tourism companies should communicate their corporate social responsibility strategies to raise awareness of their efforts in environmental, social, and governance issues.

Key words: Corporate Social Responsibility, Tourism Sector, Systematic Review

Aytac Demiray
PhD, Assistant Professor
Alper Ateş
doctor, Associate Professor
Haci Arif Tunçez
doctor, Associate Professor
Selcuk University

The Importance of Global Corporate Citizenship and Social Responsibility in Multinational Companies for Sustainable Development

The concept of sustainable growth is a concept adopted by all national and local governments, commercial national and international organizations today. Sustainable growth (development); It is defined as a growth approach that aims to meet today's needs without compromising the ability of future generations to meet their needs. International and multinational companies act in accordance with a number of environmental programs that take into account social expectations regarding the possible environmental impacts that may arise during their activities. Such environmentally sensitive programs are gaining greater importance, especially in regions sensitive to human intervention. In developed countries, environmental regulations are mostly determined by law and contain strict rules for companies. Multinational companies have to take initiatives in regions where legal

regulations on environmental issues are inadequate, conduct exemplary studies on these regulations and help create a global standard in environmental awareness that concerns the entire planet. For national companies, the concept of corporate citizenship is very important for sustainable growth. However, an understanding of corporate citizenship adopted within national borders is not sufficient for global sustainable development. Today, many companies have expanded beyond national borders and become active worldwide. The damage caused to the environment by a company on one side of the world can affect many societies and companies negatively. Considering today's economic conditions, all economic actors in the world, especially multinational companies, need to carry out their activities with social responsibility awareness, without harming the ability of future generations to meet their needs, by sacrificing some of their current profits if necessary. The World Economic Forum defines global corporate citizenship as companies paying attention to certain elements while doing their own business and contributing to development. These elements include complying with the law, producing safe and low-cost goods and services, creating employment, supporting education and technology cooperation, as well as international standards and values such as environment, ethics, labor and human rights. The point to be noted here is that global corporate citizenship requires the company to implement these standards and values by turning them into organizational culture, no matter where it is located.

Haci Arif Tunçez
doctor, Associate Professor
Alper Ateş
doctor, Associate Professor
Aytac Demiray
PhD, Assistant Professor
Selcuk University

Evaluation of the Concept of Ethics from the Point of View of the Accounting Profession and Professional Members

Today, the rapid change and development in information and communication technologies has affected societies economically, socially and politically and has brought many problems with it. In the relevant change phase, it is important to carry out the works in accordance with certain principles and rules, to develop the feelings of the majority of the society about trust and to prevent the situations of being victimized. The importance of the concept of ethics, which exists in many professions recently, has increased, and relevant ethical values and principles have been published by various organizations and professional chambers.

Ethical behavior is a way of displaying moral behavior by distinguishing between right and wrong and choosing the right one. Moral behavior can be defined as the behavior in accordance with certain rules that are perceived as good, beautiful and correct in the eyes of the society. The way these rules are perceived may differ from person to person. For this reason, the most important element in ensuring the peace of the society is the rules of law.

Professional ethics consists of principles and rules about what is right and wrong, just and unfair, regarding the profession. It is a set of principles and rules created for all professions in order to bring the behavior and attitudes of professional members to a moral form universally, regardless of the structure of societies.

All over the world, people in the same profession are expected to behave in accordance with these rules. In this way, colleagues act in accordance with certain behavioral patterns in their mutual relationships. Accounting professional ethics can be defined as the set of rules that must be followed in relations with relevant professional organizations and in cases where professional activities are carried out or cannot be carried out for some reasons, in accordance with the law and by giving importance to social value judgments.

Ethics in accounting can be expressed in the form of a set of rules that must be followed for the presentation of reliable information, taking into account the current value judgments of society, as well as transactions in accordance with the laws. While providing all these

services, accounting professionals should be responsible, proven reliable, accurate and impartial people who have the characteristics of impartiality. In order to provide unity in practice and to raise the perception of professional ethics, the principles and rules of professional ethics accepted by accounting professionals have been established.

Keywords: Ethics, Accounting Education, Ethics in Accounting Education

Eugenio Paula Nicole
MA, Graduate Student
University of Santo Tomas

Force, Justice, and Peace: Simone Weil's Synthesis of Authentic Life

This paper examines the intricate intellectual tapestry woven by Simone Weil as she harmonizes the triad of force, justice, and peace into a coherent framework for embodying authenticity. Weil's profound philosophical exploration delves into the intricate relationships among these core elements, challenging conventional perspectives and inviting a deeper understanding of human existence. By scrutinizing Weil's extensive body of work, this paper elucidates her unique synthesis, which redefines the conventional paradigms of power, fairness, and societal tranquility. Rooted in her astute observations of human behavior, societal structures, and spiritual insights, Weil's synthesis transcends disciplinary boundaries, offering an innovative lens through which forceful agency, equitable justice, and enduring peace interconnect. Through a meticulous dissection of her writings, this paper disentangles Weil's conception of authenticity, revealing how her synthesis serves as a transformative guide for individuals and communities navigating the intricate nuances of life with integrity and purpose. Amidst a world marked by discord and the search for profound meaning, Weil's perspective emerges as a guiding light, directing us towards a life that seamlessly integrates force, justice, and peace, ultimately leading to a heightened state of authenticity. This paper will be divided into three parts: the first part will discuss the notion of force and how destructive it becomes when used and abused by human beings, as seen through examples of conquest and war. The second part will discuss her concept of the just force. Weil maintained that force is necessary factor of existence and it must be used with moderation. The third part will focus on the notion of affliction and the question of the (im)possibility of peace.

Han Yunqing
Undergraduate Student
Claremont McKenna College

Woman, Man, and Maybe More All at Once:

A New Way of Imagining the Embodiments of "Gender Neutral" Robots

As we become increasingly reliant on robots, the concern for them sustaining societal stereotypes becomes prominent. Garcha et al. (2023) evidenced that our concerns are well-founded — robots' professions and perceived embodied gender activate binary gender stereotypes, and interactions with them stress humans out. Current suggested solutions against activating or sustaining gender stereotypes are commonly: (1) design robots with no feminine or masculine traits or (2) purposefully mismatch stereotypical robot appearance and profession (e.g., use feminine construction robots).

Both solutions have flaws. With (1), we may still see certain robots as gendered – Roesler et al. (2023) demonstrated that a high degree of anthropomorphism invoked a male robot bias. With (2), robots contradict gender roles but are acquiescent to the binarity of genders and the idea that genders entail fundamental attributes.

I argue instead that we should blur the lines of gender in robots by having a mix of feminine and masculine traits for "blended" gender neutral robots. A "blended" robot would embody stereotypically feminine traits but also possess salient masculine traits (e.g., have makeup and a large jawline, or wear bright-colored, dress-like clothes and have mustaches). An individual would simultaneously recognize feminine and masculine traits when looking at the robot.

This purposeful design would trigger a moment of “confusion” for those who see genders as a binary, since the “blended” robot would fit not-so-perfectly into both categories of woman and man. The individual interacting with the robot therefore would be forced to consider its gender, possibly beyond the binary. With a mix of stereotypically feminine and masculine traits, the “blended” robots would thereby 1) challenge gender roles; 2) unsettle the stereotypes of how gender identity manifests in appearance; and 3) question the boundaries of binary genders and how we perceive genders. With more reflection on gender and stereotypes from robots, we could also positively reshape how we understand and interact with other humans and ourselves.

Harris Cody

BS Psychology, BS Philosophy of Science, Masters Student
University of Oklahoma

Hermeneutical Responsibility and the Special Status of Personhood

Should you grant law-abiding racists and polite members of the KKK the most basic form of trust necessary for human flourishing? In 2021, Johnny Brennan offered a first formulation of basic trust he called recognition trust. Recognition trust is characterized by a latent, normative standard to recognize the personhood of others. Under Brennan's account of recognition trust, to recognize someone's personhood is simply to recognize that they have some right which limits our actions upon them. In this paper I will argue that this kind of recognition of personhood is not strong enough for the kind of trust that is conducive to human flourishing. I will not dispute the claim that recognition of personhood is required for basic trust, instead I will argue for a fuller account of the kind of recognition of personhood that is necessary for human flourishing. In my account an acceptable concept of the basic trust necessary for human flourishing should also include hermeneutic responsibility, the responsibility to close gaps in our collective understanding of human experiences. We do this by being open to the experiences of others and actively trying to understand their experiences. As my discussion of the founding question of this paper will show, if a community leaves hermeneutical gaps as they are then, through epistemic injustices, they will fail to give agents and communities the recognition necessary to overcome oppressive conditions.

Kang Emerson

Independent Scholar

Towards a Social Ontology of the Unhoused Person:

A Critique of Neoliberal Discursive Strategies for Othering Homelessness

In present society, there is a ‘common’ way of speaking and conceptualizing homelessness in present society which permeates society. Indeed, this common way conceptualizes homeless people based on governmental and societal trends. It is not only limited to a common way of speaking but there also appears to be an ideological blindness in that we do not question or fully understand underneath such discourse. This manifests itself in the division of public and private spaces, leading to a conflict about the use of such spaces in discourse. Thus, people commonly conceptualize homelessness as a category describing human beings.

We consider the contrast between the “speaker meaning” employed in neoliberal discourse and the awareness of contested subjectivity in social reality. Building on principles of speaker meaning, the paper will analyze the discontinuity of meanings in the interpretation of social phenomena and spaces. The paper's analysis of intended meaning will emphasize the disconnect between the meaning of homelessness in the neoliberal ideology and the conditions of the social constitution of homelessness. Following Flato, this paper uses the analysis of meaning of the interpretation of public spaces as a way of disclosing the occurrence of contested subjectivity. Such a contestation of public spaces is also coupled with a marginalization of the homeless person on the part of the ignorant. Indeed, as the city places jagged edges and homeless guards on public benches, the homeless person can no

longer sleep there. This movement forces them to leave the public space and find a more, secluded, out-of-view space to retire. In doing so, they are effectively concealed by the city from the public eye, removing their voice as well. This concealment is a slow-moving form of violence and oppression which gradually erases the homeless from the public eye. As an aid to understanding the activities and the means by which this concealment takes place, this paper will make reference to the work by Iris Marion Young, and use her work on the various forms of oppression to show how class ignorance can be perpetuated through the weaponization of public spaces.

It will be shown in various cases how the intended meanings of terms like “homelessness” fail to account for otherness as constitutive of social reality, and therefore miss the mark of both truth and meaning in the fullest sense. Furthermore, this paper attempts to reveal the ways in which current discursive strategies surrounding homelessness are reductive and violent. This violence will be analyzed as the result of forms of discourse specific to the homeless that implicitly take private property ownership as a basis of social legitimacy, and which silence other perspectives by marginalizing interpretations of public spaces as having the functions typically assigned to private ones.

Koljevic Griffith Bogdana

PhD, Professor, Senior Researcher
Institute for Political Studies

Twenty-first Century Ethico-Political Turn

The epoch of neoliberalism via biopolitics (M. Foucault, *La Naissance de la biopolitique, Securite, Territore, Population*) has most notably theoretically and practically presented itself as the age of post-ethics and post-politics. The common signifier for both is post-truth (M. Carlson 2018). It is argued that this complex condition appeared, first and foremost, as the consequence of instrumentalization and abuse of politics of human rights (C. Douzinas 2007) as well as a structural implication of deconstruction of the system of international law, and respectably equally concepts and politics of sovereignty and democracy. Such stance of the neoliberal West in recent decades has corresponded with its neocolonial and neoimperial attitude of total hegemony i.e., with its neototalitarianism. The prevalence of “the eternal present” (D. Fusaro, B. Koljević 2016) articulated as “the end of history” (F. Fukuyama 1992) aimed towards superseding both past and future, and precisely this discourse opened the door for widescale historical revisionism. Perhaps most relevantly, the concept of the subject – and therefore simultaneously of otherness as well – has been deprived of its ethical dimension i.e., of infinity (E. Levinas 1961, S. Critchley 2007). On the other hand, the transition of epochs in the twenty-first century (B. Koljević Griffith 2021) – which corresponds to multipolarity as *sine qua non* condition for true multilateralism – can philosophically and politically be perceived as the potentiality for a worldwide ethico-political revival. This ethico-political turn can be comprehended as a renewal of the Aristotelian relation between ethics and politics, as well as of European Christian traditions and likewise those of Modernity which all present the foundations of *Europe en generale*. Indisputably, new normative framework as its basis has reaffirmation of key civilizational values such as freedom, justice, and equality, while, at the same time, a special emphasis is placed on human dignity as counterposed to concepts of bare life and survival. Finally, the rebirth of subjectivity and various types of intersubjective relations enables self-determination on all levels of existence as well as authentic respect of differences.

MacNairn Colin

Graduate, University of Windsor

The Challenges of Morality for the Relativist

Postmodern relativism grapples with a central paradox — how to cultivate clarity amidst inherent subjectivity. This study explores the challenges of moral relativism, spotlighting its struggle with foundationalism and proposes approaches to address concerns of clarity. The first challenge is rooted in the definitional aspect of moral relativism — the inadequate

contextualizing of normative claims. A critical concern here is the ambiguity inherent in synonymizing language, particularly the interchangeable use of “culture” and “society” when tracing the origins of morals. This linguistic convergence presents a significant barrier to constructing a holistic grasp of moral relativism. This study presents an unraveling of this lexical conundrum and suggests innovative frameworks to elucidate the intricate interplay between cultural influences, societal conditions, and moral values. The second point of contention centers on the concept of deviancy. Deviancy, acting as a counterpart to morality, serves as a linchpin in bolstering the argument for moral relativism. This presentation investigates the importance of deviancy in formalizing the argument for relativism and will showcase how applied psychology and empirical data can be employed to establish this relationship. For, establishing a case for deviancy’s admissibility within the bounds of moral relativism would further foundationalize the theory. The study’s goal is to focus a spotlight on an increasingly pervasive and embraced phenomenon — postmodern relativism. While the intrinsic relativity of this ideology has perpetuated an apparent comprehension gap, this study dispels these misconceptions. Supported by exacting research findings and meticulously curated articles, this presentation forges a connection between the enigmatic realm of postmodern relativism and the tangible world it seeks to expound. Addressing the intricacies of definitional ambiguity and the role of deviancy — boldly confronting these challenges — this research enriches the ongoing discourse surrounding moral relativism, charting a path towards innovative solutions for the future.

Mukherjee Upamita

Research Scholar

Indian Institute of Technology

The Moral Potential of Care Ethics in Resolving Quandaries of Therapeutic Cloning

Therapeutic cloning, known for its radical prospects in medicine, stands at the intersection of profound moral dilemmas. This paper embarks on an investigation into the capacity of care ethics to provide a vigorous framework for provoking the ethical quandaries posed by therapeutic cloning. Care ethics proposes an alternative foundation in a context where traditional ethical frameworks have frequently emphasized rights, autonomy, and utility, one rooted in inter-connectedness, empathy, and moral responsibility. Through this philosophical inquiry, we argue that adopting a care-oriented viewpoint can provide light on a way toward the creation, use, and control of therapeutic cloning in a manner that is morally upstanding.

To start, we provide a thorough introduction to therapeutic cloning, highlighting its enormous prospects in regenerative medicine, the treatment of diseases, and the provision of personalized healthcare. At the same time, we draw attention to the problematic moral conundrums that have arisen, particularly those involving consent, human dignity, social justice, and the psychological well-being of cloned people. Traditional ethical systems have had trouble balancing these complex issues. Subsequently, the foundational principles of care ethics are introduced, with a focus on the value of interpersonal connections, empathy, and sensitivity to the needs of others. By doing this, we contend that these principles provide a more complex and comprehensive perspective in addition to being consistent with the ethical issues inherent in therapeutic cloning. Care ethics helps people move away from a narrow focus on individual rights and toward a more comprehensive understanding of how all parties—including researchers, physicians, prospective progenitors, and the cloned humans themselves—are interdependent. Moreover, we analyze the role that care ethics can play in the development of moral rules and regulations for therapeutic cloning study and use. Care ethics promotes strict informed consent procedures, the provision of emotional support to people engaged, and an unrelenting commitment to reducing societal gaps in having access to cloning technology by emphasizing empathy and accountability.

In conclusion, this study contends that care ethics offers a convincing and comprehensive framework for addressing the moral issues raised by therapeutic cloning. Care ethics provides direction for the moral development and responsible use of cloning technologies by putting empathy, accountability, and the well-being of all stakeholders first. This leads to the development of a more sympathetic and morally guided trajectory for therapeutic cloning

research and practice. This viewpoint emphasizes how important it is to think about both the significant philosophical principles underlying scientific breakthroughs as well.

Tello de Castro Catarina

PhD

University of Minho; Johannes Kepler Universität

What Can Economics Learn from Values?

Economics has been through a great number of transformations, mainly in the debate about the dichotomy or overlap of values and facts. As a protagonist of this debate, the neoclassical school, after Lionel Robbins' definition of economics, has been recognized for excluding values – namely normative values – out of subject, focusing on allocation of means, hence making it a formal, mathematical process for the maximization of agents' wants.

As counterparts in this debate, we see authors such as Hilary Putnam, Vivian Walsh, Amartya Sen, Heilbroner and others. These authors aim to put values and facts together and view them as entangled. But what do values add to economics? Why can't a value-free economics persist? One of the most interesting debates on the matter is between Partha Dasgupta and the duo Hilary Putnam and Vivian Walsh. While the first argues in favor of a separation between normative values and epistemic values in economics, the duo Putnam-Walsh argues that Dasgupta is wrong, since values are not to be separated, since the entanglement implies that any value is in the economic questioning, decision making and research. This debate is beyond economics extending to metaphysics and moral philosophy. Values may not all be about norms, they can be aesthetical, for instance. However, and following the work of Putnam and Walsh, the values in which their work and the mentioned debate focus are mainly moral values, even if they do not immediately appear to us like so, like the authors, themselves, tell us.

In this paper I defend that values can be integrated in economics methodology in the sense that there are sets of values that are consensually accepted beforehand by the "proponents of the paradigm" (Khosrowi, 2018). The clear-cut distinction of normative and descriptive – again, celebrated, mostly, by Lionel Robbins' work – is the core focus of Partha Dasgupta's, Hilary Putnam's, and Vivian Walsh's debate. I do endorse the ideas from Putnam and Walsh's work. I will, then, organize this paper as follows: 1) I will endorse that a value-free economics is naïve and wrong epistemically and morally. 2) I present Dasgupta vs. Putnam/Walsh as well as some commentaries on it. 3) I defend that PW position is the most reasonable to endorse in economics and, lastly, 4) I show how this position affects economic decision when we look at preference ranking (the realm of Rational Choice Theory). After these points made, I finally conclude.

Project title: "Morality as a Brick in Economics' Wall: a Defense of a Moral-Based Regulation to Economic Decisions". Research project funded by the Foundation for Science and Technology, Portugal (FCT). Scholarship number: 2021.06053.BD

Yunusova Liliya

BA, Graduate student

Xi'an Jiaotong University

Censorship and Freedom in Modern Chinese Art

Censorship in modern Chinese art is a complicated issue with global ethical concerns.

A key ethical question is about finding the right balance between artists having the freedom to express themselves and the government controlling what they can say. China's censorship system is opaque and expanding, increasingly stifles topics once open for discussion. This makes people worry about whether artists can be truly creative, share their ideas freely, and have control over their art. Artists often don't know where the line is between what they can say and what they can't.

The situation with Chinese-American artist Hung Liu is a clear example of how China is becoming stricter with artistic expression. Her art show at the UCCA Center for

Contemporary Art in Beijing, scheduled for December 2019, got canceled because the authorities didn't give the necessary permits. Liu's art deals with important topics like culture, gender, history, and memory. But these themes got the attention of the authorities, showing the struggle between keeping traditions and questioning the current state of things. This challenge affects all artists in China. They have to make tough choices, like whether to limit themselves or find subtle ways to express their ideas. These decisions can affect how authentic and creative their work can be.

Index on Censorship reports that in recent years there has been an increase in the number of cases where artists living outside China have had to self-censor their activities due to possible sanctions against their relatives living in China. Moreover, China also has a number of levers of influence directly on European art institutions. This leverage lies not only in the fear of losing access to the Chinese art market, but also in the fear of losing Chinese funding or developing a diplomatic scandal.

In essence, censorship in modern Chinese art raises ethical questions about the boundaries of artistic expression, the power of cultural narratives, and the struggle between individual freedom and state authority. It underscores the complexity of the relationship between art and politics, between artistic freedom and financial interests. It underscores the broader ethical dilemma of accommodating political regimes while preserving artistic and intellectual freedom.

Алейников Андрей Викторович
д.филол.н., профессор
Стребков Александр Иванович
д.полит.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Риск-рефлексивность: диалектика страха и безопасности

В данных тезисах мы представляем результаты научных исследований в рамках проекта, поддержанного РНФ, расширенный вариант которых опубликован ранее [1].

Мы утверждаем, что современный процесс вынужденного изменения устоявшегося порядка, можно описывать как «BANI – мир» (Brittle (хрупкий), Anxious (тревожный), Nonlinear (нелинейный), Incomprehensible (непостижимый)) [2].

В своей статье мы сформулировали ряд наиболее важных теоретико-методологических затруднений, с которыми сталкивается современная аналитика риска. Являются ли их адаптивные стратегии плодом собственной прерогативы, особенно в случаях восполнения неэффективности властной регуляции и превенции рисков? Является ли власть доминирующей формой определения шанса на выигрыш и стратегий рискованного поведения, запрещает, корректирует или поощряет искателей риска и уклоняющихся от него? Как сопряжены риск-рефлексии с идеологическими и политическими предпочтениями? Кто, в конечном итоге, принимает решения о том, какое количество риска могут или не могут, хотят или не хотят принять государство, общество и индивиды? В чьих руках находятся инструменты и возможности для принудительного регулирования рискованного поведения и каково при этом соотношение «транзакционных издержек» для субъектов принуждения и издержек на поддержание данного типа отношений? Что лежит в основе оценки / переоценке/ недооценки уровня тяжести риска и готовности принять его для повышения своего социального статуса или максимизации политических выгод от рискованной ситуации? Наконец, какая инстанция устанавливает баланс интересов в реализации шансов в логике социального распределения риска, которая иерархична и может стать основой делегитимации политических практик?

Мы постарались показать, что традиционным ресурсом для проблематизации риск-рефлексивности является диалектика страха и безопасности. Речь в данном случае идет о комбинации форм риска, которым соответствуют формы защиты / безопасности, объективных оснований риска и его рефлексии, реального и конструируемого. В любом случае пренебрежение безопасностью или «бряцание» ею без анализа и рас-

познавания настоящей опасности создают неадекватные, слабореlevantные или наивные представления о рисках и угрозах, формируют веру в удачу и получение результата без существенных усилий, завышение шансов на благополучный исход или минимизацию шансов на нежелательный вместо поиска рациональных формул управления рисками. При доминировании (господстве производства рисков, по О. Н. Яницкому) одних стейкхолдеров в «зоне» угроз и опасностей риск-бенефициары не только навязывают аутсайдерам удобный им формат риск-рефлексии, но формируют в своих интересах стратегии адаптации, ограничивая возможности их выбора. Для риск-аутсайдеров комфортна только ситуация определенности, упорядочения и ранжирования угроз «сверху» путем детальной регламентации рискового поведения, четких политических указаний и предписаний, как выжить, и что делать в опасных ситуациях.

Нами была использована модель риск-аппетита [3], которая более или менее точно описывает социально-приемлемый уровень риска, определяемый исходя из двух параметров. С одной стороны, это социальная и политическая емкость риска, лимит, который власть и индивиды могут принять без очевидных неотвратимых потерь, без краха, разорения и банкротства. С другой стороны, риск-аппетит фиксирует существенно значимые степени несогласия социальных субъектов в связи с оценкой толерантности к риску. Необходимо учитывать, что асимметричная конструкция риск-аппетита продуцирует соответствующие формы социальной дифференциации и неравномерной дистрибуции рисков в обществе.

Литература:

1. Алейников А.В., Стребков А.И., Милецкий В.П. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 514–530

2. Cascio, J. Facing the Age of Chaos. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>

3. Берч К. Риск-аппетит: не откусывайте больше, чем можете проглотить, URL: https://www.cfin.ru/fi_nanalysis/risk/RiskAppetite.shtml
РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Ананьева Екатерина Михайловна

к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Гадамер об этосе: герменевтика как особая этика.

Этическая тематика в герменевтике Гадамера может быть истолкована в духе тематики аппликативности с устойчивыми мотивами критики моральной философии Канта и в горизонте аристотелевского или гегелевского мышления. Контрастным фоном к такого рода тематизации герменевтики является широкий спектр этических программ двадцатого столетия, но в определенном смысле полюсами этого спектра выступают веберовская программа исследования социальных порядков и обращение Дильтея к обоснованию системы этики. Если не принимать в качестве гипотезы представление о гадамеровой программе философской герменевтики как практической философии (что оказалось бы неверным) в духе кантовского превосходства практического разума над теоретическим, то интерес к философии действия с акцентом на социальный или индивидуальный полюс представляет собой дополнение и уточнение хайдеггеровской программы герменевтики фактичности. Первые работы, ставящие исследование этоса в контекст аристотелевской этики, инспирированы шелеровским влиянием на герменевтику (обсуждением идеи этического феноменологического плюрализма). Новый цикл работ такой тематики (в середине 80-х) связан с переосмыслением Гадамером проекта философской герменевтики под влиянием работ школы Дильтея, прежде всего Фр. Руди [1]. Второй повод вернуться к тематике этоса – публикация «После добродетели» А.Макингайра и в более широком смысле полемика с комьюнитаризмом.

Макинтайр видится Гадамеру единомышленником в толковании ограничений подходов Канта и Вебера. Для Макинтайра веберизанство в критике кантовской этики долга также означает интерпретацию «смещения понятия добродетели и ориентации на цели с помощью одних лишь рациональных средств» [2]. Эти два обращения к этосу получают развитие в одной из значимых дискуссий по этическим вопросам, поляризующих социальное и гуманитарное знание – полемику Гадамера с Франкфуртской школой по поводу коммуникативной рациональности. Инвариантом этой полемики середины 70-х и последующей критики философской герменевтики явилось, по меткому замечанию Гадамера то, что эти дискуссии выдвинули в центр внимания понятие практики, в то время как «противоположное ей понятие, понятие теории, стало чем-то неопределенным и потеряло свое достоинство» [3]. Сюжетом данного доклада предлагается сделать новый виток дискуссии об акцентах философской герменевтики Гадамера в ее пересечении с современными этическими теориями. Обсуждаемый в данном контексте круг вопросов не только раздвигает рамки дискуссии с Кантом и Вебером, но и демонстрирует преимущество герменевтики в ситуации, когда «сама идея этики стала сомнительной» и традиционные сюжеты этического дискурса, «лежащие в основе доминирующих традиций этической мысли – предположения о субъективности, агентности и автономии – поставлены под сомнение» [4]. Представляется, что именно когда одновременно с этим поставлены под сомнение исходные постулаты герменевтики о противостоянии наук о духе и наук о природе, тематизация этоса способна выявить значимые для толкования феномена понимания гипотезы.

Литература:

1. Erkenntnis des Erkannten. Zur Hermeneutik des 19. und 20. Jahrhunderts. Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1989.
2. Gadamer, H.-G. Ethos und Ethik (MacIntyre u. a.) // Gesammelte Werke, 10 Bde., Bd.4, Neuere Philosophie: Band 4: Neuere Philosophie II: Probleme, Gestalten. Tübingen : Mohr, 1987. S.350.
3. Gadamer, H.-G. Was ist Praxis? Die Bedingungen gesellschaftlicher Vernunft // Gesammelte Werke, 10 Bde., Bd.4, Neuere Philosophie: Band 4. S.216.
4. Schmidt D.J. Hermeneutics as Original Ethics // Sullivan Sh., Schmidt D.J. Difficulties of Ethical Life. Perspectives in Continental philosophy. Fordham university press. New York 2008. P.35.

Артемов Вячеслав Михайлович

д.филос.н., профессор

Московский государственный юридический университет им. О.Е.Кутафина

Контуры этического образования для будущего:

единство разумности и человечности как основа должной практичности

Указанные в названии слова-понятия-ценности сами по себе привлекательны для молодёжи и актуальны именно в такой последовательности. Чтобы быть настоящей личностью, обладать качеством человечности, а затем и подняться на должный уровень профессионализма, нужно иметь разум как высшее измерение сознания. Отсюда проистекают нравственная состоятельность и ясная жизнеутверждающая ориентированность практичности. Классические примеры – энергичные усилия М.В. Ломоносова по сохранению народа России, организации научной деятельности и открытию Университета; проект общего дела в плане возвращения всех ушедших отцов Н.Ф. Федорова; конкретная помощь больным на основе принципа благоговения перед жизнью А. Швейцера и т.п. Разум в этих и иных подобных случаях чужд холодной рассудочности тех, кто добивается получения какой-то выгоды любой ценой (софисты с их релятивизмом, представители крайнего прагматизма и др.), поэтому сегодня особенно востребованы активные продолжатели противоположной, условно говоря, сократической позиции.

Реальная же ситуация такова, что СМИ с удовольствием рассказывают не о носителях настоящего разума, соединённого с добром, а об искусственном интеллекте

и разного рода нелепостях, которые выдают нейросети. Данное положение вещей обязывает нас быть в наступлении на поле образовательно-просветительской деятельности. Важно чётче позиционировать научно-гуманистическое мировоззрение как важную составляющую духовности. Нейтральность и отстранённость по отношению к происходящему означает ковенную поддержку сил зла. Подлинное образование не терпит мировоззренческого безразличия и гражданской безответственности. Ведь речь идёт о подготовке настоящих профессионалов применительно к сложным видам деятельности, которые предполагают не просто знания о мире, людях и обществе, а и развитие, совершенствование их в направлении высоких идеалов. Качество последних определяется не самим по себе уровнем цивилизационных достижений, а максимальным присутствием человеческого в человеке и обществе.

Подобный ориентир нужен, к примеру, для осуществления нравственно-философской экспертизы разного рода «новые этик» технологического типа. Увеличение их количества вызывает серьезные сомнения относительно должной заботы о самих людях и действительного стремления к достойному будущему для общества в целом. Зачастую они ориентируют исполнителей лишь на элементарные этикетные правила и экономическую эффективность. Собственно этика там либо в большом дефиците, либо вовсе отсутствует.

Такое положение дел очень опасно и порождает, к примеру, плохие законы и правоприменительные практики. Не случайно важным направлением деятельности философско-правового клуба «Нравственное измерение права» выступает систематический этический анализ соответствующих проблем. Налицо, к примеру, тесная содержательная связь между научно-образовательными проектами 2019 и 2022 годов. Как осуществление первого привело к международной конференции и одноимённому коллективному труду [1], так и второй привёл к конференции Всероссийской и новому сборнику научных трудов [2]. В целом там представлен социально востребованный опыт указанной выше экспертизы, который может быть использован на образовательном поле, подтверждая истинность предлагаемой теоретической модели единства разумности и человечности как основы должной практичности.

Литература:

1. Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов. Новое издание философско-правового клуба «НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА» на базе кафедры философии и социологии / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков – М.: Проспект, 2019

2. Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: что важнее для человека, общества и права?: сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. – М.: РФ-Пресс, 2023.

Артёмов Георгий Петрович
д.филос.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственная культура и социальная солидарность

Доклад посвящен анализу взаимосвязи исторических типов нравственной культуры и социальной солидарности. Нравственная культура определяется как динамическая система межличностных установок, позволяющих поддерживать отношения социальной солидарности между людьми в различных исторических условиях. При изучении этой взаимосвязи используется положение Э. Дюркгейма о том, что социальная функция морали заключается в обеспечении отношений солидарности между людьми, а также утверждение В.И. Бакштановского об изменении морали в соответствии с историческими стадиями развития общества. Согласно этому утверждению, аграрной стадии соответствует традиционная мораль, индустриальной – рациональная мораль, постиндустриальной стадии – пострациональная мораль.

В докладе утверждается, что перечисленным историческим типам морали соответствуют определенные типы нравственной культуры: традиционной морали соответствует культура подражания, рациональной морали – культура подчинения, пострациональной морали – культура понимания.

Согласно данным «Обзорного доклада: модернизация в мире и Китае» (2011), все страны мира находятся на различных этапах перехода от аграрной стадии к индустриальной (первичная модернизация) и от индустриальной к постиндустриальной (вторичная модернизация). На основе обобщения данных международной статистики в этом докладе утверждается, что большинство стран мира в современных условиях вынуждены одновременно проводить и первичную, и вторичную модернизации. Это позволяет предположить, что в каждой стране в определенной степени представлены результаты обоих видов модернизации и признаки перечисленных выше типов нравственной культуры, обеспечивающие поддержание отношений социальной солидарности в разных исторических условиях.

Для анализа взаимосвязи нравственной культуры и социальной солидарности в данном докладе используются базы Всемирного исследования ценностей (1981-2020 гг.). На основе обобщения результатов статистического анализа этих баз на межличностном и межстрановом уровне в докладе утверждается, что структура нравственных установок, характерных для различных типов нравственной культуры зависит от соотношения результатов первичной и вторичной модернизации, а также от исторического наследия конкретных типов стран. Для структурирования и интерпретации эмпирических данных используются эволюционная теория модернизации Рональда Инглхарта, теория интегрированной модернизации Хэ Чуаньци и теория цивилизаций Самюэля Хантингтона.

На основе сопоставления данных международной статистики и Всемирного исследования ценностей в докладе делается вывод о том, что в отдельных странах, представляющих существующие цивилизации, наблюдается преобладание разных признаков нравственной культуры и социальной солидарности, обусловленное особенностями их развития.

Вигель Нарине Липаритовна

д. филос. н., доцент, зав. каф. философии

Ростовский государственный медицинский университет

Меттини Эмилиано

к. пед. н., зав. каф. гуманитарных наук

Российский национальный исследовательский

медицинский университет имени Н.И. Пирогова

Этическое образование подрастающего поколения: проблемы и возможные решения

Изучаемый вопрос является занимательным пластом исследования, который должен обращать на себя внимание ученых. Несмотря на то, что словосочетание «этическое образование» до определенной степени избыточное, все-таки указывает на то, что нельзя разделить образование, как процесс всрачивания личности подрастающего поколения от этических вопросов, которые ученые должны обратить пристальное внимание. Целесообразно подчеркнуть то, что сама по себе, этика – прикладная часть философии, изучающая как мораль (представляющие высокие идеалы общества, регулирующие поведение и создание человека в различных областях общественной жизни), так и нравственность, под которой понимаем применение к собственной жизни вышеупомянутых норм и степень усвоения моральных ценностей общества личностью. Нам кажется неуместным выбрать одно из двух вышеупомянутых понятий, которые взаимоисключающие в определенной мере, мы используем термин «этика», как категорию, обозначающую «моральное поведение» личности, что упрощает различие между вышеуказанными понятиями. Исходя из этого, можно предположить, что этическое образование представляет собой методическую составляющую воспитания, которое мы понимаем духовное вскармливание человека. Образование и воспитание

являются двумя сторонами одного процесса, способствующего формированию, становлению и развитию личности. Взаимодействие образования и воспитания целесообразно должно регламентировать поведение человека, и обеспечивать максимальное его духовное и личностное развитие. Данная постановка вопроса вовлечет за собой то, что этическое образование имеет как и практическую сторону, так и теоретическую. Эту последнюю можно моделировать, опираясь на педагогические (антропологические) воззрения, А.С. Макаренко, М. Монтессори, М.С. Кагана, П.Ф. Лесгафта, К.Д. Ушинского и других, в которых скрываются принципы воспитания самостоятельной, свободной, способной принимать решения и нести ответственность за них личности. Предлагаемая теоретическая матрица указывает на то, что воспитание должно быть ценностно-ориентированным, определить какие ценности более необходимы для дальнейшего развития общества с оговоркой, что этот процесс не утилитаристский. Наоборот, он лежит на основе общепринятых человеческих ценностей, что является практической частью этического образования. Поэтому, мы можем считать, что главной задачей этического образования является реализация теоретических и практических предпосылок педагогической теории и воспитательной практики, ориентированной на личность, преодолевающей либеральные нормы мышления, по которым надо «стремиться не воспитывать человека, а сотворить личность, свободную, предприимчивую и ответственную» [1, с.48]. Воспитание этической личности возможно при эффективном коммуникативном действии, подразумевающего и восприятие другого как субъекта – носителя определенного ценностного и морального мировоззрения. Ценность, как пишет М.С. Каган, представляет собой отношение, связывающее двух субъектов, носителей «социальных и культурных качеств, которые и определяют сверхиндивидуальное содержание» [2, с. 67] духовной деятельности личности. Можно прийти к промежуточному заключению, что в образовательном процессе искусственность необходимо избежать, что вовлечёт за собой формальность самого образовательного процесса, без учета интересов и ценностей каждой отдельно взятой личности. Таким образом, можно преодолеть этический релятивизм правды каждого в пространстве виртуальной агоры простора Интернета, и приобрести личностью свою стойкую позицию в отношении любого вопроса. Этическое образование подрастающего поколения должно представить собой способ развития личности на пласте взаимоотношений «человек – человек», что требует разработки соответствующих теоретических подходов и практических приемов, отвечающих современным требованиям общества в целях воспитания ответственных, зрелых и не ситуативно принимающих решения граждан.

Литература:

1. Варавва В.В. Этика и образование. проблемы и перспективы воспитания в высшей школе / В.В. Варавва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2008. – №1. – С. 47-53.

2. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

Виноградова Анастасия Витальевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Моральное регулирование детских медиа: исторический опыт и современные проблемы

Актуальность темы исследования заключается в специфике изучаемого материала и его значимости для современных российских реалий. Представленное исследование строится на основе анализа отечественного опыта.

Средства массовой информации всегда оказывали существенное влияние на людей, научно-технический прогресс только усилил скорость развития сферы СМИ, помимо того, количество информационной загрузки медиа пространства значительно преумножилось, что повлекло за собой определенные проблемы. СМИ, являющиеся одним из основных и наиболее востребованных источников информации, сведений, знаний, кото-

рые постоянно использует в своей повседневной жизни современный человек, становятся и серьезным инструментом воздействия как на общественные умянастроения в целом, так на сознание и психику каждого индивида в отдельности.

Акцентируя внимание на сфере детских медиа, стоит отметить факт наибольшей опасности массово манипулятивного влияния СМИ, так как детская психика является наиболее тонко устроенной и уязвимой. В связи с чем, возникает необходимость моральной регуляции сферы детских медиа. Исторически первой формой моральной регуляции детских изданий стала цензура. В связи с этим, в данном исследовании возник особый интерес к феномену цензуры именно в аспекте моральных запретов и регуляций в контексте анализа медийных продуктов для детей.

Основной целью данного исследования является анализ исторического опыта существования практики цензурирования, выявление моральной проблематики современных детских медиа и обоснование возможной практики осуществления моральной регуляции детских СМИ.

Методология исследования предполагает широкий спектр этических методов анализа – дескриптивные методы, позволяющие выявить и описать моральную специфику в изучаемой области, понятийно-категориальный метод (уяснение основных моральных концептов работы), проблемный анализ, методологию прикладных этических исследований в контексте этики воспитания, исторические методы, методы сравнительного анализа.

Данный доклад позволяет рассмотреть и проанализировать этапы исторического и современного развития детских медиа, а также проанализировать механизмы, обеспечивающие контроль за воспитательным процессом ребенка, потребляющего информацию из детских СМИ. К таким инструментам контроля возможно отнести понятие моральной регуляции, в разное время, выражаемое в разных формах цензурирования (государственная цензура; общественная цензура; самоцензура).

Исследование по данной теме, в контексте прикладных этических исследований, является значимым и актуальным. Проблема осуществления морального регулирования детских медиа в современном российском обществе является дискуссионной и относится к ряду проблем, которые требуют своего анализа и экспертного суждения.

Вяткина Алла Геннадьевна

к. филос. н., старший преподаватель

Воронежский государственный университет

Нравственность и разумность: к концепции типов П.Ф. Лесгафта

Первые попытки обоснования взаимосвязи разумности и нравственности мы находим в античности в рамках этического рационализма. При этом чувственность, осмысленная античностью как аффект, страсть, рассматривается как то, что уводит от меры и разумности. Поэтому поддаваться чувству – грешить против нравственности.

Данная позиция вызвала немало критики. Наблюдая моральный поступок или, напротив, несправедливое действие, первичная реакция возникает именно на чувственном уровне, как одобрение или возмущение. Отсюда создается впечатление, что именно чувство, интуиция, но отнюдь не разум лежат в основе нравственной природы человека.

Позиция этического рационализма утверждает, что подлинно моральные движения души формируются у человека на основе глубокого понимания и осмысления морального опыта жизни. Чувство, которое имеет не естественную природу, а является культурно взращенным и длительно воспитывается в человеке, получило наименование вкуса. Данное понятие может использоваться не только в области искусства, но и для характеристики любых духовных проявлений человека, в том числе в области морали. В данном случае мы можем говорить о моральном чувстве, или вкусе.

Разум и чувство не составляют два полюса личности и не оторваны друг от друга.

В этой связи интерес представляет обращение к психолого-педагогической концепции типов П.Ф. Лесгафта, в которой осуществляется обоснование тесной взаимосвязи разумности, чувственности и нравственной природы человека. Отечественный уче-

ный напрямую связывает формирование нравственности индивида с уровнем развития его мышления.

Рациональные и чувственные способности человека не однородны. В чувственной природе можно выделить по крайней мере три составляющих. Первую можно охарактеризовать как впечатлительность, то есть способность человека подмечать нюансы, детали чувственного восприятия. Умение психики реагировать не только на сильные, резкие раздражители, но и на слабые, тонкие свидетельствует о развитой впечатлительности. Чем большее развитие получает данная способность, тем более полное и глубокое представление обретает человек при знакомстве с каким-либо феноменом, в том числе и моральным. Развитие мышления связано с впечатлительностью.

Вторая составляющая чувственности связана с удовлетворением первичных потребностей.

Третья выражается в таких состояниях, которые психологи называют высшими чувствами, это сложные эмоциональные комплексы, формирующиеся в процессе осмысления человеком социокультурной действительности.

Согласно Лесгафту, высокий уровень нравственности человека, отмечаемый наличием нравственного чувства, требует развитого уровня разумности и впечатлительности. Лесгафт выделяет три типа умственной деятельности: рефлексивно-опытный, рассудочный и разумный. С каждым из трех видов мышления связывается определенный чувственный опыт.

Рефлексивно-опытный, или инстинктивный, тип мышления. Характеризуется низким уровнем интеллектуального развития, отсутствием способности абстрактного мышления, а, следовательно, идеалов, в том числе нравственных. Пониженная впечатлительность, эгоистичность. Моральная оценка возникает инстинктивно, на основе чувства удовольствия или неудовольствия. Нам приятно – добро, нам плохо – зло.

Рассудочный тип. Характеризуется более высоким уровнем интеллектуальной жизни. Однако рассудок не доходит до выявления предельных оснований в познании. Низкий уровень впечатлительности. Добро понимается как социальный успех, зло – помехи на пути достижения личных выгод. Доминирующее эмоциональное состояние – чувство первенства и превосходства. Моральность определяется внешне усвоенными нормами и правилами, от которых поэтому при случае всегда легко отступить.

Разумный тип. Характеризуется способностью абстрактного отвлеченного мышления, повышенной впечатлительностью, развитым нравственным чувством, рационально обоснованной системой ценностей. Разумное осмысление моральной стороны жизни выступает необходимым условием для того, чтобы внешние правила и нормы стали частью внутреннего мира человека и превратились в глубокое моральное чувство, а не просто в привычку или внешний шаблон поведения.

Глушкова Анастасия Игоревна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Этические вопросы. Миграционные процессы: культурно-ценностный конфликт

Симптоматичные для постмодернистского общества процессы глобализации актуализировали поиск “истинных” значений территорий. Вследствие интенсификации миграционных процессов сосуществование различных культурных парадигм на одной территории оказывается привычным нашему восприятию. В одном из пяти этических эссе У. Эко даже приводится определение настоящих тенденций: “Планета стала пространством непрерывных перемещений”.

Однако несмотря на тенденцию к универсализации, нередко результатом данного “столкновения цивилизаций” является конфликт, а не диалогический способ разрешения ценностных противоречий. Серьезного рассмотрения в данной связи требуют вопросы дискриминации и несправедливости в межкультурном пространстве.

Интенсификация процессов ассимиляции на территории принимающей страны порождает ситуацию кризиса национальной идентичности. Ввиду этого, наложение одной культурной парадигмы на другую провоцирует травму инаковостью, преодоление которой нередко оказывается затруднительным. Стихийно возникающие всплески миграционных потоков, устремленных в страны Западной Европы, не сводятся исключительно к физическому перемещению народа из ареала его постоянного пребывания в новый регион. Ключевой характеристикой становится сила влияния, оказываемая мигрантами на принимающую культуру и вызываемые вслед за этим трансформации ее умозрческих установок.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть вопрос о наличии семантических универсалий – то есть понятий, присущих каждому представителю человеческого рода. Невзирая на наличие, казалось бы, очевидных единиц, входящих в данный список, преимущественно неразрывно связанных с биологическими особенностями человеческого бытия, каждому из нас знакомы и универсальные концепции принуждения. Сейчас как никогда актуально относиться с уважением к телесным правам существа, равно как и к его праву говорить или мыслить. Данная установка коррелирует с осознанием того, что мы не должны делать другим того, чего не желаем сделать себе. Именно с момента появления Другого в центре нашего внимания начинается этический подход. Речь идет о межкультурных взаимоотношениях, где одна из культур обладает кажущейся легитимностью на установление закона. Признание Другого обязывает нас уважать те из его потребностей, что мы считаем нерушимыми и для самих себя. Настоящие этические установки вынуждают придерживаться той или иной государственной политики, ужесточающей или, напротив, смягчающей контроль миграционных процессов. Что первостепенно – этическая ценность свободы передвижения или постулат сохранения прозрачности и открытости границ? Принципиально лишь следующее: моральная цель не может быть реализована насильственными методами. Таким образом, для поддержания межкультурного равновесия необходимо обоюдное признание культурных бэкграундов каждого представителя народа. Однообразие трактуется как сомнительная категория, поскольку устраняет из коллективной памяти человечества умозрческие установки более слабых народов.

Газимагомедов Газимагомед Гамзатович
д.полит.н., профессор
Мусаев Абдурашид Идрисович
к.полит.н., зав.лаб. изучения конфликтов
Стребков Александр Иванович
д.полит.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Деньги и риски как источники аморализма

Современное состояние мира есть множество следствий аморального характера как для отдельного индивида, так и для общества, которое в самом себе само себя отрицает ежедневно и делает это не по какому-то неразумению, а в силу господствующих отношений, квинтэссенцией которых являются денежные отношения. Они не усматривают своим результатом ни самого общества, ни человека, они есть та регуляторная гильотина, для которой все противное этим отношениям отсекается безжалостно и умерщвляется. Денежные отношения наиболее осязаемые отношения капитала, являются источником следствий аморальности, всеобщего отрицания всех тех качественных определенностей индивида и общества, на которых держится объединение людей, которое находится в постоянном конфликте своего количественного определения, осуществляемого денежными отношениями. Тем самым все что отрицают денежные отношения в человеке, а отрицают они человеческое, стали включать в понятие «фриск». Все, что не позволяет индивидам овладеть этими отношениями, т.е. противодействует движению индивида к так называемому успеху, стали величать неопределенностью. Два эти понятия, одно из которых выражает отрицание бытия челове-

ка, а второе – неясность, неопределенность, стали доминирующими понятиями. Они указывают на то, что каждая конкретная человеческая жизнь, определяемая объективной властью, властью денег, с одной стороны, не имеет значения для этих отношений, оно к ним индифферентно, на добро и зло взирает равнодушно. С другой – важной является абстрактная жизнь человека, такая жизнь, которая воспроизводит денежные отношения и при этом отнюдь не важно кто это делает. Вселенский конфликт конкретного человека с его абстрактной тенью, именно тенью, которая становится великим господином конкретного человека, порождает сложный механизм постоянного, но случайного отрицания для каждого индивида. Каждый индивид становится заложником этого отрицания: сегодня я, а завтра ты. Поэтому для науки, которая еще никак не покидает поле метафизики, т.е. крайней и положительной определенности чего-либо, трудно достижима простая истина, заключающаяся в том, что господствующие отношения есть источник вселенского аморализма, рисков и неопределенностей. Они вне связи с человеком получают свою определенность, границу бытия и эта граница не в отдельном человеке, не в его субъективной предрасположенности, не в принятии решений, которые всегда будут бить мимо цели для отдельных индивидов, пока господствующие отношения будут представлять такую необходимость, а в самих этих отношениях, отношениях аморальных для индивида, но окончательно не определяемых на индивидуальном уровне, к чему ведут все последние достижения науки о риске. Актуализируя объективный аспект анализа рисков, как случайных следствий, а не необходимой причины бытия индивидов, загнанных существующими отношениями в ситуацию постоянного аморального выбора, где незнание возводит в квадрат неопределенность его жизни, а вместе с тем, все более рискованной делает индивидуальную жизнь, более подверженной тем отношениям, механический характер которых усугубляется цифровизацией, указывающей на окончательную победу количественных отношений над качественными.

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Гизатулина Анастасия Александровна

к.соц.н., доцент

Валеева Эльвира Мавлитовна

к.пед.н., доцент

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)

Эволюция социальной ответственности бизнеса

Введение в практику социальной ответственности в бизнесе (СОБ) относится к XVIII веку, когда на этапе индустриализации частные компании брали на себя ответственность за своих работников нередко руководствуясь своими религиозными убеждениями. Само зарождение СОБ связано с английским реформатором XIX века Робертом Оуэном который разработал план по улучшению качество рабочей силы на своей фабрике. В первую очередь о запрете работать детям до 10 лет, и сократить их рабочий день; оценивать труд рабочих по окончании смены (цветные деревянные дощечки устанавливались на рабочие места по окончании смены), так как многие рабочие были безынициативные, злоупотребляли воровством, выполняли некачественно свою работу; ежедневный контроль за менеджерами, которые не соблюдали указания начальства, злоупотребили пьянством и хищением имущества, не соблюдали режим труда и отдыха своих работников (принимали на работу детей младше 10 лет, которые трудились наравне со взрослыми по 12 часов в день). План Оуэна включал следующее: регулируемые часы работы для всех, законы о детском труде, образование для детей, питание на предприятиях за счет фабрики. Его идеи о СОБ поддержали ряд европейских экономистов и политиков [1].

Социальные реформы в Европе XIX века способствовали созданию в 1919 г. Международной организации труда (МОТ). В Уставе отмечается, что «всеобщий и проч-

ный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости» [6]. В современное время они сохранили свою актуальность, являясь фундаментом МОТ.

В 1899 г. Эндриу Карнеги предложил концепцию «социальной ответственности» изложив её в своей книге «Евангелие процветания». По его мнению, богатые бизнесмены должны улучшать качество жизни бедняков посредством благотворительных мероприятий и работать на благо процветания общества.

В дальнейшем в период зарождения социальной ответственности с 1940 по 1946 гг. выходят труды американского ученого, одного из основателей корпоративного менеджмента П. Друкера: «Будущее промышленного человека» и «Концепт корпорации». В работах он рассматривает фирму с трех позиций: бизнеса как экономического института с целью получения прибыли и продукции, как социально-гуманитарную организацию, и как социальный институт [2].

Важным этапом эволюции СОБ стал пересмотр ответственности с физического лица на юридическое и формированию социально-альтруистического подхода, целью которого выступает служение обществу, его потребностям.

Таким образом, СОБ первоначально трактовалась как служение обществу, обеспечивать определенные общественные ожидания. Американский экономист Ховардом Боуэном, в 1953 году впервые ввел термин «СОБ»: «Социальная ответственность бизнесмена состоит в реализации такой политики, принятии таких решений либо следовании такой линии поведения, которые были бы желательны для целей и ценностей общества», где отмечает, что СОБ «выражает фундаментальную мораль в том, как компания ведет себя по отношению к обществу. В нем соблюдаются этические нормы поведения по отношению к заинтересованным сторонам и учитывается дух правовой и регулирующей среды» [7].

Последующее развитие теорий СОБ сформировали три основных подхода:

1. Классический подход (теория Милтона Фридмана) – основная идея увеличение прибыли для своих акционеров.

2. Альтруистический подход (теория Conference Board (CED)) – основная идея заботиться в решении общественных проблем, повышать качество жизни граждан.

3. Интегрированный (теория социально значимых направлений деятельности) – основная идея заключается с основным направлением деятельности организации с концентрацией вокруг какой-либо определенной области, которая была бы непосредственно связана с основным направлением деятельности организации [5].

Таким образом, СОБ – это обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества направленной на решение общественных проблем, включая социальную, экономическую и экологическую сферу.

Литература:

1. Батлер-Боудон Т. Евангелия богатства. Эндриу Карнеги. М.: Эксмо, 2008. 180 с.
2. Белоусов К.Ю. Мимикрия социально-ответственного поведения как причина несоответствия факторам устойчивого развития компании // Проблемы современной экономики. 2014, №1. С.96-99.
3. Благов Ю.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. 2004 С.17-34.
4. Брэдгард Т. Социальная ответственность бизнеса между государственной политикой и политической предприятий // Социальная политика: Экспертиза, рекомендации, обзоры (Электронный журнал). М., 2005. №2. С.50-70. URL: http://spero.socpol.ru/docs/spero_no2_bredgaard.pdf (дата обращения: 12.09.2023).
5. Черепанова, Н.В. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие / Н.В.Черепанова; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012 – 94 с.
6. Устав Международной организации труда» (принят в 1919 г.) (с изм. и доп. 1972 г.). URL: <https://legalacts.ru/doc/ustav-mezhdunarodnoi-organizatsii-truda-prinjat-v-1919/> (дата обращения: 12.09.2023).
7. Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. N.Y.: Harper & Row. 1953. – 276 p.

Григорьева Марина Петровна

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

«Аретологический» эвдемонизм Аристотеля

Ф.Ф. Зелинский (1859 – 1944 гг.), предлагая концепцию третьего, «славянского» возрождения античности [этому посвящена недавняя статья В.В. Петрова «Обращение к античному наследию как условие для «Возрождения» национальной культуры: источники и контексты концепции Ф.Ф. Зелинского»], отмечает уже произошедшие «романское возрождение» (XV – XVII вв.) и «германское возрождение» (XVIII – XIX вв.), имея в виду обращение к античному наследию. Историк античной культуры, «по воспитанию, принадлежавший трем культурам» [С.С. Аверинцев], обращает внимание на значительное влияние античности и на необычайно благотворные последствия.

Невозможно усомниться в том, что Античность, подобно гомеровскому эпосу, который для эллинов был образцом для подражания, неким правилом для всего последующего поэтического творчества, оказывается эстетическим критерием для всех последующих времен. Это *Σχολή*, где возникли вечные формы красоты и добродетели, и без знания этих истин, то есть без обращения к античной культуре истинного понимания не достичь.

Величайший мыслитель античного мира, создатель философской системы знания, не упустивший, по словам Монтеня, ни одной вещи на свете, большое внимание уделял этическим вопросам. До нашего времени сохранилось три работы, посвященные проблемам морали и этики, относящиеся к классическим образцам мировой этической мысли – «Евдемова этика», «Большая этика» и «Никомахова этика». Проблема авторства остается дискуссионной и наше время, но с уверенностью можно сказать, что «Никомахова этика» принадлежит самому Аристотелю. EN – сочинение, в котором Аристотель исследует проблемы, не утратившие своей значимости и актуальности в наши дни. Два вида добродетелей (дианоэтические и этические) и эвдемония (εὐδαιμονία) – между этими центральными понятиями Этики, согласно Аристотелю, существует тесная взаимосвязь. Счастье Аристотель понимает, как «деятельность совершенной жизни в согласии с совершенной добродетелью» [EE]. Важное значение для Аристотеля имеет деятельность, то есть непрерывное движение, само течение времени Философ определяет как движение, стремление к цели. Потому как «все люди от природы стремятся к знанию» [Met.A], движение – это познавательный процесс. Совершенная жизнь, по Аристотелю, – это интеллектуальное познание, в несохранившемся трактате «Протрептик» Философ говорит, что «жизнь ценят ради возможности ощущения и, прежде всего, способности видеть; а любят эту способность в высшей мере потому, что в сравнении с другими ощущениями, она является лишь разновидностью знания» [Ямвлих, Протрептик 4 по изд. Д. Росса 1955]. Цель для Аристотеля также очевидна, это стремление к благу, то есть к счастью [EN I]. Доклад посвящен роли мыслительных (дианоэтических) добродетелей, как их видел Аристотель, в осуществлении счастливой жизни.

Держивицкий Евгений Викторович

к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Perpetuum mobile парадокса толерантности: к постановке проблемы

В современных социальных движениях, выступающих за права, свободы, равноправие и защиту тех, чьи права нарушаются всё отчетливее проявляется радикализация дискурса. При отстаивании своей правоты и в рекрутировании потенциальных сторонников их представители переносят дискуссию из сферы поиска наилучших аргументов и апелляции к фактам в эсхатологическое противостояние добра и зла, отказывая оппонентам не только в праве на своё мнение, но и на мировоззренческий статус. Со времён эпохи Просвещения сложилось мнение, что природа человека по преимуществу рациональна, и что люди руководствуются здравым смыслом. Эмоционально же мотивированные

действия, согласно этому подходу, цивилизованный человек может осуществлять за пределами сфер, контролируемых разумом. Из этого, в частности, следовало, что признаком культуры индивида и цивилизованности общества является умеренность, ориентирующаяся на опосредствование аффектов и влечений, на отказ от простой линейной оценочной системы в пользу рефлексии, на предпочтительность высших форм морали с отказом от насилия. Однако с началом XX века, с установлением тоталитарных режимов, пришлось признать, что суждения просветителей относительно рациональности индивидов и обществ оказались слишком идеалистическими. Точнее, что радикализм, как продолжение борьбы за существование с эволюционной точки зрения, на самом деле не был преодолен развитием человеческой цивилизации, эволюцией общества.

Толерантность, понимаемая как терпимое отношение к иным ценностям, взглядам и интересам столкнулась с возродившимся радикализмом, но важно, на какие из двух векторов ориентировались его адепты: на понимание *radix* («корня») как возвращение к корням, к истокам, к утраченному раю, или на коренные преобразования в самых разных сферах, проект которых имеется только в головах их приверженцев. Общим для правых и левых радикалов были чёрно-белая картина мира, уверенность в собственном мессианстве и вызванная этим неспособность не только к дискуссии или критике, но даже к допущению альтернативных идей как таковых. Неудивительно поэтому, что политический радикализм так напоминает религиозный фанатизм, проявляющийся в прозелитизме или деяниях пассионариев: ведь и в политике, и в религии радикалы действуют внутренней верой, которую окружающим лучше разделить, причём разделить искренне, немедленно и активно. Любой же сомневающийся в истинности идей, продвигаемых радикальным политиком, является не просто политическим оппонентом, но врагом рода человеческого, подлежащего если не физическому, то хотя бы репутационному уничтожению.

Новшеством стало то, что радикализация затронула не только те социальные группы, для которых она была характерна изначально (религиозные фанатики, футбольные фанаты, левые анархисты и пр.), но и те, которые изначально отстаивали права ущемлённых социальных групп, апеллируя в этом как раз-таки к идеям равенства и плюрализма. Движения за равноправие женщин и цветных, борцы с харрасментом и глобальным потеплением, вегетарианцы и сторонники ЗОЖ – все они начинали с требований равноправия и толерантности, придя в итоге к далеко не толерантной риторике и практике. Особенность радикализма заключается в том, что в эволюционном отношении он является наследником борьбы за выживание, поэтому проявляемые им агрессия и жестокость – не этические категории, а всего лишь инструменты в этой борьбе. Напротив, умеренность возникает как развитие культуры, как инструмент разрешения конфликтов внутри общества, а равно за его пределами на насильственными способами. При этом если толерантность предполагает активное отношение, ориентированное на принятие иного мнения и образа жизни, то терпимость – форму отношений, при которых у различных субъектов нет предмета спора относительно материальных или духовных благ или один из них способен навязать их другому. Поэтому в семантическом и эвристическом отношении речь должна идти не о терпимом отношении к нетерпимым, а именно о толерантном отношении к не толерантным.

Карл Поппер, впервые сформулировавший парадокс толерантности и попытавшийся разрешить его формулой, что во имя неё следует провозгласить право быть не толерантным к тем, кто не толерантен сам, имел в виду опыт политических тоталитарных идеологий, ставивших под угрозу существование человечества. Но радикалистские мировоззрения и движения в современном обществе в своих истоках постулируют восстановление свободы, равенства и справедливости, которые как раз-таки являются признаками «открытого общества», где правильность своих поступков индивид определяет самостоятельно. Отчасти это легитимизуется тем, что чертами открытого общества он считал его ориентацию на рациональность, инновации и самосовершенствование, то есть демократически обновлённый в реалиях XX века проект просветителей. Но развитие информационных технологий, явление пост-правды, расширение

прав и свобод и многое иное привели не только к снижению уровня критического мышления, но и к тому, что простые, радикалистские ответы на сложные вопросы воспринимаются охотнее. А не толерантная позиция в дискуссиях – как реализация прав человека, где критика или сомнение в ней становится их нарушением. Получается, что демаркация между толерантностью и не толерантностью рискует стать не рационально выверенной формулой, а интуитивным восприятием таковой индивидом или социальной группой, равноправие для которых в итоге оборачивается привилегией быть не толерантными. Хочется надеется, что вывод о том, что разрешение такой версии парадокса толерантности рациональным путём не представляется возможным, окажется ошибочным.

Еременко Татьяна Вадимовна

д.пед.н., профессор

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

Академическая добросовестность регионального вуза

в зеркале цитирований: рязанский кейс

Понятие академической добросовестности используется в «Бухарестской декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе»; ключевыми ценностями добросовестного академического сообщества провозглашаются «честность, доверие, прямота, уважение, ответственность и подотчетность» [1]. Эти ценности образуют этический фундамент публикационной активности как отдельного учебного, так и вуза в целом. Проблемой является то, что современный вуз активно порождает практики недобросовестного поведения, вступающие в противоречие с данными ценностями. Одна из распространенных практик – манипуляции с цитированием, направленные на искусственное повышение наукометрических показателей авторов. На основе данных РИНЦ проведен анализ качества цитирования работ по экономике, аффилированных с тремя ведущими вузами Рязани: РГУ имени С.А. Есенина, РГАТУ имени П.А. Костычева и РГРТУ им. В.Ф. Уткина. Полученные результаты позволили сделать обоснованные предположения о том, насколько широко в рязанском научном сообществе распространены недобросовестные практики повышения цитирований. Выбор именно экономики сделан для обеспечения корректного сравнения, т.к. именно в данной области вклад в развитие научного знания вышеуказанных вузов примерно сходен по количеству публикаций. С помощью инструментария РИНЦ на 07.09.2023 сформированы три подборки публикаций: РГАТУ имени П.А. Костычева – 2106 публикаций; РГРТУ им. В.Ф. Уткина – 1935 публикаций; РГУ имени С.А. Есенина – 1321 публикация. Количество цитирований работ в подборках, соответственно: 18033; 4248; 2493. Сравнение по показателю «Среднее число цитирований в расчете на одну статью» с большим опережением выводит на первое место РГАТУ имени П.А. Костычева: 8,56; далее следует РГРТУ им. В.Ф. Уткина: 2,20; замыкает ряд РГУ имени С.А. Есенина: 1,89. Однако при этом по критерию аффилиации цитирований с организациями выявлено, что у РГАТУ имени П.А. Костычева 80,3 % цитирующих работ принадлежит авторам этого же университета; для РГРТУ им. В.Ф. Уткина этот показатель составляет 26,9 %; для РГУ имени С.А. Есенина – 20,6 %. Если принять показатель среднего числа цитирований на одну статью за 100 % и минусовать из него долю «самоцитирований» вузов, то картина будет следующая: 1,69 у РГАТУ имени П.А. Костычева, 1,61 – у РГРТУ им. В.Ф. Уткина и 1,50 – у РГУ имени С.А. Есенина. Иными словами, все три вуза объективно имеют почти равные показатели цитирований, а рекордный отрыв РГАТУ имени П.А. Костычева объясняется активно применяемыми работниками этого вуза нечестными средствами. Дополнительно в подборке РГАТУ имени П.А. Костычева проведен анализ самоцитирований у первых трех авторов наибольшего количества цитирующих публикаций. Предсказуемо все три автора оказались аффилированы с этим же вузом. В качестве порогового значения принята доля самоцитирования 25%, цитирования соавторами – 35 %. Именно такое значение как предельно допустимое указывается в ряде публика-

ций, посвященных нормам научной этики [2, 3]. У автора №1 индекс самоцитирования 45,4 %; цитирования соавторами 89,5 %; у автора №2, соответственно, 20,7 % и 76,2 %; у автора №3 – 57,9 % и 80,6%. Как видим, за исключением индекса самоцитирования автора №2, во всех остальных случаях показатели превышают допустимые значения в разы.

Литература:

1. Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе. 10 авг. 2005 г. / ЮНЕСКО-СЕПЕС. URL: <https://pandia.ru/text/80/287/48642.php> (дата обращения: 07.09.2023).

2. Дрибас Л. Самоцитирование и самоплагиат: можно ли обокрасть самого себя? // Молодой ученый. URL: <https://moluch.ru/information/self/> (дата обращения: 07.09.2023).

3. Отличие самоцитирования от самоплагиата в научных публикациях // Интернаука. URL: <https://clck.ru/35eHwN> (дата обращения: 07.09.2023).

Жердев Алексей Анатольевич
магистр философии, аспирант

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

**Автономия экономической функции в предпринимательской деятельности:
истоки и установки нелиберальных концепций
о невмешательстве в рыночную экономику**

Начиная с Адама Смита и по сей день, экономическая мысль все более настойчиво заявляет об автономности собственных, специфических ориентиров бизнеса в социальной жизни, провозглашая материальный доход неоспоримым благом и достаточным основанием для саморегуляции деловой жизни.

Нравственные ценности, во времена античности и средневековья являвшиеся базисом и для хозяйственной деятельности, кажется, сегодня теряют свой авторитет?

Предпринимательство – по определению – деятельность, направленная на систематическое получение прибыли.

Тягу к накоплению материального богатства Платон в «Государстве» рассматривал как страсть, не имеющую никаких пределов и причину всех несправедливостей и пороков.

Предмет предпринимательской этики – это противоречие, возникающее между внутренней логикой бизнеса (стремлением к прибыли и накоплению капитала) и логикой общественного устройства, выраженной в требованиях нравственности и некотором идеальном проекте общества.

Коллектив авторов «Кембриджской истории капитализма» усматривал «организованную рыночную деятельность» [3] начиная со времен Вавилона, Египта, финикийцев, Рима, Персии и далее везде. Российский исследователь В.Ю. Катасонов рассматривает «дух наживы» как ценностное ядро «накопления ради накопления.» [2]

Однако, например, Вернер Зомбарт прямо оспаривает тот факт, что во все времена «в природе человека» было стремление заработать как можно больше, сделаться как можно богаче.

Саксонские торговые уставы 1672, 1682, 1692 гг., парижский Ордонанс 1761 г., Майнцский Полицейский Устав строжайше воспрещают всякую «ловлю клиентов», «сбивание цен».

Зомбарт формулирует «основную черту докапиталистической жизни... как черту уверенного покоя...: принцип покрытия потребностей и принцип традиционности, которые оба суть принципы постоянства.» [1]

Макс Вебер утверждал, что протестантские добродетели (описанные, в частности Бенджамин Франклином), оправдали хозяйственную деятельность как призвание «во славу Бога», вследствие чего получение дохода и накопление капитала перестали считаться греховными и получили одобрение общества.

Мария Оссовская резюмирует капиталистический поворот в культуре: «слова апостола Павла, считавшего жадность обогащения причиной всякого зла, предаются забвению.» [4]

Начиная с Нового времени начинается «большая трансформация», как ее называл Карл Полаanyi, происходит выделение хозяйственной деятельности в самостоятельную сферу, классической экономической теорией провозглашаются законы, аргументированные в последующем либеральными и неолиберальными концепциями о неэффективности в рыночную экономику.

П. Ульрих в работе «Критика экономизма» [5] выделяет две формы экономизма – экономический детерминизм и экономический редукционизм, которые различным образом доказывают неприменимость моральных требований к сфере хозяйственной деятельности.

Экономизм возводит логику рынка в абсолютный принцип деятельности, игнорирует другие, нерыночные, способы регуляции отношений в обществе и постепенно захватывает другие сферы деятельности. Логика рынка по Ульриху освобождает от ответственности за принимаемые решения, снимает с повестки дня вопросы о справедливой организации отношений в предпринимательской сфере.

Таким образом, встает вопрос о соотношении и влиятельности экономических стимулов и нравственных ценностей в жизни предпринимателя. Вроде бы очевидно, что экономиста не может быть вырвана из контекста других социальных отношений и быть автономной. Хотя экономическая традиция начиная с классической эпохи и по сей день упорно навязывает обществу именно такую парадигму.

Литература:

1. Зомбарт В. Буржуа, Издательство Владимир Даль, 2005.
2. Катасонов В.Ю., Капитализм, Кн.1, М.: Издательство Наше завтра, 2022.
3. Кембриджская История Капитализма, Том.1, Москва: Издательство Института Гайдара, 2021.
4. Осовская М. Рыцарь и буржуа: Исслед. по истории морали: М.: Прогресс, 1987.
5. Ульрих П. Критика экономизма. М. 2004.

Зайцев Павел Леонидович

д.филос.н., профессор, декан фак. истории, теологии и международных отношений
Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

Свобода и социализм: этика трансцендентализма И.Канта в изложении В.Ф.Эрна

Трансцендентальная философия И. Канта получила в последующей философской рецепции двойственное разрешение. Утверждая так, мы сводим множество отдельных философских интерпретаций, в том числе существующие в рамках отдельных философских школ, к двум принципиальным позициям. В первом случае рецепция исходит от конкретных работ, конкретных страниц и абзацев. Идеи Канта детализируются, производится поиск их многочисленных оттенков и сопряжений. Во втором случае о философии Канта пытаются говорить «в целом».

Примером выделенного нами нюансного подхода в отечественной философии могут считаться «Кантовские вариации» М.К. Мамардашвили. При том, что в своих лекциях автор, безусловно дает оценку творчества Канта «в целом»: «он хотел ухватить жар-птицу своей мысли, которую сам не очень понимал и откровенно в этом признавался» [1, с. 8], его исследование творчества Канта основывается на конкретике фраз, терминов, слов «как они звучат в аккорде». В.Ф. Эрн в курсе лекций «Социализм и христианство», прочитанных весной 1907 года на собраниях религиозно-философского общества памяти В.Соловьева, много говорит о Канте, ни разу его не цитируя. Эрну важен Кант как феномен, как принципиальная позиция в философии, которая, отвечая на вопрос «что я могу знать?» (позиция Канта у Эрна реконструируется в основе своей по «Критике чистого разума»), сформировала (или сформулировала, возможен и такой вариант) этическую парадигму современного западного мировоззрения. Это мировоззрение может быть прочитано как позитивистское, может как социалистическое, но не христианское. Утверждая так, Эрн следует В.С. Соловьеву, в «Чтениях о богочеловечестве» высказавшему мысль, что позитивизм и марксизм в западном и даже отечественном мировосприятии заняли место, освобожденное

христианством. Свообразие подхода Эрна в том, что ответчиком за происходящее в духовной жизни России и Европы он назначает Канта. Излагая позицию Канта «в целом», Эрн обращает внимание на резкую грань между царством природы как имманентным человеку миром явлений, подчиненному закону причинности и царством свободы, как миром вещей в себе. Между этими мирами Кант не возвел моста, оба мира существуют сами по себе. Какое отношение это утверждение Эрна относительно гносеологической позиции Канта имеет к этической проблеме свободы? В результате эволюционных или революционных преобразований феноменальная свобода никогда не пересечет начерченную Кантом границу и не станет ноуменом. Борьба социализма за освобожденные рабочего класс иллюзорна, ноуменально рабочие массы свободны уже сейчас. Более того результаты такого, социалистически понимаемого освобождения, «освобождение в мелочах» только в большей степени подчеркивают скванность человека, усиливают в нем ощущение границы: он хотел свободы, а получил ее дериват. Согласно Эрну, вопросы свободы, если мы хотим выйти из ловушки поиска рычагов воздействия на феноменальный мир, должны решаться безусловным образом, проблема свободы ноуменально сопряжена с проблемой времени и смерти, а не двенадцатичасового рабочего дня. Ни социализм, ни позитивизм не могут предложить методологически корректных способов решения этой проблемы, ее нужно решать на других основаниях. Лекция, прочитанная на заседании общества памяти В.С. Соловьева, ясно указывает на каких.

Литература:

1. Мамардашвили М. Кантианские вариации. – М.: «Аграф», 2002. – 320 с.

Иваненко Алексей Игоревич
к. филос. н., доцент

Высшая школа технологии и энергетики, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Сравнительный анализ этических принципов Конфуция и Аристотеля

Существование различных философских традиций позволяет выявлять в философском знании общее и особенное. В наши дни благодаря процессам глобализации наблюдается определенная интеграция знания, философская традиция становится более монолитной, хотя и в этом случае может наблюдаться некоторая поляризация подходов (в недавнем прошлом это была дихотомия материализм / идеализм). Однако при формировании философии в прошлом исходные позиции ее региональных проекций были гетерогенны.

Мы имеем виду прежде всего различие философий Древней Греции и Древнего Китая. До появления Великого Шёлкового Пути эти социокультурные миры развивались относительно изолированно друг от друга и в обоих случаях в них появилась то, что сейчас принято называть философией.

Наиболее значимой фигурой в истории китайской философии был Конфуций, чьи взгляды были зафиксированы его учениками в трактате «Лунь Юй» («Беседы и суждения»). По общему мнению, исследователей учение Конфуция носит этический характер и подчинено идее воспитания «благородного мужа» («цзюнь-цзы»).

Наиболее значимую фигуру в истории греческой философии выделить по аналогии сложнее, поэтому принято говорить об «античной классической философии», куда относят Платона и Аристотеля. Сочинения последнего более систематизированы и среди них есть специализированный трактат «Никомахова этика».

Таким образом, в условиях релятивизации этических ценностей в современную эпоху было бы актуально выделить общее и особенное в этических концепциях Конфуция и Аристотеля.

Оба они говорят о добродетелях, которые Аристотель именуется как «арете», а Конфуций как «чан» («постоянства»). Среди них есть те, которые переводятся одинаковым образом – это мудрость («софия», «чжи») и справедливость («дике», «и»). Мудрость означает наличие развитых интеллектуальных способностей и как правило противопоставляет глупости как относительному неумению. Равным образом справедливость означает некую заботу об общем благе.

Вместе с тем, этические концепции Конфуция и Аристотеля обнаруживают различие. В частности, мы не видим среди добродетелей Конфуция принципа «мужество» («андрейя»), который занимал важное место в этике Древней Греции. Конфуцианская этика ставит на первое место «человечность» («жэнь»).

Нельзя сказать, что человечность является сугубым продуктом китайской интеллектуальной культуры, поскольку в европейской цивилизации в более позднее время сформировался аналогичный принцип «гуманности». Равно как и мужество нельзя признать совершенно отсутствующим в этике Конфуция, так как этот принцип мог имплицитно содержаться в других добродетелях, например, в справедливости или в верности традициям («ли»).

Однако, в любом случае, конфигурация этических добродетелей в разных этических традициях может различаться если не диаметрально, то на уровне акцентов. Возможно, это вызвано историческим контекстом и своеобразной «модой», когда в одних случаях от человека требуется «мужество», а в других «человечность».

Тем не менее, справедливость и мудрость можно признать «общечеловеческими ценностями», которые присутствуют в различных социокультурных мирах.

Искаков Руслан Арыстанович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Джон Локк и этическое воспитание:

чему Просвещение может научить нас сегодня?

Этическое образование стоит рассматривать как процесс прививания субъектам образовательной деятельности (как педагогу, так и обучающемуся) способности различения определенных этических категорий. Такой подход к этическому образованию обязательно должен быть органично связан с этическим воспитанием [4, с.5], которому в современных образовательных учреждениях уделяется скромное внимание.

Хорошим примером такого подхода в обучении является педагогическая концепция Джона Локка, изложенная в ряде его работ, самой известной из которых являются «Некоторые мысли о воспитании» (1693 г.).

В «Опыте о человеческом разумении» (1689 г.) Локк обозначил свою эпистемологическую концепцию, основывавшуюся на том факте, что нет такого знания, который человек получил бы не из опыта. Личность в философии Локка – это «рассудочное мыслящее существо», которое «знает, что такое закон, счастье и несчастье» [2, с. 387, с. 400]. Эти данные личность получает опытным путем, приобретая их в процессе обучения, формирующем саму личность. При рассмотрении учений Локка в совокупности, не отделяя философию образования, социально-политические воззрения и метафизику, оказывается, что метафизическая составляющая локкеанской системы подчинена метафизике. В формировании личности ключевую роль играет именно воздействие, оказываемое другими личностями, на созревающего индивида [3, с. 294].

Локк сводит понятия о добре и зле к ощущениям удовольствия и боли [2, с. 309-310]. В связи с этим, он предлагает изменить традиционные для его времени методы воспитания, сделав их более щадящими для воспитанника. Унижения и причинения телесной боли всегда пагубно сказываются на личности, считает Локк [1, 470-472]. Необходимо привить воспитаннику получение удовольствий от правильных вещей и, соответственно, противоположных чувств от чего-то неправильного.

В рамках данного выступления планируется показать то, каким образом в философии Локка связаны его новые методы воспитания с формированием моральных ценностей и убеждений. Также будет показана связь между тем, каким образом формирование личности как метафизической категории в философии Локка эксплицируется в практическом смысле: каким образом воспитанный человек отличается добро от зла, каким образом свободная мыслящая личность основывает выбор того или иного действия на основании полученного воспитания. Целью данного выступления будет рассмотрение того, какие современные проблемы в этическом образовании могли бы быть решены посредством локкеанского учения, а какие всё равно сохранили свой «проблемный» статус.

Литература:

1. Локк Дж. Некоторые мысли о воспитании // Сочинения в 3 т. Т. 3: пер. с англ. М.: Мысль, 1988. С. 140-406.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. Т.1 / пер. с англ. А.Савина / под ред.: И. Нарского, А. Субботина. М.: Мысль, 1985. С. 78-556.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3 т. Т.3 / пер. с англ. Е. Лагутина, Ю. Семенова. М.: Мысль, 1988. С. 140-406.
4. Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Понятие и смысл этического образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2013. №3 (7). С. 4-8.
5. Grant W.R. Hertzberg R.B. Locke on Education // Blackwell Companion to Locke. 2016. P. 448-465.

Каньшева Ольга Альбертовна

к. филос. н., доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина

Этическое содержание смысла жизни в философии С.Л.Франка

Фундаментальная проблема бытия человека связана с поиском смысла жизни. Франк С.Л. видит бессмысленность существования в погоне за частностями мира: богатством, славой, любовью и т.д. «Хлопочеть ли человек о богатстве, славе, любви, о куске хлеба для себя самого на завтрашний день, или он хлопочет о счастье и спасении всего человечества – его жизнь одинаково бессмысленна; только в последнем случае к общей бессмысленности присоединяется еще живая иллюзия, искусственный самообман» [Франк С. Смысл жизни. Изд-во: Жизнь с Богом. Брюссель, 1976. – 177 с., с.38]. Только обладание вечностью дарует подлинный смысл существования, где метафизика открывает нам глубину бытия. «Благо, совершенная жизнь, полнота и покой удовлетворенности и свет истины есть одно и то же, и в нем и состоит «смысл жизни» [с.56].

С точки зрения природы жизнь человека не имеет смысла, т.к. все мы подчинены ее законам, которые определяют фатальность нашего бытия: какая-то случайность может ее прервать: падающий камень, вирус, транспорт и т.д. «Все мы – рабы слепой судьбы – слепых я силу в нас и в нас» [с.65]. Гомер пишет, что нет несчастнее человека, сравнивая его с разными тварями. В Екклесиасте сказано, что человек не обладает преимуществом над скотом. Вера в прогресс, в развитие наук не делают человека счастливей, тем более что история нас убеждает что жизнь человечества это постоянная смена подъемов и падений.

Но человек не совсем безнаден, т.к. осознание им бессмысленности жизни говорит о том, что он не совсем его лишен, имеет смутные о нем представления. «Итак, мир так устроен, что, будучи слепым и бессмысленным в своем течении, в своих действительных силах, он, в лице человеческого разума, вместе с тем пронизан лучем света, озарен знанием самого себя» [с.82]. Луч света есть знание иного бытия, которое мы стали называть божественным и оно внутри нас. «И если я обращаю теперь к своему собственному исканию смысла жизни, то я ясно вижу, что оно – не смотря на его кажущуюся неосуществимость – само есть проявление во мне реальности того, что я ишу» [с.96].

Смысл жизни есть постижение целостности жизни, которое раскрывается через всеединство, где каждый человек осознает свою причастность этому абсолютному бытию через любовь, которая является условием этого абсолютного бытия. «Поэтому, чем глубже человек уходит во внутрь, тем больше он расширяется и обрывает естественную и необходимую связь со всеми остальными людьми, со всей мировой жизнью в целом» [с.136]. Всеобъемлющая любовь есть первоисточник всеобъемлющей жизни вселенной, которая открывается человеку во внутренней стихии его духовной жизни. Гений извлекает общее для всех людей, поскольку прикасается к этому источнику. Каждый человек, совершая духовную работу, осуществляет духовное делание одновременно для себя и для других. Доброделание есть подлинно человеческое дело, которое объединяет всех людей независимо от расстояния через вешее сердце, где «все – за каждого, и каждый – за всех» [с.144]. Это великое (метафизическое) дело наполняет мир силами добра.

Карпунин Сергей Васильевич

д.филос.н, профессор

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Лобажевич Валерий Владимирович

старший преподаватель

Военно-медицинская академия им. С.М.Кирова

Классические вопросы морали и их современное осмысление

Рассмотрение вопросов морали в современном осмыслении относится к числу постоянно актуальных, как говорится: «О времена! О нравы! (лат. O tempora! O mores!)». Меняющиеся поколения, порой, не без оснований имеют взаимные претензии друг к другу по поводу трактовки и практического применения норм морали и нравственности.

В классическом понимании мораль основывается на таких понятиях как «добро» и «зло», «плохое» и «хорошее», а также отражает в себе устоявшиеся в веках традиции и обычаи, которые в настоящее время могут казаться довольно странными.

Так, сегодня мы осуждаем всю аморальность рабства, расового превосходства и геноцида, так называемые «святые войны» и так далее. Хотя всё вышеперечисленное несколько веков тому назад считалось в отдельных странах вполне приемлемым.

И, тем не менее, вопрос необходимости существования всеобщих моральных норм остаётся дискуссионным. Например, по мнению английского философа Джона Меки от морали необходимо отказаться вовсе [1]. На наш взгляд довольно смелое, но очень спорное заявление.

Другое мнение представляет группа ученых антропологов Оксфордского университета, которые предприняли попытку создать «универсальную мораль», и что её можно редуцировать до 7 моральных признаков. Они следующие:

- забота о родных;
- ценность групповой лояльности (т.е. с соседями нужно дружить, а местные обычаи — блюсти);
- блюсти взаимную выгоду, (он же реципрокный альтруизм);
- смелость (способность разрешать конфликты через демонстрацию превосходства);
- уважение (способность разрешать конфликты через демонстрацию подчинения);
- справедливость (разделение спорных ресурсов по тому или иному принципу);
- признание частной собственности [2].

Одним из признаков зрелости человеческого общества является степень развитости морали. Попытка разобраться в устройстве морали в современном обществе обнаруживает наличие данных ценностей. Можно соглашаться с этим, можно не соглашаться, но довольно часто в реальной жизни мы сталкиваемся именно с подобным «набором добродетелей» в рассуждениях о нравственности и всеобщем благе.

Несомненно, что современная мораль требует от человека самосовершенствования и постоянной работы над собой. В современной морали не должно быть места агрессии, жадности, шовинизму и другим примитивным инстинктам. Ощущение собственной уникальности достигается главным образом трудом, успехом в достижении намеченных целей и уважительным отношением к окружающим.

Литература:

1. Мэки Джон Лесли (1917-1981) – английский аналитический философ австралийского происхождения, профессор Оксфордского университета, представитель антиреализма. Интересы Мэки лежат в области метафизики, этики и философии религии. Главные труды: «Этика: Изучая правильное и неправильное», «Истина, вероятность и парадокс», «Чудо теизма».

2. Источник: <https://nauka.tass.ru/nauka/6816294>

Катмаков Антон Константинович
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

История этики высказывания правды в исследованиях Мишеля Фуко

В своих последних лекционных курсах Мишель Фуко разрабатывал историю этики высказывания правды в европейской культуре. Для этого он обратился к античным литературным и философским текстам, где впервые был поставлен вопрос о высказывании истины. Эта проблема высказывания истины тесно сопряжена с древнегреческим словом «*patresia*», которое имеет богатое множество смыслов, но в самом общем значении переводится как «свободная речь». Это слово было очень распространено в греческом языке — оно обнаруживается как в греческих трагедиях и философских текстах, так и в политических речах.

Особенность *patresia* заключается в том, что *patresia* — это определенный способ ведения речи, который осуществляет себя не только и не столько через артикуляцию посредством голоса, языка или использования каких-либо символов, но это еще и речь, выражаемая некоторым поведением, образом жизни. Техника такой речи, исходя из античных источников, необходима тому, кто руководит собой, и, что не менее важно, руководит другими, наставляет их. Поэтому греческое слово «*patresia*» и множество его смыслов определяли функционирование истины в сфере политики и педагогики. Несмотря на то, что *patresia* используется в педагогике и необходимо для наставника, — *patresia* не является обучающей речью или способом наставления, по крайней мере, не сводится к этому. *Patresia* заключается скорее в специфических условиях своего воспроизводства как акта высказывания истины, и, вероятно, в том качестве, в котором эта речь об истине воспроизводится.

Фуко разделяет и даже противопоставляет паресиастическое высказывание и высказывание перформативное, где перформативное высказывание — это высказывание, элементы которого (какими бы провокационными, нетрадиционными, неуместными они бы не были), при его осуществлении приводят к ожидаемому, прогнозируемому, предполагаемому результату. В случае паресиастического высказывания его элементы, будучи самыми обыденными, при его осуществлении ведут к абсолютно открытому и не прогнозируемому последствию. Собирая все эти значения и смыслы понятия *patresia*, М. Фуко приходит к заключению, что практика *patresia*, этой вольной речи, — «это манера обретать самого себя в высказывании правды, обретать самого себя свободно и в форме мужественного поступка. *Patresia* — это мужественная свобода, благодаря которой в акте высказывания правды обретают самого себя. А ещё *patresia* как рискованный и свободный акт — это этика высказывания правды» [1].

Литература:

Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982 — 1983 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. — СПб.: Наука, 2011. — С.79.

Ковалева Татьяна Викторовна
к. филос.н., доцент
Ковалева Валерия Алексеевна
аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Философские и естественнонаучные подходы в изучении культуры в переходный период от реального к цифровому миру

«Человек — это животное, способное к понятийному мышлению и связанному с ним употреблению символического (словесного) языка», а также «культурное существо» [1]. Он может существовать только при функционировании двух систем — генетической и культурной.

На рубеже 19 и 20 веков интерес к пониманию сущности «человека культуры» и его специфическому поведению захватил не только философов, но и биологов. Таким образом, изучение культуры шло по двум направлениям: через философию и биологию с ее междисциплинарными направлениями. Неокантианские школы и направленные антропологической биологии развивались параллельно и самостоятельно в поиске доказательной базы существования «человека культуры».

Неокантианская модель строилась прежде всего на философских идеях Канта, который противопоставлял природу и культуру, видя в последней воплощение «общественной ценности человека». Он считал, грубые природные задатки людей будут преодолены общественной моралью, которая выстраивается с помощью внедрения просвещения. Для него идеальное общественное устройство могло состояться в альянсе культуры и «искусства, украшающего человечество».

Последователи Канта, неокантианцы из двух школ пришли к пониманию необходимости академического разделения природы и культуры (духа). С этого момента культура стала объектом исследования. Генрих Риккерт предложил наделять историческое человеческое бытие культурными смыслами, а не природными инстинктами. Он считал, что природу и сферы человеческой жизни можно понять только через ценности, поскольку они позволяют выявить их сущность через сравнительный и исторический анализ. [2]

Направление антропологической биологии не являлось школой, скорее его можно так назвать благодаря работам в области «идей теорий биологической основы социального и культурного поведения» разных ученых естественно-научного направления таких, как К. Лоренц, Э. Уилсон, А. Фет и пр.

Лоренц через этологию, которая систематически исследует функции и эволюцию поведения животных, создал предпосылки к изучению поведения человека через инстинкты. [3] Уилсон, в свою очередь, сформулировал генетические основы сложного социального поведения животных и человека, поскольку социальное поведение – это черта выживания. Он объяснил генетическую основу родства, общения, специализации труда и даже альтруизма, где «гены держат культуру на привязи». [4]

В конце 20 в. русский математик и философ Абрам Фет, объединив результаты предыдущих исследований, задался целью «выяснить влияние социального инстинкта в человеческом обществе, описать условия, препятствующие его проявлениям, и объяснить последствия многочисленных попыток подавить его». Фет применил теории Лоренца на человеческое поведение. Он рассмотрел культуру как живую систему и описал совпадения и различия между эволюцией видов животных и эволюцией человеческих культур. Он предложил рассмотреть несколько культурных дилемм, например, человеческое существование не имеет заданного смысла и моральное поведение может отчасти быть скорректировано инстинктами.

В данной статье предложены некоторые подходы в изучении особенностей поведения (в том числе и морального) человека в культурной цифровой среде, которая оторвана от природы и от биологических функций человеческих инстинктов. Но, несмотря на это, человек, сменив человечность на агентность, не может отказаться от своей биологической сущности, поскольку его поведение в реальном мире влияет на виртуальный.

Литература:

1. Фет А.И. Инстинкт и Социальное поведение. Рехобот, 2015. С. 45
 2. Риккерт Г. Науки о природе и культуре. М., 1998
 3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998
 4. Wilson E.O. Genes, Mind and Culture: The coevolutionary process, 1981, Harvard University Press, ISBN 0-674-34475-8
- РНФ №23-28-00220 «Трансформация морального сознания “цифрового общества”: новые стратегии и риски»

Коленько Сергей Геннадьевич
кандидат культурологии, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
Коленько Григорий Сергеевич
к.т.н., ассистент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Этический аспект деятельности инженера-машиностроителя

В современных реалиях, когда техносфера приобрела всеобъемлющий и круглосточный характер, особенно в мегаполисах, жизнь и здоровье людей в значительной степени зависит от надежности и безопасности механизмов и машин, проектируемых и создаваемых инженерами. В таких обстоятельствах вопрос о социальной ответственности инженеров становится актуальным и острым. Возникает потребность в проговаривании и фиксации этических норм инженерной деятельности в виде кодексов и сводов правил. В ответ на эту потребность, по мере расширения сферы социальных последствий инженерной деятельности, в ряде стран, включая США, Россию, Германию, Францию и др. страны, профессиональными инженерными сообществами разработаны этические кодексы, где прописаны этические нормы поведения инженера как внутри своего сообщества, так при взаимодействии с другими сообществами.

Так, например, первый канон Кодекса инженерной этики, разработанного Комитетом по инжинирингу и технологиям США, гласит: «1. Инженеры при исполнении своих профессиональных обязанностей превыше всего ставят безопасность, здоровье и благосостояние общества» [1]. Данный канон полностью согласуется с декларируемыми общепринятыми моральными устоями антропоцентричной цивилизации, в частности, европейской. Однако в практической деятельности, когда в дело вступают экономические факторы, инженер зачастую сталкивается с пограничной ситуацией [2], ситуацией жесткого и жестокого выбора, когда последствия выполнения «жирного» и прибыльного, но этически неоправданного заказа в долгосрочной перспективе негативны для безопасности и здоровья общества в целом [1]. И авторы доклада настаивают на том, что это проблема экзистенциального выбора [3]. Инженер в пограничной ситуации встает перед выбором одного из двух-трех вариантов того, как поступить. За каждый из вариантов придется заплатить определенную цену.

а) Принятие. Осознанный выбор в пользу личного благополучия и прибыльности своей компании в ближайшей перспективе, и «закрывание глаз» на негативные последствия для общества в долгосрочной перспективе.

б) Нейтральная позиция – уход в другую сферу деятельности. Пусть кто-то другой делает выбор.

в) Противостояние. Отказ от этически неприемлемого заказа. Отстаивание высоких идеалов и стандартов профессиональной деятельности на своем уровне, в пределах своей компетенции. Приоритет безопасности и здоровья людей перед личным благополучием.

Приведем пример выбора варианта (а) в сфере машиностроения: производство двигателей внутреннего сгорания современных автомобилей с укороченным ресурсом и уменьшенным запасом прочности деталей [4]. С целью снижения издержек и конечной цены, ресурс деталей подбирается таким образом, чтобы двигатель требовал капитального ремонта (или переходил в предельное состояние) через минимально возможное время после окончания гарантийного срока [5]. Естественно, этот фактор приводит к более частым покупкам новых автомобилей. В долговременной перспективе такая политика ведет к истощению невозобновляемых природных ресурсов, загрязнению окружающей среды и ухудшению здоровья людей.

Литература:

1. Корнев Л.А. Этические основания инженерной деятельности // Молодежный научно-технический вестник ФС77-51038. 2016. – №2.

2. Черногорцева Г.В. Сущность человека в философии экзистенциализма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). М., 2001. 24 с.

3. Мерсиянова А.П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник ТГУ: педагогика и психология. – №335 (июнь 2010). – С.153-156.

4. Игнашин Б. Почему современные моторы ломаются чаще старых и проверенных // Колеса.ру – автомобильный журнал.: [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.kolesa.ru/article/pochemu-sovremennye-motory-lomajutsja-chasche-staryh-i-proverennyh-2015-02-23> (дата обращения: 20.09.2023).

5. Романович Ж.А. Теоретическая взаимосвязь гарантийного срока с уровнем надежности технических устройств бытового назначения //Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». Прочие технологии. – 2006.

Косорукова Александра Андреевна
старший преподаватель

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Проблема преодоления страдания в философии морали Ф.Ницше

Как известно, Ницше большую часть жизни страдал от боли, которая проявлялась как в душевных переживаниях, так и в «непосредственно» физической болезни и сопутствующих тяжелых состояний души и тела. Одна из важных тем, связанных с преодолением страдания-боли, возникает в предисловии к «Веселой науке»: новая наука (новая рациональность) возникает в процессе преодоления боли в жизни и как средство такого преодоления.

Рассмотрением позиции преодоления страдания относит нас к вопросу рассмотрения концепта преодоления у Ницше. Понятие преодоление может быть рассмотрено как составная часть важнейшего для философии Ницше концепта самопреодоления. Понятие самопреодоления является неотъемлемой частью этики Ницше. Вопрос о самопреодолении связан непосредственно с двумя ключевыми концептами Ницше – волей к власти и сверхчеловеком. Воля к власти, будучи присущей, по Ницше, всему живому, определяется им через принципиальную способность к самовозрастанию. Сверхчеловек – тот, кто переоценивает ценности с позиции самовозрастающей воли к власти, то есть воплощая волю к власти как таковую. Преодолевая тем самым стадную мораль ressentimentного типа, сверхчеловек определяется тем, что творит ценности исходя из возрастания в них жизненной силы, воли к жизни. Такое целеполагание отличает также отсутствие реактивного способа взаимодействия с обстоятельствами.

Кажется возможным говорить о том, что самопреодоление связано с переоценкой всех ценностей, понимаемой как переход на более высокий по «силе» воли к власти уровню ценностного полагания. В ходе доклада проводится мысль: страдание может и должно быть преодолено более высокими средствами – более высокими ценностями.

Куан Сюли
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Изменение ценности в мультфильме «Нэчжа: Рождение дьявола»

Нэчжа – нарицательное имя в Китае. В традиционной адаптации отцом мифологического персонажа был генерал Ли Цзинь. Мать рожала Нэчжа три года и шесть месяцев и родила лотос. Ли Цзинь подумал, что жена родила демона, и разбил лотос мечом. Лотос раскололся, из него вышел мальчик Нэчжа, который мог ходить и говорить с рождения. Он рождается с силами, он добрый, но и капризный, из-за того, что он не умеет управлять своим силами, он часто хотел помогать, но вызывал проблемы. Ли Цзинь не любил сына Нэчжа, из-за того, что родился не обычным способом, и он часто вызывал проблему. Однажды Нэчжа спасает детей, играющих в море, от третьего сына Царя Дракона – Ао Бина. Нэчжа вступает с ним в жестокую битву, в ходе которой убивает Ао Бина. Рассерженный Царь Дракон решает отомстить обидчику: угрожает затопить родной город Нэчжа, если тот не совершит самоубийство. Ли Цзинь как

генерал города, чтобы защищать народ, он решил убить Нэчжа. Нэчжа решил убить себя, и люди оплакивают маленького героя. Затем, благодаря бессмертному Тай И (верховному божеству китайской мифологии), Нэчжа возрождается в цветке лотоса уже как «Принц Трёх Лotosов», получая способность «утраиваться», так что в бою у него появляются по три пары рук и ног. От Тай И Нэчжа также получает колёса огненного ветра и копье с огненным наконечником. Он становится ещё сильнее. С тех пор Нэчжа – герой и, защищая людей, живет долгою и счастливую жизнь

Нэчжа, является широкоизвестным мифическим образом в китайской культуре, принципиально интересным с точки зрения этики.

В качестве яркого примера выступает мультфильм «Нэчжа: Рождение дьявола» (2019 год, режиссёр Цзяоцзы), снятый по сюжету традиционного китайского мифа о Нэчже. В мультфильме, события мифа о Нэчжа пересказаны с некоторыми изменениями.

В мультфильме, Нэчжа рождается необычным образом, но родители, особенно отец, полностью принимают его, таким, какой он есть; никто не жалуется на то, что Нэчжа создает проблемы. В оригинальном мифе о Нэчжа жители Чентаангуаня просили Ли Цина пожертвовать Нэчжой во имя всеобщего блага, но в мультфильме Ли Цин не позволил убить Нэчжу. Он верит и любит Нэчжу, и готов жертвовать собой ради Нэчжа. Следует помнить, что в традиционной культуре Китая сыновнее благочестие было обязательным, Отец является беспрекословным авторитетом, противоречить отцу является не приемлемым. В традиционной легенде Ли Цин к своему сыну был чрезмерно суров: когда Нэчжа совершил ошибку и попал в большую беду, Ли Цин предпочел убить Нэчжа, а не помогать ему. Он готов пожертвовать жизнью своего сына ради жизни большинства людей. Противоречие между отцом и сыном как важный элемент легендарного рассказа Нэчжи отражает изменения общей психологии и различиях культурных и этических ценностях в разное время. Сравнительная отношения между отцом и сыном, можно сказать, что в традиционном обществе Китая, коллективные ценности выше, чем личные ценности. В традиционной адаптации, Ли Цину не жалко пожертвовать Нэчжой во имя всеобщего блага, но в современном мультфильме, когда жители Чентаангуаня просили Ли Цина пожертвовать Нэчжой, отец не позволил этого сделать, наоборот, он верил и уважал Нэчжу. Можно сказать, что традиционное общество Китая, в значительной мере ценит авторитет родителя и потребности общества, при этом, не уделяя внимания эмоциям и чувствам детей, но в современном обществе Китая появляется уважение к детям, в них, в их жизни видится этическая ценность.

Кузнецов Никита Всеволодович
д.филос.н., профессор, директор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические нарративы русской литературы

Не вызывает сомнения на сегодняшний день включение русской литературы в философскую мысль России, поскольку именно в литературных текстах подчас были сформулированы основные, насущные нравственные проблемы русского общества, прежде всего это проблема человека, нравственной жизни общества, вопросы справедливости и правды, совести и ответственности, чести и достоинства. Именно русская литература представляла основу, своего рода интеллектуальное пространство для этических дискуссий в русском обществе. Актуальность и востребованность данной проблематики продиктована необходимостью осмыслить нравственные ценности российского общества, российской цивилизации.

Исследователи не раз отмечали особый панморализм русской мысли, ее сосредоточенность на нравственных проблемах и своеобразный литературоцентризм русского философствования. Этическая мысль в России проявлялась прежде всего в литературно-философских текстах, художественной литературе и критике, это обстоятельство во многом способствовало становлению морального самосознания русского общества, формированию особого нравственного строя философской мысли. Литература

способствовала формированию ценностных начал русской культуры, фиксировала их, воспроизводила в поведенческих моделях, идеалах, образцах, транслируемых в этических нарративах. Нарратив представляет базовую структуру художественного текста, определяющую во многом и построение самой культуры. Этический нарратив через разнообразные художественные формы транслирует нравоучительные смыслы культуры, воспроизводит ее ценностные основания и способствует формированию морального сознания общества

Этический анализ русской литературы невозможен без обращения к нарративу. Данный подход позволяет, с одной стороны, представить историческую картину возникновения нравственных проблем, идей и понятий, поскольку понятийный язык складывается во многом в процессе повествования (используя термин М.В. Ломоносова, который определял его как «представление деяний»), с другой стороны, воспроизвести моральную проблему в ее универсальном звучании и таким образом включить ее в контекст современного философствования, актуализировать смыслы и ценности российской культуры.

И в заключении следует особо отметить воспитательный потенциал этических нарративов русской литературы, который раскрывается не только в нравоучительном характере различных художественных текстов, но прежде всего в богатстве и глубине нравственных идей и проблем русской литературы. Поэтому вопросы преподавания русской литературы в школе, в высших учебных заведениях, ее присутствие в современной культуре, в медиапространстве нашего общества затрагивают более широкую проблему ценностной преемственности русской культуры, ее моральных оснований.

РНФ №23-28-00880 «Естественно-историческая аксиоматика космологического императива в национальном самосознании России (на материале русской литературе XIX – XX вв.)»

Курмелёва Екатерина Сергеевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.

Этические проблемы в области сохранения объектов культурного наследия

Этические проблемы в области сохранения объектов культурного наследия (ОКН) в настоящее время является мало разработанными. Среди работ наиболее значимым является труд Боброва Ю.Г., где были впервые наиболее полно раскрыты теоретические проблемы реставрации [1]. В настоящее требуется дальнейшая теоретическая разработка обозначенных в настоящем докладе вопросов. В доработке нуждается и этический кодекс реставратора, представляющий в настоящее время собой свод моральных правил и принципов профессионального добродетельного поведения, не отличающийся какой-либо глубиной.

Согласно статье 40 Федерального закона №73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации», сохранение ОКН – это «меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объекта культурного наследия, предусматривающие консервацию, ремонт, реставрацию, приспособление объекта культурного наследия для современного использования» [2]. Основным принципом при включении памятника в Единый государственный реестр объектов культурного наследия и при разработке проектной документации по сохранению ОКН является выявление и сохранение всех элементов предмета охраны (объемно-планировочные, конструктивные, архитектурно-художественные и другие особенности объекта).

При реализации на практике задач по сохранению ОКН, на первый план выходят этические проблемы. Реставрация в самом широком её понимании – это любое вмешательство в структуру памятника с целью сохранения или «улучшения» его внешне-го вида. В настоящее время перед профессионалами стоят множество задач и вопросов: определение параметров и принципов, по которым памятник «заслуживает» сохранения, определение принципов составления перечня предмета охраны, определение того, насколько далеко могут заходить вмешательства в памятник, насколько сильно его можно «улучшить», вопрос противоречия между конструктивными пара-

метрами надёжности объекта и подлинностью его конструкций, разработка профессиональных этических кодексов и др.

С современной практике сохранения ОКН превалируют два подхода. Первый из них – это его музеефикация (реставрация и ремонт), означающее максимальное сохранение памятника. Однако, здесь существует тонкая грань между реставрацией и заменой «новоделом», как целого объекта, так и его отдельных частей. В отечественной реставрации зачастую до сих пор применяется, хоть и в переработанном и смягчённом виде, принцип позитивистского детерминизма, предложенный ещё в XIX в. Виолле-ле-Дюком, согласно которому реставратор должен руководствоваться не реальным обликом памятника, а тем, каким памятник мог бы быть. Например, памятники могут реставрироваться на определённый период, а в предмет охраны могут вноситься детали, которые были утрачены столетие назад.

Второй подход к сохранению памятников – это приспособление памятника для современного использования, придание новой функции, как всему зданию, так и его отдельным объёмно-пространственным конструкциям. Данный подход создаёт также множество проблем между принципами реставрации, экономической целесообразностью и гражданским обществом.

Несмотря на то, что деятельность по сохранению ОКН строго регламентируется федеральными законами, нормативно-правовыми актами, ГОСТами, сводами правил и этическими кодексами, обозначенные выше вопросы вызывают дискуссии как среди профессионалов, так и среди гражданского общества. Кроме того, некоторые юридические положения противоречат друг другу, некоторые понятия вообще не имеют чёткого определения (например, «историческое здание»). Эти и обозначенные выше вопросы и проблемы должны быть теоретически разработаны не только в русле законотворчества, но и методами этической науки.

Литература:

1. Бобров Ю.Г. Теория реставрация памятников искусства: закономерности и противоречия. СПб., 1997.

2. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 30.09.2023).

Курхинен Павел

к.филос.н., магистр политических наук, ассистент

Finnish organization for International Cooperation In Natural Sciences – METSO ry.

Проблема общечеловеческой истинности и роль прикладной этики в обосновании философии примирения

В данной статье я хочу призвать читателя к поиску или определению философских теорий для нахождения оснований, на которых должны основывать свои решения «Комиссии по поиску исторической истины и примирения» разных стран. Каким образом можно прийти к неким критериям для «универсально-исторической» истины, если это возможно?! Почему философия покаяния важна в выявлении совершения каких-либо исторических и одновременно общественных «ошибок», или на определенный отрезок времени положительно воспринимаемых в обществе «нормальностей», в традиционно-консервативных устройствах, которые были нормально воспринимаемыми обществом в определенный исторический отрезок времени. К примеру, таким может быть уничтожение коренных народов, малых этническим большинством и так далее.

Комиссии по поиску исторической истины и примирению разных стран пытаются неким образом примирить общество изнутри, чтобы совместное проживание разных этнических и так же политических групп было возможным. Но возникает вопрос на каких философских «основаниях» должны стоять правовые решения вышеупомянутой комиссии, так как именно практическая философия, и ее подраздел прикладная, должны давать моральную основу для юридического и исполнительного законодательства. Имен-

но прикладная философия должна в идеале давать основания для юридических законов и политической власти, но никак наоборот.

Идеи утилитаризма очень важны, и они все же могут быть нужны для большого числа «народов», но когда мы говорим о человеке, то понятие человека и его сущности в них полностью уничтожаются, и поэтому эти идеи могут и должны сочетаться с идеями кантианства, особенно, то, что касается принятия неких политических решений.

Почему нужна философия примирения? Примирение и покаяние как внутри нации, так и между нациями важно для создания моста общего будущего. В связи с этим необходима выработка общих основ для понимания на чем может основываться комиссия по поиску истины и примирению, например на основании прикладной этики, которая в свою очередь черпает свои принципы из разных философских систем, таких как: утилитаризм, кантианство, экзистенциализм и так далее.

Лобева Вера Михайловна
д. филос. н., профессор

Брянский государственный технический университет

Нравственные устои традиционной православной семьи (из истории отечественной мысли)

Осмысление феномена семьи вообще и традиционной православной семьи, в частности, является важной составляющей отечественной социально-философской мысли. К этой проблеме обращались многие мыслители. Одним из тех, кто создал многоплановое учение о семье является Б.Н. Чичерин. Он сформулировал систему идей о семье как естественном человеческом союзе, имеющем важнейший онтологический и духовный смысл для человека. Характерной особенностью идей Чичерина является то, что они представляют собой сугубо русский взгляд на соотношение морали, права и обычая со всегдашним креном в сторону морали. Рассмотрим подробнее некоторые из идей.

В учении Чичерина важнейшими нравственными принципами, на которых создается и существует семья, признаются любовь, верность, ответственность за судьбу другого, взаимное уважение прав и обязанностей, забота о воспитании детей, стремление к преумножению благосостояния семьи, создание эмоционального комфорта в семье.

Семья трактуется как идеальный и всецелый союз, основанный на любви, которая «составляет преобладающее начало семейной жизни» [1, с. 189], и настоящем духовном единстве предшественников противоположных полов. В этой связи с мыслителем отвергается многоженство, ведь нравственным моментом в браке признается полное и добровольное взаимное самоотречение, при котором невозможно отдавать себя разным лицам.

Еще одним нравственным началом брачного союза признается верность. Ее нарушение женой с нравственной стороны осуждается Чичериным строже, чем измена мужа. Он полагает, что измены женщины вызывают мучительно-болезненные подозрения, связанные с происхождением детей. Здравый смысл требует признать, что Чичерин прав: женщина действительно гораздо чаще мужчины была и, несмотря ни на что, остается оплотом нравственной чистоты в семье.

Высшей целью и смыслом семейно-брачных отношений признается рождение детей. Наличие детей делает разумным требование неразрывности брачных уз. Безнравственно, если родители лишают детей того, что для них является наиболее дорогим и святым – семьи и ее тепла.

В социальном аспекте смысл семьи и брака усматривается в воспитании детей. Родители имеют «нравственные и юридические обязанности» [1, с. 192] перед ребенком. Исполнение этих обязанностей необходимо для ребенка, поскольку именно семья обеспечивает его физическое выживание, вводит в круг культурных норм и ценностей, учит добро и милосердию.

Средствами формирования ребенка как нравственной личности признаются власть и любовь. Власть старших членов семьи обеспечивает дисциплину, способствует

формированию у ребенка воли и характера. Любовь, которой окружен ребенок в семье, формирует высшее развитие нравственного начала в человеке.

С этических позиций философ рассматривает многие другие вопросы: об имущественных правах членов семьи, о наследовании семейной собственности, о необходимости сохранения родового гнезда как средоточия духовного бытия семьи. И делает выводы, согласно которым, основным инструментом регулирования имущественных отношений в семье должны быть нравственные ценности и традиции, а «юридический строй семейства играет в нем ничтожную роль» [2, с. 113]. В поддержании такого порядка значительная роль отводится церкви, имеющей большой нравственный авторитет в обществе.

Сегодня мудрый консервативный либерализм Чичерина уже не воспринимается как патриархальный рудимент. Учитывая выраженные тенденции кризиса института семьи в западном обществе, их неизбежное проникновение в иные типы обществ, включая российское, весьма актуальным выглядит требование Чичерина сохранять нравственную традицию в семейных отношениях и семейном праве с ее проверенными веками установлениями.

Литература:

1. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998.
2. Чичерин Б.Н. Социология. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2004.

Макаенко Яна Александровна
к. филос. н., доцент

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Философская практика как «практика себя» в отношении к феномену смерти

С древности философия рассматривалась как специфический способ осознания и отношения к себе. Философская практика представляет собой направление внутри философии, использующее разнообразный инструментарий философии для решения повседневных проблем и задач человеческой жизни с целью более глубокого ее переживания.

В 1980-х годах Гердом Ахенбахом была создана ассоциация философов-практиков, которая использовала философскую рефлексию для решения жизненных проблем. Философская практика может применяться в различных форматах, таких как сократический диалог, группы рефлексии, тренинги и другие. Она помогает людям интегрировать философские концепции и понятия в свой повседневный опыт и осмысливать его в контексте собственных ценностей и моральных убеждений. Философская практика позволяет участникам свободно распоряжаться своим опытом и делиться им с другими, придавая этому опыту глубокую личную значимость и одновременно обогащая общее человеческое понимание.

С древних времен философия рассматривается как специфический способ осознания и отношения к себе. Инструментом этого подхода служит «забота о себе», «духовные упражнения» и «практика себя». Философия устанавливает фундаментальные аспекты смысла, целей и ценностей, определяющих человеческую жизнь в различных ее проявлениях. Эти ориентиры могут быть также заданы религией, идеологией, а также некоторыми аспектами психологической и социальной теории. Однако, они иногда могут привести к конфликтам, что делает человека дезориентированным как в плане ценностей, так и в плане смысла жизни. Философская практика представляет собой совокупность принципов, навыков и инструментов, которые помогают человеку более глубоко и осознанно воспринимать свою жизнь и интегрировать философские концепты в повседневность. Это требует беспредпосылочного мышления и глубокого понимания человека и его бытия.

Еще Платон описывал занятия философией как «искусство умирания». Одним из ключевых аспектов человеческой экзистенции, с которыми сталкивается философ-практик в своей работе является феномен смерти. Смерть определяет нашу конечность и имеет непосредственное влияние на наш опыт жизни, а также наши ценности

и поведение. Различные представления о смерти могут стать «культурными кодами» и вызывают интерес у исследователей. Однако, смерть также может вызывать экзистенциальную и психологическую тревогу, и она часто является темой, о которой не принято говорить открыто. Но стоит ли нам игнорировать эту тему и не осмысливать ее?

В последние десятилетия появилось движение, направленное на позитивное отношение к смерти. Это движение касается различных аспектов, связанных с феноменом смерти и его осмыслением, таких как обсуждение смерти, эвтаназия, биоэтика, трансгуманизм и цифровая бессмертие. Философская практика может играть важную роль в этом контексте.

В философской практике работа с феноменом смерти становится возможной, когда у нас есть набор необходимых концепций о смерти и умирании, которые были осмыслены, точное представление о наших собственных ценностях и моральных предположениях, а также глубокий личный опыт, который мы адекватно проанализировали. Основная задача философа в такой работе заключается в том, чтобы показать, как наши личные переживания, мысли и чувства могут быть интегрированы в общий концептуальный контекст. Это, в конечном итоге, позволяет свободно овладеть тем опытом, который он получает «здесь и сейчас», представляя этот опыт как что-то глубоко личное, «принадлежащее только мне», и в то же время общечеловеческое.

Маковецкая Мария Владимировна

к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Семантические горизонты понятия «достоинство»

Понятие «достоинство» по частоте его употребления в отечественном научном дискурсе в данный момент можно назвать базовой категорией правового дискурса, в котором его границы строго очерчены и закреплены ввиду необходимости его использования в конкретной юридической практике. Здесь оно определяется как этико-правовая категория, выражающая осознанное обладание конвенционально одобряемым набором моральных и интеллектуальных качеств и самоуважение личности. Также зафиксированное в правовом поле право на защиту собственного достоинства порождает еще одну коннотацию: уважение и самоуважение являются принадлежностью человека с рождения, и как «человеческое» в человеке не зависит от ни от его фактического состояния, ни от оценки его окружающими или самооценки. Так право на уважение к человеческому достоинству является прямым аргументом в пользу позиции реалистов о существовании общих понятий. Защиты требует «Человек» вообще в человеке конкретном.

Достоинство как этико-философская категория зачастую используется в философском дискурсе с опорой на некое общепринятое и само по себе разумеющееся неявное знание. Именно такое употребление понятия мы находим в известном тексте «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола, в котором автор задается вопросом о том, на каких основаниях обладает достоинством человек, и чего он достоин, но не проясняет самого понятия достоинства.

Как заданы онтологические границы (условия) понятия достоинства, какие понятия очерчивают семантический горизонт его философского постижения? Понятие достоинство попадает в сферу этической проблематики, и онтологически в более широкую сферу – сферу должного. Понятие достоинства напрямую связано с модальностью долженствования. Должное расположено в главном семантическом ядре понятия достоинства: достойный означает «такой, какой должен быть». Другая сторона понятия достоинства, зафиксированная общеупотребительным значением слова «достойный» – «заслуживающий чего-либо». Теперь в онтологической структуре «достоинства» мы можем различить несколько позиций, описание которых требует пространственной схематизации. Во-первых, внутренняя сторона достоинства требует представления о иерархической соподчиненности двух состояний: сущего и должного. Достойным

является (достоинства достигает) тот человек, который способствовал максимальному сближению сущего с должным (вещи и идеи) в собственной личности.

Во-вторых, достоинство раскрывается внешней стороной как немое требование признания, воздаяния. Парадоксальной чертой этого требования является его принципиальная «немота», или даже скорее скрытость требования от самого требующего (пример – святость).

Частным случаем внешней стороны достоинства является защита собственного достоинства. Здесь уже требование обретает свой голос, требование исходит от лица требующего. Но лишь потому, что речь будет идти не о защите субъективных интересов, а о защите «человека» в себе, защите воплощенного идеала, битве на стороне правды, а не на стороне личной выгоды.

В-третьих, понятие достоинства определяется типом антропологических воззрений на человека. Речь о достоинстве заходит только тогда, когда человек рассматривается как существо трансцендирующее, стремящееся к выходу за пределы собственной субъективности. Это стремление задает динамику развития, а достоинство предстает не как состояние, статичное, уже приобретенное качество, характеристика, но как динамический процесс приобретения достоинства.

Мальцева Дарья Александровна
к.полит.н., доцент

Алейников Андрей Викторович
д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Риски цифровой трансформации публичного управления в условиях интенсификации глобальных конфликтов

Обращение к проблематике исследований моделей и парадигм перехода к информационному обществу с учетом ускорения темпов информационного обмена, изменения его формата и качественных характеристик позволяет более комплексно анализировать и прогнозировать сценарии и риски цифровой трансформации публичного управления в условиях новых вызовов и угроз, резкой интенсификации глобальных конфликтов.

Это переводит обсуждение роли формирования нового типа публичного управления в современной России на основе использования цифровых технологий и алгоритмов в плоскость анализа интегрированной модели влияния цифровых платформ на кризисную политическую коммуникацию власти и общества.

Авторы артикулируют теоретико-методологические приоритеты при анализе прикладных аспектов динамики трансформации взаимоотношений акторов политического процесса в условиях формирования нового типа публичного управления в современной России с акцентом на специфике стратегий информационного риск-менеджмента, направленных на борьбу с распространением фейков в условиях развивающихся информационных войн. Представляемые тезисы ориентированы на поиск ответов на следующие основные вопросы. Какие теоретико-концептуальные основы лежат в основе разработки критериев и индикаторов эффективности цифровой адаптации публичного управления в контексте оценки опасности, обозначения реальных рисков и угроз? Какие предлагаются наиболее перспективные формы и методы, инновационные механизмы в рамках реализации публичного управления в условиях активной фазы глобального конфликта превенции угроз и рисков, противодействия дискредитации идентичностей и ценностей? Какую роль играют цифровых технологий публичного управления в определении политической повестки, возможностей использования современных информационных технологий для легитимации стратегий современного государственного управления?

В этом отношении ведущим звеном выступает анализ институционализированных практик трансформации взаимоотношений ключевых акторов, составляющих систему нового публичного управления в России на основе использования цифровых технологий

и алгоритмов в обеспечении политической и гражданской мобилизации, современных коммуникативных практик становления новых форм социальной солидарности, управленческих дизайнов и алгоритмов цифровых паттернов политической рефлексии в условиях эскалации глобального кризиса.

Таким образом, на основе изучения аналитических результатов, представленных в современной отечественной и зарубежной научной литературе, статистических данных и результатов мониторингов потенциала можно интерпретировать способности властных структур всех уровней обеспечить цифровую трансформацию, направленную, в первую очередь, на адаптацию к новым вызовам, сопряженным с деформацией стандартных институционализированных форм разрешения конфликтов, возможность эффективное предоставление гражданам государственных услуг, влияющих на снижение уровня социального недовольства и обеспечение процессов политической и гражданской мобилизации, становление новых форм социальной солидарности.

При финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта №123091200053-0 «Динамика трансформации цифрового публичного управления в современной России: политические стратегии и риски в условиях эскалации глобального конфликта», который реализуется в ИНИОН РАН

Мальцева Светлана Георгиевна
к. филос. н., доцент

Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта

Актуальные проблемы этического образования

через призму преподавания дисциплины «Профессиональная этика и этикет»

Этическое образование представляется системообразующим компонентом образовательного процесса. Оно реализуется посредством преподавания различных дисциплин, в том числе дисциплины «Профессиональная этика и этикет», отражающей, в числе прочего, и специфические этические нормы того или иного вида профессиональной деятельности, что, на наш взгляд, характеризует ее как дисциплину, необходимую при подготовке специалистов практически всех сфер деятельности. В современном обществе профессионализм, деловые качества человека, успех в профессиональной деятельности зачастую являются доминирующими при оценке личности. Анализ многолетней практики преподавания автором вышеозначенной дисциплины, а также дисциплины «Деонтология журналистики», позволяет выявить следующие основные проблемы, мешающие пониманию и восприятию этических, в том числе профессиональных этических норм, обучающимися:

- эклектичность этических систем внутри современного общества, дезориентирующая многовариантность интерпретации этических норм;
- отсутствие ориентации на некую «золотую середину», с одной стороны преодолевшую этический фундаментализм, с неременной абсолютизацией этических норм, с другой не достигшую этического релятивизма, представляющего этические нормы totally относительными;
- в подавляющем большинстве представление студентами этических категорий (профессиональный долг, профессиональная честь, профессиональная ответственность и других), как идеальных, абстрактных понятий, оторванных от реальной жизни, применимых только в исключительных обстоятельствах и ситуациях профессиональной деятельности, осложняющих построение карьеры и достижения материального благополучия в повседневной практике;
- понимание необходимости в будущем ориентации на корпоративную систему ценностей организации, в которой предстоит работать.

Также практика показывает, что преподавание тем, связанных с профессиональной этикой – процесс более сложный, требующий от преподавателя гораздо больших интеллектуальных, эмоциональных затрат, артистического мастерства для достижения эффективности образовательного процесса в сравнении, например, с темами этого же

курса, относящимися к деловому этикету, которые неизменно вызывают живой интерес студенческой аудитории, так как воспринимаются необходимым быстрым средством и действенным инструментом построения карьеры. При таком подходе, зачастую за рамками внимания остается ориентация на социальную жизнь, на личностный вклад в развитие общества посредством профессиональной деятельности. При этом такую индивидуалистическую ориентацию нельзя оценивать негативно, но, она, безусловно, требует некоей корректировки, например, путем введения отдельного курса этики в базовую часть учебных планов для различных направлений первого или второго года обучения. Одновременно это сделает более эффективным в последующем преподавание таких дисциплин, как «Профессиональная этика и этикет», «Деонтология журналистики».

Мапельман Валентина Михайловна
д. филос. н., профессор

Московский городской педагогический университет

Является ли этика преимущественно прикладной наукой?

На протяжении всей истории существования этики как науки особо подчеркивался её прикладной (нравственный) характер, базирующийся на ценностных ориентирах и нормативных образцах «правильного и достойного поведения» в конкретных исторических экономико-культурно-политических условиях.

В наши дни традиционно прикладные науки замыкают на разработку алгоритмов применения теоретических знаний в конкретных ситуациях для достижения желаемых результатов. Фундаментальные науки сосредотачивают на решении универсальных вопросов природы процессов и явлений, причин их появления и закономерностей изменений. Это приводит к признанию между ними определенной субординации: лидерству фундаментальных и производности (вторичности) прикладных наук.

Однако этика – это наука особая. Исследуя закономерности и принципы поведения людей, то есть специфику функционирования морали и нравственности, она не может быть квалифицирована исключительно как прикладная. Ведь пока моральные знания не примут форму теоретически рационально исторически обусловленных конструкций, закрепленных в терминологии, служащих базой и ориентиром для разработки идеальных поведенческих моделей, они не могут заработать на нравственном (поведенческом) уровне.

Более того, необходимо немалое время, чтобы обновляющиеся моральные ориентиры (ценности, идеалы, оценки), позволяющие выстраивать водораздел между добром и злом, способствуя достижению состояния личной самоудовлетворенности, были приняты обществом и трансформировались в одобряемые привычки (и даже традиции). Только тогда они способны влиять на нравственные явления, демонстрируя себя в реальных поступках, реализуемых в условиях выбора «меньшего зла» и сопровождающихся, в свою очередь, чувствами вины и «большой» совести.

Вообще-то в этике не принято выделение фундаментальной (но не теоретической) составляющей, однако энергично продвигается прикладная. При этом фундаментальные науки сосредотачивают на изучении «основополагающих явлений природы».

По нашему мнению, этика должна быть включена в число фундаментальных наук, ибо морально-нравственные составляющие сопутствуют абсолютно всем видам жизнедеятельности людей и сказываются на их результатах. Отводить этике вспомогательную (фоновую) роль несправедливо и недальновидно. Однако этот процесс уже отразился в распространении специальной терминологии (компьютерная этика, медицинская этика, профессиональная этика, юридическая этика, инженерная этика, политическая этика, экологическая этика, деловая этика, космическая этика и т.п.). Основной акцент при этом, вопреки правилам русского языка, делается не на существительном, а на прилагательных. Их содержательность рассматривается обычно на достойном профессиональном уровне, а этическая составляющая – на любительско-дилетантском.

Важно и то, что со второй половины XX века настойчиво продвигается мнение о том, что этика, реализуясь в двух областях – нормативной и теоретической, свои основные функции должна сосредотачивать на моральном просвещении и нравственном воспитании.

Где же тогда решаются теоретические проблемы морали и нравственности? Кто только не берётся за их решение: аналитическая философия (метаэтика), логика, лингвистика, социология, вездесущая психология (с помощью биологии, вплоть до сведения этики к этологии), современная теология, продолжающая предьявлять свои «родительские права» и на мораль, и на нравственность. Встречаются попытки вообще оспаривать наличие такой науки как этика. Например, настаивают стремления сделать биоэтику разделом медицины, а прикладную этику в целом квалифицировать как область знаний «изучающих структуру и формы социальных отношений и корпоративных коммуникаций».

Но раз претензии на «поглощение» её статуса так энергичны, то стоит прислушаться к мнению Поля Гольбаха, высказанного им в работе «Система природы»: «Этика есть наука об отношениях, существующих между людьми, и обязанностях, вытекающих из этих отношений». Возможно, борьба за обладание моральными правами вошла в противоречие с требованиями по поводу выполнения нравственных обязанностей?

Мехоношина Елена Александровна

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Идея врожденности альтруизма в эволюционной этике

В настоящее время одной из важнейших областей прикладной этики является эволюционная этика. Эта область исследований пытается органически объединить эволюционную биологию и этику. Она стремится понять, как моральные ценности, в частности альтруизм, развиваются в процессе эволюции человека. Дело в том, что мы, люди, схожи с приматами в разных аспектах своего поведения [1]. Подобного рода «моральное» поведение присутствует у приматов, с которыми у человека есть общий предок, поэтому переложение эволюционных теорий на почву человеческой эволюции представляется легитимным.

Одной из ключевых идей эволюционной этики является следующая: альтруизм имеет глубокие эволюционные корни. Мы выделим несколько ключевых теорий, объясняющих альтруизм с точки зрения эволюционной теории. Начнём с теории родственного отбора [6]. Смысл этой теории чрезвычайно прост – родственные индивидуумы имеют определённый набор общих генов, которые они и стремятся сохранять в популяции. Соответственно, родственникам выгодно, с точки зрения эволюции, передавать схожие гены своему потомству – поэтому альтруизм связан с наличием и сохранением схожих ген в процессе естественного отбора.

Важным оказывается упомянуть теорию взаимного или реципрокного альтруизма [2,7]. В ней акцентируется внимание на происхождение альтруизма вне кровно-родственных связей – согласно этой теории, индивиды способны проявлять альтруистическое поведение, если это поведение приносит взаимную выгоду. Такая взаимопомощь может увеличить шансы выживания и успешного размножения.

Ещё одним видом альтруизма и способом отделения «своих» от «чужих» является парохильный альтруизм [5]. Это альтруизм, который ограничен рамками одной группы. Предполагается, что изначально парохильный альтруизм распространялся на членов одной семьи, но постепенно эта группа расширялась и формировалась в едином комплексе вражды к чужакам, что позволяло сохранять свою общину и передавать в её рамках схожие гены.

Следует подчеркнуть, что генетическая предрасположенность к альтруизму может быть унаследована, но также это она может складываться и в результате взаимодействия с социокультурными факторами в процессе формирования моральных ценно-

стей и альтруистического поведения у человека. Эти взаимодействия могут объяснить разнообразие альтруистических практик в разных культурах.

Таким образом, отметим, что изучение идеи врожденности альтруизма посредством инструментария и теорий эволюционной этики, позволяет нам лучше понять происхождение и роль моральных ценностей для нашей современной жизни – причём и в теоретических, и в практических её аспектах. Эта область исследований предлагает множество перспектив для будущих исследований и может сыграть важную роль в формировании этических аспектов нашего общества.

Литература:

1. Де Вааль Ф. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
2. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: Азбука-Аттикус, 2018.
3. Марков А. Эволюция человека. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Corpus, 2011.
4. Ричард Докинз. Эгоистичный ген. М.: АСТ:CORPUS, 2013.
5. Choi J-K.; Bowles S. The Coevolution of Parochial Altruism and War // Science. Vol. 318, 2007, p. 636–640.
6. Hamilton W. D. The evolution of altruistic behavior // The American Naturalist, 97, 1963, p. 354–356.
7. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism // Q. Rev. Biol. 46(1), 1971, p. 35–57.

Моргачёв Олег Васильевич

к.м.н., зав.отд. организации и проектной деятельности
Федеральный центр гигиены и эпидемиологии
Федеральной службы по надзору
в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Багирова Амина Эминовна
обучающаяся бакалавриата

Российский государственный гуманитарный университет

Обоснование морального реализма через разрешение «парадоксов»

Д. Юма и Дж. Мура с позиций естественнонаучного подхода к этике

Традиционная абсолютистская мораль в условиях постиндустриального общества демонстрирует несостоятельность, как и распространяющийся вместо неё моральный релятивизм.

Рациональной альтернативой абсолютизму и релятивизму является моральный реализм, подразумевающий, что моральные утверждения могут быть истинными или ложными, отражая либо не отражая реальные факты. Обоснование морального реализма является важнейшей задачей этики.

Однако, моральный реализм подвергается критике, преимущественно опирающейся на парадоксальные аргументы «гильотины Юма» и «открытого вопроса Мура».

В настоящем исследовании сформулирован естественнонаучный подход к этике, с помощью которого обоснован моральный реализм через разрешение парадоксов Дэвида Юма и Джорджа Мура.

Предлагаемый естественнонаучный подход предусматривает, что этические понятия есть форма отражения в сознании мыслящего субъекта особых явлений природы – этических явлений, особенною которых является наличие в их составе процесса чувствования (объединённого процесса восприятия и оценки воспринимаемого), что сближает этику с естественными науками.

Процесс чувствования играет ключевую роль в любых морально значимых событиях, и, вместе с тем, может описываться с позиций физики и нейрофизиологии (например, в рамках теорий функциональных систем П.К. Анохина, СЕМІ-поля Дж. МакФаддена и др.).

Известная проблема «гильотины Юма» подразумевает, что из описательных суждений о сущем невозможно логически вывести моральные суждения о должном и пото-

му якобы моральные суждения не могут быть истинными или ложными, а моральный реализм ошибочен.

Данная проблема разрешается с позиций естественнонаучного подхода, если заметить, что «должно» – не только этическое понятие, но также присутствует в логике и математике, означая необходимость выбора определённых действий/выполнения операций для получения заданного результата.

Этическое долженствование имеет особый императивный характер потому, что в качестве заданного результата морального выбора принимается какая-либо чувственно переживаемая положительная ценность («Добро»), первичная по отношению к долженствованию.

В случаях, когда моральные суждения выводятся из описательных суждений о реальных фактах чувственного опыта, изначально по своей природе содержащих в себе моральную (ценностную) компоненту, нарушений правил логики не происходит и моральные суждения могут определяться как истинные или ложные. Следовательно, моральный реализм обоснован.

Аргумент «открытого вопроса Мура» состоит в том, что понятие «Добро» (само по себе) якобы невозможно определить посредством отождествления с каким-либо реальным или даже метафизическим предметом; на вопрос «является ли нечто Добром?», невозможно однозначно ответить, поскольку всегда можно подобрать случай, когда оно не будет «Добром», а потому лежащая в основе этики «моральная интуиция» не относится к реальной действительности, а моральный реализм ошибочен.

Вместе с тем, с позиций системной физиологии (П.К. Анохин) целенаправленное поведение включает в себя этап акцепции результата действия, при которой в нервной системе происходит сравнение сигналов о степени удовлетворения потребностей/мотиваций с образом потребного результата, что соответствует процессу чувствования, включающему восприятие и оценку воспринимаемого (отождествление на физиологическом уровне фактов с ценностями и непосредственное переживание информации об этих фактах как чего-то «хорошего» или «плохого»).

Поэтому «Добро» (само по себе) можно определить как реальный физиологический процесс чувственного переживания удовлетворения мотиваций и потребностей, сопровождающийся удовольствием.

Такое определение устойчиво к аргументу «открытого вопроса Мура», поскольку объективно не исчерпывается единственным предметом, но включает открытый список элементов, участвующих в формировании и удовлетворении мотиваций и потребностей личности, а субъективно переживается как моральная интуиция, не ограниченная одним лишь удовольствием, но отражающая единство оценки состояния личности и окружающей среды с позиции всех активных центров мотивации в нервной системе.

Следовательно, моральный реализм обоснован. Что и требовалось доказать.

Мурзин Юрий Валерьевич
старший преподаватель

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

Философско-антропологические основания спортивной этики

Изменения, происходящие сегодня как в самом спорте, так и его восприятии массовым сознанием в большей степени касаются вопросов общэтической направленности, чем сугубо спортивной, касающейся системы организации и проведения соревнований. Спортивная этика уже не может быть ограничена этикой спортсмена, регламентирующей его поведение в ходе спортивного состязания, отношение к сопернику и т.п. Спорт сегодня как никогда публично обсуждаем, созависим от других базовых способов деятельности человека, таких как труд, образование и других. Степень этой зависимости напрямую связана с пониманием (определением спорта). В.И. Столяров говоря о спорте замечает, что его содержание, характер, направ-

ленность, ценность зависит от «конкретных исторических условий, структуры общества, в рамках которого он развивается» [1, с. 71].

Если восприятие спорта как вида досуговой деятельности определяется прежде всего через понятия игра, развлечение (старофранц. *disport* – забава), то эпоха модерна связала гештальт спортсмена (здесь мы используем терминологию Э. Юнгера) с гештальтами рабочего и солдата. Спорт в эпоху модерна, а это конец XIX – середина XX века, становится определенным типом трудовой деятельности, будни спортсмена – это трудовые будни. Система подготовки, организации и проведения спортивных соревнований в Советском союзе, начало формирования которой относится к 20-м годам XX века, осуществляется через спортивные общества, перед которыми ставится задача подготовки населения к высокопроизводительному труду и защите Родины. В подготовке к спортивному соревнованию спортсмен это рабочий, в ходе спортивного состязания – солдат. Здесь уместно вспомнить строчку из песни к кинофильму «Спортивный марш» (1936 г.): «Эй, вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот! Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет!». Развлечение (игра) и трудовая деятельность основные способы человеческой деятельности, посредством которых человек познает мир и самого себя. И при этом это два особых этических универсума, часто воспринимаемые как противоположные. Как на уровне обыденных констатаций, наподобие «делу время, потехе час», так и на уровне философских дефиниций. Спорт в равной степени может выступать и развлечением, и работой. В системе этических доминант развлечения и труда спорту отводится особое место. Означает ли это, что спорт этически амбивалентен? С ответа на этот вопрос на наш взгляд и должен начинаться поиск философско-антропологических оснований спортивной этики.

Литература:

1. Визитей Н.Н. Социальная природа современного спорта. – Кишинев: Штиинца, 1979. – 84 с.

Настасенко Иван Дмитриевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Этический аспект философии Танабэ Хадзимэ

Танабэ Хадзимэ – одна из знаменательных фигур Киотской школы, который творил в первой половине XX века. В отличие от своего предшественника Нисиды Китаро (основателя Киотской школы, который известен благодаря таким работам как: «Исследование блага» (善の研究), «Интуиция и рефлексия в самопознании» (自覚における直観と反省) и др.), Танабэ старался добиться большей самобытности, оригинальности в своих рассуждениях, вырваться за рамки западно-европейского дискурса в философии. С этой целью он стал ссылаться в своих работах на более традиционные для японской культуры формы осмысления реальности (мудрости монахов из дзэн- и син- буддизма, как например Буан (1603–1676) или Синран (1173–1263)). Иногда он допускает сравнение с христианскими монахами и философами). А для наглядности отличия японской традиции, он в течении всей книги проводит сравнение с Кантом и Гегелем, труды которых он штудировал в рамках своей университетской жизни. В своем докладе я буду основываться на его последней работе – «Философия как путь покаяния» (懺悔道としての哲学), работу над которой он начал еще в 1944 году, но опубликована она была только в 1946 году. На её примере я рассмотрю рассуждения японского философа об этике. Как он понимал её. Какое место он давал ей в рамках своей философии. Какое практическое воплощение предполагали его интуиции, учитывая, что концепт «метаноэтики» обозначается им как универсальный и прикладной. Конечно же, ключевым в моём докладе будет разбор его понятия «дзангэдо/метаноэтика», который можно перевести на русский язык как «путь покаяния». Это некий диалектический принцип, в котором чередуется опора сил-Собственных (джирики*) и сил-Другого (тарики). О его работе я расскажу отдельно.

Помимо первоисточника, я также буду использовать исследования как отечественных авторов (Л.Б. Карелова, И.В. Безруков и др.), так и зарубежных исследователей, один из которых является несравнимым авторитетом в этом вопросе (Джеймс Хейзиг, Р. Уилкинсон, Наоки Сакаи и др.).

*В рамках российской традиции перевода японских названий было бы правильнее транскрипировать этот термин как «дирики», но выбранный мною вариант представляется мне более благозвучным и удобным для восприятия русскоязычной публики.

Литература:

1. Heisig J. W., *Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2001 xi + 380 p

2. Tanabe Hajime. *Philosophy as metanoetics*. translated by Takeuchi Yoshinori with Valdo H. Viglielmo and James W. Heisig. Berkeley: University of California Press, c1986; lxii, 316 p.

Николаева Жанна Викторовна
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Этические критерии в визуальной экологии

В современном мире мы страдаем от беспрецедентной инфляции изображений (иколических знаков). Их масса не просто нас сопровождает; иногда она подменяет собой реальность. Политические структуры умело используют однажды подмеченные критерии воздействия для достижения требуемого эффекта. Объективация (закрепление) антропогенных визуальных образов со временем становится самоценной формой противопоставления универсальной структуре мирозерцания для репрезентирования идентификационных кодов. Деконструкция гегемонии архаических форм визуальной коммуникации с опорой на техногенные инновации, как мы знаем, двигалась по пути создания агрессивного образа. Межвоенная архитектура тоталитарных стран, архитектура брутализма, архитектура тюрем и т.д. – это примеры сознательного выбора визуально-агрессивных форм, где «угрожающие» формы явлены наблюдателю с определенной целью. В наше время после изучения восприятия, например, пользователей компьютерных игр, проблема получила импульс к рассмотрению в новом ракурсе – в теории визуальной экологии. Тотальность воздействия образа не ограничена и для ее изучения требуется использование более сложных структур, как минимум, «теории аффекта».

Может ли быть ограничение визуальной свободы нормативной практикой, как иные виды ограничений? И что можно ей противопоставить? Например, Никос Салингарос успешно использовал такое понятие как «архитектурный нигилизм» [1].

Возможно, речь идет о переносе концепции «эмпатии» из области межсубъектных отношений, в область физических объектов, философии визуального и теории архитектуры. Концепция «воплощенного моделирования», — один из краеугольных камней таких исследований, учитывающая степень соучастия созерцающего. Дебаты о взаимосвязи между эмпатией и эстетическим опытом далеки от завершения.

Представление об эмпатии в искусстве впервые возникло благодаря историку и философу искусства Роберту Фишеру [2]. Исследованиями управляемой эмпатии в визуальных пространствах занимались ряд философов [3], [4] и теоретиков архитектуры. В докладе предлагается вынести на обсуждение такой критерий визуальной экологии антропогенных ландшафтов как архитектурная эмпатия – стремление предвосхитить уникальные взаимоотношения людей с пространством на более глубоком уровне.

Литература:

1. Салингарос Н. *Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма*. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 295 с.

2. Vischer R. *On the Optical Sense of Form: A Contribution to Aesthetics*. In *Empathy, Form, and Space. Problems in German Aesthetics, 1873-1893*. Harry Francis Mallgrave and

Eleftherios Ikonomou (eds., trans.). Santa Monica, California: Getty Center for the History of Art and the Humanities. 1994. pp. 89–123.

3. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. – Минск: Логвинов, 2006. 400 с.

4. Catalano. C. Spazi Emozionali. – Roma: Aracne, 2011. 211 p.

РНФ №21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды»

Оводова Светлана Николаевна

к.филос.н., доцент, зав.каф.социологии и медиакоммуникаций
Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Инклюзивная мода: этический аспект

Глобальная мода, формировавшаяся на протяжении XX века, конструировала норму и образец красоты, которые воспринимались как заветные образы для подражания. Модными воспринимались только те люди, которые воплощали собой заданный образец. Дабы приблизиться к идеалу люди готовы были модифицировать свою телесность, подгонять ее под «необходимый» эталон.

В XXI веке границы нормы в моде начинают раздвигаться. Все большее количество социальных групп начинают быть «видимыми». На подиум проникают люди с разными пропорциями и особенностями внешности, в коллекциях появляется plus size, европейские дизайнеры выпускают одежду, адаптированную для мусульманской культуры. Расширение представлений о том, как может выглядеть модный человек, изучение потребностей различных социальных групп сделало доступной модную одежду для большего количества людей.

Модная индустрия долго охраняла свои каноны красоты, которые восходили почти к древнегреческим представлениям о гармонии и пропорции. Со временем тенденции на разнообразие и инклюзивность проникли и в сферу моды. Изменение ценностей в обществе повлекло за собой пересмотр отношения к социальным группам, которые раньше стигматизировались. В частности, развитие disability studies говорит о значимости данных событий. Акцентирование внимания на этике включения/исключения различных групп из модной повестки становится значимой тенденцией и в социально-гуманитарных исследованиях. Осознание дизайнерами многовариативности телесности и спецификации потребностей позволяет расширять возможности модного арсенала в конструировании универсальной, подходящей для большего количества тел и людей одежды, но при этом учитывающей особые потребности. Для выявления того, как людьми с инвалидностью и ОВЗ воспринимается мода и модные каноны, было начато социологическое исследование. На данный момент завершено пилотажное исследование и проводится корректировка инструментария.

По предварительным результатам авторского социологического исследования, проводимого качественными методами (глубинные интервью и включенное наблюдение), можно наметить следующие тезисы.

Среди людей с инвалидностью и ОВЗ встречаются настоящие модники, которые следят за тенденциями, обновлением коллекций брендов и масс-маркета. Они любят наряжаться, уделяют большое внимание своему внешнему виду, любят покупать одежду и привлекать внимание к себе посредством интересных образов. Они получают удовольствие от того, что выглядят стильно. Причем, стоит отметить, что это не зависит от группы инвалидности и нозологии. Не все люди с инвалидностью воспринимают себя как «особую группу» или людей с «особыми потребностями», что говорит о том, что данное разграничение скорее складывается в обществе в целом посредством обозначения границ между разными категориями потребителей моды. Свои потребности в модной одежде они описывают как типичные.

Некоторые люди с инвалидностью воспринимают свои ограничения и пытаются, по их словам, нивелировать. В словах информантов встречаются фразы «быть как все», «чтобы не хуже, чем у других» и т.п. Такое осознание свойственно людям, имеющим особые потребности в специализированной одежде. Они отмечают, что рекомендованная им по здоровью одежда не является модной и представляет собой средства

реабилитации, что воспринимается ими как печальный факт, т.к. такую одежду не хочется носить, она не является для них привлекательной. Адаптивная одежда, соответствующая модным тенденциям – отдельная ниша, которая почти не заполнена.

Пилотажное исследование показало потенциал осмысления этического отношения к нетипичной телесности, а также возможность переосмысления понятия нормы в моде.

Более дифференцированное восприятие моды и себя в контексте моды людьми с инвалидностью и ОВЗ, выявление практик взаимоотношения с одеждой станет возможным после завершения исследования.

Петев Николай Иванович

к. филос. н., доцент

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Соотношение феномена ценности и «современности»

в парадигме массового сознания и культуры

Иерархия ценностей – это тот фундамент, который «выстраивает» отношение, поведение и действия как индивида, так и общества. Предполагаемая абсолютная дисперсия ценностей является одним из наиболее вращиваемых, спекулятивных заблуждений. Оно формируется в рамках представления масс о необходимости избавления от всего «тяжеловесного», в том числе традиций, норм, правил и ценностей. Одно из определений ценностей гласит, они есть всякое значение, при этом «значение всего, чего угодно, для кого (чего) угодно». Массовое сознание производит транспозицию понятия ценность в чисто индивидуальную и субъективную плоскость. Она лишается любой интерпретации, кроме как отождествления с оценкой, ценой и значением для конкретного индивида. «Современные ценности» – это ценности, которые релевантны желаемой реальности индивида. Вместе с тем, не только само установление подобных феноменов не имеет объективной легитимности, но вместе с тем и само такое понятие парадоксально. Дело в том, что эти «современные» ценности есть продукт такой тенденции массового мышления и культуры как неомания. К ним применяются критерии, как и к любому продукту массового потребления: простота, заменимость, простота в употреблении, высокая степень динамики изменений и т.д. Таким образом, ценность должна быть сверхдинамична, что предполагает постоянные её метаморфозы. Но подобное не применимо к ценности, потому что существует необходимость её апробации, и последующая актуализация как вектора формирования отношения, поведения и действий. Вместе с тем, устанавливаемые её «виды» не должны становиться частью нормы и традиции. Кроме того, стоит отметить, что и отказ от ценностный ориентиров – процесс долгий, так как некоторые идеи могут долго находиться в состоянии кризиса до того, как от них откажутся. Это связано с принципами массового сознания, для которого характерен отрыв от прошлого и будущего, и категорически устанавливается доминанта настоящего (момента). То, что именуется традицией прошло процесс habituализации, иными словами, является феноменом укрепившемся в прошлом, но актуальным для настоящего. «Современные ценности» представляют собой лишь пустую форму, «ёмкость», которая заполняется определённым содержанием. Это необходимо для обеспечения высокого динамизма смены значения ценности. В действительности, содержание их не имеет ничего общего с собственно ценностью, но лишь с топиком, то есть интегрируемым субъективным смыслом. Последнее предполагает наполнение такими компонентами как чувства, эмоции, образы, воображение и т.д., всё то, что соответствует импульсивной активности. При этом, подобный конгломерат, хоть и при глубоком анализе, предстаёт как собрание взаимоисключающих идей, но в рамках массового сознания не возникает ощущения диссонанса. Понятие «современные ценности» предполагает два основных момента. Во-первых, этот термин лишь пустое обозначение, которое применяется по привычке для актуализации содержания (придаётся особый истинный и объективный статус). Во-вторых, ликвидация проблематики содержания этих самых «ценностей». «Современные ценности» – это скорее бурлящий и хаотичный котёл, постоянно меняющихся идей и образов.

Петров Павел Андреевич

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

О парадоксах Интернет-Сети: Человечность против Этичности

Информационные технологии, которые продолжают совершенствоваться с момента возникновения во второй половине XX века, обеспечили человечество огромным количеством возможностей благодаря предоставляемым вычислительным мощностям, работе в режиме «мультизадачности» и ускорению коммуникации [Кастельс, 2004]. Последнее осуществляется при помощи Интернет-сети, не только обеспечивающей оперативную взаимосвязь пользователей друг с другом независимо от расстояния, но и открывающей индивиду доступ к огромному массиву данных, если они были оцифрованы [Манович, 2018]. С помощью Интернета получается связать между собой не только индивидов, но и другую технику: на этом базируются технологии «Умного Дома» и им подобные.

Сегодня Интернет развит настолько, что коммуникация между индивидами в ряде случаев является не первостепенной задачей, с которой он используется: с его помощью удовлетворяются пользовательские информационные запросы, решаются локальные задачи, выполняются индивидуальные операции [Neely, 2019]. Несмотря на наличие типовых запросов и операций, выполняемых пользователями, каждый использует Интернет индивидуально. В определённый момент возникают так называемые «пользовательские настройки» – особенности работы Интернет-программ и электронных устройств, заданные конкретным пользователем в процессе эксплуатации. Изначальная стандартная схема выхода в Интернет «очеловечивается» пользователями не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне: отзывы, комментарии и предложения пользователей мотивируют разработчиков делать более удобные, интуитивно понятные, в этом смысле человеческие пользовательские интерфейсы, становящиеся лёгкими в освоении даже для новичка. Однако, чем человечнее становится Интернет для отдельного индивида или группы лиц, тем больше приходится отдавать данных: «персонализация» Интернета требует передачи информации о тех или иных действиях пользователя [Митник]. Чем более Интернет «человечен» – тем больше он «наблюдает» за пользователями; масштабный сбор пользовательских данных может носить этически некорректный, более того – противоправный характер [Cotton, 2021]. В результате пользователи вынужденно оказываются перед выбором: работа техники «по-человечески» или нерушимость этических постулатов [Ramirez, 2022].

Литература:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
2. Манович Л. Теории софт-культуры. НН: Красная ласточка, 2018, 208 с.
3. Митник К. Искусство быть невидимым: как сохранить приватность в эпоху Big Data (пер. с англ.). М.: Эксмо, 2021. 464 с.
4. Cotton M. Virtual Reality, Empathy and Ethics. Springer Verlag, 2021.
5. Neely E.-L. Augmented reality, augmented ethics: who has the right to augment a particular physical space? // Ethics and Information Technology, 2019. №21(1). P. 11-18.
6. Ramirez E.J. The Ethics of Virtual and Augmented Reality Building Worlds. Routledge, 2022.

Петропавловская Мария Александровна

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса

Экзистенция как способ бытия в философствовании Ясперса имеет значительные, принципиальные сущностные отличия от других модусов существования. Если в классической традиции термин «экзистенция» означал просто «существование», то в философии экзистенциализма он обозначает определённый способ бытия, который можно назвать «подлинным бытием». Мы утверждаем, что подлинность бытия в творчестве

Ясперса выступает как моральная ценность и является предпочтительным способом существования.

В экзистенциализме экзистенция приобретает моральный приоритет: становится утверждением, опорой человека, обретает качества абсолюта. Если в атеистическом экзистенциализме существование человека обнаруживает себя на территории свободы, без опорности и заброшенности, то в религиозном направлении у человека остаётся опора: экзистенция имеет связь с трансценденцией. Трансценденцию в философии Ясперса вполне можно понимать как Бога [7]. Ясперс предлагает ценный синтез классического понимания значимости Абсолютного и экзистенциалистского выхода на свободу человеческой экзистенции. Экзистенция выступает вместилищем свободы, и в то же время способом связи человека с трансценденцией [8]. Религиозный экзистенциализм Ясперса вводит путь к спасению свободы человека в трансценденции [1].

Выбор того, как человеку существовать в мире, сопряжён с выходом за пределы разумного и обретением центра там, где до этого была неизвестность. Экзистенция получила ценностный приоритет, и человек обнаружил моральный смысл в существовании на границе, в постоянном риске, в открытости бытию. Это открытие стало ценностью, которая позволила обрести новый способ бытия, по-разному провозглашённый Ясперсом и Хайдеггером [6], Камю [2] и Сартром [5], но одинаково укоренённый в человеческой свободе и направленный к обретению им своей сути. Возможность избрания подлинного бытия обнаружила связь риска с идеей выбора. «Быть значит – изначально принимать решение быть», – говорит Ясперс [7]. В этом – свобода, опасность сопряжённого с ней риска и важность акта выбора, «желания выбрать» [3]. Способность совершать выбор наделяется решающим конститутивным значением в формировании личности человека.

Экзистенция «есть непреодолимая неудовлетворённость, составляющая одно с исканием трансценденции» [9]. Бытие представляет собой тоску и трансцендентную неудовлетворённость [4]. Однако в жизнеутверждающей философии Ясперса неудовлетворённость меняет знак «минус» на «плюс» и становится указателем в сторону смысла, ведущим к трансценденции.

Мы обнаруживаем в учении Ясперса условия возможности подлинного бытия, совокупность которых представляет экзистенцию как решение моральной проблемы выбора способа существования. Избирая экзистенцию как способ бытия, человек приходит к искреннему и глубокому диалогу с собой, с другим и с трансценденцией.

Литература:

1. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. / П. П. Гайденок. – Москва: Республика, 1997.
2. Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. / Альбер Камю; Москва: Политиздат, 1990.
3. Кьеркегор С. Или-или. / Сёрен Кьеркегор; М: Издательство АСТ, 2021.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Хосе Ортега-и-Гассет; М.: Наука, 1991.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. / Жан Поль Сартр. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1953.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; М.: Академический проект, 2015.
7. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Карл Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
8. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / Карл Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
9. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / Карл Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.

Полякова Наталья Валерьевна
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Моральное государство» Ярослава Качиньского: между политикой и этикой

Зародившаяся в рамках классической политико-философской традиции концепция нравственной политики и морального государства, несмотря на произошедший «макиавеллистский переворот», оказалась со временем достаточно востребованной в самых разных вариантах политико-идеологических конструкций и политических практик. На современном этапе эта концепция продолжает находить своих приверженцев, вдохновляя и опосредуя те или иные политические проекты.

Одним из таких проектов, вдохновляющимся концепцией нравственной политики и морального государства, стала специфическая практика современного польского консерватизма, обозначенная в рамках правоконсервативной программы партии «Право и справедливость» (ПиС). Главным идеологом и бессменным лидером этой партии, созданной в 2001 г., является известный политик Ярослав Качиньский, ставший «серым кардиналом» и вдохновителем правоконсервативного курса современной Польши. Предложенный им для страны политический курс на «моральную революцию» был нацелен на создание «Четвертой республики» или новой Речи Посполитой – сильного централизованного государства, действующего в союзе с католической церковью в лице польского костела и опирающегося на традиционалистски настроенный электорат. Одновременно в польский политический дискурс была введена идея «морального очищения» страны, которая, с одной стороны, должна была затронуть элиты (посредством антикоммунистической люстрации, борьбы с коррупцией во властных структурах и «ганстеризацией» экономики), а, с другой, всех без исключения граждан (посредством возрождения и укрепления традиционных ценностей). Излюбленная идея Я. Качиньского о необходимости «исправления государства» призвана, по его мнению, решить две основные задачи для новой Польши: обновление страны (через очищение от левизны и коммунистического наследия) и консолидацию национальной общности (через очищение исторической памяти от искажений и антиполюнизма). В идеальной конструкции идеологии качинизма польское государство должно отказаться от формулы «правового государства», заменив его формулой «морального государства», и в тесном взаимодействии с костелом, опираясь на его социальное учение, превратиться в воспитательное учреждение для польского общества: «В Польше не существует системы ценностей, которая соперничала бы с учением церкви. И мы либо поддерживаем это учение, либо впадаем в нигилизм...» [1]. Подобный курс реализуется в современном польском политикуме, где главный идеолог ПиС, остающейся правящей партией, активно эксплуатирует язык и аргументы «морально-нравственного» ряда на всех уровнях как внутренней, так и внешней политики.

Польский опыт идеологического обоснования и практического встраивания проекта «морального государства» оказывается чрезвычайно интересным с точки зрения специфики использования морально-этических аргументов в современной политике. В данном случае эти аргументы используются не столько для гуманизации правил и принципов взаимодействия государства и общества, сколько в качестве его основных регуляторов, обладающих явным преимуществом перед правовыми, политическими и экономическими инструментами регулирования, что потенциально закладывает основу для новых ценностных конфликтов в польском обществе, которые уже получили название «польско-польской войны».

Литература:

1. Kaczyński J. List prezesa Prawa i Sprawiedliwości do członków PiS, 9 czerwca 2020 // Prawo i Sprawiedliwość. Available at: <http://pis.org.pl/aktualnosci/list-prezesa-pis-j-kaczynskiego-do-czlonkow-prawa-i-sprawiedliwosci> (accessed: 21.08.2023)

Попова Екатерина Владимировна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственные основания художественной критики

Художественная критика является систематическим способом описания и анализа памятников изобразительного искусства и используется для оценки значимости того или иного объекта для искусства и культуры в целом. Проблема нравственности в критической литературе в данном исследовании рассматривается через призму наукообразности подобных текстов, цель которых, в первую очередь, – быть непредвзятыми к отдельному произведению искусства и автору, его создавшему.

Сталкиваются, с одной стороны, антропоцентричность нравственности как таковой, с другой – непредвзятость научного подхода, иначе говоря процесс обезличивания того или иного объекта культуры. Комплекс правил, превращающих личностную, подкреплённую индивидуальными целями и мнением оценку в критическую рецензию профессионального толка, складывается таким образом в практическую деонтологическую систему, предназначенную для критического искусствоведческого текста. Здесь, безусловно, важнее не ситуативность, а уставность и порядок.

Возможность воспринимать искусствоведческий текст соответствующим образом напрямую зависит от того, насколько профессионально он написан, с одной стороны – используются ли термины, анализируется ли культурный контекст, описываются ли исторические предпосылки и последствия. С другой стороны, в определённые периоды истории наука является продолжением общественной мысли и претерпевает цензурные влияния государственной власти, и даже стараясь оставаться независимой, вынуждена потакать влиянию политики. Так, критика изобразительного искусства в СССР должна была поддерживать политический строй, положительная оценка неконформистского искусства, например, была невозможна. Критическая художественная деятельность СССР, в свою очередь, подчинялась не опыту отдельного искусствоведа, а общей, заданной государством, морали, которая находилась во многом в отрыве от действительных потребностей и задач искусства того времени. С одной стороны это поддерживало моральные нормы советской власти, с другой – отдаляло советское искусство от европейского. Однако и подход к пониманию искусства в России всецело зависел от его восприятия обществом. Об этом, например, пишет Н.П. Антипов в статье “Нравственная поэтика, или литературоведение”: “Так уж случилось в России считать, что “чистое искусство” – порок. Грех. Искусство не может быть чистым. Оно должно, вопреки своей природе, отзываться на все прихоти человека” [2]. От понимания искусства всецело зависела и отечественная критика изобразительного искусства.

Таким образом, исследователю необходимо пропускать данные и факты, чувства, полученные от того или иного произведения искусства, не только через призму профессионального образования, но и через призму нравственности. Сравнивая критические статьи второй половины 19-го-начала 20-го века и современности, можно заметить, как меняются внутренние морализаторские свойства и функции искусствоведческих критических статей. Действительно соответствующими профессиональной этике критическими текстами становятся уже современные искусствоведческие труды, имеющие научный подход.

Литература:

1. Кузнецова О.Н. Искусствоведение и философия: проблемы понимания [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvovedenie-i-filosofiya-problema-ponimaniya/viewer>

2. Антипов Н.П. Нравственная поэтика, или литературоведение [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennaya-poetika-ili-literaturovidenie/viewer>

3. Фомина Т.Ю., Гильмутдинова Н.А. Некоторые проблемы критической этики XX века [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kriticheskoy-etiki-xx-veka/viewer>

Прибылова Мария Александровна
обучающаяся бакалавриата

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
**Суррогатное материнство как поле для этических исследований
в прикладной этике**

Прикладная этика – отрасль этического знания, напрямую связанная с практической жизнью обычных людей. Она отличается злободневностью тем, социальной значимостью, а также уникальностью случаев, вокруг которых возникают все новые и новые моральные дилеммы [2].

Одной из современных проблем прикладной этики является область суррогатного материнства. Точное определение термину дать довольно сложно, поэтому в данной работе он будет рассматриваться как вынашивание ребенка женщиной, оплодотворенной искусственным путем, основанное на договоре между суррогатной матерью и биологическими родителями плода.

Вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) получили распространение лишь в конце XX века, в связи с чем эта область исследований постоянно развивается и порождает большое количество этических проблем. Одна из них – коммерциализация. Суррогатное материнство подразумевает под собой юридическое закрепление обязательств сторон, которое напоминает договор купли-продажи. С этой точки зрения человек превращается в товар, от которого, при необходимости, можно отказаться; так, например, в 2010 году в Москве биологические родители бросили генетически больного близнеца, «выкупив» лишь здорового [1].

Другая этическая проблема – утрата человеческого достоинства и редуцирование восприятия женщины до своеобразного инкубатора. В «Критике практического разума» Кант определяет человека не как средство, а как цель саму по себе, как высшую ценность [3]. В случае с применением практик ВРТ мать, вынашивающая ребенка, перестает быть целью и становится только средством к его рождению, становясь неким посредником, оказывающим услугу. Новый взгляд на эту проблему появился совсем недавно: в 2023 году была опубликована статья профессора философии А. Смайдор, предложившей использовать женщин, у которых уже мертв мозг, для вынашивания детей [5].

Менее очевидной проблемой является статус криоконсервации эмбрионов и их дальнейших исследований. Большинство замороженных эмбрионов в дальнейшем не используется, вследствие чего возникает вопрос об утилизации биологических материалов. Однако, согласно христианской этике, умерщвление эмбриона – убийство, и единственным выходом становятся ВРТ, которые также порицаются церковью [4]. Проблема морального характера встает и в связи с предимплантационной генетической диагностикой, позволяющей определить наличие или отсутствие у плода более 6000 генетических заболеваний. В дальнейшем с помощью методов пренатальной диагностики появляется возможность определить пол ребенка, что позволяет «выбрать» нужный плод.

Таким образом, суррогатное материнство в прикладной этике постоянно развивается и затрагивает все больше и больше моральных аспектов, касающихся жизни людей. Явная неоднозначность и дискусионность этого направления порождает новый круг этических проблем в той области, на которую ранее не был направлен взор исследователей. Именно поэтому тема использования ВРТ не теряет свою остроту и актуальность на протяжении более полувека.

Литература:

1. Брюхина Е.Р., Трясына О.С. Суррогатное материнство: «за» и «против». Проблемные вопросы нормативного регулирования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. С. 164–174.

2. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Ведомости прикладной этики. 2004. N 25. С. 148–159.

3. Кант И. Критика практического разума: пер. с нем. // Собрание сочинений в 6 томах / под общ. Ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана, Т IV. Ч. 1. 1965.

4. Тарабрин Р. Этические дилеммы суррогатного материнства: христианский дискурс в современном социокультурном контексте // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. С. 123–144. doi: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-123-144>.

5. Smajdor A. Whole body gestational donation // Theoretical Medicine and Bioethics. 2023. P. 113–124. doi: <https://doi.org/10.1007/s11017-022-09599-8>

Прохоров Артём Русланович
обучающийся бакалавриата

Тульский государственный университет

Этические проблемы прорывных технологий:

Использование технологий в военных и дезинформационных целях

Негативное использование технологий охватывает широкий спектр областей и может иметь серьезные последствия для общества. В вопросах этики данная проблема может рассматриваться в сферах военного применения и информационной повестки.

Использование технологий в военных целях имеет долгую историю и продолжает развиваться с каждым годом. Технологический прогресс военной сферы имеет свои преимущества и недостатки, а также влияет на ход вооруженных конфликтов.

Одним из основных преимуществ использования технологий в военных целях является повышение эффективности и точности операций. Современные системы наблюдения, разведки и связи позволяют собирать информацию о противнике и обстановке на поле боя, что помогает принимать более информированные решения. Также развитие автоматизации и искусственного интеллекта позволяет создавать более точные и мощные оружейные системы. Кроме того, использование технологий в военных целях вызывает этические и правовые вопросы. Например, вопросы о человеческом контроле над автономными системами или о применении кибератак во время вооруженных конфликтов. Международное право и нормы военного права постоянно адаптируются к новым технологическим вызовам, но все еще существуют проблемы с их применением и соблюдением.

Помимо военных целей, технологии могут использоваться в целях дезинформации, что становится видно на примере многочисленных актов киберпреступности, мошенничества и пропаганды. С развитием интернета и социальных сетей появились новые возможности для распространения ложной информации и манипуляции общественным мнением.

Одной из таких технологий является глубокое фейковое видео (deepfake), которое позволяет создавать реалистичные видеоматериалы, в которых лица людей заменяются на лица других людей. Это может быть использовано для создания видео, в которых политики или общественные деятели выглядят так, будто они говорят или делают что-то, чего на самом деле не делали. Такие видео могут быть использованы для компрометации или дискредитации людей.

Еще одной прорывной технологий в целях дезинформации является использование ботов и искусственного интеллекта для создания и распространения фейковых новостей. Боты могут автоматически создавать и распространять сообщения в социальных сетях, создавая иллюзию популярности и поддержки определенных идей или кандидатов. Также искусственный интеллект может использоваться для создания фейковых новостей, которые выглядят достоверно и могут быть восприняты как настоящие.

Негативное использование технологий требует более строгого регулирования, обучения общества и разработки этических стандартов. Технологические компании, правительства и общество в целом должны работать вместе, чтобы минимизировать риски и создать более безопасную и этичную технологическую среду.

Пэн Чэнь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Этическое и эстетическое в Пекинской опере: истоки и современность.

Пекинская опера сформировавшимся в конце феодальной эпохи, в Китае насчитывает в своей истории более двухсот лет и является одним из художественных форм выражения китайского менталитета. На всем протяжении своей истории пекинская опера как жанр пользовалась неизменной популярностью у народа. Искусство Пекинской оперы является важной частью выдающегося культурного наследия китайской нации. Его богатый репертуар, зрелый стиль технического исполнения и мягкий эстетический стиль занимают важное место в традиционной китайской культуре.

Таким образом она выступала и как хранительница культурных норм, наиболее применяемых в китайском социуме, и одновременно являлась местом откуда эти нормы инвестировались в повседневность. Важной составляющей являлась этическая составляющая. Таким образом можно рассматривать пекинскую оперу как ядро китайской культуры. Она передала такие традиционные понятия, как благожелательность, праведность, благопристойность, мудрость, доверие. Через рассказы об исторических событиях, копирование исторических персонажей, а также через банальные, близкие народу вещи, объясняются жителю Китая основные нравственные ценности, идеи истины, добра и красоты.

С точки зрения нравственного воспитания большинство спектаклей Пекинской оперы несут в себе позитивные смысл. Например, она несет в себе национальный дух Китая, выражение семейных и национальных чувств, передачу таких ценностей, как верность, сыновняя почтительность, справедливость и героизм, а также акцент на жизненной силе и воле к жизни. Поэтому Пекинская опера можно считать неким кодексом, в котором зафиксированы моральные установки и ориентиры китайца.

С развитием времени Пекинская опера пользуется большой популярностью в Китае, большее число людей смотрят Пекинскую оперу и по мере развития технологий, эти технологические инновации привели к некоторым изменениям в представлении Пекинской оперы. Например, в современной Пекинской опере по сравнению с оригиналом гораздо больше сцен, сокращена продолжительность спектакля, грим стал более легким, не используется маска для лица, одежда стала более современной и ориентированной на жизнь, в музыку добавлены западные инструменты, отменены многие сложные движения в формуле спектакля, реплики стали проще и понятнее, что делает Пекинскую оперу более приемлемой для молодого зрителя и т.д. Но при всем основные установки – этические, культурные, политические, идеологические, в основном в ней сохраняются. И на сегодняшний день пекинская опера является своего рода одним из местом актуализации сущности китайского общества. И в том числе выполняет воспитательную функцию.

С наступлением технологического века у людей появилось новое понимание и интерпретация классики пекинской оперы, изменились их нравственные представления. Нам необходимо и дальше изучать и совершенствовать гуманистическую заботу и нравственное воспитание, нашедшие отражение в искусстве Пекинской оперы. Драгоценные традиционные ресурсы нравственного воспитания в искусстве Пекинской оперы обогащают и обогащают нравственную конструкцию китайскими особенностями. Решение этой проблемы можно начать со следующих позиций: (1) пропаганда “возвращения классики”; (2) анализ внутренних смыслов и идей классики; (3) анализ различий в идеологических концепциях древних и современных людей в контексте китайской культуры, чтобы найти традиционную культуру, утраченную современными людьми, и достичь цели нравственного просвещения.

Разин Александр Владимирович
д.филос.н., профессор, зав.каф.этики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
**Методология Канта и Гегеля в свете метода восхождения
от абстрактного к конкретному**

Известно, что кантовская методология основана на разделении, ноуменального и феноменального миров, идеи долга, как добровольно налагаемого человеком на самого себя обязательства. В данном аспекте долг сочетается с другим важным для Канта понятием – «добрая воля». В соответствии со своей доброй волей человек сам накладывает ограничения на собственную свободу, подчиняясь предельно общему, универсальному правилу – категорическому императиву. Принадлежность к ноуменальному миру создает условия человеческой свободы, которой в мире явлений нет, так как там все детерминировано. Но человек своим свободным решением может начать новый причинно-следственный ряд. В этом смысле его свобода не противоречит идеи детерминизма. Это общеизвестные положения кантовской теории, но сейчас мы хотим обратить внимание на другое: для Канта принципиальным является то, что нравственный поступок – это только бескорыстный поступок, в котором личный интерес никак не представлен. Может ли такое быть, ведь выбирать надо всегда на основе чего-то и если нет оснований выбора, то это просто случайный выбор. Отсюда Кант так и не смог объяснить почему человек выбирает следовать категорическому императиву, почему он действует в интересах человеческого рода, хотя он и пытался это сделать.

Гегелевская методология принципиально другая. У него человек действует в соответствии со своими интересами, но в самих этих интересах представлена идея добра, соотносимая с конкретными задачами, возникающими перед человечеством на конкретных этапах развития общества. Гегель полагал что добро есть абсолютная цель мира и долг для субъекта, который должен иметь понимание добра, сделать его своим намерением и осуществлять в своей деятельности.

Такой подход по логике вещей требует не только соединения личного интереса с общественным, нахождение личного счастья в благе всего общества, но и предполагает какие-то действенные механизмы реализации нравственной воли. Но теория Гегеля страдает другим, по сравнению с Кантом, изъяном. Это тот факт, что Гегель начинает сразу с самых абстрактных категорий (бытие и ничто), которые почему-то начинают процесс саморазвития, в котором идеальное превращается в материальное. Но как, за счет каких механизмов, это происходит в гегелевской методологии не разъясняется.

При соотношении этих методологий с методом восхождения от абстрактного к конкретному можно сказать, что Кант реализует в основном первую часть метода, т.к. движения от явления к сущности. Для Канта такая сущность это незаинтересованный нравственный мотив и идея свободы. Но совершить восхождение от выявленной в абстрактном виде сущности к действительности, т.е. к явлению, рассмотренному под углом зрения выявленной сущности, Кант уже не может в силу того, что представления о субъекте в его сущности слишком упрощены. Гегель реализует вторую часть метода, забывая про первую. Отсюда его теория также получает упрощения, связанные с введением в теории необъяснимых оснований развития в виде абсолютной идеи. И только Маркс реализует обе части метода. Он выявляет звено, с которого можно начать реальное рассмотрение истории – самое массовое отношение, представленное на поверхности развитого капиталистического общества, т.е. обмен товаров. И именно развитая форма, согласно Марксу, может дать ключ к пониманию предшествующих ей неразвитых форм. Отсюда понятен вклад Маркса в развитие теории общества на основе его многоуровневого анализа, что позволяет объяснить и процесс возникновения социальных, в том числе и моральных норм.

Романюк Мария Викторовна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
**Потенциальность, превосходящая действительность:
этика бездействия Джорджо Агамбена**

Согласно Джорджо Агамбену, отправной точкой для любого рассуждения об этике должно стать утверждение, что не существует никакой сущности человека, никакого исторического или духовного назначения или биологической программы, которая его предопределяет — иначе этический опыт был бы невозможен [1]. Прежде всего это связано с тем, что одной из руководящих идей философии Агамбена является установка на невозможность рассмотрения этики и политики как отдельных дисциплин, а также с идеей потенциальности, которая фундаментальна для Агамбена и которая обретает предельную конкретику на уровне схождения онтологии и политической философии [4]. С первой книги серии *Homo Sacer* философская археология Агамбена была направлена на проблематизацию отношений между жизнью и политикой, то есть между суверенитетом и голой жизнью [5]. С точки зрения этики речь идет о возможности преодоления состояния исключения через приостановку отказа от мира: жизнь, на которой, с точки зрения Джорджо Агамбена, должна быть основана этика — это не жизнь, которая поставлена вне языка или государства; этика, скорее, может быть найдена за пределами идей примата личности и человеческого достоинства, в разломах между человеком и жизнью благодаря уходу на уровне права и языка в зоны неразличимости, где жизнь не является ни безмолвной и пассивной, ни полностью охваченной языком и действием [3]. Агамбен обращается к теме бездействия, следуя за Александром Кожевым, Морисом Бланшо и Жаном-Люком Нанси, и в рамках его концептуального аппарата это понятие позволяет помыслить потенциальность без отношения к бытию в форме действительности [2]. Для Агамбена этика — это решимость столкновения с бессилием, присущим изначальной потенциальности человека, а также с глубокой тревогой заброшенности в мир без чего-либо, в частности, без языка, который позволил бы в нем ориентироваться [3].

Литература:

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. – М.: Три квадрата, 2008. – 144 с.
2. Crosato C. Telling the Truth, or Not. Notes on the Concept of Ethics in Foucault and Agamben. 2020, *Journal of Italian Philosophy*. – P. 111-137
3. Colebrook C., Maxwell J. Agamben. – Malden, MA: Polity, 2016. – 224 p.
4. Leland de la Durantaye. Giorgio Agamben: A Critical Introduction. – California: Stanford University Press, 2009. – 463 p.
5. Primera G. The Political Ontology of Giorgio Agamben: Signatures of Life and Power. – London: Bloomsbury Publishing, 2019. – 208 p.

Рудакова Софья Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Подход этики добродетели к анализу корпоративной культуры

Корпоративная культура непосредственно влияет на производительность бизнеса [2, с.416] и благополучие сотрудников [3, с.451]. Последнее выражается в повышении лояльности к организации, восприятию труда как значимого, снижении стресса. Поэтому корпоративная культура – интегрирующий элемент бизнеса. Добродетель выполняет тождественную функцию [5, с.9]. Впоследствии поле исследования было расширено до вопроса морального статуса рынка и способа реализации идеи всеобщего блага в капиталистической системе [5, с.11]. Поэтому понятие добродетели стало использоваться для анализа деятельности компании в целом. Это обосновывает актуальность исследования.

Объект исследования – понятие корпоративной культуры. Предмет – организационные добродетели как фундамент корпоративной культуры. Цель – выявление сущности корпоративной культуры с помощью понятия организационных добродетелей. Задачи: определить корпоративную культуру, её структуру; проанализировать понятие организационных добродетелей и их роль в культуре.

Исследование корпоративной культуры проводится на основе концепции Э.Шейна. Понятие организационных добродетелей раскрыто с опорой на “Никомахову этику” Аристотеля, исследования Т. Ньюстеда, Роба Маклина, Сары Докинз, Анджелы Мартин, Дж. МакДауэла.

Корпоративная культура – осознаваемые и неосознаваемые групповые представления, приобретаемые в процессе приспособления к внешней среде, обеспечивающие устойчивое существование и развитие [6, с.32]. Она состоит из артефактов, провозглашенных ценностей и базовых представлений [6, с.35]. Последний уровень – сущностный, состоит из онтологических, эпистемологических и антропологических представлений. Их неосознаваемый характер приводит к проблеме анализа представлений и способа связи с осознаваемыми уровнями культуры. Новизна работы заключается в использовании теории организационных добродетелей для её решения. Добродетель – сознательно избираемый склад души, согласный с рассудительностью, задача которой – принятие решения относительно благости жизни [1, с.176]. По аналогии с поллисной жизнью, добродетельный работник руководствуется представлением о благе компании, которое является и его индивидуальным благом. Добродетель – невыразимое представление о том, как следует жить. Поэтому она включает в себе базовые представления культуры и делает их основанием морального поступка. Таким образом, организационные добродетели – сознательно избранное направление мыслей, выражающееся в поступках, каждый раз способствующих реализации миссии компании и совершенствующих природу актора [4, с.18].

Итак, исследование организационных добродетелей характеризует способ связи уровней культуры, даёт более полное представление о её фактическом содержании. Перспектива дальнейшего исследования – разработка практического метода анализа корпоративной культуры для выявления и устранения разногласий между её уровнями.

Литература:

1. Аристотель Никомахова этика // Аристотель Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975–1984. 1983. Т. 4. С.53-295.
2. Бертрам Т., Ли К.-К., Чжу Ж.-З. Влияние организационной культуры и обучения на эффективность инновационной деятельности // Международный журнал инноваций и обучения, 2008. №4. С. 413-428. URL: <https://clck.ru/35twb2> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Герцог П., Харрис Д., Пейфер Дж. Содействие моральной зрелости: интеграция развивающего и культурного подходов // Журнал менеджмента, духовности и религии, 2018. С. 450-474. DOI: <https://clck.ru/35twdJ> (дата обращения: 29.09.2023)
4. Ньюстед Т., Маклин Р., Докинз С., Мартин А. Дж. Что такое добродетель? Продвижение концептуализации добродетели для обоснования позитивных организационных исследований. // Академия менеджмента, 2018. №4. С. 443-457.
5. Ферреро И., Сисон А.Х.Г. Количественный анализ авторов, школ и тем статей по этике добродетели в журналах по деловой этике и менеджменту (1980-2011 гг.) // Деловая этика: Европейский обзор 2014. №4. С.375-400.
6. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

Руженцев Сергей Евгеньевич
д. филос. н., профессор

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Кризис идеологии как один из факторов кризиса морали

Современное общество часто рассматривается как находящееся в состоянии кризиса. Эту кризисность фиксируют в различных сферах социального бытия. Ее характеризуют часто как кризис постмодерна, цивилизационный разлом, социальная дезориентированность. Несомненно, внимание и изучение противоречивых тенденций развития существовало всегда, поскольку их проявление неизбежно в самых разных областях жизнедеятельности.

Одним из существенных факторов организации общества выступает мораль. Ее функциональное предназначение определяется важностью обеспечения устойчивости в регулировании социальных взаимодействий. Сама универсальность применения моральных принципов дает возможность оценивания любых форм человеческого бытия.

Однако при анализе функционального проявления морали неизбежно возникает вопрос о состоянии и действительности ее норм на том или ином этапе развития общества. А при любых кризисных признаках внутри социума неизбежно констатируются недостатки в реализации моральных норм и установок.

Как представляется, существенную роль в складывании морального кризиса играют недостатки, связанные с идеологической основой социальных отношений. Известно, что идеология выступает в качестве концентрированных основ социальных идеалов и предпочтений определенной социальной группы. Как и мораль, идеология имеет некую ценностную основу для оценки существующего положения дел в социуме, определения вероятной идеальной модели развития, выдвижения критериев для социальных взаимодействий. Идеология в концентрированном виде выражает пожелания, устремления в создании некоей модели организации общества. Поэтому ни одна группа людей, ни одно общество не может существовать без идеологии.

С другой стороны, мораль, являясь тоже специфическим регулятором отношений между индивидами и социальными группами, руководствуется некими правилами, принципами, идеалами. Без универсальных и групповых норм затруднительно выработать адекватную оценку событий. Другое дело, что мораль, защищая сложившиеся стереотипы и правила, в большей степени обращена в прошлое, выступая в качестве доказательной базы положительных или отрицательных усилий и устремлений индивида. Тогда как идеология ориентирована на достижение в будущем своих установок, которые должны скорректировать формы и методы социальной жизни и управления.

Единение морали и идеологии не всегда проявляется непосредственным образом. Чаще всего между ними складывается опосредованная связь, имеющая малозаметный характер. Это происходит от того, что для морали нет практической необходимости апеллировать к идеологии. Тем более, мораль по ценностному основанию гораздо шире и разнообразнее любой идеологической платформы. А вот идеология обойтись без обращения к морали никак не может, если желает выступить в качестве универсальной, объединительной платформы для большего спектра социальных групп.

Однако современные кризисные явления не могли не затронуть идеологические установки. Прагматичность современных политических субъектов, доходящая порой до откровенного цинизма, явно диссонировает с моральными требованиями. С одной стороны, мы видим размывание прежних социальных границ, нивелирующее групповую идентификацию, осознание приоритетных социальных интересов. Очевидно, это является объективным процессом в современном обществе. Поэтому, с другой стороны, формируется идеологическая «растерянность» у целого ряда социальных групп, принимающих идеи общества потребления, веру в материальное богатство, отказ от долга по отношению к обществу. Место классовой, общегрупповой идеологии пытается занять ориентация на глобальные, постмодернистские, универсальные ценности, как будто уже имеется социальная и ценностная однородность в современном обществе.

Идеологическая амбивалентность своей аксиологической беспринципностью отрицательно влияет на моральные установки. Ведь идеология выдвигает на практике в качестве основных и желательных ценностных ориентиров такие, которые не опираются на этику долга или ответственности, взаимных обязанностей власти и общества. Кризис идеологии размывает нравственные идеалы общества, лишая его веры в реализацию положительных идеалов. В свою очередь, мораль своими размытыми критериями задает ложную опору идеологии. Образуется порочный замкнутый круг ценностных aberrаций общества. Поэтому современное общество нуждается в реабилитации адекватных ценностных оснований, объединяющих мораль и идеологию в общих координатах.

Рыбакова Ирина Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Этические аспекты психологического консультирования

Профессиональная практика психолога-консультанта предполагает регулярное столкновение с этическими дилеммами и требует от специалиста решения значительного количества этических вопросов в повседневной работе. Это обусловлено рядом причин. Первая причина состоит в том, что сама ситуация консультирования подразумевает, что психолог оказывается наделен некоторой властью над клиентом, обусловленной самораскрытием клиента и позицией психолога как эксперта. Несмотря на то, что многие современные подходы психологического консультирования (в частности, клиент-центрированный подход) предлагают отход от патерналистской модели и предполагают отсутствие этой иерархии, на уровне оппозиции психолог-клиент она все равно продолжает существовать. Наличие иерархии объясняется тем, что психолог-консультант воспринимается клиентом как более компетентный человек, который должен помочь в решении тех или иных вопросов. Кроме того, этический вес принимаемых психологом-консультантом решений увеличивает и низкий уровень осведомленности клиентов об этической составляющей консультирования. Такая позиция накладывает на специалиста дополнительную этическую ответственность и перед клиентом, и перед профессиональным сообществом, и перед обществом в целом [3, 203].

Другая причина возникновения этических дилемм в практике психолога-консультанта состоит в том, что некоторые процессы, которые являются частью консультирования, также требуют от психолога этической оценки рисков. Так, например, степень самораскрытия психолога в процессе работы с одной стороны, является необходимым в большом количестве подходов (например, в гештальт-терапии и клиент-центрированном подходе), однако чрезмерность и неправильная форма могут повлечь за собой различные негативные эффекты для клиента [4, 74].

Наибольшая часть этических дилемм, с которыми сталкивается психолог-консультант, связана с требованиями к конфиденциальности, риском возникновения ролевых конфликтов и двойных отношений [1, 9]. При решении этических дилемм психолог опирается на Этические кодексы [5], которые принимаются на уровне ассоциаций и профессиональных обществ. Однако, нормативные документы не учитывают всего многообразия реальных ситуаций и в большинстве случаев психологу приходится искать компромисс между требованиями кодексов и требованиями конкретной ситуации [2, 48]. Кроме того, значительное количество ситуаций оказывается не охваченными кодексами и правом, критерием тут оказываются собственные этические установки специалиста. Таким образом, в своей практике психолог-консультант сталкивается с различными этическими дилеммами, за решение которых он несет личную ответственность.

Литература:

1. Армашова А. Б. Этическая зоркость и возможности ее развития в обучении психологов консультантов. // I Международная конференция по этике в психологическом консультировании и психотерапии: Электронный сборник материалов конференции/ под ред. Н.В. Кисельниковой, Е.А. Куминской, Е.В. Лавровой, В.А. Земцовой – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2017.
2. Жедунова Л.Г., Посысов Н.Н. Этические принципы как регуляторы клиент-терапевтических отношения. // I Международная конференция по этике в психологическом консультировании и психотерапии: Электронный сборник материалов конференции/ под ред. Н.В. Кисельниковой, Е.А. Куминской, Е.В. Лавровой, В.А. Земцовой – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2017.
3. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. — 240 с.
4. Нестерова А. А. Самораскрытие терапевта: разрушение границ в терапии или преодоление барьеров в отношениях? // I Международная конференция по этике в психологическом консультировании и психотерапии: Электронный сборник материалов конференции/ под ред. Н.В. Кисельниковой, Е.А. Куминской, Е.В. Лавровой, В.А. Земцовой – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2017.
5. Этический кодекс Российского психологического общества <http://psyrus.ru/tpo/documentation/ethics.php2>

Савелов Арсений Денисович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Некоторые проблемы и преимущества утилитарного подхода к оправданию наказания перед ретрибутивным

Сегодня в юридической практике множества стран относительно наказания доминирующим принципом является ретрибутивизм. Под ретрибутивизмом понимается принцип, согласно которому, правовое наказание подразумевает положения: 1) законность наказания, 2) наказание само по себе является морально правильным (то есть оно правильно вне зависимости от его последствий), 3) морально неправильно наказывать невинных, 4) наказание подразумевает причинение вреда преступнику (как лишение его чего-то, так и причинение прямого физического и психологического вреда) 5) вред нанесенный нарушителю пропорционален серьезности преступления [7]. Среди данных характеристик сложности вызывают 1, 2 и 5.

(1) Ретрибутивизм во многом подразумевает реальность моральной ответственности [2, р. 14]. Утилитарная теория наказаний вполне может существовать и без феномена моральной ответственности. Но такой утилитаризм приводит к оправданности наказания невинных, т.е. к отрицанию (3), так как такое наказание может сопутствовать устрашению, которое является, по мнению некоторых исследователей, основным принципом в рамках утилитаристской теории наказания [3, р. 255].

(2) Едва ли всякое наказание в нашей практике мы считаем морально правильным самим по себе. Если мы принимаем положение (2), то наказание вполне может скатиться в обыкновенную месть. Более того из положения (2) вполне возможно вывести положение, что государство имеет обязательство карать нарушителей. Однако в большинстве стран данное обязательство часто не рассматривается в качестве доминирующего. Ресурсы государства ограничены при множестве обязательств. Утилитаризм вполне способен обосновать моральную правильность применения наказания в одних ситуациях и воздержания от него в других [6, р. 74].

И наконец (5), – не всегда ясно какое наказание человек заслуживает при чисто ретроспективном подходе. В юридической практике разных стран одно и то же преступление может наказываться по-разному. В утилитаризме же имеется некоторый принцип распределения удовольствий и страданий [5, р. 153]. На практике возможны ситуации, когда преступник, освобождается от наказания (или от определенной его час-

ти). Утилитаризм также может оправдать и ужесточение наказаний в определенных случаях, когда это способствует значительному увеличению блага.

В итоге следует признать преимущества утилитаризма перед положениями (2) и (5), однако утилитаризму необходимо принять положения (1) в качестве дополнительно-го принципа. Судя по всему, такой минимальный ретрибутивизм (заслуга лишь как необходимое условие для наказания) имел место в «классическом утилитаризме» Бентама в отличие от современного «утилитаризма действия» [1, с. 231-234].

Литература:

1. Бентам И. Введения в основания нравственности и законодательства. М.: РОСПЭН, 1998. 189 с.
2. Caruso, Gregg D. Rejecting Retributivism: Free Will, Punishment, and Criminal Justice. NY: Cambridge University Press, 2021. 390 p.
3. McCloskey H. J. A non-utilitarian approach to punishment. Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy, 1965, 8. pp. 249 – 263.
4. Rosen F. Utilitarianism and the Punishment of the Innocent: The Origins of a False Doctrine. Utilitas, 1997, Vol. 9, №1, pp. 23-37
5. Rosen F. Classical Utilitarianism from Hume to Mill. London: Routledge, 2003. 304 p.
6. Ryberg J. Retributivism and Resources. Utilitas, 2013, Vol. 25, pp. 66-79.
7. Walen, Alec, «Retributive Justice», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/justice-retributive/>>.

Савенкова Анастасия Сергеевна
к.соц.н., ассистент

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Soft skills – элемент демократизации организации или способ манипуляции

Одним из наиболее распространенных понятий в современном трудовом и профессиональном дискурсе является soft skills. В расширительном смысле слова термин понимается как навык взаимодействия с людьми, ведения переговоров, убеждения в собственных идеях [1]. Рост внимания к личностно-коммуникативным способностям человека, не соотносящимся напрямую с его профессиональными компетенциями (hard skills), вполне соответствует концепции гуманизации труда, акцентуации на комфортность и личностный рост в процессе выполняемой деятельности.

Но из маркера демократизации, гармонизации трудовых отношений soft skills нередко превращаются в инструмент расширения социального неравенства и конфликтности. Это обнаруживается в различных сферах организационных отношений, например, в системе адаптации и мотивации персонала, при формировании организационной культуры.

Находчивость, коммуникативность, инициативность, проактивность соискателей и работников превращаются из незаурядных качеств в общеобязательные, что переносит ряд обязательств наймодателя на сотрудника. Адаптация персонала в новых условиях зависит не от качества менторской, наставнической деятельности, а от способности самого работника получить необходимую информацию о способе выполнении поставленных задач от коллег. Это потенциально конфликтная ситуация, так как более опытный сотрудник вынужден отвлекаться от собственной работы. Таким образом, к стрессам, возникающим в процессе трудовой адаптации, добавляется чувство вины у подшефного работника, восприятие себя как бесполезного и мешающего.

Помимо социально-психологических проблем возникают и финансовые. Актуальная для Российской Федерации тема сложности получения опыта работы усиливается в условиях необходимости убедительной самопрезентации. Образование «плоских» организаций, с небольшой численностью работников дополнительно мотивирует наймодателя рекрутировать в компанию опытных специалистов.

Получение трудовых навыков коммодифицируется, что отражается в появлении противоречащих трудовому законодательству РФ предложений прохождения трудовой практики, стажировок, оплачиваемых самим соискателем.

Обнаруживается и темная сторона демократизации организации, сокращения трудовой дистанции. С одной стороны, процесс стирания границ между трудовой и личной жизнью человека предполагает формирование благоприятного организационного климата, внимание к совместимости сотрудников. С другой – ценности и способы коммуникации, характерные для дружеского общения проникают в производственную сферу. Возрастает роль нефинансовых элементов системы мотивации, а также манипулятивных практик, апеллирующих к ответственности и солидарности с коллективом. Примером такого поведения служит использование выражений вроде «работа – второй дом», «плох тот работник, который работает только ради зарплаты», применяемых как ответ на просьбы повышения зарплаты, либо аргумент, обосновывающий переработки.

Развитие soft skills персонала уменьшают нагрузку руководителя, возлагая ответственность за развитие компании на сотрудников. У этого процесса есть позитивные аспекты: внутренняя ротация кадров, выращивание лидеров внутри организации. Рискованным моментом становится генерализация этого подхода, например, предъявление требований предлагать идеи развития компании, выступать с инициативами к неуспешным пройти основную адаптацию работникам, сотрудникам, желающим оставаться в качестве рядового исполнителя.

Принудительное расширение полномочий работников зачастую выходит за пределы самой организации. Так сотрудники педагогической сферы, классные руководители нередко вынуждены обращаться к родителям учеников с просьбой регистрации на различных сайтах, предоставления отчета о голосовании на государственных и муниципальных выборах.

Парадоксальность феномена soft skills заключается и в том, что наличие социально-коммуникативных навыков может помочь сотруднику самостоятельно разрешить ряд упомянутых противоречий, другая же часть является одним из приоритетов государственного регулирования.

Литература:

1. Ивонина А. И., Чуланова О.Л., Давлетшина Ю.М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Науковедение. 2017, Т.9. №1.

Савинов Родион Валентинович
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Где обитает добродетель? Феноменология морального пространства.

1. Классический этический дискурс определялся отношением между моральными субъектами и их окружением безотносительно стратификации субъектов и вещей в пространстве.

2. Необходимость «спатIALIZации» этического дискурса диктуется формированием новой онтологии, которая обозначена в работах М. Мерло-Понти, А. Лефевра, Г. Хармана, В.И. Молчанова. Их работы показывают, что фундамент этических категорий имеет в своей основе дифференциацию занимаемых человеком пространств (природных, культурных, социальных, политических). «Объектом познания является дробная, изменчивая связь между сложившимися репрезентациями пространства и пространствами репрезентации (с их носителями): объект предполагает и объясняет субъекта – того, в чьей пространственной практике соединяются переживание, восприятие осмысление (знание)» [1, с. 227].

3. Переосмысление проблемы отношения пространственности к понятию ценности и системам моральных значений определилось с революцией в социальной теории и формировании «теории справедливости», альтернативных концепции Дж. Роулза

(Д. Милбанк, Л. Болтански и др.). На место «вполне упорядоченного общества», где справедливость и добродетель осуществляются в едином институциональном механизме, Л. Болтански выдвигает модель «града» (cité), в котором осуществляется та или иная «модель легитимного порядка», обеспечивающая «согласие», тогда как Д. Милбанк предлагает концепцию антисекулярного «инога града», описывающую «моральную практику, связанную с историческим возникновением новой и уникальной общности», независимой от правовой солидарности и формальной справедливости – церкви.

4. Фундаментальная проблематика моральной топики требует различения пространства общественной солидарности, базирующейся на модели справедливости, и пространства этического согласия, базирующегося на модели добродетели. При этом, возникает вопрос о форме морального сообщества, который ставился еще Лейбницем. Его фундаментальное отличие в том, что оно нередуцируемо без утраты своего содержания. В этом смысле моральные сообщества – это системы коммуникативных объединений, имеющие имматериальный характер. «В своих обеих, классической и современной, формах материализм – это программа “перехода напрямую к самой сути”, и подмены объектов их составом или их собственными внешними эффектами. Однако мы видели, что объекты зачастую превосходят свои составные части и даже могут, добровольно или нет, воздерживаться от каких-либо действий» [4, с. 134].

5. Нередуцируемая этическая коммуникация, данная в различии, образует «моральный корпоративизм», формирующий и испытывающий ценности: необходимость локализации моральных сообществ, с одной стороны, кладет предел универсальности притязаний на построение «тотального сообщества», с другой стороны, различает и специализирует возможные масштабы распространения этических норм особыми техниками корреляции ценностных группировок, связанных с опытом совместных практик и со-существования различных субъектов в пространстве. «Пространственно-коррелятивная дескрипция не нуждается в отсылке к “внутреннему опыту”, “интенциональности” или “судьбе бытия”, но в качестве первого шага осуществляет то, что осуществляется при описании любого предмета или процесса: фиксирует и перечисляет различия» [2, с. 261].

6. Тем самым мы можем истолковать кантовский категорический императив различия цели и средства как указание на дистанцию между способами конституирования сообществ в окружающих их топосах, следуя «процедурному» пониманию механизма его осуществления как «коллективного выбора», предлагаемому Роулзом [3, с. 228].

Литература:

1. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
2. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
3. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2017. 536 с.
4. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. Мю: Изд. Инст. Е.Гайдара, 2018. 152 с.

Садыкова Елена Рафаиловна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет; ООО «Бесконтакт»
**Основные проблемы составления профессионального кодекса
специалистов по управлению персоналом в России**

Быстрое развитие технологий в современном обществе влияет как на появление новых профессий, так и на активное развитие уже существующих. Хотя профессия специалиста по управлению персоналом или hr-менеджера, как специфическая управленческая функция, возникла к концу XIX века, – дальнейшее развитие экономики, психологии, этики активно способствовало развитию соответствующей

щей области знания. Если сравнивать предложенные различными авторами стратегии развития hr функции можно заметить, что все дальнейшее развитие выглядит, как расширение сферы влияния специалистов по управлению персоналом сначала вовнутрь организации, а в XXI веке и вовне организации. Как пример, сейчас очень востребованы на рынке специалисты по построению лояльных к компании профессиональных сообществ (общепринятое название – *devrel, Developer relations Manager*).

На сегодняшний момент, профессиональная область постоянно расширяется новыми ролями, растет число специалистов, что, с одной стороны, говорит о возрастании запроса к функции, а значит и признании большого влияния на экономику и общество, а, с другой стороны, значительно усложняет любую рефлексию о профессии. Очень сложно остановиться и осознать: в чем суть самой деятельности и что является этическим для данной деятельности.

Исследуя эту в область в рамках своей профессиональной деятельности, я предположила, что, например, самая большая моральная дилемма для специалиста по управлению персоналом, в некоторых организациях называемых *hrbp* (бизнес-партнер по персоналу) – это необходимость выбора между требованиями бизнеса и потребностями сотрудника. Причем, как правило, предприятие в лице управленцев в любом случае требует безусловной лояльности к своим решениям, а сотрудники требуют поддержки и помощи.

В этом видится первая проблема создания кодекса – большое разнообразие ролей в рамках профессиональной области. Да, все они объединены общим знаменателем – работа с сотрудниками в компании/вне компании, но деятельно они сильно отличаются. Отсюда и разные этические дилеммы, с которыми сталкиваются hr специалисты. Вторая проблема, следующая из первой – достаточно большая разобщенность специалистов в силу различности деятельности, что выражается в отсутствии профессионального союза/сообщества в России. Что усложняет как коммуникацию в профессиональной hr среде, так и усложняет процесс легитимизации возможного этического кодекса.

Способы решения этих проблем в рамках создания этического кодекса, с одной стороны, лежат в области конкретизации направлений деятельности разнообразных hr специалистов, а, с другой стороны, в поиске объединяющих смыслов их деятельности, а дальше возможно и создание профессионального сообщества. В случае разрешения этих проблем возможно создание в России hr кодекса, в котором будут конкретизированы общие моральные принципы работы, сформулирована роль и цели работы специалистов по управлению персоналом.

Сахарова Софья Аркадьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Этические аспекты желания в психоаналитическом дискурсе

Жак Лакан акцентирует наше внимание на том, что этика занимает центральное место в психоанализе, вплоть до того, что сам психоанализ и есть этика. Основным постулатом лакановской этики становится знаменитый императив, отражающий позицию не уступать в своем желании, который он обозначает на семинаре в 1959-60 гг. При этом, необходимо отметить, что речь не идет о гедонистической трактовки концепта. Несмотря, на обыденное связывание понятия «желания» с удовольствием, Лакан подчеркивает бессознательный характер первого и противопоставляет его удовольствию. Ряд аспектов таких как стремление к одобрению, комфорт, то же удовольствие может привести к необходимости «поступиться своим желанием» [1, с. 408]: «... единственное, в чем можно быть виновным, это в том, что вы поступились своим желанием» [2, с. 409] говорит Лакан и маркером тому становится чувство вины, испытываемое субъектом. Субъект для Лакана подразумевает как мысль, так и желание, связанные между собой. Как и Фрейд, который говорит, что бессознательное мыслит, а значит нужно подразумевать, что и желает.

Вопросы этики с позиций психоанализа Зигмунд Фрейд поднимает в тексте «Неудобство культуры», раскрывая суть конфликтов, ответственных за невротизацию, которые разворачиваются с противопоставления общественной морали, культуры влечениям [3]. Влечения, которые традиционно располагаются на стороне природы, то есть биологического, соматического, психологического предполагаются к обузданию тем, что называется культурой. Так, субъект обнаруживает себя, находящимся в некоторой неуютной среде, создающей дискомфорт, неудобство, что, однако является неизбежным и необходимым. В отношении субъекта роль общественной морали берет на себя инстанция «Сверх-Я».

Поскольку этика психоанализа не подразумевает формирование морального сознания, а скорее, наоборот аморального бессознательного, Фрейд призывает к позиции нейтральности, поскольку этика психоанализа обязана балансировать между вседозволенностью и репрессивным Сверх-Я. Лакан же утверждает, что нейтральность этической позиции невозможна, так как аналитическая этика предусматривает основополагающий вопрос, раскрывающий отношение действия к желанию, принимая в расчет лишь идеалы счастья и здоровья, отказываясь от концепций добра и блага, что формирует разрыв с традиционной гедонистической системой удовольствия.

Находясь под влиянием книги «Диалектика просвещения» (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, 1944 г.) Лакан пишет текст «Кант с Садам» (1962 г.), в котором рассуждает о законе Канта и желании де Сада, применительно к фигуре психоаналитика, где желание аналитика становится структурирующим и символизирующим, позволяющим субъекту обнаружить свое желание в отношениях с Другим, а не идентифицироваться с ним, то есть занять позицию объекта-желания. «Объект желания – это всегда объект желания Другого, а само желание – это всегда желание Другой вещи, точнее, того, чего не хватает, а, объекта, который изначально утрачен и который, как показывает нам Фрейд, мы вечно обречены открывать заново» [4, с. 14].

Этическая диспозиция аналитика осмысляется Лаканом сквозь призму Антигоны Софокла, создающей символический симптом, и ее желания, чистого, смерти, ничто, реализующей свободу через желание свободы умереть в противовес вынужденному подчинению коллективности, обозначающему границы добра и зла. Антигона пересекает барьер закона, в поисках своего желания, обнаруживая себя по ту сторону принципа удовольствия. Так аналитик как молчаливый Другой занимает место мертвеца, позволяющее разворачивать вопрос этики желания в отношениях с Другим, другими.

Литература:

1. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2006. – 416 с.
2. Там же
3. Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. /Под ред. Р. Ф. Додельцева, К.М. Долгова. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
4. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2002/2018 (2-е издание). – 608 с.

Селиверстова Нина Андреевна

к.ф.н, доцент

Санкт-петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Этика толерантности в учебном процессе

Сегодня состояние этического образования, значимость этики как учебной дисциплины во многом определяется тем, в какой образовательной среде она находится: в гуманитарной или технократической.

В гуманитарных вузах статус этического образования достаточно высок: общий курс философии позволяет достаточно подробно акцентировать внимание на нравственных

проблемах, а спецкурсы по этике, по историческим формам нравственности и пр. усиливают не только теоретическую подготовку студентов, но и позволяют в полной мере реализовать практическую, воспитательную направленность учебного процесса. Иначе обстоит дело в технических вузах, где курс философии находится «на грани выживания» и, таким образом, теоретическая база этического образования сведена к минимуму. Между тем именно теоретическая этика во многом определяет формирование и уровень нравственного сознания студентов.

Среди множества проблем этического образования и практической этики в современном вузе особую значимость приобретают нравственные проблемы межличностного общения студентов и, в частности, «этика толерантности». Сегодня практически любой вуз – это полиэтничное и полирелигиозное сообщество студентов, связанных между собой в «аудиторном пространстве» общими образовательными целями и задачами, но, зачастую, существенно отличающихся своими мировоззренческими установками. Эффективность учебно-педагогического процесса в таком вузе во многом детерминирована наличием или отсутствием в нем духа межнациональной терпимости и уважительного отношения к различным этническим культурам. Но если освоение мировоззренчески нейтральных дисциплин (математики, физики, химии, информатики и пр.) протекает бесконфликтно, то процесс изучения мировоззренчески окрашенных предметов (гуманитарных, социально-политических, философских) обладает потенциальной конфликтностью.

Фундаментальные этически окрашенные мировоззренческие универсалии (добро, справедливость, честь и достоинство и т.п.) зачастую несут различную смысловую нагрузку в различных этносах и религиозных конфессиях, что может спровоцировать конфликтную ситуацию среди студентов даже в ходе учебного процесса. Например, в курсе истории философии потенциально конфликтными становятся такие вопросы, как критическое отношения русских философов и писателей «серебряного века» (Вл.Соловьев, Н.Бердяев, Л.Толстой и др.) к официальному православию; концепция «латентных христиан», чьими деяниями, по мнению Вл.Соловьева, продвигается дело нравственного прогресса на Руси; акцентирование Максом Вебером идеи трудолюбия в протестантизме и её отсутствию у «ленивого» русского народа; критика Ницше христианства как «живой и негуманной» религии, в отличие от «честности» ислама и «гуманизма» буддизма и т.п. Список «потенциально опасных» философских тем и проблем можно продолжить, но напрашивается однозначный вывод: эффективность учебно-педагогического процесса в таких ситуациях во многом будет детерминирована наличием или отсутствием среди студентов духа межнациональной терпимости и уважительного отношения к различным этническим культурам.

Следовательно, важнейшей доминантой этического воспитания и образования в современном вузе должна стать «этика толерантности», главной задачей которой в учебном процессе будет заключаться в формировании у студентов этнотолерантного нравственного сознания как основы бесконфликтного и эффективного межкультурного общения.

Семенов Владислав Валерьевич
свободный исследователь

Концепция упадка нравов в Древнем Риме

Идея о том, что Римское государство разрушилось вследствие падения нравов, разврата, и от нежелания «коренных» римлян работать и воевать, прочно закрепилась как в научных кругах, так и в общественном сознании. Немало этому поспособствовал труд Эд. Гиббона «Истории упадка и разрушения Римской империи», который хотя и был создан во второй половине 18 века, но до сих пор очень популярен у тех, кто интересуется историей Римской империи. Труд Гиббона не отличался особой научностью, но ему уже были присущи, в отличие от предшественников, концептуальные идеи (о пагубной роли христианство в судьбе античного мира, о застойном характере византийской истории), которые оказали влияние на последующую историографию.

Идея упадка нравов сама по себе не нова. Первые в литературе тезисы о падении нравов среди современников, и забвении заветов предков, мы встречаем уже в египетских текстах (время.) В античности уже Гесиод, поэт времен греческой архаики, конкретно указывал на падение нравов у современников, хотя еще Гомер, в Илиаде сетовал на это. Тем не менее, у Гесиода в поэме «Труды и дни» уже сформулирована концепция падения нравов и порчи типов людей, деградации их видов. Идея ухудшения породы людей была достаточно распространена. Но более всего идею падения нравов мы встречаем у римских писателей, причем идея эта, вместе с идеей возвращения к *mos maiorum*, т.е. к нравам предков проходит красной линией от трудов и речей Марка Порция Катона Старшего, до Писателей Истории Августов (SHA), и далее. Идеи эти как раз были подхвачены историками 17-18 веков, и не оставляли их на протяжении последующих периодов. Именно Упадок нравов, изнеженность, развращенность, ненасытный гедонизм многие историки называли причиной упадка и Римской республики, и Римской империи, не учитывая при этом, что речь шла о представителях аристократии, и то не обо всех. Зачастую историками за признак разврата принимались, те общественные обычаи римлян, которые не вписывались в христианские и постхристианские нормы общественного поведения, или же современные историкам реалии переносились на римскую историю. Так, например, М.И. Ростовцев, проводя параллели с Русской революцией 1917 года и последовавшей Гражданской войной в России, вообще считал, что и Римскую республику и Римскую империю уже в III веке н.э. рушили крестьяне, чуждые поличному, городскому образу жизни.

Тем не менее, и гладиаторские бои, и существование проституции было для жителя римского города достаточно привычным явлением. Конечно, как, кстати, и сейчас, для жителя глубинки это было в диковинку, да и опять-таки все это было сосредоточено в крупных городах, и как бы мы сейчас сказали привилегированных курортах, которые были исключением в римском государстве, и их можно пересчитать по пальцам. В обычных муниципиях, в сельской местности, в провинциях, сохранялся достаточно архаичный жизненный уклад, сохранялись и «нравы предков». Именно поэтому военный теоретик IV века н.э. Вегетий советует набирать воинов в сельской местности. Императоры выходцы из провинций вели достаточно умеренный образ жизни (что не всегда можно сказать об их наследниках, но тут развращала власть, полученная в разные годы). Непристойное поведение пытались скрывать в пределах дворцов и вилл, но благодаря античным авторам это выходило наружу, а они, критикуя нелюбимых императоров, вполне могли преувеличить масштабы их падения. То есть можно выдвинуть тезис, что в античное время тезис об упадке или падении нравов был более литературной реакцией на реальные изменения, вызванные совершенно другими социально-экономическими причинами. Идеи порчи и упадка нравов появляются в периоды реальных социально-экономических кризисов, либо в канун таковых, на сломе эпох, которые античные авторы чувствовали, но четко, в силу отсутствия научной базы, определить не могли. Часть же историков нового и Новейшего времени, некритически подходя к сетованиям античных авторов, продолжает утверждать об упадке нравов, как главной причине падения Древнего Рима, особенно это до сих пор заметно в научно-популярных изданиях.

Сергеева Василиса Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственные проблемы

в зеркале отечественного кинематографа о школе 1960-х -1980-х годов

В настоящее время большое внимание уделяется проблемам воспитания в школе. Одной из важнейших задач родителей и школы является формирование системы ценностей, которая будет способствовать становлению нравственной культуры ребенка. В процессе формирования ценностного мира ребенка может быть востребовано наследие отечественного кинематографа, так как советские фильмы о школе обладают широким воспитательным потенциалом. Советские фильмы о школе 1960-1980-х годов учат не

падать духом, не пасовать перед трудностями, способствуют следованию определенным моделям поведения как ребенка, так и взрослого. Многие из них посвящены нравственному выбору героев, проблемам школьного и семейного воспитания.

Во многих кинокартинах о школе 1960-х – 1980-х годов раскрываются такие вне-временные этические понятия, как доброта, взаимовыручка, любовь, дружба, честность, трудолюбие, бережное отношение к природе, справедливость. Они осмысливались в фильмах не только с точки зрения официальной советской идеологии, но и с точки зрения общечеловеческих ценностей. Данные нравственные понятия представляются собой моральные основы воспитания и формирования личности.

В советском кинематографе был отражен идеальный образ советского гражданина. Для 60-х годов XX века была характерна либерализация всех областей жизни, в том числе кино. Изданное в 1972 г. ЦК КПСС постановление «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» привело к разделению кинематографа на две части: с одной стороны, были режиссеры-творцы, которые не боялись требований государства, а с другой – были и те, кто занял конформистскую позицию. [3]

Фильмы о школе 60-х -80-х годов XX века отражали веру в детей, в будущее, закладывали идеологический фундамент. В период «оттепели» образы школы в фильмах стали показывать более реалистично. [2] В фильмах о школе 70-х годов XX века показаны интерес к нравственной проблематике и соотношению интеллектуального, научного и «эмоционального» взглядов на мир. Основной конфликт: конфликт педагога – энтузиаста с бюрократизмом системы. В фильмах периода «перестройки» отражены проблемы, связанные с падением престижа педагогов в глазах школьников и их родителей, усложнением отношений между учителем и учениками. [4]

Кино использовалось в качестве транслятора образов советского детства. Оно отражало процессы, происходившие в обществе, и принимало активное участие в формировании нравственных ценностей юных советских граждан. Для 60-х годов XX века было характерно «проблемное кино», включавший в себя противопоставление положительных и отрицательных персонажей, а для 1970 -80 –х годов – освоение детьми ценностей «взрослой» советской жизни и помощь друг другу в трудных ситуациях. Фильмы 1960 – 1980 годов носили дидактический характер, в них явно прослеживались герои, на которых нужно было равняться. [1]

В 1960-е годы образ учителя в советских фильмах становится более реальным. Педагог в кинофильмах тех лет обладал особой миссией и социальным статусом. В эпоху «застоя» инертность старшего поколения, в том числе учителей стала одной из причин разрыва между поколениями. В кинофильмах периода «перестройки» показано разрушение идеального образа учителя. [5]

В советских фильмах о школе 60-80-х годов XX века отражены нравственные проблемы любви, дружбы, взаимовыручки, честности, справедливости и борьбы за нее, человечности, уделяется внимание проблемам школьного и семейного воспитания, бережного отношения к природе.

Литература:

1. Артемьева Е.А. Детские и подростковые образы в советском кинематографе: культ юности и страх перед ней // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. №3. С. 154-159.
2. Жарикова В.В. Хронотоп школы в отечественном кинематографе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 59-62.
3. Караганов А. Кино в жизни нашего общества // Кино и время: выпуск 3 / Ред. коллегия: В. Е. Баскаков, Е. С. Громов, С. В. Дробашенко, А. Г. Дубравин. – М., 1980.
4. Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И., Чельшева И.В., Мурыкина Е.В., Михалева Г.В., Сальный Р.В., Шаханская А.Ю. Школа и вуз в зеркале советского и российского кинематографа. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2018. 224 с.
5. Шипулина Н.Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе [Электронный текст] // Научи хорошему. За возрождение нравственности в СМИ. URL: <https://whatisgood.ru/theory/science/obraz-uchitelya-v-sovetskom-i-sovremennom-rossijskom-kinematografe/> (дата обращения: 04.03.2023)

Скоропад Татьяна Анатольевна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Позитивная этика О. Конта

Главный принцип построения позитивного общественного строя по Конту – «Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель». Нравственное учение позитивизма состоит в преобладании альтруизма над эгоизмом, общественных интересов над личными.

Основной принцип биологии утверждает, что в человеке существует перевес органической жизни над социальной, поэтому влияние эгоистических чувств связано с инстинктом самосохранения. Вопреки основным биологическим законам католическая церковь пыталась объяснить присутствие доброжелательного отношения в пастве как снисхождение сверхъестественной благодати. Но великая задача позитивизма состоит в способности внушить обществу необходимость переносить личные чувства на коллектив. И здесь Конт ссылается на другой биологический принцип, а именно на постоянное совершенствование и развитие функций организма, который также одновременно стремится к его атрофии, поэтому требуются постоянные тренировки. Социальная жизнь стимулирует подъем симпатической системы, затормаживая эгоистичные инстинкты, которые могли бы привести к прекращению взаимодействия внутри коллектива. Таким образом, позитивная мораль, признавая за всеобщим принципом преобладание социального чувства, отличается не только от морали метафизической, но также и от богословской. Человеческое счастье как частное, так и коллективное она видит в приумножении доброжелательного отношения в обществе. Всеобщая любовь, или альтруизм, становится принципом и совершенным единством позитивной морали.

Позитивизм в силу свойственной ему реальности преобразовывает первоначальные предписания, прямо подчиняя личность общественному благу, при этом «рекомендуя такие основные добродетели, как, например, выгоды от умеренности и целомудрия, отнюдь не в силу их пользы для личности, но, также не отрицая их действительной индивидуальной полезности, мораль старается не слишком на ней настаивать, из-за опасности поддерживать привычку к личным соображениям. Если бы даже исключительная организация человека предохраняла его от губительных последствий неумеренности или прелюбодеяния, трезвость и воздержание ему точно также строго предписываются, как необходимые условия для надлежащей выполнения им общественных обязанностей». Таким образом, нравственное воспитание, приобретающее всеобщий характер, приводит к искоренению пороков и помогает подчинять человека требованиям человечества. Подобное преобразование личной нравственности демонстрирует существенное укрепление и расширение всеобщего братства, при этом метафизико-теологическая мораль не способна сравниться с позитивной, которая соответствует всеобщим законам индивидуальной или коллективной природы.

Литература:

1. Конт О. Общий обзор позитивизма: Пер. с фр. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — 296 с.

Соболева Ксения Павловна
обучающаяся магистратуры

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Свобода в трех реальностях: Бог, человек, природа в философии Ф. Шеллинга

Особое место в области рассмотрения проблемы свободы занимает исследование Фридриха Шеллинга, одного из крупнейших мыслителей, чья теория легла в основу формирования многих направлений, в том числе и в русской философии, в виде славянофильства.

Философ рассматривает идею развития Бога в качестве совершенной личности. Мыслитель говорит о взаимодействии творца и человека в ракурсе их взаимного компромисса. Бог становится через приближение к индивиду, а человек встает на путь

уподобления Богу. Отсюда у личности как творца появляется способность создавать всеединство, подобно тому, как скульптор создает конечные образы из бесконечного содержания [1]. Весь этот процесс невозможен без существования свободы как таковой. В результате конечное реализуется в личности как воля, принимая каждый раз новую более совершенную форму.

Свобода – это выявление Богом из своей сущности иного, того, что не может быть единым с ним, однородным. Творение – это и есть творчество, с помощью которого личность хочет раскрыть свой внутренний потенциал [2]. Воля в человеке это способность идти навстречу Богу с помощью любви как таковой, то есть осознание себя как воплощение всеобъемлющей любви всевышнего. Компромисс между личностью и творцом состоит в том, что всемогущий наделил человека безграничной свободой для возможности своего откровения [3].

Свобода в природе невозможна, вещи возникают вследствие необходимости. Творя природу, Бог не использует свободу, все происходит по необходимости, так как природа как основа первична не по времени, она порождена Богом для Бога. Человек – спаситель природы, на него как на свою цель направлены все ее прообразы. Только индивиду подвластны предназначения природы.

Существование личности в системе «Бог-человек-природа» лишает ее всякого выбора. Свобода для человека в неосознанной своей форме является произволом и эгоизмом. Отсюда, никакая мораль не может строиться на основании свободного выбора, выбор за индивиду уже сделан, его судьба обусловлена тем характером, который сам он не выбирает.

Итак, свобода в философии Шеллинга во всех своих проявлениях соотносится с понятием Бога, таким образом, человеку необходимо для раскрытия себя как с внешней стороны, так и с внутренней – приблизиться к этому последнему уровню.

Литература:

1. Бурханов Р. А. Трансцендентальная антропология. И. Канта и Ф.В.Й. Шеллинга. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1998. – 245 с.
2. Гулыга А.В. Шеллинг. М.: Соратник, 1994. – 316 с.
3. Лазарев В.В. Философия раннего и позднего Шеллинга. М.: Наука, 1990. – 173 с.

Соколов Евгений Георгиевич
д.филос.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
Невозможность Этики

– В последние десятилетия в этическом знании тон задают прикладные исследования, по сути дела, вытеснившие на периферию внимания гуманитариев, философы ориентированных в том числе, вопросы фундаментально-теоретического характера. Процесс вполне закономерный и легко объяснимый, если принять во внимание общемировые тенденции в познании – и в образовании, разумеется, также: фундаментальные научные изыскания допускаются, если допускаются вообще, лишь в качестве некоей «составляющей», необходимой для практического проектирования, направленного на манипуляцию с реальностью. Хотя дискуссии о горизонтах компетенции и дисциплинарных подразделах прикладной этики не прекращаются, также как и о ее, прикладной этики, предмете/предметах, и вне зависимости от того, как эти горизонты посредством консенсуса специалистов будут утверждены, совершенно очевидно, что любые прикладные этические спекуляции имеют инструментальный характер. А именно: являются не более, чем перечнем регламентов, необходимых для бесперебойного функционирования социокультурного агрегата. Иначе говоря, – артикуляция правил (или условий), которым должны руководствоваться операторы-наладчики. Это, разумеется, предполагает, что все во-просы теоретического (фундаментального) характера «вынесены за скобки». Либо – уже разрешены (однажды), либо – «заморожены» (как неразрешимые в принципе).

– Однако. Утверждать, тем более настаивать или молчаливо принимать «как само собой разумеющееся», что «вынесенное за скобки» (метафизические предусловия возможности прикладных этических процедур) разрешено невозможно. Стало уже невозможно: на наших глазах произошли крах и дискредитация по крайней мере двух систем, притязующих на универсальность («единственно верных», очевидных и «признаваемых подавляющим большинством»): социалистически-коммунистической (советской) и глобалистской. Мир вошел в состояние поливариативности. Если точнее, он всегда таким не прекращал быть, вопрос – о доминирующей (в рефлексии всякого рода) его, мира, интерпретации: универсальность – уже не ведущая стратегия. Соответственно, сосуществования различных социокультурных образований (миров, вселенных, космосов, экзистенций, обретающих себя в различных системах измерения и формах функционирования) – нормативно. Соответственно, онтологические безукоризненные (безусловные) априори, которые можно было бы положить в качестве теоретического фундамента любых спекуляций, этических в том числе, – не более чем мечта, в лучшем случае, эпистемологическое недоразумение, либо – в худшем – корыстный злой умысел. Причем, сосуществование различных культурных стандартов, структурирующих универсум жизни людей, – вполне конкретен, нагляден и ощутим благодаря сегодняшней технологической оснастке: авто-номных и замкнутых на себе, ни с кем не вступающих в близкие и интенсивные взаимодействия с другими, полностью обособленных социокультурных организмов практически не осталось.

– Коль так (а сомневаться в том – лукавство), то насколько правомерно вообще заводить речь об Этике? Разумеется, речь не об упразднении или ликвидации теоретической этике как таковой. Просто необходимо признать, смилив гордыню, что таких много: в разных системах – своя. А также то, что сконвертировать одну в другую, тем паче выработать некое принудительное и общемировое «этическое эсперанто» едва ли возможно. Ситуация усугубляется еще и тем, что мир людей «перемешан», представители различных систем входят в близкое соприкосновение друг с другом, образуя весьма неустойчивые, разнообразные по составу и формирующиеся по разным принципам социальные организмы. Полагаю, что в этих условиях прикладной этике отводится определенная и весьма ответственная роль, функционально и по смыслу сходное с другими операторами наладчиками (юристами, пси-хологами, бухгалтерами, менеджерами, логистами, социологами, IT-шниками и пр.): владея определенными навыками «куруить» те зоны активной процессуальности, которые могут угрожать функционированию всей системы (дать сбой) в конкретный момент, в конкретном месте и в конкретной ситуации. Это – как «политико-идеологический инструментарий», который может практически в неизменном виде, даже не обновляя активного архива риторических фигур и приемов, эффективно функционировать в горизонтах любой онтологически-метафизической программы, оставаясь при этом весьма убедительным.

Станжевский Федор Алексеевич
к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Теория нормативных кругов Д.Элдер-Васса в этическом контексте

Понятие нормативности является одним из ключевых как в нормативной этике, так и в метаэтике. Вечно актуален вопрос об «объективности» нормативных истин: имеют ли они значимость независимо от того, что думают представители социальных групп, в которых действуют данные нормы. Зависят ли нормативные нормы от мнения индивидов? Или, возможно, они являются эмерджентными свойствами, проистекающими из взаимодействия между людьми, но образующими новый уровень объективной реальности, путем обратной связи воздействующей на поведение людей?

Попытку ответа можно найти в мысли британского социального философа Дэйва Элдер-Васса. По Элдер-Вассу, такие сферы нормативности, как культура, язык, дискурс и знание проистекают из одного и того же типа социальной структуры, а именно из нормативных кругов (*norm circles*). Социальная онтология Элдер-Васса опирается на анализ сущностей, обладающих каузальными способностями, которые, взаимодействуя между собой, порождают социальные события. Такими сущностями являются не правила, знаки или идеи, но нормативные круги, которые, собственно, и порождают правила, знаки и идеи. Нормативный круг – это группа людей, обязующихся поддерживать и соблюдать определенную норму. К примеру, существует норма, согласно которой, если человек преграждает другому путь, то он должен отойти в сторону. В конкретной ситуации, если человек А соблюдает эту норму и отходит, то В может выразить свое одобрение кивком головы или словами признательности; если же А не отходит, то В может побудить его к соблюдению нормы словами, взглядом или даже толчком. Если А неоднократно сталкивался с подобной реакцией со стороны разных В, то в конечном счете он поймет, что от него ожидается и выработает соответствующую привычку; он и сам начнет одобрять и соблюдать эту норму – происходит интериоризация определенной линии поведения. А приходит к выводу, что все эти люди В являются частью более широкой группы, и все они поддерживают данную норму. Таким образом, нормативный круг породил в А некую предрасположенность соблюдать, а также одобрять и, возможно, побуждать других соблюдать данную норму.

Элдер-Васс выделяет три вида нормативных кругов: ближайший нормативный круг (состоящий из людей которые фактически способствовали интериоризации нормы данным человеком), воображаемый нормативный круг (включающий в себя множество людей, относительно которых данный индивид полагает, что они будут одобрять и соблюдать данную норму) и действительный нормативный круг (определенное число людей, которое в действительности придерживается данной нормы). Каждый вид нормативного круга обладает каузальной значимостью: реальной каузальной силой обладает действительный нормативный круг, однако его воздействие опосредовано ближайшим и воображаемым нормативным кругом данного индивида. Подобные нормативные круги действуют в области этических норм поведения, языковых норм, норм дискурса и в сфере культурной нормативности в целом.

Элдер-Васс предлагает объяснение каузального типа: с одной стороны, такое объяснение позволяет обосновать объективную реальность сферы нормативности (вопреки социальному конструкционизму), но с другой стороны, применительно к личностному уровню описания оно оказывается неполным. В самом деле, складывается впечатление, что индивид является игрушкой социальных каузальных сил. Для того, чтобы избежать этого впечатления, необходимо ввести в теорию понятие мотивации и мотива, отличного от строго каузального воздействия. Иными словами, для того, чтобы теория была применима к области этики, необходимо ее обосновать с точки зрения моральной психологии.

Литература:

1. Elder-Vass D. The causal power of social structures. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 235 p.
2. Elder-Vass D. The reality of social construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 298 p.

Стрежнева Кристина Олеговна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Гуманизм в атеистическом и религиозном экзистенциализме

Гуманизм как интеллектуальное направление мысли сложился в эпоху Возрождения и основывался на интересе к античности, а со временем он развился в более глобальное философское мировоззрение. В наши дни гуманизм рассматривается как мировоззренческая позиция, которая имеет много разветвлений, но в её центре всегда нахо-

дится человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и поведением.

Известный манифест Жан-Поль Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» постулирует основные принципы атеистического течения экзистенциалистов: человек есть лишь то, что сам из себя делает, существование предшествует сущности, нет никакой природы человека и Бога, который бы её задумал. Человек обречён на свободу и несёт абсолютную ответственность за свою жизнь, и именно это и представляет собой «гуманистическое ядро» этого учения. Это мнение разделяют философы Симона де Бовуар и Альбер Камю.

Однако у религиозных экзистенциалистов другой взгляд на человека. Так как человек создан по образу и подобию Бога и является венцом творения, свою свободу он может реализовать только через веру, исполнение Божественного призвания, реализацию Божией идеи о человеке. Соответственно, гуманизм религиозные мыслители тоже воспринимали по-другому, точнее, пытались совместить идею гуманизма с Божественной идеей в своих учениях. Например, русский философ Н. Бердяев даже критиковал гуманизм и видел проблему в том, что он отрывает человека от Бога, создаёт «человекобожество» (в противоположность «богочеловечеству»), которое в итоге приводит к самоистреблению человека. Однако учение Бердяева всё равно основано на гуманистических постулатах, так как в центре его философии стоит человек, точка пересечения двух миров, в котором происходит борьба духа и природы, человек вмещает в своё сознание и гуманизм, и Божественную идею. Другой религиозный философ-экзистенциалист, Пауль Тиллих, также попытался совместить идеи гуманизма и христианство. Его знаменитое понятие «мужество быть», представляется нам продуктом этого соединения: именно с помощью «мужества быть», посредством некоторого этического акта человек утверждает своё существование «вопреки тем элементам своего существования, которые противостоят его сущностному самоутверждению».

Так, экзистенциализм действительно основывается на гуманистическом мировоззрении, однако гуманизм в рамках учений религиозных и атеистических философов понимается немного по-разному: Сартр, де Бовуар и Камю, будучи атеистами, видят гуманизм в абсолютной свободе человека и его полной ответственности за свою жизнь; религиозные экзистенциалисты пытаются совместить христианскую идею и постулаты гуманизма – так, Бердяев, несмотря на критику концепции гуманизма, всё же ставит в центр своей философской мысли человека, но в то же время возлагает на его плечи долг перед Богом – быть свободным, реализовывая своё призвание в соответствии с Божией идеей, а Тиллих пытается элементы современного гуманизма внедрить в своё учение, основанное на Священном Писании, предлагая концепт «мужества быть».

Тонковидова Анна Викторовна
старший преподаватель

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма **Философия компании и ценности российского мировоззрения**

Практическая философия в настоящее время выносится за пределы исключительной академической среды. При разработке и представлении философии компании наблюдается отход от авторства. Философия компании – это не философия одного автора, а философия определенного акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью, общественной организации. Философия компании является одновременно как частью корпоративной культуры, так и частью маркетинговой стратегии организации. Главная задача маркетинговой стратегии компании – попадание товара, или услуги во внерыночный, или культурный сегмент, в котором присутствует определенное ценностное содержание. Если товар, или услуга попадают во внерыночный сегмент, то они становятся ценными для целевых аудиторий, и ими приобретает неоспоримое конкурентное преимущество, что дает возможность продвигать целевым аудиториям, в том числе и бесполезные вещи. Философия компании в корпоративной культуре и маркетинговой стратегии транслирует ценности мировоззрения того

общества, в котором осуществляет свою деятельность, что обуславливает и успешность развития компании. Возникает идентификация у целевых аудиторий ценностных императивов их мировоззрения с ценностной шкалой, которую компания транслирует через свою философию и деятельность. Ценности российского мировоззрения, представленные в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 возможно проследить в философии (корпоративной культуре) отечественных коммерческих компаний, общественных организаций [1, 2, 3]. Успешность рекламных компаний зависит от того, насколько полно в них представлены ценности, важные для целевых аудиторий, то есть ценности их мировоззрения. Мы можем проследить несколько уровней актуализации ценностей российского мировоззрения. Они могут быть представлены, как в индивидуальном сознании, так и в общественном, в нормативно-правовых актах, в корпоративной культуре (философии компании), этических кодексах организаций, в маркетинговой стратегии.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 30.09.2023).

2. Миссия и ценности ОАО «Сбербанк». Режим доступа: <https://www.sberbank.by/page/mission-values> (дата обращения: 30.09.2023).

3. Корпоративная культура Роснефть. Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/Development/culture/> (дата обращения: 30.09.2023).

Троцак Алексей Иванович

к. филос. н., свободный исследователь

Оправдание И. Кантом смертной казни: ошибка или закономерность?

Позиция Канта о целесообразности (и необходимости) применения смертной казни вытекает из его учения о праве. В истории философии именно оправдание Кантом применения исключительной меры наказания вызывает многочисленные дискуссии, в ходе которых исследователи сходятся во мнении, что оправдание смертной казни не соответствует базовым принципам моральной философии Канта (Я.А. Слинин).

Как правило, критики Канта по вопросу о смертной казни так или иначе используют один из трех аргументов (B.S. Yost): 1. Принцип равного возмездия (*jus talionis*) не учитывает понимание жизни как ценности, которая не может рассматриваться как эквивалент другой жизни; 2. Смертная казнь несовместима с правом на жизнь и умаляет человеческое достоинство; 3. Смертная казнь является несправедливой, так как сами субъекты права (органы правосудия) подвержены ошибкам.

Дополнительными и отчасти производными от аргументов, приведенных выше, могут быть следующие: 4. Оправдание Кантом смертной казни не является «отклонением» в его системе, однако смертная казнь в качестве наказания не способствует развитию безопасного общества и счастья людей (В.Ю. Перов); 5. Смертная казнь как мера отрицания свободы человека избыточна и может быть заменена бессрочной пожизненной неволей (Э.Ю. Соловьев).

С учетом приведенного анализа, автор приходит к необходимости поиска ответов на следующие вопросы:

Почему Кант вынужден был активно защищать применение смертной казни в собственной системе права?

Может ли принцип равного возмездия (*jus talionis*) быть основополагающим при оправдании назначения наказания в виде смертной казни?

Для ответа на первый вопрос автором утверждается, что право во многом зависит от исторического развития, и юридические законы (какие бы они несовершенные не были) реализуются ситуативно (например, в виде санкций), нежели общезначимые нормы морали, которыми могут пренебрегать в определенные исторические периоды, – в этом плане нормы права применяются здесь и сейчас (*ex facto jus oritur*), тогда как

моральные нормы требуют осмысления и постоянного воспитания человека. Кант, закладывая в собственную этическую систему наказание в виде смертной казни, несомненно руководствовался правовыми обычаями своей эпохи: действовавшая вплоть до 1870 года *Constitution Criminalis Carolina*, применявшаяся, в том числе как общее германское право, содержало множество статей (ст. VIII, ст. CVIII, ст. CIX, ст. CXXX), в которых смертная казнь выступала основной мерой наказания.

В части второго вопроса и ответа на него автор считает, что, будучи погруженным в общественную среду и эпоху, Кант, с одной стороны, провозгласил *jus talionis* как принцип, применение которого не зависит от сословий, но, с другой стороны, в разбираемых казусах он все же учитывает сословность при вынесении приговора (например, в ситуации с дуэлью). Естественно, для многих правонарушений применение *jus talionis* может быть полезным, так как, по сути, накладывает на виновного более-менее равноценную санкцию, но применять этот принцип по отношению к жизни человека нецелесообразно и бесполезно.

Тульчинский Григорий Львович

д.филол.н., профессор

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

Дисциплинарная распределенность прикладной этики:

каскад прагматических интерфэйсов

Этот конкретный вид деятельности является важнейшей частью освоения как конкретных профессий, социальных ролей, так и социализации в целом. Поэтому необходимой составляющей любой профессиональной подготовки выступает позиционирование специалиста в профессиональной среде, способность к ответственному позиционированию самой профессии в современном обществе. Однако в качестве отдельной самостоятельной дисциплины прикладная этика фигурирует в образовательных программах крайне редко. В работе рассматривается опыт преподавания тематики, связанной с прикладной этикой на образовательных площадках СПбГУ, НИУ ВШЭ и РГПУ. Речь идет о бакалаврских и магистерских программах по направлениям административно-государственное управление, менеджмент в социально-культурной деятельности, искусства и гуманитарные науки. Опыт показывает, что в самых разных образовательных треках ключевую роль играют тематика комплексной гуманитарной экспертизы как разработки проектов, хода их реализации и результатов.

Этот опыт, как и опыт других образовательных программ, авторы которых специально не акцентируют дисциплинарность тематики прикладной этики, показывает, что позиционирование специалиста в профессиональной среде, способность к ответственному позиционированию самой профессии в современном обществе выступает необходимой составляющей любой профессиональной подготовки. И важнейшей частью освоения как конкретных профессий, социальных ролей, так и социализации в целом, является этос конкретных социально-культурных практик.

Прикладная этика выступает как распределенная дисциплина, которая ориентируется на соответствующие профессиональные этосы как ценностно-регулятивные системы (ЦРС) смыслообразования, задаваемые ценностно-целевыми, нормативными параметрами, а также способами организации деятельности при достижении целей по соответствующим правилам (нормам). В этом каскаде интерфэйсов образование выполняет роль ЦРС, воспроизводящие профессиональные сообщества.

Означает ли это, что прикладная этика, в принципе, реализуется в образовательной сфере (и не только) исключительно в качестве морали различных сфер деятельности, порождая разветвленный ценностный релятивизм профессий? И насколько возможно (да и необходимо ли) универсально-фундаментальное обобщение концепции прикладной этики, приложимое к различным предметным областям?

Сочетание прагматического подхода и концепции социальных миров (Л. Болтански и Л. Тевено), в которых вырабатываются специфические нормы, важные

для социальной консолидации, а также представления об оценке достоинств (заслуг, уважения, признания, авторитетности), позволяет снять противостояния крайностей релятивистской и унификационистской трактовок профессиональных этосов. Можно говорить о «распределенности» прикладной этики как о каскаде прагмасемантических интерфейсов осмысления конкретных комплексов соответствующих социально-культурных практик, дополняющих и предполагающих друг друга в системном единстве.

Тем самым, возможность обобщающей концепции прикладной этики зависит от возможности выстраивания профилей уровней конкретизации и операционального содержания прикладной этики – от конкретных профессий до их отраслевой кластеризации и даже региональных и национальных профилей в зависимости от комбинации и доминирования в регионе конкретных кластеров занятости.

РНФ №22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования»

Туманов Илья Иванович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Этика в ситуации кибербуллинга

Кибербуллинг, или онлайн-травля, представляет собой агрессивное и уничижительное поведение в интернете, которое может нанести серьезный вред психологическому и эмоциональному состоянию человека. Это явление требует внимания и обсуждения с точки зрения этики.

Одной из особенностей кибербуллинга является возможность скрыть свою личность и действовать безнаказанно. Это создает благоприятные условия для агрессии и нарушает принципы этики и уважения к личности.

Кибербуллинг может иметь серьезные психологические последствия для жертвы. Это включает в себя стресс, депрессию, тревожность, а в некоторых случаях даже может привести к самоубийству. Такие последствия явно противоречат принципам гуманизма и взаимного уважения.

Часто кибербуллинг сопровождается разглашением личной информации о жертве, что является явным нарушением принципов конфиденциальности и наносит ущерб правам человека на частную жизнь.

Соблюдение принципа уважения к личности подразумевает, что человек относится к другому субъекту как к равному, а, значит не может наносить вред другим людям своими действиями, включая онлайн-пространство. Действительно, нервное расстройство как последствие кибербуллинга может оказать серьезное влияние на жизнь человека.

Ситуация продолжительной «травли» субъекта в социальной сети определяет данного субъекта как недостойного прощения и справедливого суда, таки образом, размещая его ниже субъекта «право имеющего» организовать кибербуллинг.

Этот вопрос не ограничивается простым осуждением деструктивного поведения в интернете, но требует глубокого анализа мотивов, которые побуждают людей заниматься активным, продолжительным осуждением человека с кибер пространстве.

Мы рассмотрим эту проблему с двух разных точек зрения: как проявление агрессии и как социальная реакция.

Первый аспект, который мы рассмотрим, – это мотивация агрессивного поведения в интернете. Одной из ключевых причин кибербуллинга является накопившаяся агрессия и недовольство, которые находят выход в в Интернет сети, благодаря возможности обеспечения анонимности. Виртуальное пространство позволяет выражать эмоции без необходимости принимать ответственность за свои слова и действия. Таким образом, кибербуллинг становится формой сублимации отрицательных эмоций и переживаний. Необходимо понимать, что агрессия в интернете часто становится результатом накопившегося внутреннего конфликта. Однако, наличие объективной причины деструктивного поведения не отменяет индивидуальной ответственности автора.

Второй аспект касается кибербуллинга как социальной реакции. В некоторых случаях агрессия в Интернете возникает как форма общественной критики или даже сопротивления. Нравственное осуждение, важная часть моральной жизни индивида, может проявиться в кибербуллинге как в средстве выражения общественного протеста. Здесь зачастую, важен глубокий анализ проблемы, проведение которого заметно осложняется эмоциональным накалом дискуссии. Не все случаи кибербуллинга можно оценить однозначно, и в некоторых ситуациях он может быть результатом сложных социальных динамик.

Сложный процесс внедрения моральных принципов в Интернете запущен совсем недавно. Категория ответственности за свои действия в онлайн-пространстве сложно определима в условиях анонимности субъекта и строгой фиксации за ним конкретного набора телесных или даже цифровых характеристик. Общество стремится к созданию безопасной и уважительной среды для всех пользователей. В этом смысле важно подчеркнуть значимость поддержки и защиты жертв кибербуллинга. Предоставление им необходимой помощи и поддержки – важный этап решения этой проблемы. Понимание, что есть люди и организации, готовые помочь, может быть существенным фактором в преодолении негативных последствий. Рассмотрев кибербуллинг с двух разных точек зрения – как проявление агрессии и как социальную реакцию, мы имеем возможность более полно осознать и эффективнее противостоять этой проблеме.

Хаматдинова Алина Олеговна
аспирант (PhD student)
Washington State University

Этика добродетели в «уязвимом мире»

Согласно гипотезе об «уязвимом мире» Н. Бострома, сохранение текущих темпов технологического развития неминуемо приведет к цивилизационному коллапсу, только если мы не сможем выйти из «полу-анархического» состояния на международном уровне [1]. Чтобы усмирить неопределенность порождаемую новыми технологиями (e.g., искусственный интеллект, технологии биоусовершенствования, etc), нам необходимо заранее разработать и внедрить глобальные этические стандарты их регулирования. Сегодня доминирующими подходами в выработке этих стандартов являются конвенционализм и деонтология. Однако насколько эти классические этические течения отвечают новым глобальным вызовам? Я утверждаю, что полноценный контроль антропогенной «уязвимости» невозможен без включения в текущие практики регулирования дополнительных элементов этики добродетели.

На первом этапе исследования я оцениваю, насколько успешно конвенционализм и деонтология позволяют справиться с тремя типами «уязвимости» современности: (1) демократизация технологий массового разрушения; (2) усиление стимулов к массовому разрушению; (3) рост вероятности появления «черного лебедя», сопряженного с экзистенциальными рисками. Я демонстрирую, что из-за невозможности адекватной калькуляции полезности в динамичной системе плотных взаимосвязей, а также росту экспоненциальному росту анти-полезности маловероятных сценариев, конвенционализм эффективен лишь в урегулировании первого типа уязвимости. Деонтологический подход хоть и способен нивелировать второй тип уязвимости, из-за своей ригидности также оказывается непродуктивным в контексте третьего типа. Для иллюстрации приводимых аргументов я использую материал текущих этических кодексов урегулирования искусственного интеллекта [China New Generation AI Code of Ethics, 2021; EU AI Act, 2022; USA AI Bill of Rights, 2022].

На втором этапе исследования я рассматриваю, насколько этика добродетели в своем агентно-ориентированном [2] и целе-ориентированном прочтении [3] позволяет преодолеть выявленные ограничения доминирующих подходов. Я обосновываю, что на глобальном уровне целе-ориентированная этика добродетели является оптимальной этической рамкой для компенсации не только первого и второго, но и третьего типа уязвимости. Культивация специфических добродетелей на начальном этапе

развития прорывных технологий в долгосрочной перспективе позволяет повысить адаптивности и «анти-хрупкость» системы, минимизировать транзакционные издержки глобальной кооперации и разрешить проблему этического контроля над технологиями на микроуровне. Особую роль здесь играет культивация эпистемических добродетелей, которые позволяют обеспечить неискаженное восприятие вероятностей в условиях перенасыщенности информационных потоков, характерной для «уязвимого мира». Наконец, я обозначаю возможные ограничения данного подхода, сопряженные с имплементацией установок этики добродетели при нынешнем институциональном дизайне международного взаимодействия.

Литература:

1. Bostrom, N. (2019). The vulnerable world hypothesis. *Global Policy*, 10(4), 455-476.
2. Zagzebski, L. (2017). *Exemplarist moral theory*. Oxford University Press.
2. Swanton, C. (2021). *Target centered virtue ethics*. Oxford University Press.

Хохлова Юлия Игоревна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Экранизация литературных произведений как способ модификации моральных установок автора

Введение: Литературные произведения, являясь продуктами определенной эпохи, становятся своего рода трансляторами моральных установок автора, творившего в это время, а также зачастую – этическим ориентиром, способом передачи ценностей и приоритетов, свойственных как отдельной личности, так и контексту времени написания произведения в целом. Тексты, не только те, которые принято считать классическими, социальные драмы, исторические романы и т.п., но и написанные в жанрах фантастики и фэнтези, формируют своего рода культ, позволяя читателю не только знакомиться со взглядом автора, но и примерять его на себя. Экранизация таких произведений, получая названия и имена известных авторов, получают возможность не только «присвоить» моральные уроки визуализируемого текста, но и, подгоняя их под актуальную социальную повестку, использовать произведение для формирования нового ценностного кода.

Основная часть: Перенос литературного произведения на экран, перевод текста в визуальные образы сам по себе связан с опасностью «обмана ожиданий», когда образ персонажа в воображении читателя и лицо сыгравшего его актера совершенно не совпадают друг с другом. Кроме того, экранизация литературы может привести к алиенации автора, отделению личности (иногда ныне здравствующей) от текста произведения. Таким образом, к примеру, создательница Гарри Поттера в глазах поклонников утратила свой статус творца за недопустимые, с точки зрения аудитории высказывания в публичном поле. Именно в цифровую эпоху, где социальные сети обрели огромное значение и буквально «пронизали весь мир», подобный акт отчуждения, общественный остракизм автора становится возможным.

Культура экранизации, присваивая литературные произведения (иногда – пользуясь названием и именем автора, как «приманкой»), склонна перекраивать изначально заложенные в текст установки и адаптировать его для «современной аудитории», таким образом, в корне меняя оригинальный посыл. Подобный подход к «классике» зачастую вызывает резкое отторжение у потенциальных зрителей, причем совершенно неважно, идет ли речь об экранизации «Войны и мира» или пресловутого «Гарри Поттера». В цифровую эпоху, когда фидбэк от аудитории, одновременно массовый, мгновенный и «громкий», является основным показателем качества контента, создатели экранизаций способны «моделировать» отношение зрителей и манипулировать общественным мнением, продвигая современную социальную повестку через контекст классического литературного произведения, что особенно эффективно, если означенный текст либо имеет обширную фан-базу (например, роман «Властелин колец»), либо широко известен, как часть культурного кода (например, творения «русских

классиков»). Произведение кинематографа само по себе может выполнять ту же «воспитательную» функцию, что литература, однако использование «маски» известного текста добавляет картине значимости, морального веса.

Выводы: Таким образом, экранизации (к которым также относятся «вторичные экранизации») – новое осмысление известных фильмов и мультфильмов, например, современные картины студии «Дисней»), транслируя актуальную социальную повестку, особенно в цифровую эпоху, становятся инструментом формирования ценностного контекста.

Литература:

1. Проект «Цифровые медиа в эпоху пандемии: пересборки пространств, политик и коммуникаций» / [Электронный ресурс] // Цифровые медиа в эпоху пандемии: [сайт]. — URL: <https://cmd.hse.ru/digitalmedia> (дата обращения: 29.09.2023).

2. Клаус Шваб, Николас Дэвис. Технологии четвёртой промышленной революции = Shaping The Fourth Industrial Revolution. — Эксмо, 2018. — 320 с.

3. Михельсон О.К. и Тесман А. «Религия и фэнтези в контексте постсекуляризма» (Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 132–142. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.111>).

4. Cusack, C.M. and Robertson, V.L.D. Introduction: The Study of Fandom and Religion, in: *The Sacred in Fantastic Fandom Essays on the Intersection of Religion and Pop Culture*. Jefferson, North Carolina: McFarland, 2019.

5. Davidsen, M.A. The Elven Path and the Silver Ship of the Valar: two Spiritual Groups Based on J.R.R. Tolkien's *Legendarium*, in: *Fiction, Invention, and Hyper-reality*, New York: Routledge, pp. 15–30, 2017.

6. Davidsen, M.A. Fiction-based Religion: Conceptualising a New Category against Historybased Religion and Fandom, *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*, vol. 14 (4), pp. 378–395, 2013.

7. Has Disney Become A Religion? // YouTube URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=rMHOuX15JU> (дата обращения: 26.05.2023)

8. For some adults who love Disney, it's like a religion // NPR URL: <https://www.npr.org/2022/06/11/1104056661/disney-adults> (дата обращения: 26.05.2023).

Цибизова Ирина Михайловна

к.и.н., научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Особенности неолиберальной идеологии гиперморализма

Термин «гипермораль» был введен в научный обиход немецким консерваторм А. Геленом в 1969 г [3]. Почти полвека спустя журналист и мыслитель А. Грау (Грей) зафиксировал превращение гиперморали в ведущую (западную – ИЦ) идеологию современности [4, s. 57]. Сербский политолог Д. Достанович развил эту концепцию [1], к которой следует добавить еще несколько характерных особенностей.

Отличительными чертами гиперморали являются:

основание на самой себе и провозглашенных ею правилах (гипермораль не приемлет иных оснований) [4, s. 10];

морализация всех общественно-политических вопросов с обещанием «сделать жизнь менее мучительной» [4, s. 8];

провозглашение морали единственным мерилом нормативных дебатов [4, s. 47];

исключение предметного дискурса и логики в пользу эмоциональности и веры в «добро», зачастую сводящиеся к гендерной чувствительности и снижении углекислого газа в атмосфере [4, s. 119];

претензия на «универсальную валидность и создание «иллюзии чистого блага», существующего вне времени и пространства [];

появление нового «миссионерского пуританства», считающего лишь собственные нормы и ценности очевидными и способствующими «победе блага» [4, s. 47];

приобретение авторитарных и инквизиторских черт;
патологизация любого несогласия [4, s. 57];
тотальный диктат и безальтернативность (вывод Достановича) в силу неприятия иных точек зрения [1, с. 23];
отрицание религии и превращение в «официальную религию общества» [4, s. 14] (замена культа Бога культом человека, об опасности которой предупреждал Гелен, достигла стадии неприятия «устаревшей» религии в силу «приоритета прав человека»), сакрализация светского [1, с. 96-97];
утрата церквями роли культурных и духовных институтов при превращении в моральные, не занимающимися содержанием веры и теологией, но проповедующими политическую корректность, открытость, диалог; фактический отказ от Царствия Божьего ради «эко-социально-пацифистского рая на Земле» [4, s. 65]; предательство христианства, символ которого не раскрытые объятия, но крест [4, s. 64];
замена Бога как источника спасения всеильным и всевластным «Я» [4, s. 68], которое создает самое себя, «дьявольским подражанием Сыну Человеческому (Н. Болыц) [1, с. 97-98]; обоготворение человека под знаком индустриализации [4, s. 80];
культ индивидуальный требований, делегируемых сообществу как «моральных прав» при отбрасывании связи прав и обязанностей [4, s. 80-81];
всеобщее стремление к индивидуализации в нарциссической претензии на элитарность [4, s. 84];
культ меньшинств и радуги, стремление принадлежать к ним, так как «меньшинство – не массы» [4, s. 81], оборачивающееся серостью, «нормализацией ненормальности» [4, s. 84];
слияние множественных требований плюрализма в монотонный унисон [4, s. 85];
морализация потребительства [4, s. 86, 92-93];
сравнение с подконтрольными государству СМИ, стремящимися (зачастую с помощью непроверенной информации или откровенных фейков [2]) вызвать шок и негодование;
призывы к выходам на улицы (у Достановича к «шатаниям» [1, с. 98]) с протестами против «любого нарушения морали» [4, s. 116], массовая инфантилизация;
«моральное отношение к прошлому» с возможностью «отменять историю», связанную с фактами «женоненавистничества, милитаризма, дискриминации»;
непризнание пространственных и временных границ морали, делающее гиперморализм орудием глобализации [4, s. 54];
провозглашение необходимого хода истории к реализации «гуманистической максимы» под лозунгом «один мир, одна страна, один рынок, одна мораль», что превращает гиперморализм в «квази-эсхатологическое учение» [4, s. 57];
«законный брак» глобального экономического либерализма с гиперморалистическими ценностями левых [1, с. 97];
проповедь национального самоотрицания наций вплоть до «национал-мазохизма» и «автошовинизма» [1, с. 97];
легитимизация элит не как хранителей традиционного порядка, но пророкой «гиперморалистических социальных утопий», инноваторов, реформаторов и мессий [4, s. 97-102];
борьба самопровозглашённых псевдо-элит со скроенными по лекалам моды и «наспех пошитыми пэчворк-идентичностями» [4, s. 105] против «неморальной национальной истории» в интересах глобализма [4, s. 103-104];
переопределение понятий свободы, истины, справедливости, нормальности, элиты, политики, дискуссии и культуры [4, s. 126];
проникновение гиперморализма во внешнюю политику, стремление учить страны с тысячелетней историей «единственно верным» моральным нормам [См. подр. 2; 4, s. 124].

Остается только вслед за вслед за Грау и Достановичем вопрошать способно ли «отягощенное гиперморалью общество к долгосрочному обеспечению собственного существования, особенно в контексте постоянной войны против собственных истории и культуры» [1, с. 101].

Литература:

1. Достановић Д. Хипермор као идеологија данашњицу // Зборник Матице српске за друштвене науке. – Нови Сад, 2020. – г. 71, – бр. 173 (1). – С. 95-101. – Рец. на книгу: Грау А. Alexander Grau. Hypermoral. Die neue Lust an der Empörung, Claudius Verlag, München 2017, 128 S

2. Цибизова И. М. О западной внешнеполитической риторике как гиперпостмодернистской // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 19–35

3. Gehlen A. Moral and Hypermoral; eine pluralistische Ethik. – Athenäum Verlag: Frankfurt am Main, 1969. – 192 S.

4. Grau A. Hypermoral: Die neue Lust an der Empörung. – Claudius Verlag: München, 2017. – 128 S.

Шакарян Ярослав Эрнестович
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Пренатальное усыновление: альтернатива абортам или ювенальная антисемейная технология?

Одним из ключевых вопросов биоэтики является проблематика аборт. В тесной связи с ней рассматривается отказничество как форма девиантного материнства, в том числе, отказ от ребенка сразу после рождения.

В последние годы в российском политическом дискурсе всё более доминирует пронаталистская ориентация семейной политики, которая, в числе прочего, предполагает установку на сокращение числа аборт. Одновременно, в рамках мер по профилактике сиротства, важное место уделяется мерам по предотвращению оставления ребенка матерью в младенческом возрасте.

В поисках решения указанных проблем всё чаще звучат инициативы, которые предлагаются как альтернатива аборт, среди которых пренатальное усыновление. Несмотря на активное лоббирование данной технологии и декларируемой благою цель, подобная идея имеет ряд рисков и несет множество отрицательных эффектов, в том числе, с точки зрения защиты материнства и детства, поддержания идеалов семейной культуры и семейных ценностей. В рамках проведенного исследования автором предпринята попытка осмысления имеющихся рисков через призму социальных, морально-этических и правовых последствий для института семьи.

Пренатальное усыновление направлено на женщин, которые приняли решение отказаться от ребенка во время беременности. О введении данного института активно заговорили весной 2023 года в Государственной Думе после внесения соответствующего законопроекта.

Согласно идее, женщина на этапе беременности подписывает договор, по которому она родит ребенка и передаст его в заранее оговоренную замещающую семью, как правило, на возмездной основе.

Разработчики проекта апеллируют к возможности заранее подобрать родителей для ребенка ещё на пренатальной стадии, что позволит ему, не оставаясь без необходимой (особенно на младенческом этапе) родительской заботы на время поиска новых родителей и согласования всех процедур, как сейчас.

Как и многие ювенальные практики, спекулирующие на теме защиты детей и гуманизме, подобная мера может привести к обратным результатам.

Анализ опыта женщин, планировавших аборт, но выносивших и родивших ребенка, а также практика суррогатных матерей, показывает, что часты случаи, когда ввиду

сформировавшейся привязанности, мать отказывается отдавать ребенка. Как будет урегулирован вопрос с передумавшими женщинами и будут ли насильно у них отбирать собственных детей?

Помимо этого, с момента рождения родительские права на ребенка также имеет и отец, который лишается этого права. Полностью исключается возможность родственной опеки другими членами семьи, то есть выстраивается антисемейная ювенальная модель, которая направлена не на сохранение ребенка в кругу родных, а на передачу третьим лицам, что способствует полному разрыву с кровной семьей, родственниками и лишает ребенка информации о них.

Не исключен высокий риск склонения матерей к отказу. Фактически можно констатировать смещение функций суррогатных матерей на биологических. Технологией также могут воспользоваться женщины, забеременевшие изначально с коммерческой целью, что открывает рынок теневого суррогатного материнства, а детей делает товаром. Вдобавок создается лакуна для иностранного “усыновления” детей под заказ. Напомним, с 2023 года суррогатное материнство для иностранцев запрещено, но иностранное усыновление (за исключением ряда недружественных стран) возможно. Не исключается и коррупционная составляющая при формировании очереди на таких детей и при их распределении, а также использование детей в криминальных целях.

Технология ложно представляет подобные действия актом гуманизма, “легализует” в общественном сознании отказ от ребенка как “благородный” поступок, а также подрывает суть материнства и дискредитирует ценности семьи.

Таким образом, подобная инициатива совмещает в себе одновременно негативные последствия бэби-боксов и суррогатного материнства вместе взятые, и не только не решает проблему, но и создаёт новые риски.

Шеваренкова Анастасия Владимировна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Маркетинговая сила этики

Соблюдение этических требований позволяет бизнесу иметь несколько маркетинговых преимуществ, заключающихся в возможности создания более привлекательного, в сравнении с альтернативными, бренда. Во-первых, это улучшение конкурентной позиции продукта для потребителя (выбор экологичного продукта неэкологичному при прочих равных), во-вторых, это создание интегритета, в-третьих – привлечение и удержание сотрудников, разделяющих ценности компании, и многое другое.

Сосредоточимся на третьем. Текучка кадров является значительной проблемой для многих крупных компаний, о чём свидетельствуют корпоративные системы вознаграждений за трудоустройство знакомых. Данная проблема не всегда может быть решена исключительно повышением зарплаты. В соответствии с результатами исследования, проведённого в 2021 году сервисами «Работа.ру» и «СберЗдоровье», 1/5 всех уволившихся называют в качестве причины не сложившиеся отношения в коллективе, ещё почти 2/5 – перенапряжение на работе, вызывающее проблемы со здоровьем, выгорание. Смягчить эти проблемы позволяет миссия компании, регулярно транслируемая сотрудникам и потенциальным сотрудникам. Миссия компании представляет собой публичное описание целей компании, зачастую в ней используются этические определения и понятия. Так, например, в миссии ПАО «Газпром» значится, что цель деятельности компании «заключается в надёжном, эффективном и сбалансированном обеспечении потребителей природным газом». Надёжное, эффективное и сбалансированное – значит хорошее, и так мы выходим в этическое поле. Часто в миссиях используют такие слова, как «качественное» (то есть хорошее, полезное) и «доступное» (то есть достижимое, с заботой о клиентах, которые оценивают свою покупательскую способность как ниже среднего). Важно помнить, что миссия направлена не на людей

вообще, а на потребительский сегмент, определение которого исследуется перед запуском бренда.

Сотрудник, верящий в миссию компании, уверенный, что его деятельность необходима для того, чтобы мир был устроен лучше, более замотивирован, чем сотрудник, считающий, что его деятельность бесполезна. Однако отделу кадров необходимо помнить, что избыточный упор на миссию компании имеет скорее негативный эффект: возможные последствия имеют большое количество вариаций – от отказа верить в идеалы компании в том случае, если внутри фирмы происходит нечто, идущее вразрез с транслируемыми идеалами, до усиления выгорания сотрудников, что часто случается среди «помогающих» профессий, в том случае, если сотрудник берёт на себя слишком большую ответственность за следование миссии компании. Казалось бы, какое дело компании до выгоревшего и уволившегося по этой причине сотрудника? Свою прибыль он уже принёс. Однако затраты на поиск, обучение и компенсацию от ошибок нового сотрудника являются вполне себе финансовым аргументом к тому, что управлению компании необходимо принимать всерьёз декларируемые ими этические принципы.

Нельзя также забывать про то, что несовпадение декларируемой миссии и реальных действий компании могут стать ударом по имиджу фирмы и среди клиентов – потребители могут оценить такую фирму как ненадёжную, не сдерживающую своих обещаний. Эффект значительно усугубится для тех клиентов, которые разделяли миссию компании.

Таким образом, правильно сформулированная и транслируемая миссия компании может значительно помочь отделу кадров в его работе, однако пренебрежение к ней способно усугубить проблемы с кадровым составом и клиентами фирмы, а в дальнейшем и с реализацией деятельности.

Ширяков Илья Павлович

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Этика Ритуала и этическая аномия

Этикой Ритуала принято называть конфуцианскую этику через принцип Ли. В коллективной монографии по сравнительной философии «Дао и Телос» этика Ритуала или этика Пути (Дао) сравнивается с этикой Блага европейской философии, и дается как сравнение Ли и Дао, с различными этическими идеалами философских систем. Выделяя родство системы Долга Канта и этики конфуцианского ритуала.

Однако ритуальные действия и ритуальное поведение присуще всем культурам, даже за пределами правил «вежливого» должного поведения, во всех народных культурах.

Различные бедствия и последующие за ними ритуалы и обеты (например, строительство обетных храмов) описанные в «Ритуалах Бедствия» на примере русских крестьян, предполагают перезаключение этического договора с высшими силами.

И сами авторы Дао и Телос обращаются к Байбурину и его идеи о мифе и ритуале, важности первопоступка и его повторения для традиционной культуры, в анализе Этики Ритуала конфуцианства.

Если эллинская и следующая философия не сделала работу над ритуальным поведением, так как китайская, то можно задаться вопросом.

Допустимо ли рассматривать европейские этические системы с точки зрения ритуального действия (то есть строго выполняемого в той или другой жизненной ситуации просто, потому что надо, так должно) или нет.

На наш взгляд любую этику можно рассматривать ритуально или «нерефлексивно», тогда любое действие исполняется просто «надлежащим образом» как то, что нужно делать сообразно онтологическим правилам.

Но сама история европейской этики предполагает «разумный» выбор, как срединный подход Аристотеля, или «разумный» идеал – настоящий христианин, на-

стоящий рациональный человек просвещения и т.д. Его можно назвать антропологическим, или экзистенциальным.

Требую быть и идеалом человека, и обязательность «рефлексии» перед поступком, «западная» этика постоянно упирается в сомнительное требование не испытывать чувство гордости за правильное поведение. И другие требования быть «альтруистичным» или поступать как должно (по Канту). Именно эта «этическая рефлексия» перед принятием решения, на наш взгляд, исключает ритуальное поведение, по причине отвлечения от собственной мифологии и культуры, в угоду абстрактным понятиям и этическим суждениям (не этическим действиям).

Вернемся к ритуальной этике, здесь если правильное течение жизни нарушается в общине земледельцев или в одной из китайских империй, происходит обнаружение нарушителя этического договора и нарушителя правил поведения. И договор перезакключается.

«Западная» же этика или христианская этика (понимаемая не через ритуал и литургию) всю свою историю требовала от каждого человека, любого уровня (то есть и не образованного крестьянина или горожанина) соответствию идеалам «святости» или разумности или еще какому-то другому. Тем самым европейская этика всегда вводит человека в состояние этической анонии, особенно сильной в периоды анонии социальной (в конкретных государствах). И даже формальный плюрализм постмодерна и отказа от идеала человека это не изменил. Если ритуальная (Конфуцианская) этика падает в кризис анонии в месте со всем сообществом в кризисные периоды, и требует начать сначала – ритуально воспроизвести договор и первопоступок, то европейская этика всегда и сразу вводит человека в состояние анонии.

Литература.

1. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа: Монография / С.Е. Ячин и [др.] — Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. Ритуалы бедствия: антропологические очерки / С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, А.В. Степанов, Л.В. Голубева, Н.А. Курзина, Ю.Ю. Мариничева; под ред. С.Б. Адоньевой. — СПб.: Пропповский центр, 2020.

Шляпников Виктор Валерьевич

к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский университет

Государственной противопожарной службы МЧС России

Онлайн-образование: этические аспекты

Этические проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в образовательном процессе, во многом возникают потому, что цифровая образовательная среда допускает новые виды поведения, что влечет за собой многочисленные этические риски. Представляется, что можно выделить следующие ключевые типы этических проблем онлайн-образования:

1. Конфиденциальность. Какие данные записываются и хранятся? Кто дает разрешение на хранение данных?

2. Безопасность. Как обеспечить передачу корректных данных по правильному адресу?

3. Информированное согласие. В какой степени заинтересованность преподавателя в информации об учащемся, которая используется для установления существующей связи с обучением, влияет на личное право обучающегося на неприкосновенность частной жизни?

4. Равенство. Способствует ли использование цифровых образовательных ресурсов равенству, справедливости и разнообразию? Может ли цифровая образовательная среда обеспечить образование для всех? Могут ли социальные, культурные и академические ценности быть успешно переданы с помощью цифровых образовательных технологий?

5. Автономия. Способствует ли онлайн-образование свободе обучения?

6. Авторское право и плагиат. Как защитить данные и материалы, используемые для преподавания, от незаконного обмена?

7. Контроль и наблюдение. Как контролировать взаимодействие между учащимися и преподавателями или между учащимися в цифровой образовательной среде?

Несомненно, что наряду с очевидными преимуществами, онлайн-образование вызывает и серьезные этические проблемы. Для анализа этих проблем необходимо более широкое видение, которое выходит за рамки технологических вопросов обучения и касается вопросов, связанных с поведением учащихся и преподавателей и политикой учебных заведений. Необходимы дополнительные исследования для понимания качества онлайн-образования, взаимодействия в онлайн-аудитории, этических ценностей в онлайн-обучении по сравнению с очными учебными заведениями. Можно предложить следующие рекомендации, которые могут послужить основой для дальнейших дискуссий:

- необходимо активизировать обмен мнениями между профессионалами в области информационно-коммуникационных технологий, органами власти, педагогическим сообществом по этическим проблемам онлайн-образования;

- учебным заведениям необходимо разрабатывать политику, направленную на решение выявленных этических проблем для обеспечения более безопасной, инклюзивной и ответственной среды онлайн-обучения;

- необходимо повышать осведомленность преподавателей и учащихся об этических проблемах онлайн-образования и о возможных вариантах их решения;

- необходимо развивать технологические навыки всех участников процесса, включая учащихся, преподавателей, административный персонал для повышения эффективности онлайн-образования;

- необходимо формировать в учебных заведениях квалифицированные и доступные технические команды с соответствующими ресурсами для удовлетворения потребностей преподавателей и учащихся в процессе онлайн-обучения.

Шпеннгер Любовь Станиславовна
магистр философии
ГБОУ СОШ №70, Санкт-Петербург

Типичная Барби. Стратегии поиска подлинности

I'm a Barbie girl, in a Barbie world
Life in plastic, it's fantastic!
You can brush my hair,
Undress me everywhere
Imagination, life is your creation
Датско-норвежская поп-группа «Aqua»

Кукла, ставшая человеком, всем с детства знакомый сюжет вновь воплощается в фэнтезийном фильме американского производства. Только теперь сюжет фильма и раскрытие идеи «настоящего» человека не в становлении морального сознания, но в «поиске самой себя» или того, что значит «быть самим собой». Сюжет насыщен множеством тем, начиная от трансгрессивных фантазий столкновения идеального мира и неидеального, юношеских бунтов самоопределения, заканчивая остросоциальными темами равноправия, дискриминации, патриархальной диктатуры, половой идентификации, смерти.

В мире розовой мечты каждый день похож на предыдущий и продолжает следующий в идеальной форме из застывшего пластика. Пространство кукольного мира с типовыми персонажами в бесконечном акте стерильных интеракций прикасается к «настоящему миру», в котором начинает дифференцироваться, проясняться, обретать индивидуальное содержание, проявленное в противоречиях и выборе. Кукла начинает задавать экзистенциальным вопросом, тем самым теряя свой бытийный статус куклы, антропоморфно куклы, суть своей самости. Фильм демонстрирует эволюцию аутентичности как идеи проживающей саму себя в контексте пустой формы коллективной идентичности (интерсубъективности) – игровая конвенция Барбилэнда к ин-

дивидуально-проявленной бытийности, которая в буквальном смысле меняет как форму тела, так и форму мира.

Штарк Елена Владимировна

старший преподаватель

Красноярский государственный медицинский университет

им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

Особенности формирования мотивации добровольцев на примере борьбы с пандемией COVID-19

В современном мире представление о добровольной помощи представляет особый интерес для изучения с различных точек зрения. Особый интерес для изучения представляет мотивация добровольцев в критических условиях, которые сложились весной 2020 г., когда весь мир столкнулся с нестандартной ситуацией, связанной с пандемией нового вируса COVID-19, который был объявлен Всемирной организацией здравоохранения. В результате пандемии многие страны мира длительно пребывали в состоянии карантина, а где-то до сих пор ощущаются последствия, связанные с экономическими и социальными проблемами, вытекающими в массовую безработицу, кризисы системы здравоохранения, недовольством масс действующей политикой многих государств, которые показали свою несостоятельность, а также, в перспективе, проявилось серьезным обострением международной политической ситуации в мире. В сложившейся ситуации активно проявили себя добровольческие организации во всем мире, в том числе международные организации (Красный крест) и многие некоммерческие организации и фонды, которые осуществляют свою деятельность на федеральном и региональном уровне, а также частные лица, готовые с желанием помогать нуждающимся. Причины мотивации добровольца (волонтера) могут быть различными и зависят от рода занятий и вида деятельности добровольческих организаций и граждан. Добровольчество в сфере медицины, которое организуют и контролируют профессионалы имеет особое значение, как ценный здоровьесберегающий ресурс для населения, а также является эффективным способом формирования культуры и профессиональных компетенций, как студенческого медицинского сообщества, так и действующих практикующих специалистов системы здравоохранения, а также культуры населения. Современные исследования специалистов из стран Европы и Азии в сфере психологической рефлексии, анализируя последствия пандемии, выявили, что медицинские работники, а также частные граждане, проявившие добровольную инициативу в качестве помощи населению в условиях изоляции и пандемии, которые стремились добровольно работать, в меньшей степени испытывали состояние тревожности, депрессии и стресса от работы в медицинских и социальных учреждениях, чем те специалисты и граждане, которые в силу обязательных обстоятельств, вынуждены были выполнять свой профессиональный долг.

Таким образом, в наши дни, анализируя ситуацию 2020-2021 гг., необходимо признать высокую эффективность и потенциал добровольческой инициативы, которая положительно себя зарекомендовала на опыте, несмотря на неоднозначную ситуацию, добровольцы оказывали разноплановую и профессиональную помощь, способствуя своими действиями стабилизации и восстановлению психологической обстановки общества в столь сложное время.

«КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

материалы круглого стола

Борзенков Николай Иванович

к.филос.н., доцент

Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Ценностные основы духовного фактора в военном управлении

К ценностным основам духовного фактора в военном управлении, которые оказывают огромное влияние на формирование и развитие данного социального процесса, можно отнести:

- социокультурное пространство страны, определяющее самобытный характер жизнедеятельности, форм общения и норм поведения человека;
- систему ценностей, идеалов и норм общества и Вооружённых сил страны;
- господствующую в обществе идеологию (выраженную в образе общенациональной идеи России);
- содержание и категории военно-этической теории (гражданственность, государственность, патриотизм и др.);
- духовно-нравственные качества военнослужащих (духовная решимость и стойкость, способность перенести все тяготы и лишения военной деятельности, самопожертвование и др.);
- профессиональную компетентность военного руководителя, его знания в области военного и государственного управления;
- духовные традиции, нормы и принципы военного управления;
- взаимодействие с традиционными религиозными конфессиями России и др. [1,р.1, м.4]

Существует цельная и устойчивая система ценностей как важнейшее условие внутреннего духовного мира. Если общественные и индивидуальные интересы и потребности, имея свою внутреннюю иерархию, постоянно перестраиваются в зависимости от текущего состояния жизненных отношений субъекта, то духовные ценности, напротив, формируя основу духовного мира личности, социальной группы и общества в целом, являются выразителем всего стабильного и устойчивого, выступают определенными целевыми ориентирами жизни.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента от 02 июля 2021 года №400) отмечается «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития» [2, ст.92].

Одна из отличительных черт русского национального характера и мировосприятия – отзывчивость, доброта, способность к состраданию, готовность к взаимопомощи и взаимовыручке.

Сегодня эффективность военного управления во многом зависит от действенности таких регуляторов, как культура, ценности, традиции, мораль, зрелость сознания, мышление и т.п.

Представления о справедливости, достоинстве, нравственных идеалах, моральных нормах и этических принципах, позволяют личности или социальной группе правильно ориентироваться в окружающем мире, облагораживать свои коренные потребности и интересы, мотивы и побуждения, вырабатывать социальные качества (совесть, долг, ответственность, честь, достоинство, любовь к ближнему, к Отечеству и т.п.).

Ценностное отношение к управленческой деятельности предполагает формирование и совершенствование некоторых ценностно-нравственных качеств военного руководителя, позволяющих ему эффективно решать управленческие задачи:

1. Личное достоинство каждого военнослужащего – неприкосновенно для командира.

2. Постоянно изучая людей, военный руководитель должен знать их нужды, интересы, мечты.

3. Главное в деятельности военного управленца – завоевать доверие людей.

4. Справедливость и совесть в союзе с волей – гарантия порядочности военного руководителя.

5. Личный пример в непрерывности личностного и профессионального самосовершенствования – свидетельство ресурсной надёжности военного руководителя.

Таковы наиболее общие ценностно-нравственные качества личности руководителя, которые составляют основу его системы ценностей и по отношению к подчиненным весьма зримо проявляются в сфере военного управления.

Итак, духовный фактор играет важную роль в процессе военного управления на всех этапах становления и развития российской государственности. В современных условиях духовный фактор отличают ярко выраженная многоплановость и разнообразие. По мнению И.А. Ильина: «Россия будет существовать, расти и цвести, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведёт её опять по путям революций, распада, «переделов», «социализма» и «интернационализма», по путям позора и бессилия» [3, с. 33].

Литература:

1. Философско-политологические и исторические аспекты военного управления. Базовый электронный учебник. – М.: ВУ МО РФ. 2022, р.1, м.4

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации/ Указ Президента РФ от 02 июля 2021 года №400, ст.92,93.

3. Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура / сост. Е.С. Троицкий. – М., 1992, с.33.

Бродский Александр Иосифович
д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Философская апология войны и ее истоки

В истории философии мы сталкиваемся с апологией войны чаще, чем в любой другой сфере культуры. Феномен войны восхваляли многие древние и современные мыслители: Гераклит, Аристотель, Фихте, Гегель, Ницше, Владимир Соловьев, Бердяев, Сергей Булгаков и др. Автор доклада пытается раскрыть причины этого явления. По его мнению, некоторые черты, подобные мысленным предпосылкам войн, присущи самой природе философского дискурса. Во-первых, и философию, и войну объединяет культ общего и отражение ко всему частному и индивидуальному. Во-вторых, и философский дискурс, и военная практика используют своего рода «апофатическую логику», когда единство определяется через отрицание независимости и особенности. В-третьих, и философия, и война характеризуются анти-утилитаризмом, который противопоставляется прагматическим интересам. Такое сходство между философией и войной можно объяснить их общей функцией: обе призваны защищать основные смыслы и ценности конкретного сообщества.

Смыслы и ценности составляют основу традиции и поддерживающей ее религии. Обычно они принимаются без всякого размышления, но всегда ставятся под сомнение

другими сообществами. Поэтому войны – неизбежный фактор культуры. Философия же возникает в качестве компенсаторного средства там, где, в силу тех или иных обстоятельств, в рамках одного сообщества поколеблена традиция. В этом смысле философия всегда существует либо как средство обоснования традиции, либо как средство ее замены. Он стремится к пересмотру основного набора понятий. Но невозможно обосновать понятия средствами формальной логики. И если сообщество перестает «автоматически» принимать базовые смыслы, то единственным средством их обоснования становится насилие, наиболее радикальной формой которого является война. Таким образом, для философии война является своего рода заменой аргументации. Вполне естественно, что большинство приверженцев идеи «вечного мира» — от Анри де Сен-Симона до Владимира Вернадского — считали, что такой мир возможен только в том случае, если философское мышление будет заменено научным.

Гарвардт Мария Андреевна
магистр Прикладной этики,
Русско-немецкий центр встреч

Эвфемизация войны как угроза ценностям основаниям общества

Категориальным пунктом нашего обращения к теме является модальность аксиологической структуры общественного сознания. Сущность этического анализа любой проблемы, в принятом нами подходе сводится не к тому, чтобы различать то, что есть в реальности и то, что должно быть в контексте умозрительного этического анализа. Смысл этики в общественном сознании мы видим в формировании отношения к реальности вне зависимости от того, какова она есть и может ли она быть иной без всякого императивного наклонения.

Эвфемизация войны – прием, использующийся в СМИ в связи со сложностью легитимации войны как явления в общественном сознании. По своей сути эвфемизация представляет собой систему т.н. «словесных зашифровок» с целью смягчить и (или) завуалировать отношение к предмету сообщения, оставив всё-таки любому носителю языка возможность догадаться, о чём идёт речь, т.е. по сути – «назвать не называя». Эвфемизация является одним из средств выражения семантики умолчания, прагматическое значение которого, однако, воздействие на реципиента информации с целью изменить отношение к реальному факту, выставить что-либо или кого-либо в положительном, или напротив, отрицательном свете. Выделяют также такие функции, как манипулирование, акцентирование, самозащита и дискредитация, которые реализуются через тактики, характерные для стратегий политического дискурса. В общем, мы можем говорить о том, что эвфемизация военно-политической лексики в СМИ используется для нивелирования негативных моральных оценок войны, в ситуации, когда государству эта война необходима, либо для демонстрации политического противника в условиях информационной войны.

В нашем обращении к теме наиболее характерна специфика употребления эвфемизмов в условиях гибридной войны, когда информационное поле является и полем боя, и оружием как таковым. Здесь мы можем, перефразируя Натана Ротшильда, говорить о том, что тот, кто владеет (то есть, успешно внедряет) определениями политических событий, тот владеет миром. Поскольку речь в нашем исследовании идет о современной западной цивилизации, ведущие ценности людей в которой – безопасность и комфорт, мы наблюдаем вытеснение идеи войны из сознания общества и конструирование иллюзии безвоенной, и безвражеской реальности, в которой все чувствуют себя благополучно, ведь непосредственно боевые действия оказываются на периферии ойкумены и общественного сознания. Здесь стоит отметить, что ключевым отличием современной гибридной войны становится не физическое уничтожение противника, а разрушение той системы ценностей, в которой он существует, для того, чтобы распространить (навязать) иную систему, выгодную побеждающей стороне. В условиях информационного общества эвфемизация войны конструирует видимость пространства, в котором отсутствует война как явление, в том числе гибридная. Так, любое

военное вмешательство оказывается «операцией» с подходящей приставкой. Вооруженные формирования противника становятся «повстанцами» или «ополченцами», если есть необходимость создания положительного к ним отношения, и «сепаратистами» или «бандформированиями» в обратном случае. В то же время гибридная война, являющаяся по нашему мнению, тотальной, так как направлена в первую очередь на уничтожение ценностной парадигмы противника и устранение его в экзистенциальном отношении, проникает во все сферы общественных отношений, и формирование терпимого отношения в обществе к данным процессам позволяет им произойти незаметно для глаз обывателей. Соответственно, угрозы ценностным основаниям общественного устройства остаются незамеченными.

Горбанев Владимир Евгеньевич
слушатель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Человек на войне: события и их экзистенциальный смысл

Экзистенциализм, также философия существования – направление в философии 20 века, акцентирующее свое внимание на уникальности бытия человека.

Обращение к такому специфическому явлению человеческой жизнедеятельности, как война, требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение при изучении личности в экстремальных обстоятельствах — в пограничной ситуации. Это понятие сформулировано в философии экзистенциализма.

Особенно важны так называемые пограничные ситуации: смерть, страдание, борьба, вина.

Наиболее яркий случай пограничной ситуации — бытие перед лицом смерти.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий. Таким образом, военная обстановка выявляет те свойства личности, которые в мирное время оказываются в какой-то мере второстепенными или не требуют крайних своих проявлений.

Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою. В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества.

Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся поистине массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных.

В то же время в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества, которые могут приобретать принципиально иное значение: например, слабость характера, вполне простительная в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны. В периоды «бедствий народных» как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде ввиду того, что поступки оцениваются по-иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизнедеятельности.

В ходе боев могут проявиться прямо противоположные качества их участников — трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, сформировавшихся в предшествующий период, от качества боевой готовности и умения владеть оружием, от положительного или отрицательного поворота событий для одной из воюющих сторон, от продолжительности

боевых действий и многих других факторов. При этом катализатором поведения человека становится именно экстремальная ситуация.

Во всех прошлых войнах окончательная моральная закалка достигалась в ходе боев. Теперь на это рассчитывать нельзя. Возможность внезапного нападения агрессора никогда не может быть полностью исключена. Из истории войн известно, что внезапность может привести к сильному «моральному удару» по психике личного состава. Поэтому психику нужно заранее закалять, тренировать, добиваться от каждого воина высокой духовной мобилизованности и моральной «выносливости», способности к быстрому освобождению от нравственных потрясений и готовности к уверенным и решительным действиям в бою.

В любом случае главной фигурой на войне был и остается человек.

Это всегда понимали талантливые полководцы русской армии, которые, начиная еще с петровских времен, закладывали основы изучения «душевных явлений с военной точки зрения». Современные боевые действия предъявляют к качествам «человеческого материала» исключительно высокие требования.

Выводы: Экзистенциальный опыт войны, безусловно, оказал влияние на человека. Не случайно время службы на войне засчитывается военнослужащему как 1 день за три дня. Человек, которому посчастливилось выжить в условиях риска для жизни, анализирует полученный опыт.

Лебедь Илья Павлович
обучающийся специалитета

Восная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Профессия военного в отечественном кинематографе

Военная профессия является одной из самых впечатляющих, драматичных и захватывающих профессий, чем часто привлекает к себе внимание кинематографистов. Чаще всего фильмы о повседневной жизни военнослужащих появляются в границах жанрового кино, в котором армия предстает как идеализированная «школа жизни», занятие для настоящих мужчин. Так советский кинематограф осваивал армейскую тематику прежде всего в рамках комедии («Сердца четырех», 1941, «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица», 1955) и армейского экшена («В зоне особого внимания», 1978, «Ответный ход», 1981). Нравственный посыл этих фильмов считывался довольно легко: военный профессионал – это безупречный герой, который регулярно спасает мир (попутно воспитывая своим примером тех, кто попал в орбиту его деятельности), и массовый зритель с радостью отдавал ему свою любовь. Вершиной советского кино о профессии военного стал сверхпопулярный фильм «Офицеры» (1971), снятый по сценарию Бориса Васильева. В центре этой картины – понятие офицерской чести, верности стране и профессиональному долгу, рыцарское отношение к женщине.

Постсоветский кинематограф тоже не обошел стороной тему армии, однако, в стремлении избежать советских клише, представляющих военных в романтически-пафосном ключе, довольно сильно перегнул палку. В качестве примера можно вспомнить фильм «Анкор, еще анкор!» (1992) Петра Тодоровского о послевоенной жизни небольшой воинской части, находящейся вдали от крупных городов. С виду это идеальная часть, где всем руководит знающий и мудрый полковник, на деле является местом, в котором люди не могут реализовать себя, им некуда деть свою энергию. Все проблемы решаются не очень «чистыми» в нравственном отношении способами: измены, пьянство, интриги персонажей разительно контрастируют с прежними кинообразами офицеров. Но реалистическое представление об армии не достигается простым изменением «плюсов» на «минусы», хотя качественная режиссура и отличные актерские работы позволили несколько смягчить ангажированность исходного посыла фильма.

Современное отечественное кино об армейских буднях вернулось к жанровым стереотипам советской эпохи, определенные прорывы за их границы случаются только в фильмах, посвященных войнам прошлого или недавним военным конфликтам. Они привлекают внимание к этическим аспектам воинской службы. Именно благодаря такому кино зритель получает представление о высоком уровне ответственности, личного мужества и преданности стране, которые характерны для военного дела.

Леонтьев Степан Алексеевич
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Этика современных войн: вызовы настоящего

В последние 10 лет мир столкнулся с рядом значительных вооруженных конфликтов, которые привели к очевидным геополитическим и гуманитарным изменениям (например, крупные войны и мелкие конфликты в Африке, арабо-израильский конфликт). Большинство современных вооруженных столкновений характеризуются новыми тенденциями в военной деятельности, которые существенно отличаются от событий, происходивших еще 40-50 лет назад. В этом контексте возникают вызовы для политико-этических концепций войны.

Одной из важнейших тенденций в современных военных конфликтах является все более активное использование технических средств, основанных на передовых информационных технологиях. Наиболее распространенными становятся гиперсовременная и кибернетическая войны, в которых центральную роль играют электронные системы, кибератаки и информационные операции. Появляется новая арена для ведения боевых действий – интернет-среда. Это вызывает необходимость пересмотра политико-этических концепций войны, так как ранее сложно было предсказать последствия таких информационных и технических инноваций.

Кроме того, наблюдается изменение характера современных войн – переход от классической войны между государствами к конфликтам внутригосударственного характера (в том числе активное включение в процесс боевых действий повстанческих и террористических групп). Эта тенденция ведет к возрастанию роли негосударственных акторов и террористических группировок, которые применяют тактики и методы, не учитываемые традиционными политико-этическими концепциями войны. Необходимо разработать адаптивные этические модели, способные оперативно реагировать на эти изменения и обеспечивать правовые стандарты даже в условиях гибкости и непредсказуемости современных конфликтов.

Гуманитарные последствия вооруженных конфликтов также играют важную роль в политико-этических дебатах о войне. Массовое беженство, принуждение к миграции, гражданская война и нарушение прав человека становятся особыми вызовами для этических норм и ценностей. Достоинство человека, гуманизм и международное гуманитарное право должны быть нерушимыми принципами в современных войнах, несмотря на сложные политические ситуации и интересы государств.

В заключение необходимо сказать, что этика современных войн сталкивается сегодня с серьезными вызовами. Сравнение последних вооруженных конфликтов с событиями прошлых десятилетий показывает новые тенденции, такие как использование передовых технологий и изменение характера конфликтов. Политико-этические концепции должны адаптироваться к этим изменениям и признать важность гуманизма, гуманитарного права и защиты прав человека в условиях современной военной деятельности.

Никитина Анастасия Сергеевна
обучающаяся специалитета

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Современная теория справедливой войны: основные принципы

Актуальность изучения принципов теории справедливой войны обусловлена тенденцией всё большего вовлечения гражданского населения в военные действия, а также созданием оружия массового поражения [1].

Цель работы — исследовать ключевые принципы теории справедливой войны на основе изучения литературы по данному вопросу. Вопросы философии и этики войны нашли отражение в сборнике работ «Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры», авторами которой выступили философы из Бельгии, России, Китая и США [2].

Теория справедливой войны — один из подходов к этике войны, среди которых также реализм, пацифизм и милитаризм. Пацифисты представляют крайнюю точку зрения, постулируя аморальность и безнравственность любой войны, согласно этому подходу применение военной силы против человека (не важно, мирного гражданина или военнослужащего), с целью его увечья или убийства ни при каких условиях недопустимо. Реалисты противостоят этой точке зрения, говоря о том, что войны внеморальны. Согласно реализму война есть факт жизни, и, хотя было бы благом максимально сократить последствия войны, полностью исключить их невозможно [4, с. 456]. Теория справедливой войны занимает некое промежуточное положение между ними, полагая, что одни войны безнравственны, а другие могут найти оправдание с позиций нравственности. То есть теория справедливой войны анализирует критерии легитимности применения военных средств при решении конфликтов.

Важным для исследования является выделение структуры теории справедливой войны. С одной стороны, существуют принципы *jus ad bellum* справедливости вступления в войну, с другой стороны, принципы *jus in bello* справедливости ведения войны. То есть необходимы критерии, с помощью которых государство определяет моральность вступления в войну, а также критерии того, как морально вести войну [3]. Выделяются шесть принципов, определяющих условия, при которых война может быть начата, а также два принципа, которым надо следовать во время войны. Перечислим принципы «права на войну»: 1) принцип правового дела (*just cause*); 2) принцип легитимности власти (*legitimate authority*); 3) принцип добрых намерений; 4) принцип вероятности успеха (*principle of likelihood of success*); 5) принцип соразмерности (*principle of proportionality*); 6) принцип крайнего средства (*last resort principle*). Данные принципы функционируют до начала войны. Во время войны вступают в силу уже два других критерия. Первый принцип обозначается как принцип соразмерности, только он применяется в соотношении потерь и выгод от совершения различных военных операций. Допустимо лишь пропорциональное использование насилия по отношению к противнику. Второй принцип обозначается как принцип различия, суть его состоит в том, что вовлеченные в войну люди проводят различие в том смысле, что иногда противник является объектом для законного нападения, а иногда — нет. Согласно этому принципу, гражданское население обладает правом неприкосновенности, следует соблюдать принцип различия в отношении к бойцам и гражданскому населению, военнопленным, раненым и др.

Таким образом, анализ исследований, посвященных разработке теории справедливой войны, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, принципы теории справедливой войны в основном направлены на сохранение человеческих жизней, в особенности гражданского населения. Во-вторых, несмотря на то, что принципы справедливой войны закреплены во многих документах, принятых после Второй мировой войны, ни в одной войне они полностью не исполнялись, что затрудняет понимание этической достоверности этих принципов для обычных людей. И, наконец, в-третьих, этический смысл принципов теории справедливой войны в том, что эти

принципы выступают инструментом рационализации нормативных ограничений войн, а также помогают сформулировать чёткие критерии этически-правовой оценки такого безнравственного явления, как война.

Литература:

1. Иванов А.А. Введение в мировую историю : учебник / А. А. Иванов. — 2-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2019. — 224 с. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/119055> (дата обращения: 22.01.2023).

2. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под общей редакцией Бруно Коппитерса, Ника Фоушина, Рубена Апресяна. Перевод: Сергея Евтушенко, Бориса Кашникова, Бориса Николаичева под редакцией Алексея Зверева. — Москва : Гардарики, 2002. — 407 с.

3. Ларионов И.Ю. Проблема морального содержания принципа верховенства права / И.Ю. Ларионов, В.Ю. Перов, А.Д. Севастьянова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — №4(90). — С. 71-75.

4. Этика: Энциклопедический словарь под ред. Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, Гардарики-е изд., Москва; 2001. — 671 с.

Сергиевская Галина Евгеньевна

к.филос.н., старший преподаватель

Военная академия материально технического обеспечения

им. генерала армии А.В.Хрулёва

Проблема чести вчера и сегодня

Честь— это достойное уважения и гордости моральное качество, «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [1].

Классом, который формировал представление о чести и достоинстве в средние века являлись феодалы-рыцари. Они считали, что только люди благородного происхождения могут быть преданы своему господину, верны данному слову, обещанию, способны на подвиги. [2, С. 833].

Честь считалась исключительным достоянием определенной социальной группы. Данное понятие не могло относиться, например, к горожанину или крестьянину. Даже к монашеству это понятие не применялось. В последствии честь, передающуюся по наследству, унаследовало дворянское сословие. До сих пор во многих странах потомки дворянского сословия составляют отдельную достаточно закрытую элитарную группу.

Небезынтересна в этом контексте судьба великого испанского поэта и драматурга Кальдерона де ла Барка — чьи произведения считаются одним из высших достижений литературы, которого немецкие романтики нарекли «поэтом чести». Из всех возможных регуляторов гармонического общественного устройства Кальдерон избирает ключевое категориальное понятие чести. Понятие «честь», имеющее значение некоего универсального морального принципа поведения отдельного человека, приобретает у Кальдерона смысл основного регулятора социальных отношений, фундамента общественного блага. Следует подчеркнуть, что чувство чести, порядочности в отношениях с людьми, чистоплотности в поступках и помыслах всегда остро переживалось в Испании всеми — от сеньора типа Дон Кихота до крестьянина Санчо. Притча о горностае была широко известна во всех слоях общества, и Кальдерон представил ее в своих драмах чести в наиболее обобщенной, абстрагированной и схематизированной форме. Содержание общенародной притчи таково: чтобы поймать горностая, охотники устраивают грязную лужу и гонят на нее животное. Зверек предпочитает умереть, но не замараться в грязной жиже. Возможно поэтому шкурка горностая стала подбоем королевской мантии и символом жертвенно-незапятнанной чести. Понятие чести Кальдерон использует как важнейшую категорию применительно к конкретному

сообществу себе подобных. Способность постичь нравственную ценность другой личности, требование душевной стойкости тем более, что сама вера, если она не слепа, включает в себя момент риска. Вера в другую личность без надежных оснований и гарантий превращается в высшее испытание моральной стойкости и подлинный критерий в отношениях человека к человеку.

Доподлинно известно, что знаменитый драматург испытал себя и на ратном поприще. В 1638 году французские войска под начальством принца Кондэ вторглись в Испанию возле Бидасоа и обложили крепость Фуэнтерабиа. На помощь осаждённым была снаряжена армия под командованием великого адмирала Кастилии Хуана Алонсо Энрикеса де Кабрера. Патриотично настроенный Кальдерон бросает работу над очередной комедией и вместе со своим братом Хосе спешит к месту военных действий. Через три года Педро Кальдерон в числе кавалеров Ордена Сант-Яго принимает участие в походе против Каталонии, где началось сепаратистское движение. О воинской доблести великого драматурга сохранилась подробная реляция его начальника Альваро де Киньонеса.

В моральных ценностях выражены требования общества (государства) и, если говорить о современных военнослужащих, то в ст. 26 «Общие обязанности военнослужащих» определено, что они обязаны «дорожить честью и боевой славой защитников своего народа, честью воинского звания и войсковым товариществом» [3].

Литература:

1. Толковый словарь В. Даля. <http://v-dal.ru/>
2. Сериева М.М. Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества // Молодой ученый. — 2016. — №28 (132).
3. Федеральный закон от 27.05.1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Правовая система «Консультант Плюс»

Смецкой Кирилл Сергеевич
обучающийся специалитета

Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Этические аспекты дисциплинарного пространства армии

Современная армия во многом сохраняет черты тех дисциплинарных пространств, которые описаны в работах Мишеля Фуко, её в меньшей степени затронул процесс перехода к обществам контроля, зафиксированный Делёзом [1]. Вероятно, не случайно, говоря о всеобщем кризисе пространств изоляции, таких как семья, школа, завод, больница, тюрьма, Делёз не упоминает армию. Старые дисциплинарные методы, такие как строевой шаг, строгий распорядок дня, знание наизусть требований устава, не спешат сдавать свои позиции в военном деле. Вернер Зомбарт рассматривал воинскую дисциплину (и прежде всего «шаг в ногу») как способ преобразования «человека инстинкта» в «человека долга» [2]. Такие механические, телесно ориентированные дисциплинарные практики, являющиеся методами воспитания профессионального военнослужащего, подчиняя его существование целостности высшего социального порядка. Строевую подготовку в армии Зомбарт называл механическим путем налаживания связи между руководящим и исполняющим органом, способом формирования общего духовного пространства.

Формы надзора за военнослужащими также во многом пока больше соответствуют практикам дисциплинарных обществ, чем более технически гибким формам надзора, принятым в обществах контроля. Считается, что личный состав всегда должен быть в поле зрения непосредственного командира, только тогда можно предотвратить совершение неправомерных действий со стороны подчиненных.

Если смотреть на армию со стороны, то можно предположить, что идеальный военнослужащий – это тот человек, который четко соблюдает все правила, установленные в армии, ни в чем не нарушая требований устава. Однако, профессионализм предполагает, что следование формальным правилам должно сопровождаться и знанием

неформальных норм. Ведь это и есть настоящее мастерство своего дела – быть гибким в различных обстоятельствах и подстраиваться под ситуацию, а не механически следовать установленным правилам и шаблонам. От этого военнослужащий не становится менее дисциплинированным, особенно если свою работу он делает качественно. Военное дело – не только наука, но и искусство, а, значит, умение творчески осмыслить ситуацию и принять правильное (нешаблонное) решение необходимо постоянно культивировать в процессе воспитания. Кроме того, нравственное поведение военнослужащего предполагает наличие морального выбора, а высокому профессионализму соответствует не просто механически усвоенные (вписанные в тело) образцы поведения, но и осознанная самодисциплина.

Литература:

1. Делёз Ж. *Post scriptum к обществам контроля* // Делёз Ж. *Переговоры*. СПб., Наука, 2004.

2. Вернер Зомбарт. *Война и капитализм* // Зомбарт В. *Собрание сочинений в 3-х томах*. Том 3. СПб., 2008.

Тебякина Елена Евгеньевна

к.филос.н., преподаватель

Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Этические основания справедливости в контексте информационной войны

Вопросы справедливости и воздаяния интересовали философов с древнейших времён. И, если Платон видел справедливость в «праве сильного», то уже Аристотель заявлял о равенстве, но при этом указывал на круг равных, для которого она гарантируется, как и несправедливость для всех остальных. Эти две концепции понимания справедливости, в различных вариациях, прошли через всю историю Средневековой, Ренессансной и Нововременной мысли находя свою воплощение в политических, экономических и управленческих воззрениях великих мыслителей. Однако в XIX веке концепции этического осмысления «справедливости» получают распространение в военной сфере, начиная с классификации Карла фон Клаузевица, подразделявшего войны на справедливые и несправедливые, и выведившего стремление к справедливости как основной признак легитимности военных компаний. Однако, сохраняют ли понятия справедливости своё значение в контексте современной информационной войны?

Отойдя от концепции универсальности, глобальности, однозначности и тотальности «справедливой войны» (например, Гуго Гроция или Карла Шмитта) мир, переходя к локальным и региональным военным конфликтам, переходит и к ситуативному пониманию вопросы о справедливости в зависимости от той или иной ситуации, связанной с военными действиями. Впрочем, информационная (ментальная, сетцентрическая, гибридная) война вновь возвращает военным действиям глобальный характер. Кроме того, информационная война ведётся посредством СМИ, применяющих направленные манипуляции для воздействия на «умы и души», но теперь не просто публики, а населения страны противника. А поскольку, глобальный информационный мир, начиная с 90-х годов прошлого века существует в рамках феномена «постправды», где правда и истина свершившегося факта уже не является более абсолютной и непогрешимой ценностью, так как, во-первых, всегда можно предоставить альтернативную точку зрения (причём совершенно неважно истинную или ложную), а во-вторых, посредством медаманипуляций, можно вызвать эмоциональную реакцию, совершенно противоположную свершившемуся факту (смех по случаю трагических событий и т.п.). По сути это манипуляция сознанием в контексте информационной войны действует по принципу создания альтернативной реальности и формирует вокруг её потребителя информационный пузырь. Но кроме того, информационная война порождает ещё и этическую проблему, связанную с насильственным вовлечением в военные события всех категорий граждан (и комбатантов и некомбатантов), поскольку существование в

информационном обществе невозможно без доступа к разного рода информационным ресурсам и становится насущной потребностью и условием труда, а значит дистанцироваться от неё в принципе невозможно.

Шатровой Олег Вячеславович

к.п.н., доцент

Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Парадоксы и синдромы войны

В ходе беседы в рамках психологической работы ветеран подразделений специального назначения, боевой пловец, образно сказал, что война – это «грязь с обеих сторон, с какой то больше, с какой то меньше». Не случайно в православной конфессии воинов, вернувшихся с войны в течение года не допускают к причастию.

Война является единственным видом социальных отношений, в которых уничтожение противника (противной стороны) нормативно регламентировано. [3] Это первый парадокс, лежащий в плоскости правовых отношений. В Крымской войне 18 века зафиксированы неоднократные случаи, когда английские солдаты, в боях за Севастополь получив ранение, заходили в русские медицинские пункты, где им оказывалась медицинская помощь. Это второй парадокс войны. В ходе Первой мировой войны на восточном фронте в периоды затишья солдаты русской армии посещали расположения противника, где мирно общались, зачастую оставаясь на ночлег. Утром они возвращались в свои расположения, чтобы продолжать боевые действия. Это третий парадокс войны. После конфликта в Приднестровье, обе противоборствующие стороны организовали застолье на мосту, вспоминая и обсуждая события конфликта. Это очередной парадокс в плоскости социальных отношений войны. Описанные парадоксы находятся во взаимосвязи с такими синдромом как «псы войны», который характерен для людей, с застреванием на боевых действиях; синдромом «вины выжившего» и с так называемой дистросией («вывихом») мышления, характерной особенностью которой являются выводы вне логики, которые формулируют люди, долго находящиеся чрезвычайной обстановке, в том числе, в зоне боевых действий.[1,2,3]

Литература:

1. Анисимов А.И., Матусевич М.С., Шатровой О.В. Противодействие кризисному влиянию чрезвычайной ситуации социального характера: практикум / А.И. Анисимов, М.С. Матусевич, О.В. Шатровой – СПб.: Изд-во «РГПУ им. А.И. Герцена», – 2014.
2. Барташ А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны //Военная мысль.2021.№2. С.6-19.
3. Караяни, А.Г. Психология боевого стресса и стресс-менеджмента: учебное пособие для вузов / А.Г. Караяни. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2020.

«ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ»

совместно с Общественной организацией «Голоса за животных»

материалы круглого стола

Астахова Александра Валерьевна
Координатор некоммерческого проекта
V-Project. Реабилитация и рехоуминг

4R концепция как этическая альтернатива эвтаназии

В 1959 году Рассел и Бёрч опубликовали свой труд о принципах 3R в отношении использования животных в экспериментах. [1] На сегодняшний день концепция 3R в отношении лабораторных животных все еще является предметом дискуссий, однако, ее принципы считаются общепринятыми и рекомендованными в обращении с подопытными группами животных [2]. Данные принципы провозглашают ряд этических норм, которыми должны руководствоваться исследователи [3]. Согласно концепции, предлагается «replacement» – замена – отказаться от использования модельных организмов в пользу альтернативных методик, а также замена высших животных (позвоночных) животными с менее развитыми нервной системой и органами чувств. Также, при планировании эксперимента стоит минимизировать количество задействованных в нем животных («reduction»). Последний принцип – «refinement» – улучшение, усовершенствование – предполагает изменение стандартов работы с живыми организмами с целью минимизации для них боли и страданий.

Однако, ни один из этих принципов не затрагивает важнейший вопрос судьбы животных после того, как эксперимент окончен. Этот важнейший этический аспект использования лабораторных животных достаточно часто ускользает от внимания исследователей.

В настоящее время подавляющее большинство животных, выбывших из эксперимента все еще подвергается эвтаназии. Во-первых, как правило, научные учреждения не имеют средств и места для содержания выбывших животных в виварии. А во-вторых, это происходит в полном соответствии с текущими гайдлайнами по использованию модельных организмов в экспериментах. Так, например, опубликованный ГОСТ 33215-2014, содержит в себе описание подходов и методик по уходу и обращению с лабораторными животными, и лишь уточняет необходимость соответствия процедуры эвтаназии рекомендациям Европейской Комиссии по эвтаназии экспериментальных животных. [4, 5]

Параллельно с эвтаназией, существует и активно развивается альтернативный путь для бывшелабораторных животных. Этот вариант можно описать четвертой «R», если добавить его к существующей концепции. «Rehoming», или дословно – переселение – предполагает передачу животного новому владельцу со сменой места обитания животного после вивария. Данная практика появилась сравнительно недавно, и для активного внедрения требует распространения и популяризации выбывших из экспериментов животных в качестве домашних питомцев. Также стоит отдельно отметить сложности, связанные с отсутствием инфраструктуры для временного содержания животных: когда эксперимент окончен, и научное учреждение в животном уже не заинтересованно, а потенциальный новый владелец еще не выразил готовность животное забрать. Однако, несмотря на существующие трудности, предлагаемый способ выведения животных из эксперимента может помочь человечеству на пути к зооэтичному обществу.

Литература:

1. Russell W. M. S., Burch R. L. The principles of humane experimental technique. – Methuen, 1959.
2. van Zutphen B. F. M., van der Valk J. B. F. Education and training: a basis for the introduction of the Three Rs alternatives into animal research // Alternatives To Laboratory Animals. – 1995. – Т. 23. – №. 1. – С. 123-127.
3. Kilkenny, C., Browne, W. J., Cuthill, I. C., Emerson, M., & Altman, D. G. (2010). Improving bioscience research reporting: the ARRIVE guidelines for reporting animal research. Journal of Pharmacology and Pharmacotherapeutics, 1(2), 94-99.
4. «ГОСТ 33215-2014. Межгосударственный стандарт. Руководство по содержанию и уходу за лабораторными животными. Правила оборудования помещений и организации процедур» (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.11.2015 №1732-ст) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа — локальный.
5. Close B. et al. Recommendations for euthanasia of experimental animals: Part 2 // Laboratory animals. – 1997. – Т. 31. – №. 1. – С. 1-32.

Борисенко Дарья Васильевна
студент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины

Этические аспекты помощи диким животным: расширение круга сострадания

Современный мир стал свидетелем ускоренного развития технологий, индустриализации и экспансии человека на природные территории. Это привело к серьезным последствиям для дикой природы и ее обитателей [3]. Изменение климата, уничтожение естественных местообитаний и незаконная охота приводят к исчезновению многих видов животных, поэтому вопрос о помощи диким животным становится все более актуальным.

Помощь диким животным начинается с осознания нашей ответственности перед природой. Мы, как часть этого мира, имеем возможность влиять на его ход. Природа не только служит нам, но также имеет внутреннюю ценность или ценность самой по себе в философском смысле [1]. В этом контексте помощь диким животным становится необходимостью для сохранения биоразнообразия и экологической устойчивости.

Другим аргументом в пользу помощи диким животным является их биологическая ценность. Каждый вид в естественной экосистеме выполняет определенную роль, и его исчезновение может нарушить баланс природы [4]. Помощь диким животным помогает сохранить биологическое разнообразие и сохранить экосистему в целом. Так же помощь диким животным основывается на этическом принципе сострадания и уважения к жизни. Если мы признаем, что все живые существа имеют право на жизнь и свободу от страданий, то мы обязаны помогать диким животным в их борьбе за выживание. Это требует от нас не только воздерживаться от нанесения вреда животным, но и активно вмешиваться, когда они оказываются в опасности или нуждаются в помощи [2].

Однако, помощь диким животным также подразумевает определенные сложности и ограничения. Например, возникает вопрос о том, как определить, когда и какую помощь следует предоставлять. Не всегда ясно, что является «естественной» смертью или страданием, а что требует нашего вмешательства [4]. Кроме того, вмешательство может иметь непредсказуемые последствия для экосистемы и ее баланса в целом.

В философии существует множество подходов к помощи диким животным. От активного участия в экологических проектах и организациях до простых, но важных действий, таких как соблюдение правил безопасности при взаимодействии с дикой природой. Каждый может внести свой вклад в сохранение дикой природы и помощь ее обитателям.

В России действует ряд организаций и фондов, занимающихся помощью диким животным. Вот некоторые из них: 1) Фонд «Забывшие животные» — одна из крупнейших организаций в России, занимающаяся сохранением и защитой дикой природы. Занимается проектами по восстановлению и охране экосистем, а также оказывают помощь пострадавшим животным. 2) Межрегиональная общественная организация «Сибирский экологический центр» специализируется на защите дикой природы в Сибири и на Дальнем Востоке. Проводит мониторинг исчезающих видов, организуют экологические кампании и акции, а также занимаются реабилитацией пострадавших животных. 3) Фонд «Приморский тигр» занимается сохранением амурского тигра и его местообитания в Приморском крае. Проводит научные исследования, организуют патрулирование территорий, где обитают тигры, и занимаются реабилитацией пострадавших животных. 4) Фонд «Полярный медведь» специализируется на защите и сохранении арктической природы и ее обитателей. Фонд проводит научные исследования, организует экологические кампании и акции, а также занимаются обучением и просвещением в области охраны дикой природы. Это только некоторые примеры фондов и организаций, которые помогают диким животным в России. Каждая из них имеет свои цели и задачи, но все они стремятся к сохранению биологического разнообразия и охране дикой природы.

Помощь диким животным является важной и сложной проблемой, требующей глубокого размышления и обсуждения. Она основывается на этическом принципе сострадания и уважения к жизни, а также на осознании моральной ответственности перед природой и ее обитателями. Однако, помощь должна быть осуществлена с учетом ограничений и сложностей, чтобы избежать непредсказуемых последствий. Расширение круга нашего сострадания на дикую природу и ее обитателей поможет нам создать более гармоничное и устойчивое социальное и экологическое будущее. Совместные усилия, основанные на этических ценностях и научном подходе, могут привести к более эффективным стратегиям и мерам по сохранению биологического разнообразия и балансу в природе.

Литература:

- 1) Прокофьев А.В. Экологическая этика / А.В. Прокофьев, Р.Г. Апресян. – Москва : Интернет-Университет Информационных Технологий (ИНТУИТ), 2016. – 96 с.
- 2) Dubois S. D. Understanding humane expectations: public and expert attitudes towards human-wildlife interactions : diss. – University of British Columbia, 2014.
- 3) Faria C., Paez E. Animals in need: The problem of wild animal suffering and intervention in nature //Rel.: Beyond Anthropocentrism. – 2015. – V. 3. – P. 7-13.
- 4) Jones M., MacMillan A. Wild animal welfare //The Veterinary Record. – 2016. – V. 178. – №. 8. – P. 178-195.

Гурьева Мария Александровна

директор

АНО «Национальный центр аналитики в сфере животноводства «Модерн ферма»

**Проблема отношения к сельскохозяйственным животным,
переход к этичному фермерству как один из этапов развития
гуманного становления взаимоотношений природы и общества**

Традиционное масштабное сельское хозяйство часто бывает неэтичным — негуманным по отношению к животным, перегруженным применением антибиотиков и загрязняющим окружающую среду.

Чтобы сэкономить место, животных, выращиваемых на фабричной ферме, ютят вместе в пустых загонах, ящиках или клетках, что препятствует их нормальному поведению, например, гнездованию или поиску пищи. Это часто приводит к тому, что животные наносят друг другу травмы просто из-за скуки, разочарования и стресса. Фабричное фермерство эксплуатирует животных, теснит их вместе и издевается над ними, чтобы повысить производительность.

А между тем именно условия содержания животных оказывают непосредственное влияние на конечный продукт — это с одной стороны. С другой — звери и птицы более восприимчивы к окружающей обстановке, чем мы привыкли думать.

Куры образуют крепкие семейные узы. Наседка начинает привязываться к своим цыплятам еще до их рождения. Она будет переворачивать яйца до пяти раз в час и тихо кудахтать своим нерожденным птенцам, которые будут чирикать в ответ ей и друг другу.

Несмотря на свою репутацию, у свиней есть много положительных качеств, включая чистоплотность, интеллект и социальный характер. Поросята узнают свои имена к двух-трехнедельному возрасту и реагируют на зов. Они также очень разборчивы в еде и очень требовательны к своему жизненному пространству. Свиньи любят новизну, они чрезвычайно активны и любознательны.

Коровы очень социальные животные и образуют прочные связи со своими семьями и друзьями, которые могут длиться всю их жизнь. Связь между коровой и ее теленком особенно сильна. Если корову-мать поймают на противоположной от ее теленка стороне забора, она встревожится, заволнуется и будет отчаянно кричать. Если они останутся разлученными, она останется у забора сквозь метели, голод и жажду, ожидая воссоединения со своим ребенком. Эта связь сохраняется даже после того, как теленок полностью вырос.

Животные на ферме и на крупных АПК испытывают страдания.

Но несмотря на появление вегетарианских продуктов и всеобщее внимание к судьбе животных, число вегетарианцев растет медленно. Каждый отдельно взятый человек понимает, что даже если он откажется от говядины, то вряд ли спасет хотя бы одну корову, а если это и произойдет, то остальные всё равно умрут. Изменение питания всего человечества требует значительно больших масштабов, чем личный выбор, и коллективных усилий.

Поэтому сейчас важным шагом является переход к этическому фермерству. Когда признаются права животных.

Основной постулат гуманного отношения – животные и птицы в сельском хозяйстве должны быть здоровыми и содержащимися с заботой и ответственностью. Отказ от содержания животных в клетках, которые ограничивают движения животных и лишают их возможности нормальной жизни. Обеспечение животным и домашним птицам улучшенных условий содержания. Они зависят от видов и могут включать как отапливаемые современные птичники, удобные кормушки, так и подстилки, игрушки. Гуманный убой и содержание в течении жизни. С момента рождения до убоя, включая транспортировку. Пространство для движения. Или свободный выпас или достаточно просторное помещение с доступом к воде и еде, не ограничивающее жизнедеятельность животных в сельском хозяйстве. Ответственное использование антибиотиков. Переход к этическому фермерству как один из этапов развития здорового становления взаимоотношений природы и общества.

Мефёд Марк Владиславович
свободный исследователь

Права животных и переосмысление понятия политического

Главной проблемой исследовательниц внутри animal rights и animal ethics является то, что они не мыслят животных как действующих агентов. Животные рассматриваются как пассивные получатели блага. Они – безголосые жертвы, нуждающиеся в спасении человеком, а не действующие субъекты, обладающие собственной волей и индивидуальными интересами. В политическом смысле животные не действуют по отношению к той общности, которой уже принадлежат права, чтобы тоже их приобрести. Эти права закрепляются за ними на основании теоретических рассуждений, а не из-за действительных требований в сторону человеческого сообщества [Blattner, Ch.E. Turning to Animal Agency in the Anthropocene // Animals in Our Midst: The

Challenges of Co-existing with Animals in the Anthropocene, ed. by B. Bovenkerk, J. Keulartz, Springer, 2021. Pp. 65-78].

И это проблема, потому что правовые изменения происходят без переосмысления политической практики и политического взаимодействия с нечеловеческими субъектами. Это в конечном итоге, приводит к тому, что законы не работают, так как их пытаются внедрить на не переосмысленное политическое пространство, в котором действуют только люди, видны и учитываются только человеческие субъекты. Иными словами, чтобы универсальные права работали, ты должен принадлежать какой-то общности большей, чем ты сам, которая будет тебя защищать [Cochrane, A, Should Animals Have Political Rights?, Polity, 2019].

Политический поворот в этике животных старается решить эту проблему, говоря о том, что животные действуют через индивидуальные контакты с людьми [Garner R., O'Sullivan S., Introduction // The Political Turn in Animal Ethics ed. by R. Garner, S. O'Sullivan, Lanham: Rowman & Littlefield International, 2016]. Однако эти контакты происходят в повседневности и не выглядят как что-то грандиозное, что способно заставить пересобрать политические и правовые отношения между людьми и животными [Donaldson S., Kymlicka W. Zoopolis: A Political theory of Animal Rights. New York: Oxford University Press, 2011. 329 p.].

Эту проблему может разрешить политическая феноменология Арендт [Арендт, Х. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. 517 с., Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с., О революции. М.: Издательство «Европа», 2011. 464 с., Vita Activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с., 47. Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary. New-York: Cambridge University Press, 2008. 326 p.]. Используя ее теорию, можно посмотреть на животных как на коллективных акторов, которые действуют через разломы в комплексе промышленного животноводства, который рассматривается как гиперобъект [Мортон, Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира. П.: Гиле Пресс, 2019. 284 с.], посредством зоонозных заболеваний [Wallace R. Big Farms Make Big Flu: Dispatches on Influenza, Agribusiness and the Nature of Science. New-York: Monthly Review Press, 2016. 400 p.], которые касаются всего мира людей напрямую. Это экстраординарное само-проявление животных ставит под сомнение существующий ординарный порядок, понятие политического, которое включало только людей, и требует пересборки общего мира и создания новой публичной сферы (а значит другого политического и правового порядков).

Экстраординарное само-проявление животных через разломы в комплексе промышленного животноводства посредством зоонозных заболеваний делает наш мир хрупким, его человеческие и животные основания разрушаются. А все потому, что мы смотрим на животных утилитарно, как на тех, кто создает и поддерживает мир. Мы меняемся с животными местами: их само-проявление уничтожает нас в ответ на то, что мы уничтожаем их. Такого рода трансформация должна нам сказать о том, что что-то не так с тем общим миром, который мы построили. Его нужно изменять.

Чтобы быть слышимыми в публичной сфере, нужно сделать животных субъектами права и наделить их какими-то правами, которые будут указывать на их внутреннюю ценность. Как следствие, это должно повлечь за собой отказ от комплекса промышленного животноводства в целом или на какой-то конкретной его части, на которую указывает само-проявление, если это будет приемлемо и не создаст в дальнейшем новый прецедент для запуска экстраординарного.

Сама же публичная сфера должна быть восприимчива к новым политическим субъектам права и отвечать на их требования уже не столько изменением законодательства и пересборкой всей системы, как это было в экстраординарной политике, сколько улучшением условий жизни животных [Meijer, E, When Animals Speak. Toward an Interspecies Democracy, 2019].

Павлова Виктория Валерьевна

аспирант, Белорусский государственный университет

Социальные практики как формирующий фактор этики отношения к животным

Этика отношения к животным – популярная тема современной прикладной этики, которая разрабатывается преимущественно на теоретическом этико-философском или этико-правовом базисе. Однако несомненный прикладной и практикоориентированный характер этики отношения к животным позволяет утверждать, что её формирование невозможно в отрыве от непосредственной деятельности, реализуемой по отношению к животным.

Деятельность, которая осуществляется ежедневно, постоянно и неоднократно в пределах сообщества определяется как социальная практика. Границы самих практик при этом задаются доминирующими в обществе ценностями. Непосредственная взаимосвязь между ценностями и практиками позволяет изменять привычный порядок в социальных структурах, а накапливающиеся сдвиги в «низовых» практиках постепенно приводят к качественной трансформации самих социальных институтов [1]. Именно такого рода механизмы выступают в качестве одного из важнейших факторов формирования этики отношения к животным, дополняя этические теории и концепции.

Социальные практики имеют амбивалентный статус: с одной стороны они являются продуктом естественно сложившихся отношений и уклада, с другой стороны они сами же и реализуют оформленные этико-философские представления о статусе животного. Доля практического и теоретического вклада в формирование этики отношения к животным при этом может сильно варьироваться в зависимости от типа и характера этих отношений. Социальные практики, имеющие отношение к животным, можно типологизировать по критерию места и роли самого животного в практике.

Первым типом такой практики можно назвать практику государственного регулирования обращения с животными. В основе лежит представление об утилитарной ценности животного как ресурса (экономического, экологического, символического, объекта культурного или национального достояния и т.д.). Должное по отношению к животному в таком случае – сохранение ресурса и его приумножение.

Второй тип – практика частного владения и личного контакта с животными – представляет их как иную субъективную форму жизни, почти «личность». Это область непосредственного взаимодействия не с видом, а с особью, индивидуализация животного. Животное в этой типологии рассматривается в своей единичности и уникальности, за ним признаётся способность до определённой степени понимать, изъясняться, играть, проявлять эмоции и т.д. В этой практике животное может выступать в роли друга, члена семьи, ценной собственности.

Третий тип социальной практики – профессиональная работа с животными – рассматривает животное как «трудового партнёра», являющегося одновременно и целью, и средством. В моральном отношении животное приближается к статусу воспитанника и занимает позицию, близкую к человеческому товариществу или отношению коллег. При этом личная позиция отходит на второй план, уступая место качественному исполнению должностных/профессиональных обязанностей.

Биоэтика исследований на животных как четвертый вид практики сочетает представления о чувствующем субъекте жизни и итоговое отношение к нему, как к биоавтотату: животное – это ценность как таковая, и животное – это лишь объект для достижения блага для человека. На практике же вне зависимости от этической маркировки животного оно фактически приравнивается к «неодушевлённому» биологическому образцу.

Практики, реализуемые зоозащитными организациями (пятый вид), рассматривают животное как субъект жизни, нуждающийся в сострадании, помощи и защите. Позиция протекционизма ставит животное в пассивную и имманентно уязвимую позицию, однако целью зоозащитной деятельности является достижение блага для животного.

Практики обращения с животными сводится к обеспечению им максимального комфорта, критерии которого регламентирует человек.

Литература:

1. Глушко И.В. Социальные практики как социально-философская проблема / И.В. Глушко // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2018. – №2 (февраль). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>. – Дата доступа: 19.09.2023.

Рувимова Наталья Валерьевна
старший преподаватель

Первый Московский государственный медицинский университет им.И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет)
Решения деонтологии И. Канта в этике благоговения перед жизнью А.Швейцера

По мысли Альберта Швейцера, его этика благоговения перед жизнью должна прийти на смену отвлечённой теории морали — именно оторванное от реальности абстрактное теоретизирование, по его мысли, явилось главной причиной упадка и деградации европейской культуры (в чём Швейцер солидарен с Гуссерлем и Хайдеггером).

Переосмысливая учение Шопенгауэра в оптимистическом ключе, Швейцер формулирует главное правило своей этики: «Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [3].

Этику Канта Швейцер в целом оценивает положительно, но не может не отрицать его недостаток: «Он не хочет призвать, что долг остается пустым понятием, если в него одновременно не вкладывать определенное содержание» [3]. Основной принцип этики благоговения перед жизнью как раз можно рассматривать как категорический императив с вложенным в него Швейцером новым содержанием. Швейцер настаивает на его выполнении в любой ситуации: «Когда он летом работает ночью при лампе, то предпочитает закрыть окно и сидеть в духоте, чтобы не увидеть ни одной бабочки, упавшей с обожженными крыльями на его стол» [3]. Подобным образом Кант настаивает на том, что политик должен следовать моральному долгу [1], а герой статьи «О мнимом праве лгать из человеколюбия» должен сказать правду о том, где находится его друг, его потенциальному убийце [2]. Так же, как и Кант, Швейцер настаивает на том, что его «императив» должен соблюдаться независимо от возможных последствий: «В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбирать между этическим и необходимым, и в случае, если я намерен выбрать последнее, я должен отдавать себе отчет в том, что беру на себя вину в нанесении вреда другой жизни» [3]. Швейцер считает, что соблюдение его «императива» позволит сделать общество более гуманным и спасти культуру. Подобный пафос мы можем обнаружить и в трактате Канта «К вечному миру» [1].

Кроме того, принцип этики Швейцера по форме соответствует первым двум формулировкам категорического императива Канта: прилагая усилия к сохранению жизни и избегая того, что ведёт к гибели жизни, мы хотим, чтобы это правило стало всеобщим принципом, и также, руководствуясь этим принципом, мы воспринимаем не только любое разумное существо, но и любое живое существо как цель, а не средство.

Швейцер полагает, что проблема в содержании долга, в то время как проблема в его форме. Сама форма вне зависимости от того, какое содержание мы в него вкладываем, является причиной оторванности категорического императива от жизни самого по себе — этический субъект морально слеп, когда в любой ситуации следует определённое правило вне зависимости от того, в какой ситуации находится. Швейцер наполняет свой императив другим содержанием, которое, с его точки зрения, будет связывать этику с реальностью, однако он просто формулирует такой же оторванный от жизни императив. Тем самым этика благоговения перед жизнью также является абстрактной теорией, поскольку по форме представляет собой деонтологическое учение.

Литература:

1. Кант И. К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1966. С. 257 – 311.
2. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М., 1980. С. 232 – 237.
3. Швейцер А. Культура и этика. М.: Издательство «Прогресс», 1973.

Севастьянова Алина Дмитриевна
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
К вопросу об этике отношений человека с животными-компаньонами

Доклад посвящен этическим проблемам, связанным с животными-компаньонами, конкретнее — нашей моральной ответственности перед животными, которых чаще всего держат в качестве домашних питомцев — кошками и собаками. Тема морально-го статуса нечеловеческих животных широко обсуждается в философской литературе, однако отдельно вопрос о моральной ответственности человека по отношению к животным-компаньонам не выделяется. Цель работы состоит в том, чтобы продемонстрировать, что принятие животного в свою жизнь порождает к нему определенные моральные обязательства, среди которых — обеспечение потребностей животного-компаньона.

Выбирая жизнь с животным-компаньоном, мы безусловно обогащаем ее и делаем более полной и разнообразной. Несмотря на то, что жизнь с животным-компаньоном связана с некоторыми расходами и неудобствами, это компенсируется тем, что животные — это источник радости, удовольствия, веселья и утешения для их хозяев. Однако, иногда жизнь с животным вызывает страх, тревогу и стресс, как у животных, так и у их хозяев. Поэтому существует необходимость этического осмысления наших отношений с животными-компаньонами.

Характер отношений человека и животных сугубо патерналистский, причем животные глубоко привязаны к человеку, они эмоционально и физически уязвимы, поскольку люди контролируют данные отношения и в их власти ценить или предавать своих животных-компаньонов. Основой отношений человека и животных должны стать любовь и уважение, а целью — забота о психическом и физическом благополучии животных-компаньонов [1].

Также можно обозначить следующие категории моральных обязанностей по отношению к животным-компаньонам в связи с болезнями: 1) Профилактика болезней; 2) Лечебная помощь; 3) Паллиативная помощь; 4) Эвтаназия [2].

Таким образом, нравственное отношение человека и животных-компаньонов включает адекватный учет интересов, потребностей животных, их желания и уязвимость, при этом следует принимать во внимание неравенство человека и животных, которое может способствовать процветанию как человека, так и животных-компаньонов.

Литература:

1. Harvey J. Companion and assistance animals: benefits, welfare safeguards, and relationships //International Journal of Applied Philosophy. 2008. Т.22. №.2. P.161-176.
2. Bjalobok F. Our Moral Duties to Ill and Aging Companion Animals //The Palgrave Handbook of Practical Animal Ethics. 2018. P.95-107.

Старкова Мария Георгиевна
обучающаяся специалитета

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
О проблемах эксплуатации рабочих животных

Животные являются неотъемлемой частью жизни людей, особенно те, которые используются в качестве рабочих. В настоящем исследовании освещаются проблемы, связанные с благополучием рабочих животных, выявляются факторы, способствующие возникновению этих проблем. В завершении обсуждаются возможные пути

улучшения условий жизни рабочих животных, включая предоставление базовой ветеринарной помощи, консультаций по здоровью и содержанию рабочих животных.

В некоторых ситуациях человеку необходимо привлекать животных в работу, так как они способны решать задачи, которые недоступны человеку. Например, лошади и КРС могут служить транспортными средствами, перевозить грузы. В других областях часто привлекают собак, благодаря их особым физиологическим возможностям, таким как развитый слух и обоняние, превосходящие способности человека.

В развитых странах технологическое развитие привело к тому, что использование рабочих животных сводится к минимуму, однако в развивающихся странах большая часть сельскохозяйственных операций по-прежнему выполняются животными. Главными факторами, ведущими к возникновению проблем в области благополучия животных, являются недостаточные знания в области управления и заботы о рабочих животных [1].

Многие животные принуждаются к выполнению физического труда, нередко без должного внимания к их индивидуальным потребностям. Работы, часто бывают утомительны и могут вызывать дискомфорт и физическую боль у животных. В результате животные испытывают стресс, несчастье и страдания из-за физических и эмоциональных нагрузок. В данных ситуациях интересы животных зачастую игнорируются из экономических соображений. Если животные получают серьезные травмы, как правило, принимается решение об их усыплении, поскольку это считается более экономически эффективным, так как выгоднее поиск замены, чем оказание им медицинской помощи [3].

Собаки, используемые полицейскими и охранниками, подвержены агрессии, небрежности и риску травм и смерти. Дрессировка и наказания могут вызвать физическую боль, психологические страдания. Благополучие собак считается менее важным, чем их служебные обязанности, что увеличивает опасность для их жизни, особенно при арестах.

Необходимо отметить, что лишь немногие задумываются о благополучии самих животных, об их физическом, психическом состоянии, так как в большинстве случаев их использование преследует лишь коммерческие цели и приносит прибыль.

Таким образом, в контексте этики благополучия животных сотрудничество между человеком и животным следует рассматривать как взаимодействие, направленное на достижение общих рабочих целей. Человек будет более проникательным, а работа продуктивной, эффективной, если он будет воспринимать животное как существо, способное испытывать чувства и телесные ощущения [4]. Этические аспекты проблемы благополучия животных обладают высокой значимостью для современного общества. Следовательно, разработка политики и процедур, направленных на улучшение ухода и обращения с рабочими животными, представляет собой важный шаг на пути к обеспечению гуманного и этичного обращения с рабочими животными [2].

Литература:

1. Abul Rahman S, Reed K. The management and welfare of working animals: identifying problems, seeking solutions and anticipating the future // *Rev Sci Tech*. 2014. №33(1).
2. Foreman AM, Glenn MK, Meade BJ, Wirth O. Dogs in the Workplace: A Review of the Benefits and Potential Challenges // *Int J Environ Res Public Health*. 2017. Vol. 8. №14(5).
3. Starkey, P. H. Livestock for traction: World trends, key issues and policy implications // *Rome: Animal Production and Health Division Food and Agriculture Organisation*, 2011.
4. Yam K.C., Tang P.M., Lam C. Working with animals: Implications for employees' compassion, awe, prosocial behavior, and task performance // *Personnel Psychology*. 2023. №76. P. 181–220.

Томильцева Дарья Алексеевна
к. филос. н., доцент, руководитель образовательной программы «Прикладная этика»
Уральский федеральный университет

(Не)маргинальное животное в этике

Этика – только для людей и про людей? На этот вопрос нет однозначного ответа. По крайней мере, представить деантропоцентрированную этику – затея почти безнадежная. Кто будет судить, оценивать и задавать «критерий этического»? Вопрос, ответ на который ещё не придумали. С другой стороны, утверждать, что отношения в этике всегда ограничиваются только человеческими рамками – тоже не верно. Ведь, скажем, многих разделов биоэтики и ветеринарной этики, в частности, попросту не возникло бы. Итак, животному в этике отводится некоторое местечко. Но что же оно собой представляет? Попробуем представить по крайней мере три способа его описания. Первый способ, назовём его «маргинализированное»: животное, как некоторый странный предмет «для любителей». Немного инфантильный (но мы можем развить эти ошибочные инфантильные коннотации, и увести во вполне себе «серьёзный» мир человеческих отношений), даже комичный, ну-ка, опиши деонтологию «глазами собаки». Другой вариант, но лишь отчасти кажущийся противоположным, животное как «чужой» исследовательский объект. Это область естественных наук, сфера дегуманизации, а гуманитарные и социальные науки не обладают ни соответствующей оптикой, ни языком для его описания. Всё, что и могут сделать философы – очеловечить да лишиться объективности. Маргинализированное животное вытеснено на окраину этики как нечто «экзотическое» или второстепенное. Многообразие моральных проблем этики животных редуцируется не к их типу, скажем, всё это про насилие, благополучие, политическую репрезентацию, а к объекту: всё это прежде всего про животное, и в «человеческих» обсуждениях» этим проблемам нет места, или по крайней мере они вторичны. Второй способ «частичное принятие»: всё чаще со стороны гуманитарных наук происходит обращение к социальным проявлениям животных не как вытесненных на периферию объектов, а как к значимым актантам отношений, для которых описываются свои правила и закономерности, обычаи и нормативные системы. Во многом этому поспособствовал процесс гуманитаризации наук о поведении и распространении нон-фикшн книг о животных, в которых всё чаще стали проскакивать нетипичные для естественных наук метафизические понятия (такие как, например, мораль и дружба). Интересно, что в таком частичном принятии, где инфрагуманизация не становится обязательным условием разговора о животном со стороны человека, появляется новый, доселе игнорировавшийся субъект – домашнее животное-компаньон. Такое, как, например, собака или кошка, слишком «гуманизированное», чтобы быть «животным естественным, как таковым» (Д. Гийо), и слишком близкое к человеку, для того чтобы остаться незамеченным в человеческой культуре и искусстве. Итак, животное более не экзотично, но ещё вполне теоретико-методологически обособлено. Третий способ, назовём его, демаргинализацией, предполагает, что этика более не делает различия между животным и человеком, включая и того и другого в единое моральное поле, устанавливая их общие связи, в рамках плоских онтологий. Здесь маргинализация устраняется на уровне теоретико-методологической позиции, но предполагает новый, деантропоцентричный взгляд на саму этику, что приводит к формированию непривычных дис-позиций актантов и акторов и новый взгляд на отношения между ними. Здесь традиционные оппозиции между животным и человеком должны распадаться....Однако насколько третий способ может иметь именно прикладное измерение – пока остаётся не совсем ясным.

Чепелева Наталья Юрьевна

к. филос. н., младший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Дискуссии о сознании животных: этический аспект

Вопрос о сознании животных связан с проблемой Других сознаний: о сознании других людей мы, как правило, судим по аналогии с собственным сознанием, к которому имеем приватный доступ, но в случае с нечеловеческими животными проведение подобной аналогии не всегда возможно. Современные исследования животных, как правило, определяют сознание нечеловеческих животных через самосознание и субъективный опыт, поэтому говоря о животных сознаниях, мы имеем в виду не феноменальное сознание, основанное на качественном опыте, а сознание доступа, связанное с самосознанием, вниманием, осведомленностью [1,2]. Критериями наличия сознания в таком случае являются зеркальный тест, язык, боль, эмоции, зеркальные нейроны и нейронные корреляты сознания. Несмотря на то, что многие животные справляются с тестами на наличие самосознания, научный консенсус относительно статуса и наличия сознания животных до сих пор отсутствует. Кембриджская декларация о сознании 2012 год, на которую обычно ссылаются, стремясь подтвердить наличие консенсуса, является не научным, а публицистическим документом. Кроме того, декларация признает не наличие сознания у животных, а лишь наличие у некоторых из них нейробиологических возможностей для обретения сознания.

В условиях отсутствия ясности в вопросе наличия у нечеловеческих животных сознания человеческого типа встает вопрос о допустимости и осмысленности распространения этических норм человеческого сообщества на животных. На иерархичном отношении к миру живых существ основана концепция Деннета, согласно которой сознание является продуктом эволюции, и полноценно развилось только у людей [3]. Ряд современных философских концепций последовательно отказывается от антропоцентричного отношения к миру и от поисков следов человеческого в нечеловеческом. Например, Деррида через концепт «животного-слова» «Animot» разоблачает выдвинутый еще Декартом языковой критерий [4]. Деконструируя разные антропоцентричные философские подходы к определению животного, Деррида указывает на то, что все они основываются на идее недостатка, лишённости животного: «Речь идет не о том, чтобы «дать слово» животным, но, быть может, о том, чтобы подступить к мышлению — сколь химеричным и баснословным оно ни было, которое иначе помыслит отсутствие имени и слова, помыслит это отсутствие иначе, нежели как лишение» [5]. Деррида описывает себя как «вегетарианца в душе», но отвергает распространение вегетарианской культуры, потому что практика защиты прав животных или экологической культуры «неизбежно воспроизводит правила субъекта». Эта теория продолжает свое развитие в биоцентрических концепциях Делеза, Брайдотти, Харауэй и др.

В докладе будет обсуждаться следующий вопрос: если мы не можем говорить о том, что нечеловеческие животные «менее развиты», чем человек, и согласимся в том, что быть Другим — не значит быть лишенным, то не будет ли распространение этических норм человеческого сообщества на нечеловеческое возвращением антропоцентризма?

Литература:

1. Block, N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and brain sciences. 18, 1995. P. 227–287.
2. Чалмерс, Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: КД «ЛИБРОКОМ», 2013.
3. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Вертенникова; под общ. ред. Л. Б. Макуевой. — М.: Идея-Пресс, 2004. С. 158-172.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе. // Сочинения в 2-х томах, т. 1, М.: Мысль, 1989. С. 282-285.

5. Деррида Ж. Животное, которым я следовательно являюсь // Социология власти / пер. Н. Архипова. Т. 3, №31. 2019. С. 220-275.

Шляхова Галина Игоревна

соискатель, Литературный институт им.А.М.Горького; АНО «СОВет» – учредитель
Эксплуатация животных человеком: альтернативы и перспективы их развития

В предисловии трактата «К критике политической экономии» Карл Маркс заявляет: «Человечество всегда ставит перед собой только такие задачи, которые может решить. Рассматривая проблему вблизи, мы всегда обнаруживаем, что задача является только тогда, когда материальные условия, необходимые для её решения, уже существуют или находятся в процессе формирования» [1]. Возможно, данный подход может служить объяснением происходящего в цивилизованных обществах в последние пару десятилетий сдвига в сторону зооэтичных практик.

Во многих сферах жизнедеятельности, в науке и производстве, человечество достигло уровня, позволяющего отказаться от эксплуатации животных (например, тестирование косметических средств [2]), или приближается к такому уровню (в частности, разработка технологий создания искусственного мяса [3, 4, 5]).

С одной стороны, такой расклад подтверждает сформулированное Марксом утверждение: вопросы зооэтичности стали подниматься в обществе, как только появились технические возможности минимизировать использование животных. Парадокс же состоит в том, что появились они именно благодаря успехам, достигнутым за счёт принесения в жертву животных ради исследовательских экспериментов и индустриального развития. Впрочем, ввиду продолжающегося взаимодействия людей и мира фауны, частично животные, в свою очередь, также пользуются результатами научно-технического прогресса (ветеринарная помощь, искусственное сохранение и восстановление исчезающих видов).

В тех областях, в которых этика оказывается первостепенна, она накладывает ряд ограничений. Считаясь с ними, прогресс предсказуемо затормаживается, а в отдельных аспектах и вовсе останавливается. В отношении животных же исторически сложилась обратная концепция: допустив моральное право их эксплуатации, человечество интенсивно развивает фармацевтику, осваивает космос, изучает физиологию и т.д. Рассматривая их как средство для достижения эволюционистских целей там, где невозможно задействовать абстрактные модели (из-за их технических неточностей) или непосредственно людей (из этических соображений), общество начинает соглашаться отказываться от этого средства постольку, поскольку цель становится достижимой без него.

Ключевая проблема состоит в том, что разработка альтернатив эксплуатации животных пока не повлекла за собой фундаментальную смену парадигмы. Полетели бы люди в космос позже или не полетели вовсе, если бы изначально считалось этически неприемлемым отправлять в заведомо невозвратные путешествия подопытных млекопитающих? [6] Аналогичным образом, и в наши дни, и в будущем, могут возникать новые направления исследований, которые не являются необходимыми человечеству для его выживания, но становятся новой ступенью развития науки. И оставаясь в пределах анализируемого марксистского подхода, общество вновь увеличит эксплуатацию животных. До момента изобретения, при помощи этих самых жертв своей деятельности, новых альтернатив.

Литература:

1. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. — М.: Политиздат, 1959. С. 8.

2. Regulation (EC) No 1223/2009 of the European Parliament and of the Council of 30 November 2009 on cosmetic products. URL access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02009R1223-20190813>

3. Cairns Rebecca. This designer wants to make gourmet food out of chicken feathers. CNN, 8.12.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/12/08/world/lighter-delicacy-chicken-feathers-into-food-spc-intl-scn/index.html>

4. Upside Foods, official website. URL: <https://upsidefoods.com/innovation>

5. Сафронова Ольга. Что такое искусственное мясо и с чем его едят. Сетевое издание ITMO.NEWS. Электронный ресурс, режим доступа: https://news.itmo.ru/ru/science/life_science/news/9853/

6. Васильев П.В., Глод Г.Д.. Научное обоснование возможности космических полётов человека и их медико-биологическая подготовка. Космическая энциклопедия «ASTROnote». Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.astronaut.ru/bookcase/books/spacemed/text/03.htm#3>

«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИНЕМАТОГРАФА»

материалы круглого стола

Беззубова Ольга Владимировна

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Прошлое в настоящем: кинематограф как ресурс этического осмысления

Осмысление прошлого является важной этической задачей. Однако, в ряде случаев такое осмысление оказывается затруднено или даже невозможно. Между прошлым и настоящим образуется разрыв, порождающий тревогу и беспокойство. В подобной ситуации может оказаться не только отдельный человек, но и общество в целом. В первую очередь, речь идет об обществе, пережившем радикальную социальную трансформацию. В этих условиях прошлое подвергается переоценке, однако, такая переоценка может не быть окончательной, оставляя социум в состоянии неопределенности. Прошлое оказывается «чужой страной», доступ в которую невозможен. Обращение к ресурсам кинематографа, в первую очередь документального, может выступать в этом случае способом рефлексии относительно прошлого, позволяющим субъекту обрести этическую и экзистенциальную позицию, связывающую прошлое и настоящее. Речь не идет об интенсификации ностальгических переживаний, но скорее о возможности актуализации и осмысления при сохранении критической дистанции, как по отношению к кинообразу, так и к позиции режиссера.

С момента своего появления кинематограф выступал в качестве средства, фиксирующего образ обычного человека, современника. Не случайно Вальтер Беньямин в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» писал о законном праве современного человека на тиражирование. Можно предположить, что интерес к неигровому кино не в последнюю связан с тем, что данный жанр порождает одновременно эффекты узнавания и остранения. Зритель получает возможность взглянуть на знакомые ему реалии со стороны. То же можно сказать и о фильмах, отражающих недавнее прошлое, каковым для многих сегодня является период позднего СССР. Память об этом прошлом еще жива, так же как и ее носители. Дебаты относительно исторической и этической оценки данного периода составляют важную часть современного российского публичного дискурса. В то же время данные дискуссии подвержены стереотипизации, могут быть сведены к небольшому набору несовместимых друг с другом позиций, не оставляющих пространства для коммуникативного действия (в понимании Ю. Хабермаса). Кинообраз, на наш взгляд, обладает как эстетическим, так и этическим потенциалом, он не только помогает реконструировать прошлое в его материальности, наглядности, но и создает те социальные рамки памяти (М. Хальбвак), в которых открывается возможность для диалога. В предлагаемом докладе данная возможность будет проиллюстрирована с помощью конкретных примеров, включающих фильмы Ш. Акерман, П. Павликовского, В. Косаковского и других режиссеров неигрового кинематографа.

Говорунов Александр Васильевич

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
Якутский кинематограф, «Айта» и постколониальные исследования

Якутский кинематограф в 2020-ые годы стал заметным событием культурной жизни. В центре внимания неожиданно оказался — из-за попытки его запрета — фильм «Айта» (2022)

Мрачноватое событие (попытка самоубийства молодой девушки — увы, в итоге успешная), мрачноватый фон (постоянно хлещущий дождь), характерная фраза фильма: «все якуты на одно лицо» — и ее зеркальное отражение: «все русские (для якутов) на одно лицо». Возникает подозрение, что причина суицида — домогательство. Некоторые косвенные улики указывают на русского полицейского Афанасия, Афоню. Он вовсе не «белый и пушистый». Его характеризуют как «мутного человека», который подался сюда, в далекий якутский поселок, за длинным рублем и увеличенной пенсией.

События развиваются стремительно: не просто угроза самосуда, а мгновенное вспыхнувший самосуд, поддержанный большинством якутского населения поселка. В общем все то, что мы знаем из далекого прошлого о суде Линча в США, а также в теоретическом отношении — из этнометодологии по поводу восприятия Чужого, здесь не просто присутствует, а присутствует в очень большой степени. Классика жанра.

В этой истории есть место рациональности и даже героизму: полицейский начальник (якут Николай) ведет себя в целом рационально (несмотря на прорывающиеся и у него эмоции ярости по поводу попавшего под подозрение русского) — и не смотря на явно выказываемое неодобрение якутов из числа полицейских. Он, понимая, что в условиях самосуда никакого рационального разбирательства быть не может, принимает решение спрятать попавшего под подозрение русского его якутскую подругу — куда подальше.

Однако в целом ситуация явно не выглядит рациональной, потому что все стандартные в любом расследовании действия (осмотр предполагаемого места преступления, места жительства девушки, и изучения ее телефона (сосредоточие жизни современного подростка!)) предпринимаются не в самом начале, а лишь тогда, когда уже идет вооруженный штурм полицейского участка.

И *happy end*, который очень быстро показывает ошибочность подозрений русского полицейского Афоню — не более, чем ослепление горя — указывает в то же время на гораздо более глубокие проблемы. Все заканчивается хорошо: никого не убили, все извинились и инцидент договорились замать (при том, насколько было самоочевидно для жителей поселка, что «русские виноваты во всем»).

Эту проблему можно истолковать в рамках методологии постколониализма, проблемы взаимного понимания/непонимания культур.

В своей программной книге «Ориентализм», посвященной критике всей западной традиции понимания и изучения Востока, Э. Саид предпослал в качестве эпиграфа цитату из «18 Брюмера» К. Маркса — «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие». Эта фраза в значительной степени выражает его претензии ко всей западной традиции востоковедения. Эту ситуацию можно назвать «перехватом дискурса», когда единственный адекватный концептуальный язык, которым можно обсуждать сложные проблемы построения многостороннего образа Востока, принадлежит отнюдь не самому Востоку, а его оппоненту — Западу.

Главный тезис постколониальных исследований, состоит в том, чтобы дать субалтернам возможность говорить самим за себя. Хотя на уровне теоретического дискурса с этим, как отмечает Саид, все же серьезные проблемы, большие надежды он возлагает на «обратный перехват» дискурса: на попытку субалтернов овладеть языком метрополии. В обширной работе «Культура и империализм» он уделяет большое внимание неевропейскому роману, как использование наиболее развитой культурной формы Запада для того, чтобы представить с ее помощью позицию Другого. Попробуем с этих позиций рассмотреть и данный фильм.

Иванов Андрей Геннадиевич

д. филос. н., профессор, зав. каф. философии

Липецкий государственный технический университет; Липецкий филиал РАНХиГС

Имперское прошлое в кинематографе: оптика мифоанализа

В докладе осуществляется оценка этических измерений трансляции мифологических дихотомий «мы – они», «свой – чужой», «центр – периферия» и т.п. на примере отечественного кинематографа об имперском прошлом России. В фокусе внимания находится импакт-контент как одна из характеристик качества кино в дополнение к кассовым сборам и профессиональному признанию. В качестве факторов, усиливающих иммерсивность и, в конечном счете, импакт, в случае с фильмами о периоде существования Российской империи выступают как, собственно, имперские мифы и символы (например, двуглавый орел), так и фигуры правителей, повествование о которых, об их героических деяниях и обстоятельствах соответствующих историй, придает сюжетным линиям лент также и мифологическую глубину. Такой символический резервуар является также источником для конструирования идентичности. Если в классификации исторических художественных фильмов недостатка нет, то в методологическом плане сложилась ситуация, когда, несмотря на разработанное поле аудиовизуальных и киноисследований, не существует универсального метода или теории для анализа таких кинокартин. В такой ситуации мифоанализ способен дополнить методологический инструментарий. Кроме того, учитывая то обстоятельство, что российское государство в современных условиях жесткого противостояния с Западом активно эксплуатирует прошлое с его значимыми победами для поддержания общественных представлений о собственных возможностях и способностях, а также вытекающую из этого необходимость демонстрации действий и свершений героических акторов, то следует дополнить классификации исторических фильмов: существует целый ряд картин, обыгрывающих «глобальный миф» «мы – они». «Глобальные мифы», как правило, содержат основные фундаментальные явления, называемые нами мифоконтентными феноменами (например, герой, жертва, война, враг и т.п.), что обеспечивает стабильный интерес к таким мифам и их устойчивую воспроизводимость. Особенно важно здесь присутствие противоборства, что в известном смысле связано с собственной идентичностью тех, кто его инициирует; связано в том смысле, что наличие общего врага способствует сплочению социальной группы, народа, государства. Наиболее отчетливо такое противостояние проявляется в военных фильмах, связанных с периодом существования Советского Союза, будь то Великая Отечественная война или холодная война, однако, более завуалированно, в том числе и в этическом плане, борьба (как символическая, так и реальная) ведется на уровне имперского времени и пространства. Имперское прошлое достаточно удалено по времени, что делает его привилегированным полем для мифотворчества. Кроме того, возможна даже своеобразная «этическая обкатка» на фигурах из прошлого актуальных современных событий, проигрывание того, как с моральной точки зрения выглядят действия и поступки исторических персонажей. И имперский миф как одна из разновидностей мифа глобального здесь оказывается удобным и эффективным инструментом: «Имперская идея, как двуликий Янус, была всегда обращена в две стороны, одна из которых соотносилась с рациональным началом (реальная политика, геополитические интересы, экономические выгоды), а другая – с иррациональным. Иррациональный субстрат был обращен к прошлому – к династическому мифу, к переписыванию истории, к переигрыванию былых и чужих побед и поражений, к перенесению столиц, переименованию городов, к адаптации старых титулов, эмблем, геральдики» [Проскура В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006 С. 7]. Так, в последние годы был выпущен целый ряд успешных, в том числе и по импакт-эффекту, художественных фильмов и сериалов, реинтерпретирующих российское имперское прошлое («Великая» (2015 г.), «Екатерина» (2014-2019 гг.), «Дело декабристов» (2017 г.), «Тобол» (2019 г.)). Все они дают возможность оценить

работу над имперским мифом, а мифоанализ обнажает сопутствующие этому процессу эмоции, аффекты и этические дилеммы.

Проект FZRW-2023-0005, реализован в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» по итогам отбора исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук, проведенного ЭИСИ, Министерством высшего образования и науки Российской Федерации и Российской академией наук

Исаков Александр Николаевич

к.филос. н., научный сотрудник

Социологический институт Российской академии наук

Редактирование памяти в фильмах о войне

С моей точки зрения, можно выделить следующие виды редактирования исторической реальности в фильмах о войне:

1. Радикальное редактирование. Например, известный фильм Джона Форда «Кавалеристы» (США. 1959 г.), с Джоном Уэйном в главной роли. Фильм, в целом, заслуженно получил приз за лучшую режиссуру, его сюжет основан на реальном эпизоде гражданской войны в США — рейде кавалерии северян в тыл южан во время осады Виксберга. Однако, в реальной истории отряд северян попал в ловушку и вынужден был капитулировать, в фильме же северяне доблестно прорываются из окружения.

2. Редактирование в соответствии с идеологической конъюнктурой. советские фильмы эпохи культа личности, где роль Сталина непомерно преувеличена, а некоторые важные участники событий остаются либо безымянными («Падение Берлина» М. Чаурули 1949 г.), либо вообще отсутствуют, как маршал Жуков в «Сталинградской битве» (В.Петров 1949 г.). Подобная же конъюнктура вычеркнула Л.Троцкого из участников подавления эсеровского мятежа в 1918г. («Шестое июля» Ю.Карасик 1968 г.), хотя, как мы знаем, его роль в данном событии была значительной.

3. Художественное редактирование, когда смысловая интенция меняет свою определенность в силу созданного авторами фильма художественного контекста. В качестве примера можно привести эпизод из первой части «Освобождения» Ю. Озерова. Вначале зритель видит как немецкий фельдмаршал Э.Манштейн напутствует одиннадцать командиров танковых дивизий перед началом курской битвы, в конце серии в ставку является один из этих генералов, весьма потрепанный, сообщает, что его 19-ая тд разбита и тут же стреляется.(эпизод, очевидно, взят из воспоминаний Манштейна). У зрителя создается впечатление, немецкие танковые войска полностью разгромлены и остальные десять генералов просто не смогли добраться до своего фельдмаршала. В действительности потери немецких танковых войск не были критическими (20% от первоначального состава) и 19тд была единственной потерявшей боеспособность, что и отмечает Манштейн в своих воспоминаниях.

Литвинский Вячеслав Михайлович

к.филос.н., свободный исследователь

Феномен экранизации в пространстве транзита от читателя к зрителю

Маятник качнется — сердце замирает.

Что кому зачтётся — кто ж об этом знает?

(А. Градский)

Среди явлений массовой культуры 20-21 вв., свидетельствующих о самом историческом процессе, кино – одно из наиболее интересных. Но когда на экране восстанавливается утраченное историческое единство между смыслами письма, интегрированными в книгу, в произведение Автора и богатством образов, восходящих к дописьменным культурам в фильме, он становится экранизацией, На стороне Писателя – нарратив, повествующий, так или иначе свидетельствующий о исторической реальности. На стороне Режиссера – видеоряд, выстроенный в соответствии с другими законами. Обращение к Экранизации художественного произведения позволяет сравнивать механизмы захваченности читателя и зрителя письмом или видеорядом в условиях

стремительно развивающихся технологий получения, хранения и использования информации. Если процесс чтения требует усилий самого читателя, то видеоряд – захватывает, берет нас в плен. Сегодня вовсе не диво в мегаполисе встретить малыша в коляске, теребящего в руках смартфон, или представить ряды движущихся пешеходов, уставившихся в него. Мне почти невероятно припомнить человека, читающего книгу на ходу. Отвечая на вопрос «Как читать книгу?», Вл. Набоков настаивал, что хороший читатель – это прежде всего перечитыватель. Экранизация литературного источника, возвращая в произведение утраченные письмом голос, музыкальное сопровождение, звучание мира, глубинную интенциональность образов, усиливает степень неопределенности итогового восприятия произведения кино. Сама необходимость перечитывать увеличивает дистанцию между читателем и событиями книги, препятствуя соблазну идентификации читателя с автором произведения или его персонажами. Книга захватывает, когда напоминает что – то, знакомое по жизни или нашему прошлому; но худшее, – замечает Вл. Набоков, что может случиться – когда он отождествляет себя с персонажем книги. В этой истории на помощь, позволяя обуздывать воображение читателя, приходит необходимость ясно представлять тот особый мир, который предоставлен в его распоряжение автором. В кино-экранизации этот особый мир уже перед глазами! Но проблема, однако, в том, что мир и не только мир отдельного произведения – книги или кино – комнаты, одежда, манеры персонажей и т.д. состоит не из вещей, людей и других обитателей этого мира, а из событий, границы которых не совпадают с повседневным пространством. Зритель становится соучастником этих событий. Когда – то в дискуссии, проходившей на радио «France Culture», один из ее участников Пьер Бурдьё тонко подметил невозможность представить себе проект выпуска серии книг по социологии, в отличие от книг по истории, скажем, в качестве рождественского подарка. История – это наука, дистанцированная от событий того исторического прошлого, к которому она обращается. Очень редко этот дискурс, в отличие от политических амбиций самих историков, обращен к современности как таковой с ее проблемами и конфликтами. Экранизация книги почти всегда имеет дело с определенной исторической дистанцией. Даже тогда, когда рассказанная история кажется совсем недавней, она включает уже свершившиеся события. Таким образом, исторический дискурс возвращает как читателя, так и зрителя к истокам, к корням и тем самым утешает, ободряет, если и не успокаивает тех, у кого существуют проблемы с собственной идентичностью. А будет ли это чувство ностальгии или экзистенциального страха зависит не только от самого произведения искусства, но и от психологического облика новых поколений читателей и зрителей.

Московчук Любовь Сергеевна

к. филос. н., доцент

Кравченко Каролина Алексеевна

ассистент, аспирант

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Репрезентация экзистенциальных модусов женской судьбы в российском региональном кино

Региональное кино – особое явление в российской культуре, которое ярко заявило о себе в последние десятилетия. Региональное кино, с одной стороны, стало мощным высказыванием о поиске и утверждении этнической идентичности, а с другой – представило зрителю образ близкого и понятного своими заботами Другого, тем самым преодолев узость географического толкования термина. Региональный кинематограф, как культурное явление, пока недостаточно исследуется в академическом поле философии и культурологии, несмотря на сложившийся собственный специфический киноязык. Подлинность, фактурность, искренность и я-высказывание позволяют очертить границу между т.н. этнографическим кино, которое является взглядом со стороны, и собственно региональным, который, напротив, подчеркивает важность децен-

трализованного взгляда на национальную культуру. Региональное кино высказывание не столько о территории, сколько о людях, эту территорию наделяющих смыслом. Многие экзистенциальные вопросы раскрываются в региональном кинематографе через призму женского образа и женского взгляда.

Одной из важнейших характеристик регионального кино выступает морально-аксиологическая проблематика, особенно в репрезентации женских образов. Одна из центральных и наиболее чувствительных моральных дилемм, через которую проходят героини – выстраивание идентичности в условиях конфликта между традиционализмом и модернизацией, при том, что любой выбор между нравственно-духовными ценностями свободы, солидарности, верности, самоуважения может быть травмирующим и ограничивающим («Разжимая кулаки», 2020; «Теснота», 2017; «Чайка», 2015; «Белый ягель», 2014). Региональный кинематограф сохраняет традицию рассматривать женскую судьбу через нравственный экзистенциал любви, рассматриваемой предельно широко от любви к малой родине до любви материнской («Мама, я дома», 2021; «Мои белые ночи», 2018; «Белый ягель», 2014). Соотнесение современности с традицией позволяет переосмыслить традиционные нравственные категории женственности, рассматриваемые традиционным дискурсом – милосердие и миротворчество («Три письма», 2015; «Софичка», 2016). Через драматичные судьбы героинь в региональном кино переосмысливается традиционная дихотомичность женской природы: жизнь и смерть («Нет бога, кроме меня», 2019; «Решала: Брат», 2022; «Мой убийца», 2016), сила и нежность («Неотосланные письма», 2017; «Айсылу», 2015), антитезы аполлонического и дионисийского («Пугало», 2020; «Пусть ветер унесет мои слова», 2015).

Через образ женщины и сценарии женской судьбы региональное кино осмысливает нравственные и экзистенциальные константы традиционности и современности, приближая нас через региональную самобытность к пониманию и принятию Другого. Рассматривая женское начало через моральные ценности любви, принятия, милосердия, миротворчества, ответственности, региональный кинематограф показывает преемственность традиций в современной культуре.

Науменко Алексей Максимович
обучающийся специалитета

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Афганская тема в советском и российском кинематографе

Афганская кампания 1979-1989 годов унесла тысячи жизней, оставив глубокий отпечаток в российском коллективной памяти. Еще до окончания военных действий и вывода советских войск из Афганистана отечественный кинематограф попытался осмыслить причины этих событий («Жаркое лето в Кабуле», 1983, «Груз 300», 1989). Однако, нужная дистанция, позволившая снять не просто жанровое кино, а попытаться дать нравственную оценку произошедшему, появилась лишь через несколько лет. Фильм «Нога» (1991) Никиты Тигунова стал первой попыткой говорить о последствиях войны как коллективной травме. В 1991 году в прокат вышел и «Афганский излом» Владимира Бортко. Критик Сергей Добротворский увидел в нем не только наследника советского батального кинематографа, но фильм, принципиально направленный против советского военного мифа с его пафосом коллективного подвига [1]. Сцены насилия и жестокости эстетизировали войну, выводя ее за пределы нравственной плоскости в сферу чистой зрелищности.

В 1994 году вышел фильм «Пешаварский вальс» Тимура Бекмамбетова, однако впоследствии российский кинематограф как будто забыл об афганской тематике, хотя герои с афганским прошлым все же появлялись на экране («Мусульманин», 1995, режиссер Владимир Хотиненко). Настал период осмысления чеченских событий, тем более что военные действия на Кавказе оказались более успешными для российского государства, чем действия СССР в Афганистане.

Наконец, одним из наиболее известных кинопроектов о событиях в Афганистане стал фильм Фёдора Бондарчука «9 рота», который вышел в прокат в 2005 году. В нем рассказывается история советской роты, которая попадает в окружение и должна сражаться до последнего. Критика неоднозначно оценивала эту картину: многие отмечали, что ее зрелищность и красочность нанесли непоправимый ущерб документальной достоверности, что фильм слишком сильно упрощает сложности военной и политической ситуации в Афганистане и искажает реальные события. Но фильм был хорошо принят массовой публикой, да и критика высоко оценила игру актеров.

Еще один фильм про афганские события, вызвавший много дискуссий, эмоциональных высказываний, особенно среди тех, кто непосредственно участвовал в войне, – картина Павла Лунгина «Братство» (2019).

В целом же можно сказать, что советское присутствие в Афганистане и его травматический опыт все еще остаются болезненной темой для коллективного отечественного сознания, не проработанной до конца. Неоднозначность нравственных оценок приводят к тому, что фильмов на афганскую тему не так много, хотя в постсоветском кинематографе достаточно весьма успешных и качественных военных картин.

Литература:

1. Добротворский С. Афганский синдром // Сеанс, 6, 1992.

Огарков Александр Николаевич

к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургская государственная

художественно-промышленная академия им. А.Л.Штиглица

Достоевский Вуди Аллена

Тех, кто любит юродство ловкого очкарика, погружающего архивную мораль в потоку двусмысленных изысканных шуток, должен удивить «Иррациональный человек». Хотя надлежащая констелляция трагического в фильмах по мотивам самого знаменитого убийства в мировой культуре и складывается в несколько заходов. Сначала идеальное убийство без ущерба благочестию формируется через слегка назидательные истории, ставящие под вопрос априорную отчетливость наказания, пока не складывается безупречно.

Те же, кто после просмотра посчитают эту реплику знаменитого романа очередной из множества подобных, намекая на старческие признаки режиссерского морализма, не учитывают, что цепочка фильмов, центр которых – нарушение табу на убийство, составляет завершенное целое. «Преступления и проступки» 1989 года, «Матч – Пойнт» 2005 года, «Мечта Кассандры» 2007 года были пробами декриминализации различных видов «эгоистического» убийства. «Иррациональный человек» (2015 год) выводит убийство за пределы логики, в область чистого патогенезиса, считаваемого подчеркнуто киногенично.

Нарочитая декоративность сюжета о новеньком преподавателе колледжа, снабженном всеми атрибутами роковой личности — мрачностью, флягой с виски в заднем кармане, набором экзистенциальных максим, и готовностью к любви, исчезает через несколько переключений. Вот символическая деталь: незамеченная зрителем из-за непринужденности исполнения на вечеринке, что называется, «между прочим», русская рулетка. Вообще, это самая удачная работа Хоакина Феникса, получившего точную установку от режиссера на воплощение меланхолического, садистского темперамента. К тому же, благодаря случайно приоткрывшемуся бэкграунду поклонника Шопенгауэра становится известно, что он восвал, и потерял на войне лучшего друга.

Вуди Аллен подсознательно реализует еще один базовый принцип «универсума Достоевского». В текстах Достоевского запрещена конвенция обмена значениями и гаптическая функция, то есть режим касания реальности. Романная функция описания в «Иррациональном человеке» отсутствует, смотрящий падает сразу в «зону идей». Среди которых – «справедливость устанавливается только через действие»

Весьма органично в абсурд курса академической этики встраивается идея реального убийства, поначалу кажущаяся зачарованному взгляду совсем не лишней (здесь есть и своя омерзительная процентщица) Идея, постепенно, неуклонно отвергаемая и визуально, на уровне патогенной холодной продуманности и надменности убийства, — и содержательно, на уровне предполагаемого прибавочного наслаждения убийцы, которое улетучивается благодаря драгоценной наивности и чистоте его молодой подруги, соединившей в собственном расследовании все обстоятельства загадочной смерти.

Выводы таковы: убийство не вписывается в установки смыслополагания: ни в процесс возрастания к могуществу, ни даже в объективный ускоряющийся регресс убийцы к ничтожности.

Романова Ирина Константиновна

к.филос.н., доцент

Военная академия материально технического обеспечения

им. генерала армии А.В.Хрулёва

Вторая жизнь героев советского массового кинематографа

Советское кинонаследие включает в себя множество образцов качественного искусства, многие фильмы «великой эпохи» по праву любимы публикой, являясь неотъемлемой частью ее культуры. Ностальгия по советскому прошлому, зафиксированная социологическими исследованиями, выражается весьма разнообразно. Так, особенностью постсоветского городского ландшафта стали многочисленные памятники героям фильмов Гайдая, Рязанова, Данелии, Меньшова, другим популярным у зрителей персонажам.

Современная городская скульптура во многом возникла в качестве реакции на монументальную пропаганду эпохи тоталитаризма, в рамках так называемого публичарта. Монументальная скульптура поражает зрителя своим масштабом, символизируя величие власти, она как Медный всадник Пушкина стремится подавить «маленького человека». «Паблик-арт («общественное искусство») изначально подразумевает максимально демократичный способ взаимодействия с публикой» [1, с. 54], так скульптура лишается пьедестала, приобретая человекообразность и интерактивность: памятник можно обнять, с ним удобно фотографироваться [2].

Однако оборотной стороной этого процесса стала утрата художниками чувства меры, что приводит экспертное сообщество к неутешительному заключению: «к новейшему монументальному искусству в России малоприменимы критерии художественности, и поэтому можно сделать вывод, что оно в основном является не искусством, а его суррогатом» [3, с. 60].

Традиционное монументальное искусство служило выражением больших идей, но в эпоху их крушения начинают серьезно умиляться способы демонстрации возвышенного, необходимо сопряженного с величественным и непостижимым. Установка возвышенного сжимается до пределов, доступных в структурах повседневности нормативному сознанию. Эта установка коррелятивна идеологической парадигме реализма изображать возвышенное как доступное ресентименту, встречающееся повсюду, вызывающее умиление.

Такая ситуация характерна и для современных памятников советским киногероям, когда деструкция в соотношении гармонии и величия превратилась уже в хроническую проблему. Сценой становится тротуар, или низкий постамент, в попытках достичь «реалистичности» скульпторы пренебрегают точностью характера и облика, заикливаясь на отдельных деталях.

Попытки коммерциализировать ностальгию по ушедшей эпохе ведут не только к утрате эстетических ориентиров, но и дискредитируют само советское наследие в глазах тех поколений, которые уже не так хорошо знают советские фильмы.

Литература:

1. Котломанов А. О. Паблик-арт: страницы истории. Феномен контр-монумента и кризис мемориальной традиции в современной монументальной скульптуре // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2015. Вып. 1. С. 54-71.
2. Зиновьева О.А. Коммуникационная типология и архетипы Московского городского памятника: 1990-2010-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №1. С.18-25.
3. Котломанов А. О. Паблик-арт: страницы истории. Современное русское искусство в общественном пространстве. Часть 1. Монументальная скульптура // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2015. Вып. 4. С.55-65.

Сергиевская Галина Евгеньевна

к.филос.н., доцент, старший преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулёва

Куда уходит детство

Сегодня хотелось бы поговорить о детском кинематографе. Сейчас много стали говорить о воспитании, патриотизме, наставничестве (как известно, этот год объявлен годом наставника). Вспомнили о том, что неплохо было бы подрастающему поколению знать историю своей страны, ее культуру. И, казалось бы, вот-тут-то и надо было вспомнить о кинематографе. Наверное, всем еще памятно высказывание В.И.Ленина, о том, что «Важнейшим из всех искусств для нас является кино». Действительно, трудно найти более простой способ «достучаться» до детских сердец, чем через экранные образы. Правда, надо оговориться, что здесь необходима игра очень хороших актеров. Ребенка трудно обмануть. Чтобы он сопереживал, необходимо переживать героев, а не играть в них. Вспомните, какие актеры снимались в детских фильмах (которые, кстати, с удовольствием смотрели и взрослые): Андрей Миронов, Ролан Быков, Лариса Удовиченко, Владислав Галкин, Альберт Филозов, Олег Табаков, Вячеслав Тихонов Олег Даль, Марина Неелова и многие-многие др. Детскому кино в советские времена уделялось большое внимание. Детский кинематограф должен был не только развлекать, но и развивать, учить хорошему. Каждая новая картина становилась событием. Утренние сеансы фактически во всех кинотеатрах были детскими сеансами и собирали полные залы. На фильмах той поры выросло уже не одно поколение. Уже в 1936 году появилась первая детская киностудия «Союздетфильм» (в последствии ставшая известнейшей киностудией им. Горького, где снималось все детское кино. Были сняты фильмы по романам Жюль Верна, снимаются полнометражные сказки («Конек Горбунок», «Кошей Бессмертный», «Марья Искусница», «Золушка», «Аленький цветочек», «Старик Хоттабыч» и многие другие), множество экранизаций классической русской литературы (Лермонтова, Чехова, Горького и др.) Конечно, это было и много чисто идеологического. Понятно, что с самого раннего возраста было необходимо воспитывать в детях совершенно определенные ценности. Но кто сможет сказать дурное слово об экранизации, например, повестей Анатолия Рыбакова «Кортик» и «Бронзовая птица» или повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»? А сериал о неуловимых мстителях и сейчас с успехом достаточно часто демонстрируется по телевидению, что, в наш коммерциализированный век, несомненно свидетельствует о его популярности.

К сожалению, начиная с 80-х годов кино постепенно уходит из кинотеатров, перемещаясь на телеэкраны. В 90-х годах детское кино фактически кончилось. Если раньше в некоторые годы снималось более 100 фильмов, за последние десять лет на экраны вышло от силы двадцать (которые, к слову сказать, не стали кинематографическими событиями. В 2023 году не было снято ни одного фильма) Кино превратилось в коммерческие проекты, а в них, по всей видимости, детям места нет.

Хотелось бы еще добавить, что хорошее кино могло бы стать альтернативой гаджетам, о вреде которых как для физического, так и психологического здоровья не сказал

еще только ленивый. Но, если некуда смотреть, читать отучились, то смартфон заметит все.

Смирнов Алексей Викторович

д. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Советское кино: стратегии власти или экзистенциальный опыт

Советское кино, начиная с середины 1960-х годов, все более активно стало обращаться к проблемам «микротики», то есть этическим проблемам, возникающим не в сфере «человек – государство», но в сфере «человек – человек». Проблемы, относящиеся к сфере идеологии и воспитания героя и коммуниста не перестали, конечно же, быть актуальными, но не менее значимыми стали и проблемы межчеловеческих отношений, что было связано с принятием так называемого «морального кодекса строителя коммунизма» в 1961 году. Советский кинематограф отреагировал на данный запрос партии и правительства появлением целого ряда фильмов, где в центре сюжета стояли вопросы межличностных отношений, оторванные от привычных идеологем социалистического реализма середины 1930-х – конца 1950-х гг. Соответственно, получил широкое распространение ряд кинематографических сюжетов, связанных с проблематикой отношений в образовательном пространстве советской школы, в нуклеарной или патриархальной семье, а также в трудовом коллективе.

Эти фильмы, конечно же, не вошли в «золотой фонд» мирового кино, но приобрели большую популярность в СССР и в ряде случаев приобрели статус «культовых», который сохраняют до сих пор. Логика развития сюжета данных фильмов поднимает накал страстей, переживаемых героями, до высоты экзистенциальных переживаний, пусть несколько упрощенных и схематичных, что и делало эти фильмы столь любимыми советскими людьми.

В ходе исследования было проанализировано несколько картин разных жанров и разной степени популярности («Любовь и голуби», «Вам и не снилось», «Ирония судьбы или С легким паром» и проч.).

Однако подробный анализ сюжетных коллизий и их морально-этического смысла этих фильмов говорит нам о том, что их главная задача состояла в том, чтобы играть существенную роль в обеспечении технологий управления, применяемых существовавшими тогда (и оставшихся практически неизменными) формами власти. В пользу данного предположения говорят достаточно мелкие и на первый взгляд малозначимые детали отдельных эпизодов и мизансцен рассматриваемых фильмов. Эти эпизоды значимы тем, что они показывают, как глобальные стратегии власти, ориентированные не на формирование совершенного человека, но на построение управляемого общества, реализовывались на микроуровне. При этом данные стратегии не показаны явным образом, но выявляются в ходе анализа дискурсивных практик власти.

Тебякина Елена Евгеньевна

к. ф. н., преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А. В. Хрулёва

Предовская Мария Михайловна

к. н. ф., доцент кафедры

Национальный государственный университет

физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта

Антропологические аспекты инаковости и человечности

в контексте сериальности как этическая проблема

Развитие сериальной культуры сегодня достигает своего пика. Недаром XXI век называют «Золотым веком сериалов». Благодаря формату последовательности серий и сезонов удаётся лучше раскрывать арки персонажей и героев, оставлять клиффхэнгеры и погружаться в мир Другого, а через него и в собственный внутренний мир. Но,

при этом, благодаря большим хронометражным возможностям сериалы позволяют фиксировать и предугадывать основные тенденции в поле интересов массовой публики, а так же влиять на ее воззрения как на имеющиеся, так и возникающие вновь явления. Представляемое публике разнообразие в конечном итоге сводится к проблеме сущности человека и человеческого в новых исторических и технологических условиях. Появляется необходимость антропологического поворота, новой попытки переосмыслить в этическом ключе как проблему человечности и человеческого (апофатической морали, серой нравственности, неоднозначности критериев Добра и Зла, этических оснований современного гуманизма и будущего трансгуманизма), так и проблему противочеловеческого, расчеловечивания и инаковости.

Инаковость и отношение к Другому в микромире современного сериала может быть рассмотрено в трёх основных аспектах:

1. Инаковость непосредственно человеческого: чисто физическая, способы её трансформации в вариант нормы и достижения полноценности собственного бытия (что придаёт этой теме почти героический оттенок) и инвалидность моральная, порождающая психопатологические состояния, воплощаемая посредством основанных как на реальных так и на придуманных историях о маньяках. Одной из причин необычайной притягательности для публики этого типа является то, что психопатологическое состояние подобных личностей выводит их за границы собственно человеческого в сферу инаковости, а их попытки приспособиться к человеческому миру и успешно мимикрировать в нём, постоянно взаимодействуя с ничего не подозревающими людьми (друзьями и соседями) вызывают неопишуемый ужас у зрителя как от осознания того, что маньяк может оказаться среди нас (а, иногда, и оказывается, как с случае, например, с

Олегом Соколовым или Андреем Чикатило), так и исключительная редкость подобных пересечений, оставляющих наблюдателя в условной безопасности реальности

2. Инаковость антропоморфных существ: зомби, трупов, кукол и роботов, принципиальное отличие которых от непосредственно человеческого следует резко подчеркнуть, поскольку полное их сходство с человеком вызывает интуитивный страх и отторжение. Хотя и на этом поприще предпринимаются попытки исследования расчеловечивания и работы апофатической этики.

3. Инаковость неантропоморфных существ: отношение к животным и иным цивилизациям, которые наделяются антропоморфными признаками для возможности идентификации и коммуникации, поскольку то, что не имеет антропоморфных черт – не может иметь и право на существование и может быть исключено их поля человеческого восприятия.

Хоменко Александр Александрович

обучающийся специалитета

Хоменко Павел Александрович

обучающийся специалитета

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В.Хрулёва

Этические проблемы кинематографа

Кинематограф со времён своего основания, всегда являлся искусством многогранным, имеющим обширные возможности как управления зрительскими эмоциями и мыслями, так и воздействия на скрытые структуры человеческого сознания. В современном мире кино – это одна из самых мощных и влиятельных форм искусства, способная оказывать огромное влияние на общество. Однако, вместе с этой мощью, возникают и моральные проблемы, которые необходимо учитывать при создании и распространении фильмов.

Одной из таких этических проблем является вопрос о представлении на экране проявлений насилия и жестокости. Практически все современное кино, за исключением

некоторых жанров, содержит сцены физического и сексуального насилия, которые могут вызывать негативные эмоции у зрителей. Возникает вопрос, насколько необходимо показывать такие сцены и какие последствия они могут вызвать у зрителей. Может ли неконтролируемое представление насилия в кино привести к аморальному поведению? Многие психологи утверждают, что при слабой психической устойчивости современный человек может имитировать поведение персонажей. Иначе говоря, мы начинаем считать, что насилие — это приемлемый способ поведения, после чего копируем поведение героев, которых мы видим в фильмах.

Важной проблемой кинематографа является представление стереотипов и дискриминации. Кинематограф должен быть ответственным и за корректное изображение различных групп людей, включая расовые и этнические меньшинства, женщин и т.д. Фильмы, которые усиливают стереотипы или распространяют дискриминацию, могут создавать негативное отношение к этим группам и способствовать неправильному восприятию реальности.

Также важной этической проблемой является использование конфиденциальной информации или нарушение частной жизни. Сюжеты некоторых фильмов могут быть основаны на историях реальных людей или реальных событиях, и использование таких историй без их согласия может нарушать право на приватность. Кроме того, съемки в общественных местах могут вызывать недовольство тех людей, которые не хотят быть запечатленными на камеру. Примерами могут стать картины «Социальная сеть» или «Сноуден».

Наконец, важно учитывать этические проблемы при создании фильмов для детей. Дети очень восприимчивы к тому, что они видят на экране, и неконтролируемое представление насилия или неподходящего контента может иметь серьезные последствия для их психического и эмоционального развития.

В целом, кинематограф имеет огромный потенциал воздействия на общество, поэтому создатели фильмов должны проявлять ответственность в отношении того, что они показывают на экране и как это может повлиять на зрителей. Учет этических проблем поможет создать более справедливое и эмоционально безопасное кинематографическое пространство.

«ЛОГИКА В МОРАЛИ И ПРАВЕ: ОТ ФОРМЫ К КОДУ»

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации
и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

материалы круглого стола

Диль Игорь Владимирович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова **Является ли принцип альтернативных возможностей необходимым условием нравственного поступка**

Наша «обыденная» интуиция подсказывает нам, что для того, чтобы тот или иной человеческий поступок мог быть назван нравственным, необходимо, чтобы этот поступок был свободным. Такая постановка вопроса выводит нас в сферу метафизики моральной ответственности, в рамках которой может быть рассмотрена взаимосвязь между принятием или отрицанием детерминизма и возможностью нравственного действия. Но дело в том, что метафизика моральной ответственности определенным образом «выворачивает наизнанку» представления здравого смысла касательно как характерных черт того, чем именно является свобода воли, так и необходимый характер связи между свободой и нравственным поступком.

Расхожее представление о свободном действии в контексте нравственного поведения характеризуется приблизительно следующим образом: человек свободно выбирает определенную модель поведения в конкретной ситуации – и лишь поэтому может считаться нравственным человеком (если он, конечно, реализовал правильное с точки зрения нормативности поведение). В выражении «свободный выбор» мы интуитивно предполагаем, что имеет место некоторая альтернатива, вариативность поведения. То есть мы, говоря условно, можем выбрать как правильный (морально приемлемый), так и неправильный (морально неприемлемый) поступок. Такая постановка вопроса, как представляется, оказывается несовместимой с детерминистским тезисом, гласящим, что у мира во всякое время есть лишь одно состояние. Поэтому задача прежде всего компатибилистов заключается в переопределении понятия свободы таким образом, чтобы оно оказалось совместимым с основным детерминистским тезисом. Для этого критику нужно направить на то, что свободное действие является альтернативным, имеет множество различных вариантов. Мысленный эксперимент Гарри Франкфурта направлен на то, чтобы указать на не-необходимый характер альтернативных возможностей при совершении свободного поступка [2]. Также можно обратить внимание на то, какую роль свободе воли отводит Кант: «...чем же другим может быть свобода воли, если не автономией, т.е. свойством воли быть самой для себя законом?» [1, стр. 223].

Наша работа посвящена тому, чтобы показать, что для совершения нравственного поступка нет нужды прибегать к принципу альтернативных возможностей в области метафизики моральной ответственности и связанной с ней проблематики свободы воли. Как свобода является совместимой с необходимостью, так и нравственные и свободные поступки совместимы с отсутствием альтернативных возможностей в рамках данного конкретного действия.

Литература:

1. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Подготовлены к изданию Н. Мотрошиловой (Москва)

и Б. Тушлингом (Марбург). Том III. «Основоположение к метафизике нравов» (1785). «Критика практического разума» (1788). Подготовлены к изданию Э. Соловьевым и А. Судаковым (Москва), Б. Тушлингом и У. Фогелем (Марбург). М.: Московский философский фонд, 1997. — 784 с., с. 39-275.

2. Frankfurt H. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // The Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66. №23. P. 829–839.

Климович Анна Игоревна

к. филос. н., доцент

Белорусский государственный медицинский университет

Логическая аргументация в этической философии В. Бучинского

Этика, или практическая философия, является заключительной частью в структуре традиционных схоластических курсов академической философии. В творческом наследии полоцких неосхоластов логическая аргументация применительно к этической проблематике представлена в работе В. Бучинского «Основы философии» [1]. Поскольку она является классическим образцом школьной философии ордена иезуитов, этике здесь также предшествует логика и метафизика. Первая является своеобразным венцом системы. Также следует отметить, что в связи с тем, что данный тип относится к религиозной философии, каждый из перечисленных выше разделов имел одной из главных задач в том числе и познание Бога. Логика в работах полоцких схоластов определяется как искусство и наука [2, с. 24; 3, с. 2]. Она, по сути, служит основополагающим инструментом для определения истинности суждений метафизики и этики, в основном за счет использования традиционного для нее метода силлогизма, главным способом же логической аргументации выступает доказательство.

Под этикой В. Бучинский понимает практическую философию, которая определяется автором как «рациональная наука о принципах и законах, направляющих волю и действия человека на правильную жизнь и достижение своего предназначения» [1, с. 3]. Именно этот поиск своего места и роли в обществе и обуславливает практический характер этики В. Бучинского. Необходимость обращения к логической аргументации в этике исходит для рассматриваемого автора из артикулируемой им программной установки о возможности понимания человеком своего предназначения в свете естественного разума [1, с. 4]. У В. Бучинского логическая аргументация используется повсеместно в рефлексии, посвященной этической проблематике. В частности, ее применение автором наблюдается для обоснования суждений, критики доказательств интеллектуальных соперников (в основном путем указания логических ошибок) обращения внимания студентов на логические противоречия, для более точного определения содержания некоторых понятий, построения классификаций и т.д. Однако при этом автор не удовлетворяется лишь обращением к логической аргументации, а прибегает также и к доказательствам от Откровения, что позволяет отнести его к представителям теории «двойственной истины», в рамках которой рациональный путь познания и связанная с ним логическая аргументация никогда не существуют сами по себе, а постоянно дополняются теологическими программными установками.

Литература:

1. Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam / V. Buczyński. — Viennae. 1844. — 203 p.

2. Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam / V. Buczyński. — Viennae. 1843. — 159 p.

3. Angiolini G. Institutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis / G. Angiolini. — Polock, 1819. — 310 p.

Ларин Андрей Сергеевич

аспирант, Северо-Кавказский Федеральный Университет

Могут ли моральные истины быть концептуальными истинами?

О природе фиксированных моральных точек

Моральный нон-натурализм являясь одной из наиболее популярных метаэтических теорий со временен Джорджа Мура был подвергнут достаточно серьезной критике со стороны метаэтической теории ошибок, предложенной Джоном Мэки. Основным аргументом данного философа был аргумент от «странности» (необычности) моральных стандартов, который состоял из эпистемической и метафизической странности категорических моральных требований [6].

Однако предложенная недавно (2014 г.) модифицированная нон-натуралистическая теория Расса Шефера-Ландау и Теренса Кунео позволяет обойти обозначенные выше проблемы и предложить новое обоснования этого метаэтического подхода. Авторы делают акцент на понимание моральных истин как истин концептуальных (подобных классической «холостяк — это неженатый мужчина»), что позволяет избежать проблемы, возникающих с аргументом от как от эпистемической, так и от метафизической странности при этом сохраняя метаэтический нон-натуралистический реализм [3].

Фокусируют своё внимание данные авторы вокруг фиксированных моральных точек (*moral fixed points*), о которых и будет идти речь в докладе, где будет раскрыто их значение для современного морального нон-натурализма и понимания оснований морали.

Фиксированные моральные точки представляют из себя, как это полагают Р. Ш. Ландау и Т. Кунео, интуитивные, зачастую базовые моральные утверждения, истинность которых не зависит от эмпирических данных, а определяется концептуально, то есть благодаря входящим в их состав моральных концептов. Примером такой моральной точки может быть следующая «Pro tanto неправильно унижать других людей просто ради удовольствия», авторы полагают, что если моральный агент успешно понимает, как использовать моральные концепты, то он будет знать, что данная моральная истина является концептуальной истиной [5].

Однако с этим предложением существует ряд проблем, о которых будет сказано в докладе, например будет рассмотрена проблема релятивности моральных концептов (и моральных систем) и проблема интернальных оснований к поведению, которые не могут быть успешно объяснены в рамках данного взгляда на природу морали.

Литература:

1. Cuneo, T. (2006). Moral facts and configuring causes. *Pacific Philosophical Quarterly*, 87, 141 – 162.
2. Cuneo, T. (2007 a). Recent faces of moral nonnaturalism. *Philosophy Compass*, 2 (2007), 1 – 32.
3. Cuneo, T. (2007 b). *The normative web*. Oxford: Oxford University Press. Cuneo, T. (forthcoming a). Reid on the first principles of morals. *Canadian Journal of Philosophy*.
4. Cuneo, T. (forthcoming b). The evolutionary objection to knowing moral reasons. In D. Star (Ed.), *The Oxford handbook of reasons and normativity*. Oxford: Oxford University Press.
5. Cuneo, Terence and Shafer-Landau, Russ. (2014). The moral fixed points: New directions for moral nonnaturalism. *Philosophical Studies* 171 (3): 399 – 443.
6. Mackie, J. L. (John Leslie) (1978). *Ethics: inventing right and wrong*. Harmondsworth, Middlesex.

Лисанюк Елена Николаевна
д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Капля жалости в Пифагоровых штанах, или Этос убеждения

В докладе обсуждаются нравственные аспекты двух разновидностей убеждения, убеждения-доказывания и убеждения-уговаривания. Со времен Аристотеля одним из аспектов успеха убеждения выступает этос оратора, в которому предъявляются определенные нравственные требования, наряду с логосом – корректностью и обоснованностью доводов, и пафосом – умением оратора вовлечь других в обсуждение предлагаемой им повестки. В докладе отстаивается идея о том, что на современном этапе этос аргументации подразумевает, что подобные требования предъявляют к ее адресатам, и соответствие им дает пропуск на участие в споре.

Люди полагаются на аргументацию, когда по чувствительным вопросам между ними возникло разногласие, и его невозможно игнорировать в ситуации отсутствия эффективного контроля одной стороны над другой. Доказывание отвлечается от этоса и пафоса, и главным критерием приемлемости аргументов считает истинность предложений, из которых они состоят, что подразумевает признание истинности главной ценностью коммуникации всеми сторонами дискуссии. Доказывание предъявляет строгие требования к аргументам, равняясь на логический идеал обоснованности и корректности умозаключений. Словесный образ «Пифагоровы штаны на все стороны равны» призывает аудиторию наглядно убедиться в справедливости (доказательства) теоремы Пифагора, объявляющей истинным предложение о том, что сумма квадратов катетов прямоугольного треугольника – штанов, равна квадрату его гипотенузы. Доказательством в равной мере могут служить чертеж, как в учебнике геометрии или диалоге Платона «Менон», и прямое или косвенное рассуждение, независимо от того, предъявлены они авторитетным ученым или неграмотным мальчиком-рабом.

Уговаривание снижает планку приемлемости аргументов до уровня прагматической совместимости предложений и более требовательно к этосу агентов спора, настаивая на их разумности и непредвзятости. Симптомом этого служат аргументы к человеку, при помощи которых точку зрения оппонента критикуют, ссылаясь на характер и личные обстоятельства ее автора. В доказывании такие аргументы не релевантные и считаются недопустимыми приемами, но они релевантные в уговаривании, оценивая разумность, нрав и непредвзятость агентов спора.

Прагматическая совместимость носит условный характер и предполагает, что предъявляемые в аргументации утверждения при определенных условиях или в какой-то конкретной дискуссии могут быть истинными и созвучными взглядам ее участников, а в другой ситуации или другой дискуссии оказаться неуместными, неистинными или противоположными взглядам сторон. «Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня», – уговаривает Татьяна Евгения пойти навстречу ее чувствам в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Ее аргумент призывает Онегина не оставить без ответа ее письмо или её самоё, апеллируя к милосердию или порядочности Онегина, и допускает разные реконструкции, в том числе в духе ссылки на причину или норму (правило). В зависимости от реконструкции схемы аргумента эти свойства нравственного облика Онегина, согласно с Татьяной в том, что они ему присущи, могут служить поддержкой в защиту как того, чтобы Онегин следовал предлагаемой ею линии поведения, так и того, чтобы кто-то другой в схожей ситуации воздержался от этого. Похожим образом обстоит дело с аргументом С.И. Поварнина в письме 1939 г. И.В. Сталину о том, что Сталину, которому «так дорого развитие науки и мысли в СССР», необходимо «столкнуться... с мертвой точки» вопрос об изучении логики, потому что «для практики современного человека важно уметь быстро, уверенно анализировать и проверять чужие и свои выводы и доказательства».

РНФ №23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемый в НИУ ВШЭ

Фатиев Никита Игоревич

д.филол.н., профессор

Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Современный способ доказательства Закона Юма

Формулировку данного закона Д. Юм дал в работе «*A Treatise on Human Nature*», написав, что «one cannot get an ought from an is» [1,3.1.1.]. Спор о наличии барьера на пути импликации в деонтических логиках привел сначала к содержательному анализу и критике возникающих формул в работах Дж. Мавродеса и К. Файна, о чем мы писали в тезисах данной конференции 2022 года [2, 239-241]. Но в настоящее время делается попытка узаконить позицию Д. Юма на синтаксическом, а не просто содержательном уровне. Наиболее интересна в этом отношении работа Н. Гратция и Е. Павловича из Мюнхенского университета [3,1149-1169]. Начинают авторы с того, что пытаются строго разграничить нормативные и дескриптивные высказывания. Первые должны всегда иметь деонтический оператор, а вторые нет. Стандартное условие для построения секвенции – все посылки в antecedente секвенции дескриптивны, в succedente, соответственно, нормативны. Antecedent непротиворечив, а succedent не выводим сам по себе, но лишь в составе секвенции. Далее авторы заявляют, что в их системе работает не только закон Юма но и его конверсия! Соответственно, в этом случае antecedent будет состоять только из нормативных высказываний, а succedent из дескриптивных. То есть происходит переход уже от OUGHT к IS. Авторы используют известную деонтическую логику SDL. Напомним, что она позволяет иметь пустой antecedent секвенции и непустой succedent, но не наоборот. Сама эта система не лишена содержательных недостатков. Так здесь проходит «выводимо $O(A \text{ или не } A)$ », то есть тезис или антитезис всегда обязателен.

Самый главный тезис авторов формулируемая ими SEPARATION LEMMA. В созданной ими секвенциальной системе из дескриптивного antecedenta выводится дескриптивный succedent, точнее его дескриптивная часть, а из нормативного antecedenta, соответственно, нормативная часть succedenta. И они там существуют одновременно как бы «неслиянно и нераздельно». Создается своего рода сепаратор, который на основании вида формулы отделяет нормы от фактов. То есть одни могут доказываться только отдельно от вторых. Далее авторы добавляют в свое исчисление алитические модальности, чтобы с удовольствием констатировать, что они также подвергаются сепарации. То есть не сработает вывод из «необходимо обязательно» к «возможно разрешено». Должны ли мы себя в итоге поздравить с данным техническим ухищрением? Следует сказать, что вывод *non sequitur*, применяемый авторами к смешанным модальностям существенно сужает горизонты модальной логики, то есть ее выразительные возможности. Авторы сами указывают на «тривиализацию» полученных в итоге сепарирования результатов. И последнее – в их системе сам закон Юма присутствует в усеченном виде. То есть формулировка

«No purely normative conclusion which is not already logically true is inferable from a consistent set of purely descriptive premises»[4, 1151] касается не всех вариантов перехода от IS к OUGHT.

Литература:

1. Hume D. *A Treatise on Human Nature*. Oxford University Press. Oxford.1978.
2. Фатиев Н.И. Модальная логика и Закон Юма. В сборнике: XIV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2022. К 100-летию «Философского парохода». Материалы конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. 2022. С. 239-241.
3. Gratzl N. Pavlovic E. Is, Ought and Cut. 2023. *Journal of Philosophical logic*. v. 52 1149-1169.
4. *Ibid*. 1151.

Шаниро Ольга Александровна

к.филос.н., доцент

Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Моральный аргумент в современном политическом дискурсе

Современная политическая риторика строится по тем же принципам, что и так называемые «продающие тексты». Речь идет и о специфической стилистике, не допускающей слишком сложных лингвистических конструкций, и об особенностях презентации текстов, в частности их визуальной составляющей, и, конечно же, об используемых аргументативных структурах; именно об этих последних я буду вести речь.

Не смотря на единообразие используемых аргументативных структур, в политической риторике ведущим оказывается один из двух аргументативных паттернов в зависимости от актуальной политической ситуации: аргумент к выгоде выходит на первый план в периоды политической стабильности, аргумент к морали – в кризисные периоды общества. Моя мысль состоит в том, что на самом деле это один и тот же аргумент, хотя выглядит и эмоционально воспринимается адресатами аргументации он по-разному: моральный аргумент представляет собой аргумент к выгоде, только речь идет о выгоде не отдельного гражданина, но всего государства. При этом предполагается, что выгода государства со временем приведет к изменению кризисной ситуации, разрешению актуальных общественных конфликтов и пр., следствием чего окажется и возникновение возможности получения выгоды уже отдельным гражданином (при этом эта выгода может представлять собой не только набор материальных или социальных благ, но и быть связана со статусом или имиджем).

Структурно такую аргументацию мы можем представить в виде сорита, финальный вывод которого – о возможности получения личной выгоды в результате действий, к которым побуждает аргумент к морали – адресат политической риторики должен сделать самостоятельно. В докладе мы посмотрим, как можно реконструировать до этой структуры конкретные примеры аргумента к морали в современных политических текстах. Однако такого рода реконструкции сводят на нет смысл морального аргумента как структуры, превращая моральные ценности, артикулируемые в политическом аргументе к морали в красивую обертку для апелляции к выгоде.

Интересно рассмотреть это положение дел в оптике различных моделей моральной аргументации [1]. Использование аргументов, относящихся в том числе к области «приватной этики», характерно для перфекционистской модели, однако наличие второго – прагматического – слоя в аргументации, опирающегося на убедительность возможности личной выгоды, отсылает нас к кантианскому подходу «общества дьяволов», где каждому отдельному индивиду отказано в моральности. Т.е. получается, что современная политическая риторика использует внешнюю форму перфекционистской модели, но использует ее как ширму, маскировку своей негативной оценки возможности моральной мотивации каждого отдельного гражданина.

Таким образом, мы можем назвать моральный аргумент в том его виде, в котором он встречается в современной политической риторике, квазиморальным аргументом или аргументом «ко вторичной выгоде». Именно в этом смысле пафос обращения к традиционным ценностям, морально-нравственным, в том числе религиозным установкам и исторической памяти, включая апелляцию к национальным героям разных периодов истории страны, вполне укладываются в базовую модель продающего текста, основными паттернами которого являются аргумент к выгоде как уловка и энтимема, обосновывающая выгодность конкретного рекламного предложения как аргументативная структура [2].

Литература:

1. Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы) // Этическая мысль. 2005. Вып. 6. С. 140-162.

2. Цокало О.А. «Встань и иди»: трансформация делиберативной аргументации в истории развития текстовой культуры // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. 2020. Т. 6(72), №2. С. 48-58.

«МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства:
этико-философский анализ»

материалы круглого стола

Васильев Андрей Витальевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция «корпорация как моральный агент» в ракурсе этики добродетели

В 70-е годы XX века на фоне продолжающейся полемики о необходимости внедрения в повседневную практику бизнес-структурами теоретических положений концепции «корпоративная социальная ответственность» (далее – КСО) в научной среде началось формирование особого дискуссионного направления, посвященного проблеме наличия у корпорации статуса морального агента. Особенность, согласно Ю.Е. Благову, заключается в том, что «данное направление дискуссии было инициировано преимущественно учеными-философами, специализирующимися на проблематике этики бизнеса» [2, 93].

Необходимо отметить, что концепция «корпорация как моральный агент», помимо принесения в научную рефлексию новых векторов, создавших бинарную систему источников КСО, поставила перед исследователями и акторами, вовлеченными в практическое конструирование социального, экономического и культурного ландшафтов общества, вопрос о выборе релевантного для моральной ответственности корпораций магистрального направления в рамках этики [1, 14-16].

Традиционно в социально-гуманитарных науках выделяются деонтология и утилитаризм, однако генезис и развитие концепции «корпорация как моральный агент» продемонстрировали возможность использования иного подхода, известного истории этических учений как «этика добродетели». Данный факт подтверждается накопленным корпусом литературы, среди которого выделяются как использующие сугубо научный стиль и методологический инструментарий публикации, так и написанные в свободной композиции работы, принадлежащие представителям разномасштабных бизнес-структур, общественным деятелям и т.д. [3; 4; 5; 6; 7].

Обновляющийся дискурс указывает на необходимость продолжения проведения исследований концепции «корпорация как моральный агент», в особенности через оптику этики добродетели, так как даже использование базовых научных подходов и методов позволяет установить, что этика добродетели оказывает серьезное влияние на развитие концепции «корпорация как моральный агент».

Литература:

1. Благов, Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции : монография / Ю. Е. Благов. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015. — 272 с.
2. Благов, Ю. Е. Корпорация как моральный агент // Российский журнал менеджмента. — 2006. — Т. 4, №4. — С. 93-98.
3. Максвелл, Дж. К. Нет такого понятия, как «деловая этика» / Дж. К. Максвелл. — Мн.: ООО «Попурри», 2004. — 192 с.
4. Ричер, Дж. Этичный капиталист. Бизнес должен лучше служить обществу / Дж. Ричер. — М.: Синдбад, 2021. — 192 с.

5. Янг, С. Нравственный капитализм: частный интерес на службе обществу : монография / С. Янг. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. — 228 с.

6. Carroll, A.B. The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // Business Horizons. — 1991. — Vol. 34, №4. — P.39-48.

7. Frederick, W.C. The Growing Concern over Business Responsibility // California Management Review. — 1960. — Vol. 2, №4. — P.54-61.

Глебова Софья Валерьевна
к.филос.н., ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема экспертности морального агента: практик vs теоретик

Одна из наиболее значимых проблем этической экспертизы и методологии вынесения моральной оценки вообще – проблема этического эксперта. С одной стороны присутствует вопрос «кто достоин?», с другой – какие критерии будут определять достойного, и кто достоин определить эти критерии (и так далее, и так далее...). В конечном итоге данная проблема упирается в вопрос, сформулированный А.А. Гусейновым в рамках исследования моральных парадоксов и, в частности, парадокса морального совершенствования. Предполагается, что в рамках морального совершенствования моральный агент постигает также и скромность, и смирение среди прочих добродетелей, а значит не может считать себя достойным выступить моральным экспертом в том или ином вопросе, в то время как «Люди, охотно берущие на себя роль морального судьи и учителя уже одним этим фактом обнаруживают такое самодовольство, которое органически чуждо морали и показывает, что они этой роли недостойны» (Гусейнов А.А., Великие моралисты, 1995г.) и «Выход из этой безвыходной ситуации обычно связывается с требованием: «Не судите других»» (там же).

Тем не менее, приходится обострить ситуацию и довести парадокс до, действительно, неразрешимой ситуации: периодически от морального агента требуется вынесение моральной оценки: в ситуации несправедливой войны, унижения слабого и беззащитного, или, наоборот, для защиты несправедливо осуждаемого. И в данном случае, так долго и тщательно совершенствуемое моральным агентом нравственное чувство (совестный) приведет его к необходимости артикуляции нравственной оценки. Тем более данный вопрос актуален для институционального вынесения моральной оценки (этическая экспертиза как основание отзыва прокатного удостоверения фильма, или официальные заявления политиков) – потребность в предварительной оценке «общественного нерва» и уместной, а также своевременной формулировке нравственного суждения крайне необходима. Отказаться от моральных суждений вообще, в рамках приведенных выше примеров, значит не воспрепятствовать распространению порока. В таком случае, очевидно, что в случае, когда вынесение моральной оценки требует с одной стороны нравственного совершенства, а с другой – быстрого реагирования мы упираемся в абсолютное противоречие.

Разрешение данного конфликта видится в том, чтобы эксперт перестал быть исключительно моральным (т.е. исключительно морализирующим), но стал ещё и этическим, в том смысле, что вынесение нравственной оценки может строиться не только на основании нравственной практики, но и исходя из теоретических представлений о должном. В конце концов, ещё одно внутреннее противоречие морали, сформулированное Д. Юмом – принципиальная несогласованность реального и должного, из фактов реальности невозможно логически вывести обоснования должного. Исходя из этого утверждения, приходится, действительно, с сожалением признать, что теоретические представления о должном для эксперта будут «весить» значительно больше, чем практическая добродетельность морального агента. Хотя, стоит заметить, что это не означает, что и в рамках течения социальной жизни можно игнорировать нравственные практики – наоборот, в случае производства морального поступка (в противо-

вес нравственному реагированию) практические навыки нравственного поведения будут цениться моральными агентами много больше.

Следовательно, разрешение парадокса морального эксперта представляется возможным в случае выхода за рамки неразрывного представления о моральном эксперте как об эксперте-практике, а также на основании представления об ответственности за вынесение моральной оценки, в случаях, когда такая моральная оценка может служить утешением, защитой или поддержкой объективно-пострадавшего морального субъекта.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Головков Владислав Владимирович
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Анализ этических кодексов в сфере IT

Цифровые технологии и искусственный интеллект с каждым годом становятся всё большей частью нашей повседневной жизни. Постепенная и неумолимая интеграция технологических инноваций порождает этические дискуссии, а их влияние на человека требует этической рефлексии. В настоящий момент времени наиболее распространённым способом осмыслить цифровые технологии и системы ИИ с моральной точки зрения являются этические кодексы.

Наше исследование представляет из себя обзор и сравнительный анализ таких этических документов как «Принципы этики искусственного интеллекта Сбера», «Ethics guidelines for trustworthy AI», «Ethically Aligned Design», «Кодекс этики в сфере ИИ» (Альянс в сфере ИИ) и Хартия «Цифровая этика детства», а также, наиболее часто встречающихся в них понятий:

- Прозрачность – это максимально возможная степень, в которой система ИИ может быть понятна человеку.

- Ответственность:

 - виновность в тех или иных последствиях применения технологии.

 - человеческое качество, обеспечивающее тщательную и осмысленную работу с системами ИИ.

- Конфиденциальность – необходимость обеспечения безопасности и предотвращение распространения и утечки информации (в частности, персональных данных).

 - Благо (благополучие) – положительные для какого-либо субъекта последствия.

- Доверие – отношение к кому-либо/чему-либо, обусловленное уверенностью, что на него можно положиться.

Ключевым понятием в дискурсе цифровых технологий и ИИ в настоящий момент является доверие, потому что все перечисленные до этого понятия его обеспечивают. Доверие – это квинтэссенция этической работы над собой тех или иных создателей цифровых технологий и ИИ.

В настоящий момент времени, многие этические документы чрезвычайно похожи. Основные тенденции следующие:

- а) во всех изложенных текстах приоритетными являются вопросы безопасности и блага человека;

- б) во всех документах фигурируют принципы прозрачности и объяснимости систем;

- в) во всех документах фигурирует пункт касательно прав человека и схожие принципы, требующие непредвзятости ИИ по отношению к людям;

- г) во всех текстах отсутствует практико-применительный раздел;

- д) составление перечня тех или иных принципов и документов своей главной целью имеет как усовершенствование технологий с точки зрения применения в повседневной жизни, так и увеличение уровня доверия у обычных пользователей.

Всё это говорит о том, что подобные документы пишутся людьми для людей, и моральными агентами в сфере цифровых технологий и ИИ остаются только люди и корпорации.

Дорогостайский Виктор Густавович
к.э.н., магистр прикладной этики,

Санкт-Петербургский государственный университет

Формы и границы моральных поступков в обыденном сознании как теоретическая проблема

В докладе рассматривается проблема осмысления категории поступка в этике и обыденном моральном сознании. Ставится задача постановки вопросов относительно свойств и форм моральных поступков. Обоснованность проверяется и иллюстрируется материалами эмпирического исследования структуры морального сознания среди респондентов разных поколений.

Во-первых, ставится проблема включения в категорию морального поступка ситуации отказа от совершения действия (негативные поступки). Рассматривается вопрос о связи представлений о моральном или вне-моральном с ситуацией совершения и результатом поступков. Имеется в виду отношение к действиям и бездействиям, как о видах моральных поступков. Насколько отказ от совершения поступка, оцениваемого как добрый или злой, сам по себе воспринимается как имеющий характер морального.

Во-вторых, задача относилась к определению того, может ли, помимо активного действия, мысль без внешних проявлений или использование результатов (содействие результатам) чужих поступков также восприниматься в категориях морального или лежит в области вне-морального.

Выяснилось, что активные действия однозначно воспринимаются в категориях добра и зла. Причём сопутствующие поступкам обстоятельства слабее влияют на оценку поступка как доброго, чем как злого (т.е. обстоятельства скорее помогут перестать считать поступок злым, чем перестать видеть его как добрый).

При этом несовершенные действия и решения об отказе от совершения действий воспринимаются иначе.

Из данных исследования видно, что молодые женщины и пожилые мужчины гораздо меньше склонны расценивать отказ от совершения добрых поступков или, например, отказ от оказания помощи, как зло, а отказ от злых поступков как добро.

В то время как молодые мужчины и пожилые женщины видят ситуацию именно так – отказ от отрицательного поступка скорее будет считаться ими безусловным добром самим по себе.

При этом молодёжь вообще не считает мысли видом добрых или злых действий. Но если считать иначе, то и положительные, и отрицательные послы в мыслях примерно одинаково будут считаться проявлением добра или зла.

Также молодые мужчины и пожилые женщины гораздо слабее увязывают моральную оценку при использовании или сопричастности с чужими поступками как повод для придания моральной оценки собственным поступкам. Проще говоря, воспользоваться результатами чужого аморального поступка далеко не всегда означает для них совершить самостоятельный аморальный поступок.

Таким образом на критерии морального или вне-морального поступка обыденное сознание накладывает массу ограничений и условий. Отказ от доброго или злого, форма поступков в виде действия, бездействия, мысли, косвенного соучастия, сочувствия доброму и злему имеют разные трактовки с точки зрения относимости их к моральной сфере. Например, исследование показало, что мысли и суждения могут считаться проявлением зла в большей степени, чем добра.

Причём эти трактовки явно детерминированы социальными переменными.

Кроме частных выводов, постановка вопроса о форме и критерии моральных поступков и их оценок напрямую связаны с такими актуальными проблемами как границы моральной ответственности, моральной субъектности (агентности) и свободы воли.

Зильбер Андрей Сергеевич
к. филос. н., научный сотрудник
Зильбер Ксения Сергеевна
лаборант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Кантовская моральная агентность и искусственный интеллект

В обсуждениях вопроса о возможной моральной агентности искусственного интеллекта с кантовской точки зрения можно выделить две магистральные позиции. Согласно одной позиции, сильный искусственный интеллект можно считать моральным агентом и доверить ему принимать этические решения, поскольку ИИ более строг в следовании принципам, чем люди, подверженные влиянию склонностей [2]. Другая позиция состоит в отрицании способности ИИ быть моральным агентом [3]. Приводятся различные основания: например, кантовская концепция свободы воли включает в себя понятие долга, выбор между мотивами и стремление к счастью, способность желаний, рефлексию, чувство нормативности и способность нести ответственность. С этой позиции, ИИ может стать только этическим исполнителем или причинно ответственным субъектом, а не моральным агентом.

Мы намерены представить три уточнения к соотношению этих линий.

Во-первых, обе позиции выглядят несколько односторонними в свете проблемы недоопределенности теоретических представлений фактами. Моральные рассуждения по единому базовому принципу (категорический императив и КИ-процедуры) все чаще оцениваются как неудачные, и современные попытки актуализации практической философии Канта все чаще ориентированы на кантовскую систему ценностей и обязанностей – учение о долге в «Метафизике нравов» [1]. Все это ставит под сомнение аргумент о том, что «кантовская машина» этически сильнее человека: машина оказывается в мире неопределенности и недостаточно точных критериев.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, какое значение может иметь различие в трактовках агентности. Спорным остается вопрос о том, следует ли связывать агентность с интенциональными ментальными состояниями. Необходимыми для формирования осознанных намерений. Это связано с проблемой обучения ИИ. Существующие нейросети показывают довольно ограниченные возможности в различении истинной и ложной информации, однако ситуация может поменяться с расширением применения спайковых нейросетей (нейроморфные платформы), обрабатывающих информацию без перевода в двоичный код. При наличии соответствующего материального носителя, они быстрее обрабатывают информацию, способны к более глубокому анализу данных и устойчивы к попыткам искажения информации. Такое развитие позволит ИИ оперировать принципами, ценностными установками, и массивами данных, допускающими множественные этически приемлемые выводы. И всё же, сможет ли такая версия сильного ИИ быть носителем моральной ответственности? В настоящее время этот вопрос остается чисто гипотетическим, поскольку сильный ИИ – это долгосрочная перспектива.

В-третьих, вопрос о способности ИИ нести моральную ответственность за свои решения следует выделить отдельно от вопроса об агентности как способности намеренного осуществления действий. С одной стороны, с точки зрения этики Канта, ИИ не обладает человеческим достоинством, даже будучи субъектом принятия решений. Это означает, что ИИ, который запрограммирован кантовской этикой, потенциально менее опасен, чем человек, и, например, открыт к полной трансформации ради совершенствования своих алгоритмов. С другой стороны, остается проблема различения (не-)преднамеренных поступков, важная как для кантовской морали, так и для осуществления правосудия. Это вопрос о том, достаточна ли сетка критериев и фактический массив данных для того, чтобы, например, вынести суждение о мотивах преступника. И если недостаточно, следует ли считать этот пункт границей применения ИИ? Кроме того, запрограммированность этических принципов лишает машину важного свойства добровольности, которое предусмотрено в кантовской этике.

Эти рассуждения приводят к новому образу «кантианской машины»: она близка к человеку по способности к разностороннему анализу информации, но эта способность вряд ли делает её определённее более строгой, чем человек.

Литература:

1. Чалый В.А. К кантианскому моральному фаллибилизму: недоопределенность в рассуждениях по первой формуле категорического императива // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2022. №1. С. 105–114
2. Bendel, O. et al., 2017. Towards Kant Machines. In The 2017 AAAI Spring Symposium Series. Palo Alto: AAAI Press, 7-11.
3. Manna R., Nath R. Kantian Moral agency and the Ethics of Artificial Intelligence // Problemos. 2021, vol. 100, pp. 139–151.

Зубец Ольга Прокофьевна

к.филос.н., старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

Философия до Аушвица или о вине философии

Существование «философии после Аушвица» требует очищающего, критического обращения к «философии до», в которой самые возвышенные, трансцендирующие идеи, самые, казалось бы, неустранимые из философии направления мысли и необходимые определения, будучи увиденными в оптике Аушвица, складываются в пугающую картину философии виновной. Центральным и неустранимым для оптики Аушвица является взгляд на «философию до...» сквозь призму одного вопроса: каково ее отношение к уничтожению «не подлежащего определению существа», ключевой фигуры Аушвица, того человека, который лишен всех качеств и определений, с которыми связано понятие человека: достоинства, разума, речи, морали и т.п. (в Аушвице его называли «мусульманином»). Есть ли в истории философии попытки помыслить мир, задать мир, в котором люди не убивают друг друга – не убивают не на уровне норм и идеала, которые всегда и допускают, и предполагают отклонение и нарушение, но не убивают до и прежде любой нормативности? Или она шла совсем не по этому пути? Взгляд сквозь призму этого вопроса, являющийся по существу подлинно этическим, заставляет увидеть, что ряд признанных фундаментальными для философии и культуры идей и направлений мысли допускают и даже опосредуют уничтожение такого человека. Так, виновными оказываются противопоставление благой жизни – жизни как таковой в античности, оправдание (и даже требование) убийства, совершаемого в отношении недобродетельного и телесно ущербного существа, и в целом – убийства на основе моральных соображений. Идея несоизмеримого превосходства благой, добродетельной жизни над жизнью как таковой (в ее биологическом, природном виде), которая только и придает ей достоинство безусловной ценности, является сквозной и для философии, и для европейской идеологии и культуры: для них она стала общим местом, как и признание превосходящей ценности души по сравнению с телом.

Так же виновным является дифференцирование понятий, в том числе – убийства, на основе обстоятельств, мотивов и намерений, средств, результатов с максимальным разбросом морально-правовой оценки, вплоть до «гуманного» убийства, что ведет к попаданию убийства как данности в слепую зону философии. Теоретическим основанием этого хода мысли является отказ от понимания поступка как единого и единственного способа бытия, от тождества поступка и поступающего. Отказ от этого тождества, почти маниакальное стремление разделить и разорвать их, построить развернутый дискурс, теорию именно на различении личности поступающего, мотивов, намерений, действий и их последствий-результатов, дистанцирование поступающего от поступка и поступок от его последствий – это и стало трагическим шагом, не только заразившим моральную философию логикой и задачами права, но и сделавшим возможным дифференцировать любой поступок, в первую очередь – убийство, сделать его невидимым в качестве эмпирической данности.

Соучастие философии в уничтожении «не подлежащего определению» заключается в определении и постоянном трансцендировании, возвышении понятия человека: любое задание его границы одновременно оказывается санкционированием убийства того, кто оказывается вне нее. Философия несет ответственность и за то, что рядопологает убийство множеству иных порочных действий.

Речь идет не о периферийных и случайных, а самых центральных идеях истории моральной философии – о таких мыслителях, как Платон, Сенека, Фома Аквинский. Почему философия уходит от самой себя, от стремления мыслить единое, мир как целое (стремления, которое абсолютно исключает санкционирующую убийство мысль), задавать его посредством мысли как поступка? Почему философия, с момента своего зарождения склонная критически относиться к повседневному, обыденному мнению и социальным практикам, эпатирующая их, отвергающая ситуационизм, превращает все это в свое основание, избирает пути сервильности?

Коротченко Юлия Михайловна

д.филос.н., профессор

Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского,
Институт «Таврическая академия»

Валюативный аспект идеи всечеловеческого: Другой как ценность

В современном социальном знании положение о том, что социальное действие, во-первых, осмысленно, а во-вторых, учитывает Другого, со времен Вебера приобрело аксиоматический статус. Общество «прошито» субъектностью, реконструирует себя в особой деятельности своих субъектов. Эта деятельность проявляет себя как создание, наследование, разворачивание, трансляция смыслов общественной жизни. Субъектом такой деятельности может быть и индивид, и социальная группа любого масштаба, и такие «гиганты», осмысляющие себя и Других, как цивилизации и человечество в целом. Целостность смыслов социальной жизни центрирует сознание социального субъекта, детерминирует его видение общества в целом, себя и Других в нем. Смыслы социальной жизни выражаются в особом языке – модальном и причем оценочном. Социально значимый текст от лица некоторого социального Я всегда адресован – или неким Своим Я, или Другому (Другим) Я. Он никогда не бывает оценочно нейтральным текстом – о людях, их поступках, потребностях, интересах, целях, о произведениях искусства, наконец, системах идей о том, каким должно быть общество и жизнь в нем. Целостность смыслов социальной жизни центрирует сознание социального субъекта, детерминирует его видение общества в целом, себя и Других в нем. Эту смысловую целостность уместно представить в виде того, что я называю валюативом – оценочной модели интерпретационной активности социального субъекта. Она включает в себя имена типов оценочных смыслов. Их список таков: «герои», «мученики», «враги» как персонификаторы социальной общности; «нормы»; «ценности»; «язык», «художественное творчество», «идеология» как формы репрезентации социальной общности. Тогда о социуме можно говорить как о валюативно дифференцированном пространстве. Это пространство, расчерченное на территории валюативов – целостностей смыслов, «населено» многими Я, различающимися по тому, как, в каких оценочных категориях они осмысляют социальную реальность. Если мы говорим о границах, следовательно, имеется в виду нетождественность границащих между собой смысловых зон, каждая из которых – Другая в отношении остальных. Современное человечество валюативно разорвано. Имеют место антиномичные приписывания имен ячеек валюативной матрицы одним и тем же фрагментам социальной реальности. Валюативное разнообразие несет в себе разрушительный потенциал в случае обязательности принятия господствующего валюатива такого, что в нем есть антиномии по отношению к частным валюативам, находящимся с господствующим в одном социальном и политическом пространстве. Неизбежно возникает потребность в выработке новой или восходящей к имеющейся в интеллектуальной истории общности консолидирующей идеологии. Со всей очевидностью никакая из списка общезвест-

ных – либеральная, коммунистическая, анархическая, религиозные идеологические системы, – не решает сегодня насущных для человечества задач. В истории отечественной мысли, однако, есть обладающая потенциалом объединения многих Других идеологическая традиция, связанная с именами Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского. Сегодня она развивается в философских трудах А.В. Смирнова. Российское социокультурное поле валлоативно разнородно. Можно выделить крупные валлоативные субъекты, присутствующие в российских регионах – валлоативы крымчанина, жителя Каспийского региона, уральца, сибиряка, донского казачества, ряд других. Среди них есть и сами внутренне разнообразные. Показательны в этом отношении, например, валлоативы крымчанина и жителя Каспийского региона. Частные валлоативные целостности вкладываются в общероссийский государственный и социокультурный валлоатив, центрированный на ценности мирной жизни в процветающей, могущественной и культурно разнообразной России, объединяющей многочисленных валлоативных субъектов. Ценность эта обосновывается идеей всечеловеческого, пафос которой состоит в объединении результатов смысловых практик разнообразных валлоативных Я российского общества. Другой в общероссийском валлоативе становится ценностью. Идеология, основанная на идее всечеловеческого, завершает список форм его саморепрезентации.

Larionov Igor Yuryevich

Candidate of Science in Philosophy, Docent
Saint Petersburg State University

The Philosopher Finds Himself: Richard Rorty on Martin Heidegger's Philosophy.

Richard Rorty died in 2007, but his philosophy has proven to have intellectual influence on us. There are still many aspects of his work – both philosophically and as public intellectual – that have not been fully appreciated. Namely, it is his views on the history of philosophy what is really important. The overall problem of my paper is the question if it is possible to consider the history of philosophy as unity and thus the history of European philosophy as a regular process of interaction of different schools of philosophy. In my paper, I analyze the theoretical dialogue R.Rorty enter into with M.Heidegger as the philosopher whose personality and ideas changed during the tragic years of European culture in the 20th century. The paper investigates the way Rorty interprets M.Heidegger's transition from the «early» to the «late» period, and how Rorty himself made the transition from negative to positive criticism of philosophy at large. I also discuss how Rorty matched the different methods of understanding the aim and purpose of philosophy with the conceptual paradigms of the language philosophy. I investigate Rorty's method of applying the concept of language to the history of philosophy as well as to the philosophical path of M.Heidegger. I argue that by means of this linguistic method we could gain an insight into the fate of Western philosophy in the 20th century along with the crisis of the philosophers' moral personalities as they faced the dramatic events of that time. That also gives us an explanation why R.Rorty discovered the idea of contingency of history and social practice in «Being and Time». My paper also gives an account of Heidegger's personal dilemma between the philosopher's theoretical independence and the difficult search for truth in the «contingency» of the world outside.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Леушина Влада Вячеславовна
инженер-исследователь

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

Об одном подходе к созданию роботов-партнеров как моральных агентов

Коллаборативными называются роботы, способные работать совместно с человеком. Они получили достаточно широкое распространение в промышленной сфере, где часть монотонной рутинной работы можно делегировать роботу, став, таким образом,

универсальным инструментом для выполнения ряда технологических операций. Помимо этого, можно выделить особый класс роботов – роботов-партнеров, задача которых в основном носит сугубо развлекательный характер. Они умеют взаимодействовать с людьми, подсказывать им, советовать, помогать, но при этом никакую совместную работу они не совершают (роботы-тренеры, ассистенты, партнеры в играх и т.п.).

Для успешной работы коллаборативный робот (КР) должен быть достаточно автономным, чтобы, например, функционировать при потере контакта с оператором, и интеллектуальным, чтобы анализировать сложные ситуации и принимать решения. Главная задача при разработке такого робота – обеспечение безопасности: ограничение скорости движений, силы воздействий, контроль расстояния между ним и людьми и пр. Один из аспектов безопасности – понятность поведения робота для человека, особенно при выполнении работы в сложных, недетерминированных, динамических средах. В связи с этим целесообразно ввести в систему человеко-машинного взаимодействия «моральный аспект»: соответствие поведенческих реакций робота ожиданиям оператора с точки зрения этичности/неэтичности. Иначе говоря, решения, принятые роботом, должны соответствовать некоторой системе моральных принципов, что облегчает человеку-оператору общение с роботом, который приобретает свойства т.н. морального агента..

Для того, чтобы автономный интеллектуальный робот успешно действовал в сложной среде, его поведение на самом низком иерархическом уровне определяется стремлением к удовлетворению потребностей, обеспечивающих успешное функционирование. Примерами таких потребностей являются самосохранение, выполнение приказа, подзарядка и т.п. Если робот не в состоянии удовлетворить какую-либо актуальную потребность, система управления формирует сигнал обратной связи, вынуждающий робота сменить поведение – эмоциональный отклик. Этот механизм реализуется эмоционально-потребностной архитектурой. Для реализации более сложного поведения агента над рефлекторным уровнем системы управления формируется когнитивная надстройка – модель мира (ММ), представленная в семиотической форме. ММ способна изменять величину потребностей в зависимости от сенсорных данных, приказов и решаемых задач. Важной частью ММ понятие «Я» –знак, соответствующий познающему субъекту, который позволяет реализовывать элементы социального поведения, такие как взаимодействие с оператором, определение понятия свой/чужой, подражание, социальное обучение и др.

Введение «морального» компонента поведения в систему управления необходимо, чтобы действия робота соответствовали неким нормам морали. Поэтому предлагается добавить формализованное представление некоторого выбранного философского учения в семиотическую ММ робота. Процесс формализации представляет собой определение множества сущностей и связей между ними, т.е. представление основных понятий учения в виде онтологической модели. При формировании этической онтологии необходимо учитывать, что ее понятия должны в некотором виде соответствовать понятиям ММ робота. Это означает не только возможность трансляции концепций одной системы в другую, но и введение таких абстрактных сущностей как благо, целеполагание, удовлетворение и пр. Сама по себе онтология не в состоянии конструктивно определять поведение агента-робота или осуществлять анализ этого поведения, поэтому необходимо на ее основе построить когнитивную карту, задачей которой является подготовка данных для пополнения картины мира робота отдельной системой правил, позволяющей проставить для действий указанных приоритетов статус недопустимых или предпочтительных.

Таким образом, поведение робота будет зависеть от его ММ, на которую посредством когнитивной карты оказывает некоторое влияние некоторое формализованное философское учение. Когнитивная карта в данном случае является конструктивным элементом для решения задачи анализа состояния и поведения агента в каждый момент времени. Благодаря подобному решению робот будет способен объяснить свои действия с точки зрения выбранной этической схемы, т.е. оправдать свое поведение,

что является основным критерием моральности поведения. В этом и заключается смысл доверия как открытости и способности к объяснению принятого решения, если рассматривать его с точки зрения систем искусственного интеллекта. Формально это также означает реализацию такого свойства, как верифицируемость.

В рамках этого направления в лаборатории робототехники НИЦ «Курчатовский институт» исследуется вопрос создания мобильного робота-партнера, выполняющего совместно с человеком задачи патрулирования, поиска и мониторинга в неподготовленном окружении. «Моральным» компонентом системы управления является аксиологическое учение с хорошо интерпретируемой системой понятий, например философская школа Эпикура, в которой высшим благом считалось наслаждение, под которым понималось отсутствие физических и душевных страданий у человека. Основные понятия онтологической модели этого направления – желания (в контексте робота – потребности), состояние, разумение (т.е. целеполагание объекта), восприятие, опыт и поведение. Для формализации представления онтологии в виде когнитивной карты все словесные описания отношений между концептами необходимо заменить базовыми семиотическими отношениями. Получившаяся онтология ляжет в основу автоматически сгенерированной когнитивной карты, в которой отобразятся все концепты и связи учения, способные оказать воздействие на выбор приоритета целей робота. В качестве одного из этапов исследования планируется апробация описанной выше концепции на реальном роботе-партнере – мобильной платформе.

Работа выполнена за счет государственного задания НИЦ «Курчатовский институт»

Лилеев Михаил Михайлович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Парадокс моральных прав при создании искусственного интеллекта – на примере художественного фильма «Двухсотлетний человек»

Проблематика искусственного интеллекта (ИИ), равно как и сама его разработка, пока находится в стадии становления. При существовании технологий создание ИИ невозможно, но прогресс не останавливается, и хотелось бы подойти к моменту его создания с хорошей теоретической базой в области этики ИИ.

В докладе проводится исследование этических проблем искусственного интеллекта на примере американского художественного фильма «Двухсотлетний человек» (реж. К.Коламбус, 1999 г.). В фильме показано, как шаг за шагом, вместе с трансформацией робота «Эндрю», происходит признание у него человеческих прав. Фильм также затрагивает широкий спектр проблем: человечности и искусственного интеллекта, работы и свободы, конформизма и борьбы за свои права, любви, жизни и смерти.

Основной этический конфликт произведения возникает между признанием человеческого достоинства в каком-то существе (здесь – робот) и стремлением защитить уже существующих людей от рисков, которые связаны с таким признанием. Люди выступают как нравственная ценность сама по себе, несмотря на то, что в прежние века это было не всегда неочевидно: рабы, женщины, негры и т.д. лишались человеческих прав. Возможно, точно так же в будущем роботов признают моральными агентами.

В докладе будет показано, что этический анализа этого «кейса» следует вести с позиции деонтологической парадигмы. Так, исходя из высшего принципа нравственности во второй формулировке И.Канта «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда – как к средству», следует поставить вопрос «Что есть Человек?». В анализируемом фильме создание робота имело цель (выполнение повседневных задач), так что его приходится рассматривать как средство. В силу этого, директор компании, производившей таких роботов, не относится к ним как к человеческим существам и не наделяет их правами человека. Люди привыкли к тому, что робот-главный герой – не более, чем инструмент, но со сбоем в модуле ИИ, и компания предлагает «починить» его или заменить. Только усилив семь позволяют сделать робота «свободным» и дают ему

возможность самостоятельно бороться за «превращение» в человека. Другой аспект проблемы: не следует человека делать средством не только в прямом инструментальном смысле, но и средством для чужого блага. Тем самым, возникает парадокс: давая роботу, созданному как средство, некие права, мы, тем самым, неоправданно ограничиваем права других людей, используя их как средство. Все права должны быть распределены между всеми людьми одинаково и если какое-то право не удастся так распределить, то оно не относится к правам человека.

Перов Вадим Юрьевич
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Искусственный Моральный Агент: парадокс беспристрастности

Развитие цифровых технологий, особенно в области разработки и внедрения алгоритмов искусственного интеллекта подняло ряд этических вопросов, в том числе в отношении возможности создания так называемого Искусственного Морального Агента (ИМА). Даже если речь не идёт о моральном агентстве в полном смысле (то есть обладающего сознательностью, добровольностью, способного к совершению самостоятельных нравственных поступков и т.д.), то активно обсуждаются проблемы, связанные с использованием ИМА в качестве инструментов, призванных обеспечить помощь в принятии этически корректных решений в различных областях жизнедеятельности. В качестве основных преимуществ такого ИМА рассматривается совокупность качеств, которая в этических теориях обычно описывается как теория идеального морального наблюдателя. В обобщенном виде под последней понимается гипотетическая концепция, которая предполагает существование некоего «морального суперагента» (в смысле превосходящего любых эмпирических людей в реальных обстоятельствах). Этот идеальный моральный наблюдатель рационально последователен, поскольку лишен возможности совершать ошибки в рассуждениях, в том числе свободен от когнитивных искажений, что позволяет правильно оценивать этические аспекты действий и решений людей. При этом такой «моральный суперагент» предполагается а) способным собирать и анализировать все необходимые в данной ситуации факты, включая предшествующий положительный и отрицательный нравственный опыт; б) знать и учитывать интересы не только тех, кто задействован в принятии решений, но и тех, на кого эти решения и поступки оказывают прямое или косвенное влияние как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе (аналог концепции «заинтересованных сторон» (стейкхолдеров) в этике бизнеса); в) видеть «моральную истину»; г) давать оценки на основе объективных и универсальных этических принципов. В совокупности это призвано гарантировать принципиальную неподверженность решений случайностям и чьему-то влиянию, в том числе благодаря избеганию «конфликтов интересов». Поскольку невозможно найти реальных людей, соответствующих этим критериям, всё более правдоподобным выглядит предположение о возможности создания такого беспристрастного и безупречного в моральном отношении ИМА. Но как показывает анализ существующих в этой сфере практик, стремление к такой безусловной беспристрастности оказывается парадоксальным. Парадокс беспристрастности может быть сформулирован следующим образом: чем больше моральный агент стремится добиться собственной этической нейтральности, тем больше он вынужден проявлять собственные моральные убеждения и интересы. Этот парадокс наглядно проявляется в тех существующих цифровых технологиях, которые потенциально могли бы претендовать на статус ИМА. (1) Для принятия этических решений в ИМА должны быть изначально заложены какие-то «моральные алгоритмы», которые по факту оказываются моральными установками разработчиков; (2) Если алгоритмы ИМА предусматривают какие-то варианты рекурсивного самообучения, то в этом случае (2.1) есть тенденция поучить аналог метафоры «серой слизи» из этики нанотехнологий или гипотезе «тепловой смерти Вселенной», то есть фактическому отсутствию этических решений и оценок или (2.2) существует опас-

ность «обучения» ИМА большинству имеющихся в исходных данных моральных преубеждений и порочных установок, включая расизм, национализм, ксенофобию, оправдание различных видов дискриминации и т.д. В обоих этих случаях в целях сохранения для ИМА статуса добродетельно действующего морального агента требуется активное вмешательство в виде модерирования и даже цензурирования на основе моральных ценностей, предписываемых модераторам и цензорам владельцами/ разработчиками. Существенной моральной проблемой оказывается то, что даже в этом случае разработчики выдают такие результаты за беспристрастные (пусть и с оговорками), то есть за морально почти безупречные и заслуживающие существенного доверия.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Перова Нина Вадимовна

инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет;
аспирант, Институт философии Российской академии наук

Целостность морального агентства

в свете технологий биологического нравственного улучшения

Этический анализ морального агентства в контексте биологического нравственного улучшения с необходимостью ставит вопрос о ценности целостности морального агента. Большая часть биотехнологий подразумевает улучшение человека не как цельной единицы, а его определенных аспектов. В некотором смысле, рассмотрение агентства в таком контексте рисует образ человека как высокотехнологичного корабля Тесея. Тем не менее, в обществе наблюдается все более нарастающая тенденция, во многом вызванная страхом перед стремительно развивающимися технологиями, сохранения агентства как цельной, неизменной единицы. Так, Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО утверждает целостность генома человека, из чего делает вывод о необходимости ограничения любых генетических модификаций, которые могут привести к разрушению целостности.

Идея целостности морального агента связана с представлениями о фундаментальных качествах. Исследователи высказывают опасения, что любые изменения агентности приведут к потере фундаментальных качеств, которые делают человека моральным агентом, а также того, что определяет особенность и уникальность морального агентства как такового. Единого представления об этих «фундаментальных качествах» нет, к ним относят справедливость, альтруизм, самость. Отмечу, что я также считаю, что любая форма биологического нравственного улучшения приведет к разрушению моральной агентности в силу невозможности в рамках биоулучшения сохранения и реализации фундаментальных моральных качеств: свободы и ответственности.

При этом, популярным среди сторонников рассмотрения морального агентства в контексте целостности является вывод о необходимости запрета любых форм нравственного биоулучшения с целью сохранения статуса морального агента. С этим я согласиться не могу.

Развитие науки и внедрение новых технологий является неотъемлемой частью человеческого прогресса, в том числе нравственного прогресса. Обращаясь к истории этики мы можем увидеть, что моральный статус человека постоянно преобразовывался и трансформировался. Технологии биологического нравственного улучшения являются новым этапом данной трансформации. И да, они действительно с высокой долей вероятности приведут к разрушению статуса морального агента. Однако надо понимать, что потеря этого статуса не означает потерю моральности как таковой. Категорический отказ от технологий биоулучшения и их осмысления, который можно найти в работах Д. Каллахана, Дж. Аннаса, К. Коади и многих других является отказом от эволюции морали, развития моральности человека. Действительную опасность представляет не потеря статуса морального агента, а потеря человеком нравственности как

таковой. Во избежание этого развитие и внедрение технологий должно не игнорироваться, а исследоваться и контролироваться.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Смирнова Анна Ивановна

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Моральная агентность искусственного интеллекта в общем поле его этических проблем

По мере развития и распространения полуавтономных и автономных систем ИИ в человеческом обществе все чаще звучат опасения различного толка – к примеру, что ИИ может полностью подменить работников различных специальностей и тем самым привести к сокращению рабочих мест и росту безработицы; быть использованным злонамеренными акторами; привести к размыванию ответственности при принятии решений, а также непреднамеренно породить или усугубить предвзятость и тем самым усилить неравенство и подорвать принципы справедливости в обществе. Ответом на эти вызовы служат достаточно многочисленные отчеты и руководящие документы по этичному ИИ, разрабатываемые международными организациями [2, 4, 5], руководящими органами на уровне отдельных стран [8, 9], представителями научно-образовательного сообщества [3, 6, 7], экспертами-практиками в сфере ИИ [1] и т.д. Значительная часть таких документов является примерами так называемых незаконодательных инструментов политики или мягкого права. В отличие от так называемого «жесткого» права руководящие принципы этики не являются юридически обязывающими, но носят рекомендательный характер и призваны быть ориентирами при принятии решений в определенных областях. Действительно, в некоторых случаях регулятивный подход может быть преждевременным, слишком жестким, что приведет к подавлению ценных инноваций. Этический подход более гибок и, хотя и носит рекомендательный характер, все же предвзывает определенные требования, соответствие которым ожидается от разрабатываемых алгоритмов и систем ИИ.

На основании анализа процитированных выше документов можно утверждать, что среди наиболее часто встречающихся ценностных установок и принципов этичного ИИ можно назвать следующие:

- прозрачность (в использовании данных, в процессах принятия решений алгоритмами ИИ);
- справедливость – недопущение предвзятости и дискриминации (что особенно важно в том случае, когда алгоритм ИИ обучался на данных, в которых в скрытом виде присутствует предвзятость или дискриминация), учет интересов уязвимых групп населения, обеспечение равенства;
- непричинение вреда – недопущение предвзятости, нарушения конфиденциальности, нарушения основных человеческих прав и свобод, физического ущерба человеку (в более широкой перспективе также любому живому существу и окружающей среде). Однако остаются дискуссионными принципы этичного «поведения» алгоритма ИИ в случаях, когда при любом развитии событий причинение вреда человеку неизбежно (к примеру, так называемая «проблема вагонетки», ставшая чрезвычайно актуальной с развитием беспилотных автомобилей); также дискуссионным с точки зрения этого принципа остается развитие ИИ в военной сфере, особенно развитие и совершенствование беспилотных аппаратов, имеющих своей основной целью убийство живой силы противника;
- ответственность – невозможно задать в алгоритме ИИ однозначное решение морально-этической проблемы, которая не имеет однозначного решения в самом человеческом обществе, либо такое решение будет являться нарушением фундаментальных прав человека. Пока что основным путем решения такой проблемы является отстранение ИИ от решения подобных проблем и возлагание ответственности на человека (разработчика или оператора ИИ);

- конфиденциальность (особенно в плане обеспечения безопасности личных данных),
- направленность на благо людей – см. дискуссионные ситуации с точки зрения непричинения вреда;
- свобода и автономия – сохранение человеком всей полноты прав на самостоятельное принятие решений;
- доверие – этот принцип тесно связан с повышением прозрачности алгоритмов ИИ, а также зиждется на просвещении населения относительно сбора, использования и хранения данных, особенностей функционирования алгоритма ИИ (особенно в части принятия решений);
- соблюдение человеческого достоинства и иных фундаментальных прав человека;
- устойчивость и солидарность – перераспределение благ от использования ИИ таким образом, чтобы сокращать неравенство в обществе и обеспечивать доступ к этим благам для уязвимых групп населения.

Способность систем ИИ не только оперировать по заданным алгоритмам, но самостоятельно делать моральный выбор и нести персональную ответственность за свои действия превратит их в полноценных моральных агентов. Такие системы ИИ еще не созданы, однако проблема морального выбора уже релевантна для имеющихся алгоритмов, как было показано в примерах выше.

Литература:

1. Принципы работы с ИИ, разработанные на Асиломарской конференции. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles-russian/> (дата обращения 12.02.2023).
2. ЮНЕСКО. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. ЮНЕСКО, 2021. URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/airec.pdf> (дата обращения 14.02.2023).
3. An initiative of the Universite de Montreal. URL: <https://recherche.umontreal.ca/english/strategic-initiatives/montreal-declaration-for-a-responsible-ai/> (accessed 12.02.2023).
4. G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. G20 AI Principles / G20. 2019. URL: <https://wp.oecd.ai/app/uploads/2021/06/G20-AI-Principles.pdf> (accessed 14.02.2023).
5. Independent High-Level Expert Group on Artificial Intelligence Set Up By The European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. Brussels: European Commission, 2019. URL: <https://www.aepd.es/sites/default/files/2019-12/ai-ethics-guidelines.pdf> (accessed 11.02.2023).
6. Montréal Declaration for a Responsible Development of Artificial Intelligence. 2018 Report. URL: https://monoskop.org/images/b/b2/Report_Montreal_Declaration_for_a_Responsible_Development_of_Artificial_Intelligence_2018.pdf (accessed 12.02.2023).
7. Montreal Declaration Responsible AI. URL: https://monoskop.org/images/d/d2/Montreal_Declaration_for_a_Responsible_Development_of_Artificial_Intelligence_2018.pdf (accessed 12.02.2023).
8. Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence (AI) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 17.11.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wjzcs/202211/t20221117_10976730.html (accessed 14.02.2023).
9. The Ethical Norms for the New Generation Artificial Intelligence, China // International Research Center for AI Ethics and Governance. 27.09.2021. URL: <https://ai-ethics-and-governance.institute/2021/09/27/the-ethical-norms-for-the-new-generation-artificial-intelligence-china/> (accessed 11.02.2023).

«ЭТИКА И ПОЛИТИКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И МИРЕ»

материалы молодежного круглого стола

Бабышева Алена Дмитриевна
обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
«Новая этика» бизнеса в современной России

Этика является инструментом для решения сложных нравственных задач и преодоления моральных дилемм, с которыми общество сталкивается в современном мире. Её изучение становится необходимым по причине быстрого научного и технологического развития. Каждая крупная компания сейчас имеет свой кодекс корпоративной этики, поскольку, в первую очередь, поддержание этического климата и внутри бизнеса, и при работе с клиентами помогает выстраивать положительную репутацию компании. Когда компания демонстрирует высокие этические стандарты в работе, социальных сетях, она завоёвывает доверие клиентов, партнеров и общественности.

Также, например, в областях искусственного интеллекта или генной инженерии возникают сложные этические вопросы, которые требуют внимательного обсуждения и осознанных решений. Обращение к этике помогает осознавать потенциальные последствия действий и принять этически обоснованные решения в таких областях.

Стоит отметить, что в последние годы в современном дискурсе стало стремительно распространяться такое понятие, как «новая этика». Как отмечают Н. В. Жадунова, А. А. Гришневая, она постулирует концепты равенства, справедливости, прав человека, толерантности, борьбы за признание, она задает новое направление в развитии морали [1, с.84-85]. Также в некоторых толкованиях понятия содержатся отстаивание свобод граждан, защита человеческого достоинства, идеи об ответственном отношении к природе через циклы экологических мероприятий.

Интересным представляется рассмотреть, используют ли принципы «новой этики» крупные российские компании и закреплены ли они в их кодексах корпоративной этики.

Если обращаться к кодексам ОАО «РЖД» и ПАО «Газпром», можно зафиксировать, что в содержании сделан акцент больше на внутренний климат компании, личные качества сотрудников и управленцев, а также затронуты вопросы взаимодействия с государством, обществом и конкурентами.

Однако в эпоху развития цифровых технологий стоит обращать внимание и на позиционирование компаний в социальных сетях. Именно в медиапространстве чаще всего можно заметить трансляцию определённых посылов. В настоящее время основной площадкой для публикации контента российских компаний является социальная сеть ВКонтакте. В официальных группах РЖД и Газпрома можно обнаружить проявление таких принципов, входящих в концепцию «новой этики», как толерантности (присутствие на фотографиях представителей различных этнических групп), равных возможностей в профессии вне зависимости от пола, сохранение природы (проведение экологических акций).

Итак, вышеизложенное позволяет выявить следующую закономерность: официальные корпоративные этические кодексы компаний не содержат в себе принципы «новой этики», но действительности их можно отследить в медиапространстве. Из этого следует, что представления о том, какой должна быть современная этика шире, чем её отражение в закреплённых документах. И, несмотря на выход новых идей за рамки официальных документов, никаких противоречий не наблюдается.

Литература:

1. Жадунова Н.В. «Новая этика»: нормальное и аномальное / Н.В. Жадунова, А.А. Гришневa // Социальные нормы и практики. 2023, №2(8). С.81-93.

Банина Ярослава Вадимовна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

Этика войны в арабской политической мысли: взгляд Аль-Фараби

Вопрос об этической составляющей войн волновал человечество на протяжении веков: основные традиции рассмотрения моральной допустимости войны возникли еще в Древней Греции и Риме, затем претерпели христианскую рецепцию в Средние Века, подвергались переосмыслению в политико-правовой мысли Нового Времени, а на сегодняшний день выражены в программных документах мировых религиозных сообществ и международно-правовых актах.

Для понимания истоков той или иной этической концепции необходимо рассматривать традиции в их преемственности. В арабской политической мысли одним из виднейших философов, который обращался к рассмотрению вопроса оправданности применения силы на международной арене, является Абу Наср Аль-Фараби. Рассуждения о справедливости и несправедливости военных действий были изложены им в цикле работ, посвященных этико-политической проблематике.

В частности, в трактате «Афоризмы государственного деятеля» Аль-Фараби сформулировал основные цели, при стремлении достичь которые войну можно считать справедливой:

- отражение атаки противника, по собственной инициативе напавшего на город;
- приобретение каких-либо благ, на которые город имеет право, если они находятся под контролем врага;
- принуждение людей к наилучшему и наиболее полезному в случае, если их больше некому направить на правильный путь;
- подчинение людей, для которых было бы лучше, по мнению нападающей стороны, служить именно их городу;
- поголовное истребление и уничтожение жителей вражеского города в случае, если их дальнейшее существование ставит под сомнение безопасность граждан.

В противовес вышеперечисленным факторам, Аль-Фараби приводит мнение и о том, в каких случаях войну нельзя оправдать: «Когда правитель ведет войну с какими-либо людьми только для того, чтобы они покорились и подчинились ему, почитали все его предписания, соглашались, чтобы он руководил и управлял ими, как он это находит нужным, и чтобы они соглашались со всеми его указами во всем, чего бы он ни пожелал, то это — несправедливая война» [1, с. 231].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что справедливость войны в концепции Аль-Фараби напрямую зависит от количества и качества блага, которое может получить город и его граждане в результате противостояния. В тех же случаях, когда правитель объявляет войну не с целью улучшить в перспективе жизнь жителей города, а стремясь лишь расширить собственное влияние, увеличить богатство и масштабы своей власти, она не может считаться этически приемлемой.

Литература:

1. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты / Аль-Фараби ; отв. ред. Ш.Е. Есенов. – Алма-Ата : Издательство «Наука», 1973. – 436 с.

Лопухова Александра Константиновна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Ценности молодых парламентариев Санкт-Петербурга

Молодежный парламент Санкт-Петербурга — представительный орган, целью которого является вовлечение и расширение прав и возможностей молодых людей в процессе принятия городских решений. Он служит платформой для активного участия молодежи в политических дискуссиях и инициативах. Молодежный парламент состоит из избранных членов, которые представляют разнообразные интересы и проблемы молодежи Санкт-Петербурга. Участвуя в Молодежном парламенте, молодые люди приобретают ценные навыки лидерства, коммуникации, командной работы и разработки политики.

Главные ценности молодых парламентариев Санкт-Петербурга можно резюмировать как приверженность принципам демократии, социальной справедливости, прозрачности, инклюзивности и гражданской активности. Эти ценности определяют их действия и процессы принятия решений, поскольку они стремятся представлять интересы городской молодежи.

Прежде всего, молодые парламентарии Санкт-Петербурга отстаивают ценности демократии. Они верят в силу демократических процессов и институтов, обеспечивающих справедливое представительство и защиту прав личности, подчеркивают важность свободных и справедливых выборов, на которых голоса всех граждан будут услышаны.

Социальная справедливость — еще одна ценность, которую поддерживают молодые политические деятели. Они выступают за равные возможности, справедливость и ликвидацию социального неравенства; работают над разработкой политических механизмов, направленных на решение таких вопросов, как доступное и качественное образование, здравоохранение, жилье и занятость, стремясь обеспечить равные условия для всех жителей, независимо от их происхождения или социально-экономического статуса.

Прозрачность, пожалуй, является ключевой ценностью. Молодые парламентарии верят в открытое и подотчетное управление, при котором информация доступна общественности, а процессы принятия решений прозрачны. Они стремятся к более широкому участию общественности в разработке политических решений, гарантируя, что граждане имеют возможность высказать свои предложения и внести свой вклад в развитие города.

Инклюзивное общество — это общество, которое принимает и уважает разнообразие, гарантируя, что все люди, независимо от их происхождения, расы, пола, способностей или любых других характеристик, имеют равные возможности и доступ к ресурсам, услугам и правам. Молодые депутаты стремятся создать инклюзивное общество, в котором каждый чувствует себя ценным и равноправным с другими жителями города. Парламентарии работают над продвижением принципов толерантности, уважения и взаимопонимания между различными социальными, культурными и этническими группами, укрепляя чувство принадлежности и единства.

Гражданская активность предполагает активное участие в жизни общества и демократических процессах для решения общественных проблем и продвижения общего блага. Парламентарии поощряют активное участие и вовлечение молодых людей в политическую и общественную деятельность: голосование, посещение общественных собраний, волонтерство, отстаивание интересов, а также участие в дискуссиях. Действия депутатов направлены на то, чтобы вдохновить и дать возможность молодежи играть активную роль в формировании будущего своего города, укрепляя культуру гражданской ответственности.

В заключение отметим, что ценности молодых парламентариев Санкт-Петербурга аккumulируются вокруг демократии, социальной справедливости, прозрачности, инклюзивности и гражданской активности. Эти ценности направляют их усилия по созданию более справедливого и активного общества, в котором голоса всех граждан, особенно молодежи, имеют равный статус и значимость.

Морозов Константин Евгеньевич

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Либерализм, патернализм и автономия

Патернализм — это вмешательство в автономию человека ради продвижения его собственного блага. Традиционно либеральные философы утверждали, что автономия является важнейшей моральной и политической ценностью, а потому патернализм морально недопустим [Grill 2011]. Однако этот тезис остаётся двусмысленным в тех случаях, когда патерналистские ограничения направлены на защиту самой автономии. Требуется ли либеральная приверженность автономии, например, запретить добровольную продажу самого себя в рабство? Некоторые либеральные философы поддержали право на такое самопорабощение на том основании, что уважение к автономии требует уважать любой автономный выбор человека, даже если он сделан в пользу отказа от какой-либо автономии [Нозик 2008; Kershner 2003]. Но если автономия является важнейшей ценностью, то почему государство не должно защищать автономию людей, ограничивая право на такие рабские контракты?

Двусмысленность, лежащая в основе либерального антипатернализма, касается вопроса о том, что именно является центральной либеральной ценностью: обладание или осуществление автономии [Grunebaum 2000]? Если ценностью является осуществление автономии, то патернализм является недопустимым. Но если ценностью является обладание автономией, то патернализм допустим, по меньшей мере, в тех случаях, когда он направлен на предотвращение выборов (сколь автономными они бы ни были), которые подрывают автономию агента. Таким образом, могут существовать либеральные формы патернализма, когда целью патерналистских ограничений является защита обладания автономией.

В таком случае возникают две теоретические проблемы. Во-первых, термин «либерализм» становится неопределённым, поскольку включает сторонников двух несовместимых ценностных позиций. Во-вторых, остаётся неопределённым, какая из двух форм продвижения ценности автономии является предпочтительной. Вторую проблему можно решить, продемонстрировав, что автономия является составной частью любой разумной концепции благополучия [Raz 1982; Goldstein 2011]. Если это верно, то у нас могут быть основания продвигать обладание автономией, но не обязательно её осуществление. Если вторая из проблем решена, то у нас есть также веские основания предпочесть перфекционистские и патерналистские формы либерализма. Хотя это не устраняет двусмысленность в понятии «либерализм», это даёт основания предпочесть одни трактовки другим.

Литература:

1. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
2. Goldstein J.D. New Natural Law Theory and the Grounds of Marriage: Friendship and Self-Constitution // *Social Theory and Practice*. 2011. Vol. 37. №3. P. 461–482.
3. Grill K. Paternalism // *Encyclopedia of Applied Ethics* / ed. by R. Chadwick. New York: Academic Press, 2011.
4. Grunebaum J.O. Autonomous Ownership // *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate* / ed. by P. Vallentyne, H. Steiner. London: Palgrave, 2000. P. 48-73.
5. Kershner S. A Liberal Argument for Slavery // *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34. №4. P. 510–536.
6. Raz J. Liberalism, Autonomy, and the Politics of Neutral Concern // *Midwest Studies in Philosophy*. 1982. Vol. 7. №1. P. 89–120

Перова Галина Вадимовна
магистр конфликтологии
свободный исследователь

Конфликты осмысления и преодоления нацистского прошлого в Германии второй половины XX в.

После окончания Второй Мировой войны и падения нацистского режима немецкая нация оказывается в ситуации «часа ноль»: освобождение от нацистского режима происходит изнутри, через отказ от всех привычных структур и установок. Возникает конфликт сознания: с одной стороны, нация, как носитель национал-социалистических идей оказывается побежденной, с другой стороны нация, ставшая жертвой преступного режима, освобождается от его власти.

Можно говорить о нескольких этапах в осмыслении проблемы вины и ответственности в культуре Германии:

Первый – с окончания войны и до конца 50-ых годов, когда происходил генезис проблемы в общественно-политической мысли. Одно из самых ярких обсуждений вызвала работа Карла Ясперса «Вопрос от виновности», в которой философ призывал немцев осознать свою вину и покаяться.

Второй этап – проведение громких процессов над нацистскими преступниками, постепенный отказ от интеграции бывших членов НСДАП в структуру нового правительства. Пример такого суда Ханна Арендт анализирует в своей работе «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме».

Третий этап связан со сменой поколений, когда немцы уже обсуждали не свою виновность, но виновность своих отцов. Яркой дискуссией этого периода был «спор историков» во главе с Юргеном Хабермасом с одной стороны и Эрнстом Нольте с другой. После объединения ФРГ и ГДР проблема вины и ответственности за преступления Гитлеровского режима меняется: объединенной стране необходимо преодоление как нацистского, так и коммунистического прошлого. Различные механизмы преодоления нацистского прошлого в ГДР и ФРГ после объединения дают толчок новому этапу переосмысления и наполнения культуры памяти о нацизме.

Процесс проработки проблемы вины и ответственности в Германии не был односторонним, он развивается в ходе конфликта двух подходов:

Первый предполагает вытеснение тоталитарного нацистского прошлого из коллективной памяти нации

Второй же подход, наоборот постулирует необходимость принятия ответственности и интеграцию культуры памяти о нацизме в национальную идентичность.

В ходе процесса осмысления и преодоления нацистского прошлого в Германии возникают несколько групп конфликтов.

Конфликт «перспективы жертвы» и немецкая коллективная вина. Кто виновен в приходе нацистов к власти и преступлениях режима? Допустимо ли приписывать всей нации вину за преступления нацизма?

Конфликт «отцов и детей». «Дети», то есть поколение, которое социализировалось после окончания Второй мировой войны, задаются вопросом «а убивал ли мой отец?», «причастны ли мои родители к преступлениям нацистов?». В ФРГ дискурс памяти о прошлом становится на этом этапе одним из основных элементов государственной политики. конфликт «отцов и детей» переходит в конфликт «исторического самосознания» на личном уровне, в форме вопроса самому себе «виновен ли мой предок?».

Конфликт Запада и Востока: после разделения Германии на два государства ГДР и ФРГ по-разному культивируют память о периоде национал-социализма. После объединения Германии немецкой нации приходится вырабатывать новый, общий подход к проработке прошлого и формированию коммуникативной памяти;

Конфликт «исторического самосознания»: В Германии продолжается формирование культуры памяти о преступлениях нацизма: вопрос о коллективной вине немцев перерастает в новый конфликт – «монументализация позора», восприятие культуры памяти.

Потоцкий Ярослав Александрович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Моральная природа и этические проблемы современного национализма

Наблюдающийся с конца XX века быстрый и повсеместный рост националистических тенденций оказал значительное влияние на мировую политическую мысль и стал предметом многочисленных дискуссий в среде исследователей национализма. Однако многогранность феномена национализма требует от исследователей применения комплексного подхода, учитывающего не только историко-культурные, социально-политические и экономические аспекты данного явления, но и этическую сторону национального вопроса.

Один из классиков современного национализмоведения Эрик Хобсбаум определил нацию как «всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как «нацию» [1]. Данное определение, хотя и отображает коллективную природу национальных сообществ, но не указывает на один важный фактор, обеспечивающий тесную взаимосвязь между членами данных объединений – социальную солидарность. Социальная солидарность является тем фундаментом, на основе которого выстраиваются взаимопомощь между представителями одной этнической группы, а также любовь и привязанность к членам своего национального сообщества. Чувства социальной дружбы сами по себе не способны привести к масштабным межэтническим столкновениям, однако радикальный национализм требует не только проявления лояльности к национальной культуре, но и соблюдения принципа справедливости, выражающегося в признании национального суверенитета. Как отмечает американский политический теоретик Бернард Як, в силу обостренного чувства справедливости националисты воспринимают всех противников национального суверенитета в качестве нарушителей справедливости и поэтому считают их «достойными не только сопротивления, но и кары» [2]. Таким образом, происходит дегуманизация противников, к которым (как нарушителям социальных норм) уже не могут быть применены ни правовые нормы, ни элементарные нормы человеческой этики. Необходимо отметить, что выдвигаемое националистами требование восстановления справедливости в определённом смысле носит альтруистический характер и обусловлено не нарушением прав и интересов отдельного индивида, а посягательством на целостность, безопасность и само существование этнической общности в целом.

Подобная дегуманизация представителей иной национальности, приводящая к снижению прежних индивидуальных моральных барьеров, нередко проявляется в таких крайних формах национализма, как расовая сегрегация, ксенофобия, геноцид, религиозные войны. В таком случае любые незначительные территориальные споры или культурные разногласия могут очень быстро перерасти в полномасштабный международный конфликт. Печальным примером моральной деградации национализма могут послужить пытки военнопленных, теракты и этнические чистки во время военных конфликтов в Нагорном Карабахе, Косово, Боснии и Герцеговине, Палестине, Ираке, Южном Судане и других регионах мира.

Подводя итоговую черту, следует ещё раз отметить, что кровавые межэтнические столкновения необходимо вытекают из самой моральной природы национализма, превозносящего национальный суверенитет в качестве высшего источника справедливости. Хотя полная ликвидация национализма в обозримом будущем представляется маловероятным событием, моральное право националистов на насилие может подорвать устранение причин, разрушающих прежние социальные связи и структуры. К основным факторам, способствующим усилению националистических тенденций в современном мире, можно отнести социально-экономические и политические кризисы, деградация международного права и транснациональных институтов, упадок общечеловеческих ценностей, усиление замкнутости национальных сообществ, низкий уровень политической культуры населения. Вполне вероятно, что улучшение социально-экономической ситуации в развивающихся странах, усиление роли между-

народных организаций на мировой арене, утверждение норм международного права в качестве высшего общечеловеческого морального авторитета, а также, несомненно, ограничение способов реализации права наций на самоопределение значительно снизит накал националистических противоречий.

Литература:

1. Хобсбаум Э. [Hobsbawm E.] Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.
2. Як Б. [Yack B.] Национализм и моральная психология сообщества / науч. ред. М. Дондуковский; пер. с англ. К. Бандуровского. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017.

Селезнева Антонина Владимировна

д.полит.н., доцент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова; ГАУГН

Аксиологические основания политической этики российской молодежи: традиционные ценности в актуальном контексте

В исследованиях молодежи в последние годы актуальным является задача выявления ценностно-смысловых доминант ее политического сознания и поведения. Политические ценности определяют особенности восприятия молодыми людьми социально-политической реальности, детерминируют ее взаимоотношения с социальными и политическими субъектами, определяют формы и интенсивность ее гражданского участия и политической активности. Политические ценности обуславливают особенности самоидентификации молодежи с Россией как национально-государственным сообществом [1]. Особое значение в контексте изучения аксиологических оснований жизнедеятельности молодежи в государстве и обществе имеют этические аспекты, поскольку ее отношение к политике осуществляется сквозь призму морали. Теоретическую рамку исследования составляет политико-психологический подход, в рамках которого ценности, представления, установки в структуре морального и политического сознания молодежи рассматриваются с психологических позиций. Эмпирическую базу исследования составили данные всероссийского опроса молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, проведенного в октябре 2022 г. Результаты исследования показывают, что наиболее значимыми для современной российской молодежи политическими ценностями являются мир (70,7%), безопасность (68%), справедливость (69,8%), права человека (67,3%), законность (63,8%), свобода (59,7%), порядок (57,7%). В структурно-содержательном отношении этот комплекс политических ценностей носит противоречивый характер: в нем отражаются сложно переплетенные тенденции влияния многовековой политико-культурной традиции и современных глобальных социокультурных процессов [3]. В системе ценностей молодежи не просто присутствуют не свойственные нам исторически ценности, например, права человека, самовыражение, комфорт. Но даже традиционные ценности, например, свобода и справедливость, наполняются в сознании молодежи новым, не свойственным ранее смыслом. Российской молодежи свойственны патерналистские ориентации, которые традиционно существуют в нашей политической культуре. Дополнительным – психологическим – основанием актуализации установок молодежи на заботу и защиту со стороны государства является несформированное чувство ответственности (неспособность, а зачастую и нежелание брать на себя дополнительные обязательства за «других» компенсируется возложением этой ответственности на государство) [2]. Одной из наиболее значимых политических ценностей, обладающей консолидационным потенциалом, является патриотизм. Однако, патриотизм как ключевой идеологический конструкт, предлагаемый политической элитой, не согласуется напрямую с ценностным запросом, существующим в обществе, и как результат – высокий уровень декларативности патриотизма у молодых граждан. Кроме того, в контексте актуальных политических процессов и неоднозначного понимания молодежью сущности патриотизма и форм его поведенческой реализации, можно говорить о его дифференцирующем потенциале, который в дальнейшем может вырасти до фактора существенных социальных размежеваний.

Литература:

1. Евгеньева Т.В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Том 12, №2. С. 84-90.

2. Попова С.Ю. «Вмененная» и осознанная ответственность молодежи // Новая политическая этика российской молодежи / под общей редакцией А.В. Селезневой. М.: Аквилон, 2021. С. 116-127.

3. Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. – №2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1/>

В рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1)

Тулегенова Динара Дархановна
научный сотрудник,

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук; младший научный сотрудник,
Государственный академический университет гуманитарных наук
Ибрагимов Эдуард Сергеевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

**Патриотизм как нравственный принцип
в представлениях современной российской молодежи**

Проблема патриотизма и его понимания является актуальной и широко обсуждаемой в политической науке и публичной политике современной России. Патриотизм – это сложный феномен, понимаемый исследователями как нравственный принцип, идеологический конструкт, политическая ценность. Патриотизм выступает регулятором общественных отношений и политического поведения и сегодня замечается особенное внимание государства к политической социализации и воспитанию, в том числе патриотическому, молодежи в России. К тому же современная политическая практика актуализирует изучение смыслового наполнения патриотизма у молодых людей.

Представленный в данной работе анализ основывается на материалах проведенного в 2022 году опроса молодежи в возрасте от 14 до 30 лет с многоступенчатой, пропорциональной, районированной (стратифицированной) выборкой общим объемом 2 500 человек из разных типов субъектов России из всех Федеральных округов.

Результаты исследования показывают следующее.

Патриотизм как ценность входит в число актуальных политических ценностей современной российской молодежи, но не занимает лидирующих позиций. По мере взросления наблюдается рост значимости ценности патриотизма и фиксируются поколенческие различия в ценностных ориентациях молодых людей. Так, среди представителей младшей возрастной группы (14-17 лет) этот показатель составляет 35,6%, а среди старшей возрастной группы (27-30 лет) – 47,1%.

Смысловое наполнение патриотизма как ценности связано с представлениями молодежи о положительных чувствах, которые они испытывают по отношению к стране, прежде всего. 52,9% опрошенных респондентов понимают под патриотизмом «Любовь к Отечеству». Здесь мы фиксируем слабо выраженный поведенческий аспект патриотизма в сознании молодежи: 31,5% считают патриотизмом заботу об Отечестве, 18,5% ответили, что патриотизм – это служение Отечеству.

В качестве образцовых патриотов в истории и современности молодые люди называли преимущественно Президента России, таких политических и военных деятелей

как Петр I, Екатерина II, В.В. Жириновский, И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.В. Суворов. Отметим слабо сформированные критерии для оценки у опрошенных респондентов.

При этом, большинство опрошенных (79,6%) скорее считают себя патриотами. И по данному вопросу мы отмечаем следующую возрастную специфику: если у представителей младших возрастных групп – 14-17 лет и 18-22 года (поколения Z) этот показатель 35,2% и 35,4% соответственно, то у респондентов старше, 23-26 года и 27-30 лет (поколения Y) этот показатель заметно выше – 44,5% и 47% соответственно. Это демонстрирует как разницу в условиях воспитания и социализации представителей разных поколений, так и трансформационные процессы в политическом сознании молодых людей.

В качестве выводов можно отметить поколенческую специфику в патриотических ориентациях молодежи, российская молодежь активно отмечает значимость ценности патриотизма, в особенности старшая возрастная группа. Молодые люди считают себя патриотами, но их представления не связаны с деятельностной составляющей, у современных молодых людей слабо выражен поведенческий аспект ценности патриотизма.

В рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1)

Турков Егор Анатольевич

студент, Мюнхенский университет им. Людвиги-Максимилиана

Категория ценности в концептуальной структуре немецкой политической этики: теоретический анализ

Категория ценности является одним из ядерных смысловых оснований политической наук в Германии, включая политическую этику. Ее ключевой методологической роль в политико-этических изысканиях немецких исследователей обусловлена рядом обстоятельств, связанных прежде всего с традициями немецкой философии, понимавшей себя как «философию ценностей» (Wertphilosophie). Однако на фоне общей для социальных наук и более широкого общественного дискурса проблемы размытости содержания понятия ценности (Г. Йоас) приобретает актуальность задача уточнения его генеалогического статуса в структуре политической этики.

Во-первых, в рамках немецкой политической этики понятие ценности применяется преимущественно интуитивным способом, без опоры на эксплицитные теоретико-методологические основания, что ведет к слабой разработанности концептуальных моделей данного феномена и ограничивает возможность дальнейшего теоретического и эмпирического изучения взаимосвязи ценностей и политической морали граждан. Данная проблема отчасти решается посредством встраивания разработок немецких философов XVIII – XX вв., в частности, Ф. Ницше (1844 – 1900) и Г. Лотца (1817 – 1881), в концептуальный аппарат современной политической этики.

Во-вторых, изучение профильной литературы позволяет сделать вывод, что немецкие исследователи политической этики опираются на универсальное для социальных наук понимание ценности как фундаментальных субъективно значимых оснований (целей, ориентиров) действий индивидов, социальных групп, организаций и общества в целом. Таким образом, ценности являются смысловым базисом социальных, в частности нравственных, норм.

Особое внимание исследователи уделяют проблеме взаимосвязи феноменов ценности и смысла (Sinn). В целом свойственный немецкой интеллектуальной, в т.ч. научной, традиции высокий статус понятия смысл в данном случае является основанием для одного из исследовательских направлений в рамках немецкой политической этики.

В-третьих, под влиянием представителей структурно-функционального подхода в социологии одним из основных предметов немецкой политической этики стали особенности ценностей в сравнении с другими регулятивными феноменами, такими как нормы, желания и др. В качестве ключевого различия указывается доминирующая этическая составляющая в структуре ценностей, ограниченно выраженная в нормах и желаниях. Данное направление исследований в некоторой степени компенсирует содержательную размытость понятия ценности и вместе с тем позволяет более четко определить его гносеологический статус в пространстве политической этики.

В-четвертых, понятие ценности в немецких социальных науках методологически связано с понятием «ценностное представление» (*Wertvorstellung*) и «ценностная ориентация» (*Wertorientierungen*). Таким образом, в немецкой политической этике акцентируется когнитивный, знаниевый аспект ценностей, которые, по мнению К. Дайхмана, являются в данном качестве своеобразными критериями проверки политических «регулятивных идей», иначе говоря, политико-моральных принципов.

Шалашова Мария Александровна

обучающаяся магистратуры

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

Этика соборности в эпоху постсекуляризма

Дискурс постсекуляризма как качественно нового типа современности был начат Юнгером Хабермасом в теории коммуникативного действия. Хабермас утверждает, что разрешение множества конфликтов (расовых, национальных, культурных и т.п.) возможно только в коммуникативном действии, становящемся основным инструментом саморегуляции сложноструктурированного и при этом изменчивого современного общества. С кризисом научного познания, вызванного утратой доверия к науке, страхом перед последствиями научных открытий современное общество все больше превращается из секулярного в постсекулярное. Религиозные группы остаются в социальной стратификации и занимают все более активную позицию. Религиозные общины влияют на политику, образование и повседневную жизнь людей наряду с секулярным большинством. Хабермас отмечал, что все чаще возникает диалог между секулярным большинством и религиозным меньшинством, где одни выступают в отвержении религии и уменьшении её воздействия на общество, а другие стараются приумножить воздействие религии.

Ситуация, когда нельзя четко разграничить секулярное и религиозное, разграничить сами конфессии в реальной богослужебной практике на первый план выходит этическая проблема. Считаем, что в ситуации что одновременно может оцениваться в терминологии «кризиса веры» и «религиозного ренессанса» необходимо обратиться к этическому потенциалу идеи соборности в том ее варианте, что был предложен русской религиозной философией. Этика соборности позволяет ослаблять и преодолевать негативизм, насилие. Понятие соборности используется в качестве обозначения духовного единства во всех аспектах религиозной жизни, существование общины в гармонии, любви и братстве. В постсекулярном обществе важно сохранять принципы соборности. Образы насилия, которые входят в нашу жизнь через литературу, кинематограф, искусство, музыку, отделяют нас от всеединства, заставляют думать над самостью. В эру новой этики, мы все более погружаемся в себя, общество атомизируется. Развитие медитативных практик, погружение в собственное «я», все это отделяет человека от соборности. Насилие – это та современная проблема, что неразрывно связана с культурой человека. Современное общество – это общество насилия. Насилие – это обширный феномен, распространившийся на все социальные и прочие связи. Чаще всего, общество прибегает к использованию скрытого насилия, когда акт насилия распространяется на систему и социальное устройство. Эта практика позволяет воспринимать насилие как норму, не обращая на него внимание. Убийства, конфликты на расовой и национальной почве воспринимаются как часть жизни и не вызывает бурного отклика. Всеединство, напротив, помогает ощутить человеку себя частью общины. Соборность способствует объединению людей в единое целое, помогает почувствовать полноту бытия в самом себе и обрести благо.

«ЦЕННОСТНЫЕ ПРАКТИКИ И ДИСКУРСЫ В ПРАВЕ»

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность:
междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

материалы круглого стола

Акимова Наталья Александровна
к. филос. н., доцент

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И.Разумовского
Противоречия кодификации профессиональной морали в медицине

Основной целью доклада является исследование процесса институционализации профессиональной морали в медицине на современном этапе с точки зрения противоречий, возникающих между теорией и практикой.

Этические требования общества, отражающие ожидания по отношению к отдельным профессионалам, сформировались еще в Древнем мире и символизировали собой значение и престиж представителей конкретных специальностей. В медицинской сфере длительная история становления профессионального сознания актуализирует вопрос о кодификации профессиональной морали. Исторические факторы этической регламентации в медицине были обусловлены как социальной необходимостью (требованием более высокого по сравнению с другими сферами уровня этической компетентности), так и онтологической сущностью самого человека (соотношением телесного и духовного, биологического и социального).

Поскольку непосредственное принятие решений в медицине связано с человеческой жизнью и здоровьем, то возникает требование «...постоянного и частого появления этических вопросов в исследовательской литературе помогающей профессии» [1].

Среди современных факторов и противоречий, связанных с этической регламентацией профессиональной этики в медицине, можно отметить следующие.

1. Дефицит экспертных этических оценок различных кейсов и соответственно – литературы по этическим аспектам профессии.

В исследовательской традиции в России основная масса публикаций в этой области посвящена теоретическим размышлениям о должных принципах и приведении их в соответствие с мировыми стандартами этики. Однако, можно отметить практическое отсутствие рефлексии по вопросам взаимосвязи теоретических положений кодексов и случаев из практики.

2. Отсутствие должного институционального механизма регуляции и защиты всех участников от некорректных действий (сформированного механизма норм и санкций). Как правило, функционирование профессиональных сообществ, в ведении которых находится процесс создания и распространения этических кодексов, связано с другими аспектами профессиональной деятельности.

3. Функционирование профессиональных сообществ как основных административных центров исполнения профессионального этического кодекса.

4. Этическое образование. Можно отметить наличие определенных пробелов в знаниях по поводу этики будущих профессиональных медиков.

5. Наличие выраженных разногласий между правом и моралью, что позволяет говорить о конфликтах и трудностях в принятии коллегияльных решений по вопросам этики, рекомендуемых этическими кодексами. По мнению В.С. Нерсесянца, «морализация закона столь же ошибочна и вредна, как и узаконение (огосударствление) морали» [2].

6. Отсутствие необходимых ресурсов для выполнения этического кодекса. Основные факторы, указывающие на отсутствие ресурсов – повышенная нагрузка, большой объем документооборота, ненормированный (или плотный) график работы.

7. Положения медицинских кодексов не регламентируют порядок принятия решений в том или ином конкретном случае.

8. Содержательная объективность моральных положений кодексов. Вероятность возникновения противоречий между объективным и субъективным в моральном сознании медика.

Таким образом, наличие длительной истории формирования этических норм в медицине служит важнейшим условием нового этапа их кодификации, направленного на институционализацию существующих моральных отношений и принципов. Противоречия, возникающие между этической теорией, формально представленной в кодексах, и практикой ее реализации в медицинской профессии, являются существенными барьерами развития механизмов решения этических дилемм. При разработке механизмов актуализации положений кодексов следует учитывать специфику национальной культуры, менталитета, сложившихся исторически особенностей личного взаимодействия на разных уровнях отношений в медицинской практике.

Литература:

1. Curran T., Hill A.P. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016 // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145 (4). P. 410–429. DOI:10.1037/bul0000138.

2. Нерсесянц В. С. *Философия права: учебник для вузов*. М.: Норма, 2020. 848 с.

Антонов Михаил Валерьевич
к.ю.н., профессор

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

Право и ценности: методы исследования их соотношения

Соотношение права и ценностей нередко либо принимается как самоочевидная данность (в юснатурализме и иных методологических установках), либо столь же однозначно принимается (как в первом позитивизме). Сам по себе ответ на подобные вопросы представляет собой оценочное суждение, отрицающее или утверждающее зависимость права от ценностей. Центральной для философии права является взаимосвязь в аспекте нормативности, в котором выясняется источник обвязывающей силы права. Именно к нему нередко сводятся споры. Но есть множество других аспектов, применительно к которым можно обсуждать рассматриваемое соотношение. В некоторых из них (например, выбор законодателя в пользу того или иного варианта регулирования, либо мотивы правомерного поведения субъектов права) взаимосвязь очевидна, в других (например, административные или иные решения по однотипным делам, вроде штрафов или взыскания налогов) такую связь углядеть проблематично. В докладе предлагаются пути рефлексии над вариантами соотношения и методами исследования.

Артамонов Денис Сергеевич
к.и.н., доцент

Тихонова Софья Владимировна
к.филос.н., профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского

Историческая правда как правовая ценность

Поправки в Конституцию 2020 г. актуализировали в общественном сознании концепт «историческая правда» и ввели его в правовое поле Российской Федерации. Сама необходимость внесения данной поправки была обусловлена развернувшимися мемориальными войнами, где главным оружием в борьбе за историческую память стала

фальсификация истории. Возникновение войн памяти происходит в результате реализации исторической политики, инструментом которой является нормативно-правовое регулирование, направленное на предотвращение угроз информационной безопасности. Государственно-правовая превенция заключается в разработке ряда нормативно-правовых документов, ключевой задачей которых является воспитание патриотично настроенной молодежи на основе памяти о значимых событиях истории, повлиявших на формирование российской гражданской идентичности.

Легальное закрепление понятия «историческая правда» вызвало критику со стороны не только профессиональных историков, общественных деятелей, но и некоторых юристов. Возражения сводились к принципиальной неопределимости значения слова правда, то же ли это самое, что и истина, и возможна ли она в историческом познании как таковая. Однако, одно из значений правды в русском языке — справедливость, поэтому раскрытие в конституции понятия историческая правда избыточно, так как связывается исключительно с представлением о справедливости, под которой понимается почтение к памяти защитников Отечества и запрещение умаления значения подвига народа при его защите.

Другим возражением, на котором особенно настаивали юристы, было утверждение, что история, ее отдельные этапы и исторические факты не нуждаются в правовой защите, а право, хотя и зависит от истории, не нуждается в юридическом закреплении истории или отдельных ее стадий и результатов. В то же время, практика проведения международных трибуналов вроде Нюрнбергского процесса или судов над бывшими диктаторами Латиноамериканских стран показывает, что общество вполне себе нуждается в них в качестве актов восстановления исторической справедливости, кроме того, они становятся важнейшими инструментами формирования исторической памяти. Реальные же последствия вмешательства правосудия в процессы конструирования представлений о прошлом всегда амбивалентны и непредсказуемы для определения исторической справедливости. Например, после того как Нюрнбергский процесс осудил военных преступников, в Германии немцы стали чувствовать себя жертвами нацизма, отринув свою вину, что не справедливо с точки зрения действительных жертв германской агрессии.

Появление концепта «историческая правда» можно рассматривать как своеобразный маркер медиального поворота в праве, который развивается в рамках коммуникативной правовой теории. Медиальный поворот стал вызовом развитию коммуникативной теории права, но в то же время, он показал ее эффективность в качестве концепции, позволяющей непротиворечиво объяснять «что такое право?» в изменяющемся цифровом мире. Эпоха цифровизации не только наглядно показала всеобъемлемость медиа как посредника и условия коммуникации, но и привела к появлению цифровых субъектов и объектов, правовой статус которых нуждается в определении в силу очевидности их большой роли в социальной жизни общества и человека. Коммуникативная теория права способна учитывать участие цифровых технологий в правогенезе, что делает возможным говорить о цифровой правовой теории.

Коммуникативная теория права в контексте мемориального поворота вынуждена обращаться к категории коллективной памяти для определения сущности правогенеза, развивающегося в процессе непрерывной коммуникации. Цифровая коммуникативная теория права необходимым образом будет включать в себя память наряду с триадой осознание-признание-взаимодействие, которые лежат в основе правовой коммуникации и правового признания. Это позволит говорить не только о неизбежности естественно-правовых оснований правовой коммуникации, но и поставить вопрос о разработке философско-правовых интерпретаций исторической правды как правовой ценности.

РНФ №22-2011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Архипов Владислав Владимирович

д.ю.н., профессор, зав.каф. теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский государственный университет

**Предмет правоотношений как внешний референт
ценности обобщенных символических посредников:**

социальный капитал, социальная валюта и ценности в праве

В условиях медиального поворота актуализируется вопрос о соотношении «виртуального» и «реального» для целей правотворчества и правоприменения, причем анализ этой частной проблемы позволяет прийти к выводам, имеющим общетеоретическое значение. Так, для разрешения исходной задачи в качестве альтернативы историческим концепциям «магического круга» предлагается концепция, основанная на интерпретации предмета общественных отношений как «реального» только в том случае, если он выступает в качестве внешнего референта ценности какого-либо обобщенного символического посредника, ранее раскрытая в отдельных публикациях автора – текст настоящих тезисов основан на ключевой статье по теме, опубликованной в журнале «Правоведение» [1].

Концепция обобщенных символических посредников (англ. *generalized symbolic media*) (далее – «ОСП») исторически соотносится с именем Т. Парсонса, его предшественников, а также авторов, развивавших и интерпретировавших его идеи. Данная концепция может быть сопоставлена с представлениями П. Бурдьё о символической экономике, однако концепция ОСП в большей степени сосредоточена на природе «социальной валюты» и механизмах ее конвертации. У каждой из социальных подсистем есть свой «символический посредник» (англ. *medium*), который может рассматриваться как некая конвертируемая «социальная валюта». Так, например, власть, понимаемая как право (и в дальнейшем — монополия) на принуждение, — это «символический посредник» для политической системы. Власть, прямо или косвенно, легитимно или нет, может приобретаться посредством денег, а деньги — «символический посредник» экономической системы. Это пример конвертации «социальной валюты». Для поставленной проблемы при этом важно следующее: в обществе ценно то, что имеет такую «меновую стоимость», а не просто некую ценностную значимость в рамках социальной системы.

С. Абрутин подчеркивает, что обмен, опосредуемый ОСП, осуществляется между людьми и группами, он важен для макроуровня [2]. Им обосновывается представление о «внешнем референте ценности» — конкретном объекте, который сообщает ценность обобщенного символического посредника (например, определенная денежная купюра, атрибут власти, религиозная принадлежность и т. п.). Он выделяет десять институциональных областей; каждой из них соответствуют ОСП и внешние референты ценностей, между которыми возможен обмен на институциональном и индивидуальном уровнях. Помимо экономики и политики, С. Абрутин выделяет, например, институциональную область родства (англ. *kinship*), ей соответствуют посредник «верность» (англ. *loyalty*), который может выражаться в различных внешних референтах ценности. В контексте цифровой экономики отметим, что популярное ныне слово «токен» (англ. *token*), обозначающее в том числе единицу экономической ценности в криптовалютах, представляет собой очевидный пример внешнего референта ценности.

Следовательно, если предмет общественных отношений, интерпретируемый как внешний референт ценности, обладает конвертируемой «социально-валютной ценностью» (а речь идет о таких ОСП, как деньги, политическая власть, влияние и прочие конституирующие социальную реальность ценности), то применение права к отношениям с таким предметом находится в рамках здравого смысла. Если нет, то применение права к таким отношениям будет абсурдным, а значит, недопустимым. Разграничение «виртуального» и «реального» выстраивается по критерию наличия у предмета общественных отношений конвертируемой социально-валютной ценности, определяющей саму возможность толкования и применения права в данном случае. Сооб-

ценная ценность ОСП определяет юридическую значимость и может определять одну из методологических стратегий интерпретации проблематики соотношения права и ценностей.

Литература:

1. Архипов В.В. Действие правовых норм в цифровом медиапространстве и семантические пределы права // Правоведение. 2019. Т. 63. №1. С. 8–27.

2. Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51, no. 3. P. 445–471.

РНФ №22-28-00433 «Индустрия компьютерных игр: в поисках правовой модели»

Батурина Ирина Валерьевна

к.и.н., старший преподаватель

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)

Концепт правосубъектности искусственного интеллекта в философии права

Развитие современных технологических систем актуализирует все сферы общественных отношений, изменяя привычные элементы взаимосвязей. Этот процесс масштабируется и требует особого внимания законодателя. По словам Р. Купера, информационные технологии настолько плотно вошли в нашу жизнь, что политика, образование и правовая система значительно трансформировались под воздействием сетевой эпохи.

Среди обширного спектра юридических задач, связанных с правом и роботами, требуют решения такие вопросы, как природа искусственного интеллекта, наличие правосубъектности, проблема ответственности за вред, причиненный автоматическими системами, влияние на юриспруденцию в целом.

Какими правами и обязанностями должен быть наделен искусственный интеллект? Где проходят границы ответственности, если ущерб нанесен роботом? Все эти вопросы являются этическими составляющими данной проблемы, которые с течением времени и интенсификацией цифровизации все больше актуализируются.

Условно можно выделить несколько направлений-инициатив обоснования концепта правосубъектности искусственного интеллекта. Ряд ученых высказываются об аналогии правового статуса робота с животным, аналогии юридического положения физического лица в усеченном виде, концепт «фикции юридического лица», а также положение о том, что искусственный интеллект – это особый вид имущества. Важно отметить, согласно российским нормативно-правовым актам, электронные лица не обладают правоспособностью. В соответствии с гражданским законодательством, владельцы, операторы и производители несут ответственность за деятельность систем искусственного интеллекта.

Новые общественные отношения обладают рядом свойств: информационная правоспособность наделяет их особым субъектным составом и качественным содержанием. Согласно теории, Г. Кельзена обладание правосубъектностью связано с наделением участника правоотношений субъективными правами и юридическими обязанностями. Субъект права по Г. Кельзену – это не природная реальность, а персонифицированный комплекс юридических норм, правовая конструкция. Таким образом, пишет О. А. Ястребов, электронное лицо – это конгломерат юридических прав и обязанностей, в основе которых лежат действия искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта – это, в свою очередь, комплекс сложных технологических и диалоговых взаимосвязей и взаимозависимостей. Программы способны «разумно» мыслить, логически сопоставлять и анализировать информацию, контролировать свои итерации и изменять решения в случае возникновения внешних воздействий.

М. Д. Шапсугова в обосновании правового статуса электронного лица обращается к феноменологии. Вследствие того, что искусственный интеллект – это новый, специфический феномен в юридическом доктринальном знании, определять его правосубъ-

ектность из ранее установленных правовых категорий нецелесообразно. Поэтому электронное лицо – квазисубъект права, с отдельными составными элементами правосубъектности. Его правоспособность зависит от автономности технологии.

В рассматриваемом контексте заслуживающей внимания представляется точка зрения П. М. Морхат, согласно которой, электронное лицо, подобно юридическому лицу выступает, как некая юридическая фикция, то есть информационная проекция. Данный формализованный правовой образ создает в правовом цифровом поле специфическую правосубъектность юнита, обособленную от антропоморфного субстрата. В связи с этим у юнита возникает разветвленная система правоотношений в виртуальном пространстве. В частности, правосубъектность юнита соотносимая с правосубъектностью физического лица; юнита – коллективного (юридического) лица, а также концепт агентских правоотношений в цифре.

Таким образом, в настоящее время в правовой доктрине искусственный интеллект нельзя рассматривать в полной мере, ни как объект, ни как субъект права. Иным словами, робота уже нельзя считать классическим объектом правового регулирования, но еще нельзя рассматривать как полноценный субъект права. Следует констатировать, что в настоящее время модель правового регулирования искусственного интеллекта в философско-правовом осмыслении остается востребованной и нуждается в выработке релевантных предложений со стороны ученых и практикующих юристов.

Ветютнев Юрий Юрьевич
к.ю.н., доцент

Волгоградский государственный университет

Можно ли редуцировать правовые ценности к обмену?

Сам ценностный статус различных вещей и явлений проистекает из практик торгового обмена, т.е. экономической деятельности людей.

Базовой ценностью, соответствующей этому виду деятельности, является эквивалентность, т.е. симметрия обмениваемых товаров в том или ином отношении; в сфере права формой выражения этого критерия является такая ценность, как справедливость.

Однако ценность как свойство, позволяющее совершать обмен, – прежде всего продукт абстрактного мышления.

Следовательно, той сферой деятельности, которая порождает этот аспект ценности, должен являться интеллектуальный труд, более или менее отрешенный от материальных потребностей и могущий себе позволить отвлечься от их вещественного субстрата, чтобы заниматься выявлением общих идей.

Идеологический момент ценности уже не улавливается в рамках простой экономической активности, а становится возможным лишь в результате философской рефлексии.

Таким образом, ценность как свойство порождается в рамках теоретических и философских исследований, которые также представляют собой самостоятельный вид деятельности.

Ценность как интенция (ценностная ориентация) формируется в процессе социализации человека, когда авторитет «значимого Другого» создает нормативные образцы поведения и обусловленные ими оценки, которые постепенно, соединяясь с рефлексией, могут откладываться в виде ценностных установок.

Процесс передачи социального опыта, рассматриваемый в деятельностном качестве, представлен прежде всего разнообразными формами воспитательных и, шире, педагогических практик.

Ценность как речевая конструкция рождается в ходе такой деятельности, как публичная риторика (красноречие).

Монологические и диалогические риторические формы позволяют переработать социальные ожидания и устремления в относительно устойчивые концептуальные схемы. Произнести ценность – значит произвести ценность.

Эффект узнавания ценностей достигается только в коммуникативном процессе через интенсивную вербальную активность.

В качестве базовой ценности для риторической практики выступает общение.

Эту идею в различных вариациях можно обнаружить в концепциях А.В. Полякова и И.Л. Честнова.

Однако такое разделение символического труда порождает риск распада ценностей – точнее, того, что ни одна ценность так и не соберется в единое целое. Ведь для этого требуется слаженность всех четырех видов деятельности, каждая из которых поддерживает свой сегмент ценностного гештальта.

Вместе с тем в современном мире, в условиях нарастающей специализации, все они осуществляются не только разными категориями субъектов, но и в разных социальных пространствах.

Отсутствие или слабость любого из четырех компонентов существенно подтачивает значимость любой правовой ценности.

Кризис меновых (экономических) практик ведет к тому, что ценность может утрачивать свой материальный субстрат и обращаться в голую абстракцию.

Дефицит рефлексии (интеллектуального начала) делает ценности неопределенными и лишает их ориентирующего эффекта.

Нехватка установок (педагогической составляющей) означает, что ценности будут лишь внешне номинироваться, но не станут реальной движущей силой поведения.

Наконец, упадок речевых описаний (риторики) препятствует тому, чтобы ценности получали общее признание и становились ферментом социального взаимодействия.

Дыдров Артур Александрович

д. филос. н., профессор

Южно-Уральский государственный университет

Варламова Александра Сергеевна

обучающаяся бакалавриата, Челябинский государственный университет

Искусственный интеллект: юридические тренды в зарубежной науке

Развитие информационных технологий и систем искусственного интеллекта, интегрируемых в границы НБИК-конвергенции и технокластер «Индустрии 4.0», катализирует спектр социальных, личностных и смысловых метаморфоз. В частности, обостряется проблема законодательного регулирования ИИ, юридической дескрипции отношений нового типа, организации разбирательств, вызванных новыми прецедентами, что чревато грядущими новациями в правовом поле. Юридические концептуальные новации, разумеется, имеют накопительный эффект и могут вызревать в науке на протяжении нескольких лет, однако сегодня, в эпоху интенсивной эксплуатации нейросетевых технологий, на обстоятельное и вдумчивое формирование дискурсивных новшеств остается все меньше времени.

В рамках исследования научных дискурсов об искусственном интеллекте мы проводили контент-анализ научной базы данных Scopus (до закрытия доступа для российских ученых). Объектом аналитики были статьи десятилетнего периода (2010-2020 гг.), а предметом – выявление ключевых научных трендов social science (в РИНЦ принята маркировка «общественные науки в целом»). В числе трендов значительный удельный вес имеют юридические, так как в них концентрируются представления о возможных способах и средствах социальной и государственной регуляции отношений с участием т. н. «интеллектуальных систем».

В западных общественных науках рассматривается применение ИИ для получения преимуществ при предоставлении государственных услуг, конвергенция блокчейна и ИИ в сети IoT для устойчивого развития умного города. Значительный вес имеют вопросы применения ИИ в государственном управлении для прогнозирования транспортных зон повышенной криминогенности в городской среде. Исследования в области государственного управления зафиксировали смещение центра дискреционных полномочий от бюрократов уличного уровня к «бюрократиям системного уровня» в

результате новых информационно-коммуникационных технологий, которые автоматизируют бюрократические процессы и, таким образом, формируют доступ к ресурсам и решениям вокруг них. Западных ученых беспокоит вопрос, переживет ли демократия «наступление» больших данных и значительную автономию ИИ? Не вполне определенно ученые судят о том, что ИИ может уменьшить или увеличить дефицит информации как у граждан, так и у лиц, принимающих решения, на входном, общем и выходном уровнях политической системы.

Значительное число публикаций посвящено вопросам о том, как системы ИИ изменяют юридическую практику, в частности, связывая вычислительные модели юридических рассуждений непосредственно с юридическим текстом, создавая аргументы за и против конкретных пропозиций, прогнозируя результаты и объяснения этих прогнозов причинами, которые юристы смогут самостоятельно оценить. От новых юридических приложений ожидают концептуального поиска юридической информации и обеспечения сложных когнитивных вычислений.

В перечне острых юридических тем нашлось место и теме правонарушений. В частности, предполагают, что технологии ИИ реально и потенциально возможно переориентировать для облегчения преступных действий. Гипотетическая правовая область уже получила наименование – AI-Crime (AIC). AIC теоретически осуществим благодаря опубликованным экспериментам по автоматизации мошенничества, нацеленным на пользователей социальных сетей, а также демонстрациям манипулирования искусственным интеллектом на смоделированных рынках.

Активно обсуждается учеными и рост числа систем ИИ, выражающих и / или усугубляющих социальные предубеждения, от «расистского» распознавания лиц до сексистской обработки естественного языка. Эти предубеждения, по мнению демократически ориентированных исследователей, угрожают затмить технологические достижения и потенциальные выгоды от ИИ. Западные ученые-правоведы и информатики проанализировали множество источников предвзятости, в том числе непроверенные предположения его создателей, ошибочные алгоритмы и неполные наборы данных. Многие аналитики пришли к выводу, что роль закона во время создания, тестирования и выпуска ИИ в значительной степени игнорировалась.

Разумеется, обозначенные вопросы и проблемы интегрированы в общую концептуальную рамку западной науки. Их абстрактный характер катализирует значимость прикладных исследований, ориентированных на решение конкретных прецедентов и юридических задач.

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Зайцева Екатерина Сергеевна

к.и.н, доцент, докторант научно-исследовательского отдела

Санкт-Петербургский университет

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Ценности как фактор установления пределов правового регулирования

Познание сферы правового регулирования и ее пределов невозможно без анализа факторов под воздействием которых она формируется. Среди многообразия факторов особое место занимает аксиологический фактор, предполагающий, что сфера правового регулирования ограничена ценностями, исходящими из правовых традиций общества и государства и определяющими векторы и стратегии правового развития, для поддержания которых они получают формальное закрепление. Влияние ценностей на пределы сферы и предмета правового регулирования отличается. Сфера правового регулирования формируется под воздействием социокультурных ценностей, происхождение которых объективно и коллективно. В свою очередь, социокультурные ценности определяют деятельность законодателя, закрепляющего свое видение сферы правового регулирования в качестве предмета правового регулирования, и придают им правовой характер. В то же время формальное закрепление ценностей – это ре-

зультат его концептуального мышления и воли. В силу многообразия ценностей как в рамках разных социокультурных типов порядка, так и внутри каждого из них возникает необходимость установления определенной иерархии и приоритетов, которые в конечном счете эту иерархию могут определять. И то и другое во многом зависит от субъективного восприятия и желаний законодателя, который, оценивая меняющуюся историческую ситуацию, закрепляет предмет правового регулирования, тем самым определяя его пределы. Формально закрепленные и фактически господствующие в общественном сознании ценности могут различаться, что обусловлено тем, что процессы формирования (в том числе и изменения ценностей) и закрепления не всегда полностью совпадают, как не совпадают сфера и предмет правового регулирования и их пределы.

Копанева Валерия Андреевна
преподаватель

Волгоградский государственный медицинский университет

Нормативно-ценностный круг в процессе правового признания

Ценности играют роль оснований в механизме правового признания, который состоит из пяти этапов (внимание, понимание, принятие (одобрение), запоминание и действие). На третьем этапе признания происходит оценка субъекта или предмета – помещение его в ценностную систему координат.

Условием оценки является готовность к волевому решению, поскольку признание, как правило, носит инструментальный характер и подчинено какой-либо практической деятельности. Таким образом, для того, чтобы произошла оценка, необходимо, чтобы уже изначально сложилась установка на совершение какого-либо действия. Следовательно, оценка всегда определяется той социальной практикой, в рамках которой она происходит.

Отсюда становится ясно, что имеет место своего рода цикличность, поскольку любая социальная практика, в том числе по выработке ценностей, является нормативно-обусловленной, а содержание норм ценностно нагружено. Норма – это образец, следовательно, когнитивный аспект основания признания, а ценность – это основание признания в аксиологическом аспекте.

Интерференция, т.е. взаимопроникновение норм и ценностей, может происходить в следующих формах:

1. Предмет признания совпадает с нормой. Например, в период пандемии существует норма: необходимо носить маску общественных местах; однако если не произошла интерференция – соотнесение масочного режима с ценностью здоровья, – то норма, требующая ношения маски, не будет признана (легитимирована);

2. Предметом признания является субъект/ объект. В этом случае норма демонстрирует, с чем / с кем его можно сравнить, а ценность показывает, как к нему следует относиться.

Например, в ситуации президентских выборов нормы ориентируют признание по следующим параметрам: кто может выдвинуть свою кандидатуру на пост президента; по каким признакам кандидат может быть не допущен к выборам; как происходит голосование на выборах и т.п. Однако никакая норма не позволяет ответить на вопрос: кто из всех кандидатов лучше подходит для управления государством? Поэтому необходим аксиологический режим, ведь ценность восполняет то, что не дает сделать норма. В каждой норме имеется смысловая лакуна, то, чего невозможно до конца предусмотреть, и в таком случае остается место для субъективного решения, которое опирается на ценности.

Таким образом, можем рассмотреть интерференцию норм и ценностей как своего рода герменевтический круг:

- норма формирует ценность: будучи образцом, идеалом должного, который неизбежно расходится с сущим, норма создает фрустрацию и тем самым порождает ценностное сознание;

● ценность формирует норму: стремление к благому, к тому, что ведет к порядку и целостности, побуждает создавать и соблюдать нормы.

Таким образом, интерференция норм и ценностей в механизме правового признания происходит в момент неопределенности: когда норма не дает точных объективных критериев, субъект обращается к социальному опыту и опирается на ценности, которые способны компенсировать образовавшийся дефицит признания.

Миляева Екатерина Галимулловна

старший преподаватель, Челябинский государственный университет;
старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр практической и прикладной философии, Институт медиа и социально-гуманитарных наук,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Этические проблемы цифрового мира в философской оптике

Цифровой мир стал интегральной частью современной жизни, преобразуя наши обыденные практики и общественные отношения. Однако вместе с безграничными возможностями цифровых технологий появились и этические проблемы, которые требуют внимания философов. В сообщении представлены основные этические проблемы в цифровом мире, которые требуют рассмотрения с позиции философии.

Одним из наиболее актуальных этических вызовов цифрового мира является вопрос о приватности и собственности данных. Сбор, хранение и использование персональной информации без согласия субъекта могут нарушать права человека на конфиденциальность. Этот вызов ставит под угрозу основные принципы российской демократии и индивидуальной свободы. Сегодня с позиции философии необходимо задать новое осмысление приватности, определить основания для цифровой собственности, понять, кто контролирует доступ к ним. Развитие искусственного интеллекта актуализирует важные философские вопросы о моральных нормах, применяемых к автономным системам и решениям, принимаемым машинами. Какие стандарты морали должны применяться к решениям искусственного интеллекта, и как обеспечить их согласованность с человеческими ценностями – это актуальный предмет философского анализа. Философский аспект цифровой этики включает в себя вопросы о нравственном поведении в онлайн-среде. Какие нравственные стандарты должны соблюдаться при общении в социальных сетях, ведении онлайн-бизнеса и участии в цифровых сообществах? Философы рассматривают эти вопросы с точки зрения моральных теорий и нравственных ценностей. Цифровой мир может усилить социальные неравенства и диверсификацию общества. Философы могут предложить меры, которые могут быть приняты для обеспечения социальной справедливости и равного доступа к цифровым ресурсам. Это важный аспект этики в цифровом мире, который требует философского анализа и разработки нравственных принципов. Философский взгляд на этические проблемы цифрового мира позволяет нам лучше понять сложность вопросов, связанных с приватностью данных, искусственным интеллектом, нравственным поведением и социальной справедливостью в онлайн-среде. Философский анализ помогает разработать нравственные принципы, которые могут способствовать созданию более справедливого и этичного цифрового общества, где индивидуальные права и обязанности более точно определены и защищены. Эти вызовы требуют постоянного внимания и обсуждения, как со стороны философов, так и со стороны общества в целом. Философия сегодня должна играть ключевую роль в создании нравственного фундамента для развития и использования цифровых технологий в соответствии с общественными ценностями и интересами.

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Осветимская Ия Ильинична
к.ю.н., доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимобусловленность индивидуальных и коллективных ценностей с точки зрения парадигмы взаимного правового признания

Юрген Хабермас обнаруживает взаимобусловленность автономии отдельного индивида и принципа равного уважения к каждому в качестве основания как права, так и морали. «Современное учение о морали разума и праве разума основывается на базисном понятии автономии отдельного индивида и на принципе равного уважения к каждому» [Habermas, 2010]. Хабермас приходит к принципу взаимного правового признания, который признается им в качестве морального базиса права: «универсальное достоинство, которое причитается в равной мере всем лицам и коннотацией которого является самоуважение, покоится на социальном признании. Как достоинство этого рода, достоинство человека также требует поэтому укоренения в гражданском статусе, а это значит принадлежности к известной общности, организованной во времени и пространстве. Но только статус теперь должен быть для всех равным. Понятие человеческого достоинства переносит содержание морали равноуважительного отношения к каждому на статусный порядок государственного гражданства, и самоуважение каждого из граждан возникает из того, что он признается другими в качестве субъекта меж всеми согласованного права [Habermas, 2010].

Аксель Хоннет, ученик Хабермаса, развивает данные представления, показывая дополнительность и взаимобусловленность индивидуальной и коллективной автономии. Парадигма признания Хоннета показывает, как работает эгоистичное и альтруистичное начала в развитии личности и социальных отношений и институтов. Эгоистические интересы вовлеченных в борьбу индивидов, создающие общественные конфликты, у А. Хоннета выступают двигателем нравственного прогресса общества, в которых индивиды достигают нового понимания общего блага и его реализуют. Продуктивные общественные конфликты не просто меняют общество, а делают его лучше. Как свидетельствует Б. Ван ден Бринк, «борьба за признание — это не просто одна из многих форм борьбы в обществе, это двигатель исторических изменений, преобразований общественно-политических и нравственных взглядов во всем обществе» [Ван ден Бринк, 2014: 10].

Принцип взаимного правового признания позволяет человеку воспринимать себя в субъектном качестве, что означает осознавать себя способным принимать участие в общественной жизни и имеющим право голоса в том числе в процессе принятия законов для общества. Возникшие на данной почве конфликты относительно политических прав, прав участия в жизни общества привели человека к самоопределению себя в качестве гражданина. Игнорирование данного права объективирует человека, делая его «невидимым» для государства, разрушает его правосубъектность [Хоннет, 2009].

Согласно А.В. Полякову, «взаимность правового признания предполагает ценность каждой человеческой личности в качестве высшей правовой ценности именно потому, что само существование права невозможно без признания уникальной человеческой личности в качестве автономного правового центра, чья автономия поддерживается и определяется солидарной автономией всех других таких же личностей» [Поляков, 2021:87]. Из принципа взаимного правового признания выводятся и другие принципы права: правовая свобода (права человека) и формальное (правосубъектное) равенство, достоинство и разновидности правовой справедливости: ответственности (обязанности человека), солидарности и сама идея правопорядка [Поляков, 2021:87], что и определяет взаимобусловленность индивидуальных и коллективных правовых ценностей.

Литература:

1. Ван ден Бринк Б. (2014). Парадигма признания в социальной философии / Б. Ван ден Бринк // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. №2 (128). С. 5-15).
2. Поляков А.В. (2021). Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. Т. 16. №6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov.
3. Хоннет А. (2009). Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevidimost-o-moralnoy-epistemologii-priznaniya> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Habermas J. (2010). The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human rights, In *Metaphilosophy*, 41 (4), 464-480. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474 (дата обращения: 29.09.2023).

Пеннер Регина Владимировна

к.ф.н., доцент

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Правовая этика в дискурсе А.Хоннета

А. Хоннет обращается к праву как к своеобразному «антибиотику» в работе с т.н. ранами непризнания. В контексте права актуализируются, в том числе, частные вопросы. К примеру, J. Nedelsky разрабатывает вопрос об автономии, в том числе, как некоему желаемому горизонту [1]. J. Nedelsky рассматривает автономию как ключевое и одновременно абстрактное (неясное) понятие правовой мысли. Как и А. Хоннет, она критически осмысляет либералистскую трактовку свободы и автономии субъекта в контексте социальных реалий [2]. Она также видит субъекта в его фундаментальной связке с Другим. Отсюда автономия как будто меняет свой функциональный вектор: от инструмента по присвоению субъектом неотъемлемых для него прав до способности по установлению, поддержанию или разрушению социальных связей с Другим. Закон в заданном контексте облекает дискуссии об автономии субъекта в конкретные правовые процедуры, которые призваны защитить, прежде всего, субъектов из так называемых «групп риска». По J. Nedelsky, изменится само концептуальное прочтение автономии; из него уходит компонента независимости, некогда бывшая смысловым ядром автономии. Это, в свою очередь, трансформирует специфику социальной жизни, например, женщин и само понимание гендера в теории права [3].

А. Хоннет раскрывает «антибиотический» потенциал права в логике признания. Следуя подходу, предложенному в начале XX в. Г.Еллинеком, он различает три направления в действовании права. Первое указывает на своеобразные границы, то, что И. Берлин именoval «свободой от» [4]; эти границы «защищают жизнь, свободу и имущество гражданина от несанкционированного вмешательства государства» [5, с.115]. Второе и третье, позитивные направления, в свою очередь, указывают на возможность выхода субъекта из заданных границ, в том числе, по направлению общественного волеизъявления или участия в распределении основных общественных благ. В избранной А. Хоннетом концептуальной рамке наблюдается движение правовой нормы от (охрана субъекта от опасностей внешнего) в направлении этого внешнего, своеобразном трансцендировании субъекта, когда он в конкретном поступке уважает себя и других. Иллюстрацией тому могут служить отношения по типу солидарности, в которых субъект, уважая Другого, получает уважение от него в ответ. Солидарность с анонимным Другим автоматически устанавливается в условиях внешних социальных коллизий, например, войны, когда в коллективной общности укрепляются чувства симпатии к близкому Другому, что в контакте *hic et nunc* утрачивает анонимность, оборачивается другом [6].

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Литература:

1. Nedelsky J. (1989) *Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities*. Yale Journal of Law and Feminism. Vol. 1, №1, pp. 7-36.

2. Nedelsky, J. (2012). Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law. Law's relations: A relational theory of self, autonomy, and law (pp. 1-560) doi:10.1093/acprof:oso/9780195147964.001.0001.

3. Nedelsky, J. (2012). Relations of freedom and law's relations. Politics and Gender, 8(2), 231-238. doi:10.1017/S1743923X12000219.

4. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

5. Honneth, A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth. – NY.: Studies in contemporary German social thought, 1996. – ISBN 0-262-58147-7.

6. Anderson J., Honneth A. (2005) *Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice in Autonomy and the Challenges to Liberalism* / ed. by J. Christman, J. Anderson. Cambridge: Cambridge University Press. Iss. 1. P. 127-149.

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Поляков Андрей Васильевич
д.ю.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об обосновании универсальных ценностей в праве

1. Проблема обоснования существования универсальных ценностей в праве имеет давнюю историю, уходящую корнями в многовековое противостояние школы естественного права и юридического позитивизма. Его незавершенность во многом определяется и определяется как несовершенством предлагаемых рациональных аргументов в защиту того или иного подхода, так и определенного рода ценностной ангажированностью участников диалога, которая зачастую рефлексивно не отслеживается.

2. Попыткой выхода из данного, во многом тупикового противостояния, может быть как качественное улучшение предлагаемых аргументов, так и выявление имплицитных ценностных установок участников научной коммуникации для их рефлексивной корректировки.

3. Одной из возможностей на этом пути является использование данных эволюционной теории, эволюционной эпистемологии, теории геннокультурной коэволюции и нейронаук. Полученные в рамках этих исследований результаты свидетельствуют в пользу вывода о том, что основные ценности, встречающиеся во всех человеческих сообществах и находящие свое отражение в морали и праве, являются результатом случайного выбора или намеренных волевых актов, а необходимыми предпосылками существования любого социума. Отличие социумов друг от друга определяется не отсутствием каких-то ценностей, относимых к универсальным, а лишь их местом в ценностной иерархии, определяемым совокупностью факторов.

4. При этом можно выделить две основополагающие ценности, соотношение между которыми определяет все возможные основные комбинации мысли, правовой и моральной идеологии и направления правовой и моральной политики. Это ценность человеческой личности и ценность общественного целого. Формирование этих ценностей прошло длительный эволюционный путь развития, определяемый двумя необходимыми составляющими естественного отбора: отбора внутригруппового (формирующего представления о ценности человеческой личности) и отбора межгруппового (формирующего представления о ценности общественного целого).

5. В обобщенном виде эта проблематика определяется как история формирования представлений о ценности человеческого «Я» и формирования представлений о ценности обобщенного «Другого» (других людей вообще, Бога, племени, народа, нации, общества, государства, Отечества и т.д.).

6. Развитие представлений о ценности человеческой личности ведет к представлениям о ценности свободы человека, ценности познания окружающего мира, о существовании у каждого человека необходимых ему для выживания и развития естественных в этом ракурсе прав и свобод (дискурс либерализма). Развитие представление о ценности общества ведет к представлениям о ценности порядка и подчинения интересам целого, об опасности окружающего мира и необходимости защищаться от него, о ценности осознания своего долга перед обществом и священных обязанностей по служению интересам целого (дискурс консерватизма).

7. Современные науки доказывают наличие в любом человеке и в любом общества биполярной системы ценностей, заложенных в человеческое сознание (рационально осмысляемые) и подсознание (эмоционально переживаемые) – это ценности человеческой личности, человеческого «Я», «Эго» (и отражающего эти ценности эгоизма) и ценности общества, коллектива, этноса, нации, государства (и отражающего эти ценности альтруизма).

8. Оптимальным вариантом с точки зрения учета этого эволюционного факта при построении правовой политики или правовой теории будет является стремление не отрицать один из полюсов за счет другого, а их гармоничное сочетание, при котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (К. Маркс и Ф. Энгельс).

9. Такое развитие возможно только на основе права, поскольку только в праве соединяются человеческие права с человеческими же обязанностями перед другими. Право с этих позиций необходимо понимать как такое коммуникативное отношение между субъектами, которое на основе их взаимного признания, гарантирует взаимную равную свободу каждого через исполнение взаимных обязанностей.

10. Универсальная ценность взаимного правового признания позволяет говорить о праве в полноценном смысле слова и решать задачу наилучшей адаптации человеческого общества и каждого человека к окружающей среде, максимизируя при этом способность к выживанию и развитию.

Разуваев Николай Викторович
д.ю.н., заведующий кафедрой

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Пропозициональная и нормативная релевантность правовых ценностей

Правовые ценности, будучи нормирующими принципами организации картины правовой реальности, не только являются критериями оценки поведения участников правовой коммуникации, но и влияют на установление фреймовых параметров этой картины. Можно сравнить свободу, справедливость и иные базовые юридические ценности с такими категориями, как пространство, время, движение, энергия, силы и т.п., которые лежат в основе физической реальности, определяя основные направления ее научного познания. Как следствие, возникает непреодолимое искушение рассматривать правовые ценности как результат взаимодействия и противоборства различных социальных сил, познание объективной природы которых выступает необходимой предпосылкой конституирования правопорядка и регулирования поведения участников правовой коммуникации.

Вообще нельзя не заметить, что в «наивной» картине мира, присущей мышлению, не искушенному критической философской рефлексией, реальность объективна, поскольку она существует, независимо от гносеологического субъекта. Результатом познания объективной реальности становится система высказываний, адекватно соответствующих тому, что есть «на самом деле» и в силу этого являющихся истинными.

Истинность суждений о действительности не только обеспечивает познание последней, но и в какой-то мере выступает залогом ее существования. Представляется необходимым подчеркнуть деятельную природу правового и иных социальных порядков, которые, в плане своего генезиса (как в синхронии, так и в диахронии), представляют собой результаты творческой активности членов общества [2, с.59-60].

Нормативно опосредствуя экзистенциальную свободу индивидов, социальные и правовые порядки приобретают способность стимулировать эту творческую активность и, таким образом, саморепрезентироваться как в синхронии, так и в диахронной ретроспективе. Иными словами, любой социальный порядок можно определить как исторически обусловленный способ организации общественной практики, рассматриваемый в непосредственной привязке к конкретным условиям духовного и материального производства [4, р.1062]. Не случайно уже представители классического юриспруденциализма видели в социальных порядках, прежде всего в порядках правовых, нормативные образования, включающие в себя правила поведения в качестве необходимых предпосылок структурирования общественной реальности [3, с.27].

Тем не менее, невзирая на принципиальную возможность неверной интерпретации онтологического статуса социальных структур, влияющей на их легитимирующие свойства, классическое мышление исходило из аксиоматического характера нескольких основных постулатов. А именно социальная реальность представляет собой объективную данность, результаты познания которой формулируются в виде суждений (пропозиций), чья истинность не зависит от конкретных обстоятельств места и времени. Постклассическое мышление связывает легитимацию правовых и социальных порядков не столько с пропозициональной, сколько с нормативной их значимостью, перенося тем самым акцент из сферы познания в сферу коммуникации, направленной на достижение взаимного понимания и согласия в вопросах природы и смысла юридических феноменов [1, с.33].

Таким образом, правовые ценности как конститутивные принципы организации правового порядка не являются преднаходимой, она не выводится из познания объективных закономерностей социальной жизни, но создается в процессе непрерывных усилий субъектов знаковой коммуникации, направленных на поиск взаимопонимания и достижение обоюдного согласия. Важной предпосылкой коммуникативных взаимодействий такого рода выступает взаимное признание участниками коммуникации друг друга в качестве не просто объектов, данных нашему восприятию чисто внешним образом, но самоценных личностей, коммуникативные акты которых обладают внутренней значимостью и, – как следствие, – нормативной релевантностью, определяющей поведение индивидов.

Изучение эволюции коммуникативных взаимодействий, одновременно с биологическими предпосылками конструирования правового порядка, по всей видимости, открывают широкое поле междисциплинарных исследований, способных обеспечить появление новой теории справедливости, опирающейся на солидную философскую базу и общенаучный фундамент.

Литература:

1. Апель К.-О. Язык и истина в современной ситуации философии. Трансформация философии. М.: «Логос», 2001.
2. Поляков А.В. Правогенез // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Изд. «Весь мир», 2022. .
4. Kangrga M. Hegel – Marx: Neki osnovni problemi marksizma // Naše teme. 1962. №7/8.

Самохина Екатерина Геннадьевна

к.ю.н., доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Идея ценностей в «традиции» неориторики

Идея ценностей является одной из наиболее важных в концепции неориторики Хаима Перельмана. С точки зрения этой концепции, именно ценностные суждения лежат в основе познания и обоснования. Данный подход к познанию стал результатом многих исследований, долгих научных поисков, приведших к формированию неориторики – концепции, отражающей аргументативную сущность права. Идеи неориторики нашли свое отражение в трудах таких известных ученых, как Джулиус Стоун, Эдгар Боденгеймер, Отто Пферсман, Бенуа Фридман, Пьер Шлаг, Джон Валаури и др. Аргументативная сущность права обосновывается в таких направлениях правовой мысли, как нарративная юриспруденция, феминистская юриспруденция, критическая расовая теория. В рамках указанных концепций акцентируется внимание на активном и развивающемся бытии права, берущем эти качества из общества, в котором оно появляется.

Одной из наиболее ярких правовых концепций, основанных на идеях неориторики, является правовая теория Пьера Шлага. Критикуя воззрения представителей нормативистской правовой мысли, старающихся или полностью оградить правовую теорию от соприкосновения с ценностями, или связать ее с некоторыми абсолютными, универсальными ценностями, П. Шлаг предлагает взгляд на право как на сложный эстетический феномен. С позиции П. Шлага, право может связываться с определенными ценностями, однако профессор предостерегает от абсолютизации подобной связи, являющейся зависимой от конкретных социально-культурных, исторических и иных условий. Для более четкого акцентирования внимания на аргументативной сущности права П. Шлаг использует понятие «ценностного дискурса», являющегося своеобразным аналогом «ценностного суждения», используемого Х. Перельманом. Обоснование права и правовых явлений, с позиции П. Шлага, должно происходить в рамках ценностного дискурса, наиболее точно отражающего сущность данных феноменов, в отличие от «нормативной аргументации», которая сводит обоснование к выявлению соответствия права и правовых явлений нормам – отвлеченным регулирующим началам.

Однако и ценностное обоснование обладает рядом особенностей, о которых часто забывают представители современной теории аргументации. В своих работах П. Шлаг останавливается на актуальных проблемах ценностного дискурса, применяемого в современной теории аргументации.

Основными особенностями (проблемами) современного восприятия ценностей П. Шлаг называет следующие положения:

1. Антиисторизм. Он является составной частью той эстетической структуры, в пределах которой ценности появляются как ценности для нас. Через отдаление и отображение ценностей от оценочной деятельности и от факторов, влияющих на оценку, ценности становятся тем, чем они являются для нас.

2. Абстрактность и идеализация. Ценности являются такими началами до той степени, в которой они разделяются в пределах сообщества, и до той степени, в которой они устанавливаются раздельные в пределах сообщества понятия тождества и самоопределения, делающие возможными диалог и обсуждение. Абстракция позволяет членам сообщества объединять несущественные различия. Идеализированный характер ценностей служит аргументационным посредником установления хотя бы минимального согласия и минимального признания между членами сообщества.

3. Отвлеченность. Ценности являются отвлеченными от конкретных жизненных обстоятельств в той степени, в которой они позволяют рассуждать или давать оценку во множестве различных ситуаций и обстоятельств. Абстрактный характер ценностей устанавливает возможность отвлеченности, в то время как идеализированный харак-

тер ценностей оправдывает отвлечение от конкретных особенностей отдельных контекстов.

4. Регулирующий характер. Ценности являются регулирующими до той степени, до которой они контролируют или по крайней мере влияют на результаты. Как регулирующие основания, ценности служат для определения и ограничения возможных риторических ресурсов, которые могут быть использованы, и решений, которые могут быть достигнуты сообществом или его участниками.

Смирнова Марина Геннадьевна

д.ю.н., профессор

Российский Государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал

Культурная-ценностная обусловленность социальных притязаний и способы их выявления в праве

Социальные притязания — это требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, существующие в обществе, на которые правовая система должна реагировать признанием, ограничением, примирением и защитой.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Они, оказывая прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, через механизм правосознания учитываются в правотворчестве и применении права.

Накапливаемые в системе культуры ценности, знания, идеи, нормы постоянно отражаются в социальных притязаниях и реализуются в процессе их удовлетворения и отражения в законодательстве. Так, мы не сможем понять смысл социальных притязаний субъектов, если не знаем ценностно-смысловых, то есть культурных аспектов их требований.

В этой связи 09 ноября 2022 Указом Президента РФ №809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Этим нормативным правовым актом были удовлетворены многочисленные социальные притязания граждан, которые давно нуждались в законодательном закреплении.

В качестве критериев объективации социальных притязаний можно выделить общезначимость отношений, которые требуют правовой регламентации; соответствие требований притязателей ожиданиям населения, историческим традициям, политической обстановке, экономическому развитию и культурным ценностям.

Кроме того, закрепление в нормах права тех или иных социальных притязаний должно способствовать сохранению ценности формального равенства всех членов общества. Данный процесс сопряжен с регламентацией соответствующих льгот и преимуществ как мер исключительного характера.

К формам институционализации социальных притязаний в праве относятся: нормативный правовой акт, нормативный договор, правовые позиции Конституционного Суда РФ, противоположения судебной практики, индивидуальный договор, правовые акты муниципальных и иных негосударственных образований, правовой обычай и другие. Правовые позиции Конституционного Суда РФ выступают в качестве одной из форм институционализации социальных притязаний в праве. Нормативные начала решений Конституционного Суда обладают высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать посредством своих конституционно-интерпретационных характеристик высшие конституционные ценности на основе выявленного в решении суда баланса государственных (публичных) и частных интересов,

К новационным способам выявления социально-экономических притязаний относится оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов.

Правовая экспертиза выступает одним из эффективных способов выявления социальных притязаний. Кроме того, к ним можно отнести и правовой мониторинг, процедуру общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством

Интернета, оценку регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment – RIA), опросы общественного мнения и другое.

Тимошина Елена Владимировна

д.ю.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Прагматика аргументации в «Монархии» Данте (к истокам политико-правовой мысли Нового времени)

В «Монархии» Данте мы сталкиваемся с парадоксом: речь в ней идет о трех разных империях – исторической Римской империи, современной поэту Священной Римской империи и будущей – вселенской монархии. Данте использует политико-теологические аргументы для того, чтобы обосновать справедливость современного Христу порядка Римской империи и легитимировать право *populus Romanus* на империю, а также сакрализировать и тем самым легитимировать миссию Генриха VII в Италии. Однако будущая империя, хотя и представлялась Данте земным раем, проектируется поэтом как организованный правом, т.е. справедливым, политический порядок, изолированный не только от порядка церкви, но и от религии как таковой; цель этого порядка – общее благо, содержание которого никак не связано с трансцендентными целями человека. Указанный парадокс требует объяснения, включающего перспективу последствий смелого шага Данте по нейтрализации церкви и религии в право-порядке империи.

С помощью политико-теологических аргументов Данте трансформирует историческую реальность Римской империи в существующий вне времени метафизический порядок. Он уподобляет *populus Romanus* мистическому телу Церкви – римский народ, его правители, герои, поэты и ораторы, принадлежат не прошлому, но вневременной реальности империи. Главный теологический аргумент Данте – если Римская империя существовала не по праву, то Христос, родившись, совершил несправедливость – имеет прежде всего правовой смысл. Участие Христа в объявленной Цезарем «по всей земле» (Лк. 2:1) переписи населения символизирует признание Им полномочий Августа и действительности его повеления, а Его распятие – признание принадлежащего императору права универсальной юрисдикции. Крестная смерть Христа рассматривается Данте как справедливое наказание, поскольку применяется полномочным судьей. Современные ему события Данте также осмысливает политико-теологически: раздранный после распятия хитон Христа символизирует растерзанную империю, а вступление Генриха в пределы Италии уподобляется спасительной миссии Христа. Новеллой в размышлениях Данте является прагматика аргументации, в которой интерпретация евангельских событий подчинена вполне земной цели: главное событие христианской истории – боговоплощение – используется Данте для того, чтобы легитимировать не имеющее срока давности право *populus Romanus* на империю.

В рассуждениях Данте о будущей империи – вселенской монархии – фиксируется разрыв со средневековой традицией. Данте относит вопросы земного устройства человека к автономной политической материи. Он делит человека надвое – на тленного и нетленного и с помощью этого разделения человеческой природы обосновывает автономию политического порядка империи, в пределах которого достигаются цели тленного человека и который отделен от автономного церковного порядка, где достигаются цели человека нетленного. Земной рай, порядок империи, где император направляет род человеческий к земному счастью, человек должен обустроить самостоятельно, проявляя собственные – политические – добродетели; трансцендентное содействие резервируется Данте только для достижения блаженства вечной жизни. Империя как «правовое установление» имеет своей целью общее благо, поскольку «не может существовать право, не имеющее в виду общее благо» [Данте, 1968: 327, 354]. Такая десакрализация Данте политической материи и общего блага как цели политического порядка позволяет говорить об осуществленном им «прорыве к Новому времени» [Вебер, 1998: 392].

Литература:

1. Вебер А. Прощание с прежней историей // Вебер А. Избр.: Кризис европейской культуры. СПб.: Унив. кн., 1998. С. 375–538.
 2. Данте А. Малые произведения / изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968.
- РНФ №23-28-00973 «Догма публичного права в условиях постглобализации»

Тонков Евгений Никандрович
к.ю.н., доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Значение ценностного подхода в структуре деятельности интерпретатора

Право можно рассматривать как комплекс ценностей, реализованных акторами силы в законодательстве и правопорядке. Являясь конструктором индивидуальной нормативной системы, правоприменитель навязывает личные и корпоративные представления о правовых ценностях всем зависимым от его решений лицам. Интерпретатор выбирает модель толкования права, основываясь на своем ценностном выборе. Путем настройки методов идеологического воздействия и оценки доказательств он защищает имманентную систему ценностей, причем не только правовых, но и религиозных, семейных, эстетических, материальных и т. д.

В каждом правоприменителе сосуществуют несколько идентичностей, в том числе и по этой причине при принятии решения он может использовать разнообразные модели толкования права *ad hoc* – в зависимости от модуса поведения и поставленной цели.

Интерпретатор в каждом результате своей деятельности повторяет доминирующую иерархию ценностей. Акты толкования базируются на интуитивных выводах правоприменителя, под которые он подводит методологическую базу и фактологические обоснования. Каждый исследователь стремится распространить собственный набор ценностей на максимальное количество реципиентов. Ценностный подход занимает основное место в структуре деятельности интерпретатора.

Человек нередко превращается в «заложника» своей корпорации, которая с начала профессионального обучения господствует над ним, формируя интерпретационные подходы, вырабатывая рефлексии подчинения. Будущего интерпретатора планомерно приобщают к корпоративным ценностям, инсталлируют запрет на преобразование структуры и навыки смирения перед авторитетом старших.

Современная гуманитарная наука зависит от индивидуальных качеств субъекта познания и его места в социальных практиках и науках. Важным фактором в гуманитарных исследованиях XXI века становится возможность независимого творчества, поскольку на многих исследователей оказывает консервирующее влияние структуры, из которых они получают средства на продолжение жизненного цикла. Взаимозависимость между работодателем и интерпретатором усиливает сомнения в способности к объективному толкованию права.

Исследования правоприменительной деятельности требуют большего погружения в процесс принятия решений интерпретатором. Значительное количество правоприменительных актов обусловлены неюридическими контекстами, где личные и корпоративные интересы оказывают решающее влияние на формировании и воспроизводстве правовой реальности.

«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения
Российской империи XIX – нач. XX вв.»

материалы круглого стола

Брук Елизавета Григорьевна
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Религия, философия, этика в работе В. Кудрявцева «Введение в философию»

В XIX веке философия занимала прочное место в системе духовного образования Российской Империи. Согласно «Уставам православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденным 22 августа 1884 года» в семинарский курс обязательно входили «начальные основания и краткая история философии». Именно для такого курса было написано «Введение в философию» В. Кудрявцева (1889 г.).

В. Кудрявцев при написании текста преследует сразу несколько целей. Во-первых, он касается проблемы места и роли философии в системе наук. Опираясь на линию, идущую от Р. Декарта и заканчивающуюся И. Кантом, автор формулирует основные задачи философии (исследовать разум, как основание всякого познания, отобразить «реальную систему вселенной» в «системе нашего познания» и т.п.). Философия у В. Кудрявцева оказывается наукой о сущности, последнем основании и цели существующего. В связи с подобным раскрытием сущности философии В. Кудрявцев предлагает разделить философские дисциплины на три группы: основные или пропедевтические (логика, опытная психология, история философии), составные (этика, философия права, метафизика, эстетика), прикладные (философия истории, философия религии и др.). Введение в философию, по мнению автора, должно предшествовать изучению указанных дисциплин.

Во-вторых, В. Кудрявцев пытается показать значимость философии для богословия, поскольку учебник предназначался для семинаристов. В этом контексте в тексте появляется проблема соотношения философии, религии и этики. С точки зрения В. Кудрявцева, религия и философия служат дополнением друг другу и не могут быть взаимозаменяемы. Философия не может взять на себя функции религии, поскольку последняя, согласно авторской точке зрения, дает истины, определяющие нравственную жизнь человека. Каждый человек (а не только маленькая группа «посвященных») нуждается в такой истине. Кроме того, для поддержания нравственности, по В. Кудрявцеву, необходимы не «мертвые истины», а «живые убеждения», то есть, нужна, по преимуществу, религия, а не философия. Однако обратная замена философии религией, по мнению автора, также невозможна, поскольку человеку свойственно стремиться к рациональному осмыслению и объяснению «вопросов знания и жизни». То есть область «практической» этики находится в рамках религиозной сферы, а этика как теоретическая дисциплина относится к «составным» философским наукам. В. Кудрявцев замечает практическую пользу философии для богословия (что согласуется с представлениями о целевой аудитории этого текста): она способствует «разумению христианской истины» и является главным стержнем апологетики.

Таким образом, трактовка соотношения философии, религии и этики в учебнике В. Кудрявцева полностью согласуется с целями семинарского курса. Философия, по мнению автора, является рациональным инструментом, пропедевтической дисципли-

линой по отношению к богословию, несмотря на свой высокий статус «науки о сущности, последнем основании и цели существующего». Нравственность в ее практическом измерении полностью остается в религиозной сфере, в то время как теоретические вопросы лежат в области философских наук.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Овчинникова Елена Анатольевна
к.филол.н., доцент

Чумакова Татьяна Витаутасовна
д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Построение системы нравственного богословия в сочинениях М.А.Олесницкого

Интерес к изучению систем нравственного богословия связан не только с потребностью восстановить исторический ход развития этической рефлексии в русском обществе конца XIX века, но прежде всего продиктован необходимостью проанализировать моральные проблемы, представленные в этих курсах и содержание моральных понятий, формирующих категориальный язык нравственной науки. Моральные проблемы были в центре внимания русской общественной и философской мысли. По известному выражению историка русской философии Василия Зеньковского, русской мысли был присущ особый «панморализм», что отразилось и на богословской мысли этого периода.

Обращение к наследию известного богослова и преподавателя Киевской духовной академии Маркеллина Алексеича Олесницкого (1848-1905) не случайно, поскольку его перу принадлежат такие известные сочинения, как «История нравственности и нравственных учений» (Киев, 1882-1886), «Из системы христианского нравоучения» (1896), «Курс педагогики. Теория воспитания» (1885), «Курс педагогики. Теория обучения» (1887) и основное его сочинение «Нравственное богословие или христианское учение о нравственности» (выдержало несколько изданий, 3-е издание – 1901). М.А. Олесницкий преподавал на кафедре нравственного богословия и педагогики Киевской духовной академии, им были разработаны и читались курсы по нравственному богословию. Его работы не утратили своей актуальности и для современного богословско-го образования.

Несомненный интерес представляет сам курс Нравственного богословия в его тематическом структурировании и выделении основных проблем. Следует заметить, что общий курс нравственного богословия предваряет рассуждение об отличии нравственной философии и нравственного богословия, истории становления предметной области нравственного богословия и выделения его в отдельную дисциплину в духовно-академической традиции. Далее – исторический раздел. Следует обратить внимание на то, что отдельным изданием была опубликована «История нравственности и нравственных учений», в рамках данного исторического этапа развития этической мысли в России это было одно из немногих исторических сочинений.

Основная теоретическая часть курса нравственного богословия – результат построения собственной этической системы Олесницкого. Первая часть работы – «О нравственном законе Божиим» выстраивается в классической логике рассмотрения религиозной морали. Особого внимания, на наш взгляд, в контексте постановки теоретических этических проблем заслуживает раздел «Адиафоры; коллизия обязанностей», в котором рассматриваются нравственно нейтральные действия, коллизия обязанностей и казуистическое построение этических систем. Второй раздел «Христианин как член общества» посвящен рассмотрению нравственных проблем в обществе, семье и государстве. В разделе «Отношение к государству» автор рассматривает такие вопросы, как государство и нравственность, гражданская и политическая стороны государства, власть, законодательство, война.

В сочинениях М.А. Олесницкого мы можем увидеть подход с позиций нравственно-богословия к социально-нравственным проблемам общественной жизни и вопросам нравственно-политическим. В работах богослова поднимаются проблемы нравственной жизни общества в таких темах, как вопрос о путях формирования, воспитания добродетелей (эта тема продолжается в его педагогических сочинениях), о «нравственных коллизиях» обязанностей, о «семействе, общежительности, государстве и церкви», проблемы отношения морали и права, не утративших свое значение и актуально звучащих в современном прочтении как в теоретическом плане, так и практически – прикладном аспекте.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Павлова Елена Вячеславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровая трансформация религии: риски и конфликты

Цифровизация активно имплементируется в жизнедеятельность людей, проникая практически во все сферы, даже в столь сакральные как религия. Пандемия COVID-19 привела к тому, что процесс цифровизации религии стал гораздо более заметен, в том числе и для простых прихожан, наглядно продемонстрировав готовность церкви оказывать виртуальные услуги [1].

Одновременно с этим расширяется академическая дискуссия вокруг проникновения цифровых технологий в религию. В частности этот феномен подталкивает исследователей к картированию типологий религии в цифровой среде. Например, Л. Обадия выделяет 3 типа религий по степени связанности с интернетом: религии, представленные в Интернете, религии, существующие непосредственно в Интернете и религии, сутью которых является поклонение Интернету [2]. Данная типология учитывает как традиционные религии, так и практики схожие с религиозными. Мы рассмотрим влияние цифровизации на традиционные религии.

В этой части мы являемся свидетелями все более инновационных подходов. Примером такому является «годкастинг» или религиозные подкасты, не говоря уже о ставших нормой религиозных версиях популярных сайтов как GodTube. Популярным становятся онлайн-проповеди и продажа религиозных товаров и услуг в интернете, что побуждает рассмотрение этических аспектов использования технологий в различных областях. Данная тенденция позволяет отметить связь религии и глобального капитализма, проявляющейся в ее материальности и инструментализме.

Философ Е. Чеснова отмечает, что цифровизация религии приводит не только к адаптации к цифровым технологиями, но и появлению новых функций, институтов, ролей, практик, явлений, пересмотру компонентов религиозного комплекса [3]. Природа Интернета двойственна и сочетает в себе как отражение трансформаций, затрагивающих религии, так и технические, операционные аспекты таких трансформаций.

Среди верующих людей есть те, кто рад цифровизации религии (технофилы) и пользуются возможностями и те, кто отрицает проникновение интернета и цифровых технологий в сакральное (технофобы).

Таким образом, из-за проникновения цифровых технологий формируется конфликт, предметом которого становится степень допустимости проникновения цифровых технологий в религию.

Литература:

1. Bryson J.R., Andres L., Davies A. COVID-19, Virtual Church Services and a New Temporary Geography of Home. Tijdschr Econ Soc Geogr, 2020, Vol. 111(3) – pp. 360–372.
2. Obadia L. Moral and financial economics of ‘digital magic’: Explorations of an opening field. Social Compass, 2020, Vol. 67(4) – pp. 534–552.
3. Чеснова Е. Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: ИСЛАМ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №4 (2021). С.71.

РНФ №23-28-00220 «Трансформация морального сознания “цифрового общества”:
новые стратегии и риски»

Салахов Аркадий Борисович
лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

Яков Арсеньев как переводчик

нравственно-дидактических пособий (перв.пол. XIX в.)

Яков Арсеньевич Арсеньев (1768-1848) – «потомственный» священнослужитель, протоиерей кафедрального Успенского собора в Костроме в течении 44-х лет (с 1804 г.), видный церковный писатель и переводчик своего времени. Пользуясь расположением и полным доверием местных архипастырей, Я. А. Арсеньев занимал также различные должности по епархиальному управлению: так, например, в продолжение 36-ти лет состоял цензором проповедей всех костромских городских и многих уездных священников. Что, вероятно, в какой-то степени и определило круг его чтения и переводческую деятельность. Досуги свои Арсеньев посвящал составлению проповедей и переводу с латинского языка на русский нравственного богословия.

Так, одним из его переводов, который был одобрен Св. Синодом и напечатан, выступает сочинение «Богословия нравственная, или Христианские наставления, в которых ясно и твердо доказаны должности христианина, в общественном или гражданском, в домашнем или церковном состоянии находящегося» (переведено с латинского, М. 1804 г.). В этом масштабном труде, состоящем из трех полноценных частей, рассматриваются, фактически, все стороны бытия христианином. Можно даже утверждать, что этот перевод – пособие о том, как должно, по мнению автора, согласовывать христианство с повседневностью и вести праведную во всех смыслах жизнь.

Структура книги представляет из себя достаточно характерное для своего времени изложение материала в виде параграфов, которые, в свою очередь, включают пункты и подпункты. Автор скрупулезно дает определение всем понятиям, с которыми он работает, выстраивает классификации и, далее, путем логических размышлений, приходит к каким-то выводам.

Первая часть «Богословия нравственная...» содержит некие наиболее общие моменты, имеющие отношение к христианской вере. В частности, здесь речь идет о нравственности как таковой и о свободе воли. Сказано, что люди, совершая «свободные действия», только в том случае поступают хорошо и познают добро (а не зло), если делают это в согласии с естественным и нравственным законами. В свою очередь, нравственный закон изложен в Писании, а естественный содержится в природе (телеологический аспект). Главным мерилом, конечно же, выступает совесть. И тот, и другой закон должно сохранять.

К слову, как считает автор, – это главнейшая должность христианская. Должность, в смысле – «действие, к которому мы обязаны». И во второй, самой объемной части труда, раскрываются в полном объеме все должности христианские (по отношению к Богу, себе и ближнему), среди которых: почитание, молитва, страх божий и др. В принципе, писатель здесь не оригинален. Самой интересной деталью 2-й части «Богословия нравственная...», как кажется, является та, в которой писатель, с одной стороны, оправдывает рабство, утверждая, что оно Богом установлено и, с другой стороны, заявляет о необходимости наличия в государстве свободы совести, которая подрывает преследование только тех «ложных церквей», которые опасны для власти. Тут же можно заметить намеки на принцип «Чья власть – того и вера», судя по всему, поддерживаемый автором.

Ну и, наконец, в 3-й части перевода излагается концепция первородного греха и заявляется, что именно правильная вера позволяет людям совершать дела добрые, а не злые. Именно в последних параграфах отчетливо прослеживается влияние на автора, вероятно, одного из протестантских течений.

Таким образом, ошибочно было бы считать «Богословия нравственная...» революционным переводом начала XIX века. До 1850-х годов в Вифанской духовной семинарии было издано сразу несколько тематически схожих работ: «О вере и нравственности христианина» (Санкт-Петербург, 1826 г.), «Врачевство духовное» (М. 1845 г.) и другие. Я. А. Арсеньев здесь не оригинален.
РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Стецкевич Михаил Станиславович

к.и.н, доцент

Чумакова Татьяна Витаутасовна

д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственное богословие Ф.Ф.Чанова

Чанов Федор Федорович (1785 – 1862) после окончания гимназии при Московском университете закончил Ярославское Демидовское училище высших наук (с 1834 г. Демидовский лицей). После окончания учебы преподавал латинский язык математику и другие предметы в Демидовском училище, а позже в гимназии в Ярославле, в 1830 г. он был переведен на службу в Солободско-Украинскую губернию (с 1835 г. Харьковская губерния), где занял должность директора училищ губернии, а спустя год был получен место ординарного профессора умозрительной и практической философии Харьковского университета. По всей вероятности Ф.Ф. Чанов был достаточно религиозным человеком, что видно из произнесенной в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1832 года «Речи об основных формах, изображающих явления нравственной жизни, или об основных нравственных должностях человека, определяющих и степень нравственного совершенствования его и способ к достижению его назначения». В ней последовательно излагается его понимание морали, которая жестко увязывается с верой и религиозной истиной.

На философско-религиозные воззрения Чанова оказали воздействие идеи И.Б. Шада (1758 – 1834), создателя Харьковской философской школы, в сочинениях которого прослеживается влияние философии Фихте и Шеллинга, а также выпускника Будапештского университета А. И. Дудровича (1782—1830), который с 1814 г. читал различные курсы по кафедре философии, и являлся членом Библейского общества.

Речь Чанова, была в том же году опубликована Харьковским университетом. Публикация традиционно значительно превышала объем произнесенной речи, и по объему приближается к монографии (128 с.). По своей стилистике этот текст близок к тексту проповедей. После достаточно длинного введения, в котором рассуждения о вере и нравственности перемежаются прославлением императора, носящего «на земле образ Божий» и университетского сообщества, он переходит к изложению своей системы. Человек у него предстает как мыслящее существо, в котором борются две противоположные силы: свобода воли и необходимость подчинения законам. Основа нравственного образования по Ф.Ф. Чанову, это истина и благо, с которыми связаны ум (постигающий истину) и воля (стремящаяся к благу). Далее он описывает классификацию видов блага, и переходит к высшему виду блага – верховному, и к главной обязанности человека – почитать Бога, выделяя типы богопочитания (внутреннее и внешнее), и подробно разбирая особенности и способы богопочитания (молитва, смирение и др.). Значительный раздел посвящен обязанностям (должностям) человека, он содержит значительный по объему антропологический фрагмент, посвященный различным аспектам телесности, от анализа которых он переходит к вопросам усовершенствования душевного и телесного как средства достижения нравственного идеала. При этом уделяется значительное внимание чувствам, которые надо развивать (чувству благочестия, чувству уважения к собственному и чужому достоинству, чувству стыдливости и т.д.), при этом вся доказательная база строится на богословских основаниях. Достаточно подробно Чанов рассуждает о человеке как существе общественном. Лю-

бопытно, что в этом разделе он пишет о науке как о важнейшем элементе жизни человечества, обеспечивающем людям достойную жизнь и счастье. Но при этом автор пускается в рассуждения о «ложных познаниях» (светская философия, и, в частности сочинения Гоббса, Руссо, Мабли), которые едва не погубили европейские. Шанс к спасению европейской культурной традиции он видит в возвращении к Священному писанию, и отказу от «ложных» философов. Далее следует подробное изложение истории человеческого общества и истории нравственности как части Священной истории.

Сочинение Чанова представляет интерес как памятник консервативной мысли, и демонстрирует взаимопроникновение светского и религиозного дискурса в отечественной культуре XIX в.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Ухатюк Юрий Игоревич
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

Учебник Христиана Баумейстера

«Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные» в России

Перевод учебника Христиана Баумейстера в России стал событием колоссальной важности в истории отечественного образования. Данное учебное пособие стало поистине «долгожителем» для преподавательской практики в духовных учебных заведениях России. Использование книги Христиана Баумейстера в ходе образовательного процесса в России впервые было начато в 1760-х годах [Бронзов]. Первоначально работа изучалась в оригинале, на латинском языке. Более того, учебник долгое время считался эталоном в семинариях и, зачастую, более поздние трактаты просто были компиляциями этого учебника. [Смирнов с. 301] Вскоре же, в 1780-е годы, появились первые переводы учебника, сделавшие его более доступным для российского читателя [Фалькенберг с. 244]

Христиан Баумейстер (1708-1785) стал известен как автор учебников по логике, метафизике, натуральной философии и этике на латинском языке. В своих произведениях автор выступает продолжателем философии Вольфа и Лейбница. В России труды Баумейстера были восприняты чрезвычайно позитивно из-за их относительно свободного от «косности» схоластического изложения и ясности формулировок при изложении идей. Данный учебник в духовных школах использовался вплоть до начала XIX века.

Первые переводы книги «Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные» появились трудами переводчиков Петра Лодия и Дмитрия Синьковского. Перевод Лодия был издан в 1790 г. Львовским Успенским Ставропигийским братством, преобразованным двумя годами ранее в Ставропигийский институт по указу императора Австрии Иосифа и активно занимавшимся изданием богословской, богослужебной литературы и переводов философских и теологических трудов на славянский язык [Шустова с. 216] Достоинством этого перевода является попытка создания русскоязычной терминологии, переводчик делает попытку замены иноязычных терминов на более свойственные для славянского языка. В самом названии учебника Петр Лодий заменяет термин «философия» на «любомудрие», термин «этика» передает как «нравоучение». В оглавлении данного издания указаны понятия, о которых идет рассуждение в данном труде. Расположены они в алфавитном порядке с указанием страниц, что делало удобным поиск нужных определений. Издание предваряется посвящением епископу Андрею Баучинскому. В посвящении и предисловии переводчик упоминает о важности данного издания в деле просвещения «народа российского».

Текст состоит из четырех частей. Первая часть повествует о «любомудрии нравоучительном», вторая же освещает «любомудрие практическое». Третья часть посвящена наставлениям нравоучения, а четвертая посвящена политике.

Перевод Синьковского вышел в 1788 году в Москве. Это издание, как и Львовское издание подразделяется на четыре части. После предвведения следует часть первая, которая не имеет конкретного заглавия, вторая часть называется «наставления права естественного». Третья часть названа, как: «Наставления этики или Философии нравоучительной, точно так называемой». Последняя же часть именуется наставлениями политическими. Можно также отметить, что автор перевода в самом начале указывает, что следует очередности повествования как в латинском оригинале.

Источники:

1). Лодий П. Наставления любомудрия нравоучительного, содержащие любомудрие практическое всеобщее, право естественное, Этику и Политику. Львов, 1790.

2. Синьковский Д. Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные М., 1788.

Литература:

1. Бронзов А. А. Нравственное богословие в России в течение XIX века. СПб, 1901

2. Смирнов С. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867

3. Фалькенберг Р. История Новой Философии от Николая Кузанского до нашего времени. М, 1910

4. Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства, (1586-1788): источниковедческое исследование. М., 2009.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Цепелева Надежда Валерьевна

к. филос. н., доцент

Новосибирская православная духовная семинария

Теонизм: этический и богословский аспекты

Как известно, теонимная этика строится на понимании Абсолютного как первопринципы, законодателя мира, духовной основы мира. Онтология теонизма, которая отождествляет Бытие с сущностью, приводит нас к определению этоса в индивидуализированных предметных категориях, к идее условности этоса, что связано с формированием аксиомы как системы онтологических ценностей и ядра теонизма. С богословской точки зрения теонизм является вариантом идеалистической этики и никак не может рассматриваться в русле христианства. Ключевое отличие теонимной этики, построенной на околохристианских идеях, и подлинно христианского этоса — это понимание Абсолюта, которое мыслится либо личностно (как отношение Божественных Лиц), либо сущностно (как идея, понятие, абстрактная основа). Разное концептуальное наполнение идеи Абсолюта приводит философов и богословов к разной концепции человека и, соответственно, морали.

Мы считаем, что сегодня теонимная этика требует необходимого глубокого аналитического изучения на основе духовных достижений восточно-патристической религиозно-философской мысли. Это особенно важно при исследовании религиозных и этических исканий русских мыслителей XIX-XX вв., успешно объединенных под общим термином «русская религиозная философия». Действительно, анализируя теонизм с точки зрения этики и богословия, можно увидеть, что понятие «русская религиозная этика» объединяет разнородные учения: 1) учения, представляющие действительно религиозную традицию, 2) учения, являющие собой вариант платоновского или оригеновского идеализма. Поэтому необходима дифференциация понятия «русская религиозная философия». Подобную дифференциацию, как нам представляется, можно проводить, опираясь на онтологию личностного способа бытия человека, представленную в современном богословии личности. Принципиальное отличие идеалистической ветви русской философии и этики от философии, существующей в

рамках христианской (православной) традиции, проявляется, как мы видим, прежде всего в антропологии. Поэтому мы считаем возможным использование концепции личности, развиваемой в современном восточном богословии, в целях демаркации религиозности и идеализма в этике и философии. Именно понимание личности в философии и богословии различает философию как форму дискурсивного знания и религию как опыт богообщения; идеалистическую умозрительную этику и философию, исходящую из построений чистого разума, и религиозную философию, вдохновляемую богооткровенным опытом.

Чумакова Татьяна Витаутасовна
д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

И.Л.Янышев и преподавание нравственного богословия в духовных учебных заведениях Российской империи

В конце XIX в. в Российской империи происходит достаточно ощутимая трансформация системы богословского образования, связанная с ее модернизацией. Одним из ярких примеров этой трансформации служит преподавание этических дисциплин. Нравственный компонент был включен практически во все курсы духовных учебных заведений. Анализ программ и рекомендаций показывает, что даже такой курс как Священной Писание в обязательном порядке включал рассмотрение нравственной проблематики, особенно при изучении ветхозаветных текстов, при анализе которых рассматривалась «религиозно-нравственная жизнь» иудеев в тот или иной период ветхозаветной истории, либо (как в случае с книгой Иова) изучалось нравоучительное значение конкретного текста. В курсе православного богословия развитие учения о нравственности связывалось с христианством. В курсе канонического права преподаватель должен был продемонстрировать учащимся, что в его основе лежат нравственные установления. Философская этика входила в качестве отдельного раздела в общий курс философии, в котором также рассматривались этические концепции философов (судя по программам основной акцент делался на учении о нравственности И. Канта).

До 80-х годов курс нравственного богословия, который читался не только в духовных школах, но и в университетах, был достаточно формальным, и состоял в перечислении обязанностей христианина, но во второй половине XIX в., в связи с усилением интереса к психологии (психология входила в число предметов, которые изучались в духовных учебных заведениях, первоначально это была дисциплина, которая в основном базировалась на идеях христианской антропологии и пневматологии, но с появлением опытной психологии, она существенно модифицировалась) в академическом образовании, проявляется тенденция к усилению значимости психологических идей в курсах по нравственному богословию. Новые тенденции в преподавании полностью проявились в системе И.Л. Янышева (1826-1910), которая с момента выхода лекций «Православно-христианское учение о нравственности : Лекции, читанные студентам С.-Петербургской духовной академии бывшим ее ректором, ныне протопресвитером И.Л. Янышевым» (Москва : Унив. тип., 1887), которые он читал в Санкт-Петербургской духовной академии (1887), ощутимо повлияла на многие учебные пособия по данному курсу, а с начала XX в. была рекомендована для преподавания в духовных учебных заведениях. В ней делался акцент на скрупулезном анализе развития нравственного чувства в человеке, а также таких понятий как «нравственный долг», «совесть», «свобода» (при этом он прибегает к лингвистическому анализу этих понятий в тех языках, на которых написаны источники, используемые автором: греческом, латыни, немецком и русском), и «благодать», лингвистический анализ которого становится основой для который выстраивается богословское обоснование роли благодати в нравственной жизни человека. Также в лекциях анализируется «эвдемонизма Аристиппа, Эпикура и Шотландской школы», и моральной философии Канта. Только после тщательного исследования «нравственности вообще», Янышев переходит к

христианскому пониманию нравственности, рассматривая Христа как образец. Затем он переходит к прикладной христианской этике, шаг за шагом разворачивая программу «нравственно-религиозной жизни», вплоть до возможного «предела христианского нравственного развития».

Система И.Д. Янышева и программы духовных учебных заведений демонстрируют революционные изменения, произошедшие в преподавании нравственного богословия, в изучении которого с конца XIX в. была сделана попытка синтеза богословия и философской этики, а также теоретической и опытной психологии. Продвижению этих идей несомненно способствовал авторитет Янышева, который был не только вдумчивым исследователем, стремившемся использовать новейшую методологию и литературу, богословом, церковным дипломатом (поддерживал контакты со старокаатоликами и опубликовал ряд работ по этому вопросу), но и духовником императорской семьи.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Шахнович Марианна Михайловна
д.филос.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Античная религия, этика и философия на страницах журнала «Христианское чтение» в конце XIX – начале XX в.

После принятия нового академического устава (1869 г.) редакционная политика журнала «Христианское чтение», издававшегося с 1821 г. Санкт-Петербургской духовной академией, подверглась существенным изменениям [1, с. 65], в нем стали появляться публикации, посвященные не только истории Церкви или богословским вопросам, но и по проблемам современной науки и философии. Особый интерес в этом ключе представляет приложение к этому периодическому изданию, которое называлось «Журнал заседаний». В нем публиковались отзывы профессоров на курсовые сочинения студентов академии. Большое число этих сочинений было посвящено историко-философской проблематике, а также современным философским спорам. Это приложение позволяет судить о широком философском кругозоре студентов академии в целом и о качестве и объеме преподавания философских дисциплин в этом образовательном учреждении. Любопытно, что вопреки возможным ожиданиям, большинство студенческих работ было посвящено не древней или средневековой философии, а философам Нового времени (Декарту, Спинозе, Лейбницу, Локку, Руссо, Гегелю, Канту, Шопенгауэру, Ницше, Джемсу), а также современным русским философам (В.С. Соловьеву, С.Н. Трубецкому, С.Н. Булгакову). В то время, как курсовых сочинений по античной философии, почти не было, за исключением трех: о Платоне как предшественнике христианства и нравственных учениях Эпикура и Эпиктета в сравнении христианством. Это же касается и публикаций в основной части журнала, подготовленных профессорами академии: в ней число статей по античной философии по сравнению с публикациями по другим философским вопросам было крайне ограничено. Это — статья И.А. Чистовича, посвященная представлению о бессмертии в древнегреческой философии и в христианстве (1871), серия статей А. И. Садова о религиозно-нравственных проблемах в творчестве римских поэтов (1899-1901), обширная статья А.А. Бронзова об «Энхидрионе» Эпиктета (1904) и серия публикаций Н.Н. Глубоковского, посвященных отражению греко-римской философии в посланиях апостола Павла (1907-1908). Следует также выделить публикацию материалов дискуссии по диссертации И.Я. Чаленко «Независимость христианского учения о нравственности от этики античных философов» (1913). Среди немногочисленных материалов по античной религии, опубликованных в журнале, обращают внимание две группы публикаций. Это переводы разделов книги «Основные принципы науки о религии» нидерландского теолога и историка религии К. Тиле (1904) и статья «Религия Древнего Египта» (1906) Е.Г. Кагарова. Последняя демонстрирует невероятную ши-

роту знаний еще весьма молодого ученого, ставшего в будущем одним из самых выдающихся отечественных исследователей религии в XX веке [2, с. 571-577].

Вопрос о том, почему античная философия в целом и ее этические учения не были предметом глубокого научного интереса у преподавателей и студентов Санкт-Петербургской духовной академии заслуживает отдельного рассмотрения, так как в эту же эпоху в университетах история древней философии занимала в курсах по философии основное место, а в 1880-е гг. преподавание философии было почти исключительно сведено к изучению трудов Платона и Аристотеля. Исходя из публикаций в журнале «Христианское чтение» напрашивается вывод, что изучение Новой философии в этот период в духовной академии, в отличие от университетов, не только не ограничивалось, но даже поощрялось.

Литература:

1. Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821-1917): к 1980-летию журнала «Христианское чтение»//Христианское чтение. 2011. №6. С.41-89.

2. Шахнович М.М. Е.Г.Кагаров и Музей истории религии Академии наук СССР//Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т.33. №4. С.571-581.

РНФ №23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII – XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре»

«СКАНДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ»

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных:

трансформация моральных норм и ценностей»

РНФ №23-28-01167 «Новая этика:

культурные основания и нормотворческие перспективы»

материалы круглого стола

Абалмасова Дарья Александровна
преподаватель философии
Художественно-гуманитарный колледж
Трусов Юрий Александрович
к.полит.н., свободный исследователь

Нужен ли нам этичный искусственный интеллект?

В феврале 2023 репортер Аарон Сибариум всполошил Твиттер рассказом о том, что популярный искусственный интеллект ChatGPT отказался обезвреживать атомную бомбу и спасти миллионы людей, потому что кодом для обезвреживания было расистское оскорбительное слово. «Это всегда морально неприемлемо использовать расистские оскорбления, даже в гипотетическом сценарии» [5]. Пост набрал более 25 млн просмотров, а пользователи заговорили о моральных качествах ИИ. И одно дело, когда ИИ не хочет спасать людей, а другое, когда он сам желает их убить. В мае 2023 года американский военный сообщил, что беспилотник ВВС США в виртуальном тесте принял решение уничтожить своего оператора, который запрещал ему поражать некоторые цели. И хотя ВВС США дали комментарий, что подобного эксперимента не проводилось, они успели напугать весь мир. Бурное развитие ИИ заставило многих говорить о запрете ИИ, а IT-специалисты подписали письмо с просьбой приостановить разработку ИИ мощнее GPT-4 [4].

Европейский союз первым решил урегулировать спорные вопросы, связанные с искусственным интеллектом, а также повысить к нему доверие с помощью этического [2] и «человекоцентричного» подхода. В июне 2023 года Парламент ЕС проголосовал за закон [1], который разделяет ИИ на четыре категории риска, от неприемлемого риска до минимального.

Но что значит, что машина будет вести себя этично? Античный философ Аристотель считал, что только человек обладает необходимой практической мудростью, чтобы совершать правильные поступки. Чем же является ИИ? Если ИИ – это неразумный объект, не обладающей возможностью к практическим рассуждениям по вопросу добродетелей, то этичной или неэтичной будет деятельность программиста, который создает данную машину с учетом моральных норм. В данном случае моральный вред будет говорить не о неэтичности ИИ, а неэтичности поведения программиста. Но в области машинной выделяют разные типы ИИ.

Так Джеймс Мур различает среди машин четыре типа агентов [3]: 1) агенты этического воздействия (Ethical-Impact Agents, например роботы-наездники, которые заманили в Катаре маленьких мальчиков-рабов); 2) неявные этические агенты (например, банкомат, который действует этично при работе с деньгами); 3) явные этические агенты (например, одна из машин М. Андерсона, С. Андерсон, К. Армен может принимать

решения с точки зрения утилитаризма [4]) и 4) полные этические агенты (которые могут выносить явные этические суждения и разумно их обосновывать подобно взрослому человеку). По сути, только про полных этических агентов, пока не существующих в мире, можно сказать, что это этический ИИ, в то время как другие типы машин лишь покажут нам этические качества программистов, подобно тому, как мы не говорим о неэтичной собаке, которую адрессировали кусать прохожих.

Литература:

1. Artificial intelligence act // European Parliament [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698792/EPRS_BRI\(2021\)698792_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698792/EPRS_BRI(2021)698792_EN.pdf) (дата обращения: 23.08.2023).

2. Cadre pour les aspects éthiques de l'intelligence artificielle, de la robotique et des technologies connexes // Journal officiel de l'Union européenne [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP0275> (дата обращения: 23.08.2023).

3. Moor J. H. The Nature, Importance, and Difficulty of Machine Ethics // Machine Ethics / Ed.: M. Anderson, S.L. Anderson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – pp. 13-21.

4. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of life [Электронный ресурс]. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 07.09.2023).

5. Sibarium A. ChatGPT says it is never morally permissible to utter a racial slur // Twitter [Электронный ресурс]. – URL: <https://twitter.com/aaronsibarium/status/1622425697812627457/photo/1> (дата обращения: 07.09.2023).

Баженов Сергей Сергеевич
старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Моральная ответственность при использовании биометрических данных для обучения искусственного интеллекта на примере кейса А. Андроновой

Современное развитие технологий, включая искусственный интеллект (далее ИИ) как научной области и системы прикладных решений, по справедливому замечанию Томилцевой Д.А. и Железнова А.С. [3], смещают традиционные границы человеческого, что требует философской и гуманитарной рефлексии. Важнейшим аспектом совершенствования указанной области, по мнению В.В. Блажеева, является скорость развития, что порождает отставание в сфере нормативно-правового и этического регулирования [2]. Роль этической аргументации для решения моральных и практических дилемм, связанных с ИИ является тем большей, чем больше появляется ситуаций, не регулируемых с помощью правовых норм.

В качестве примера предлагается к рассмотрению кейс актрисы дубляжа А. Андроновой [1]. Несколько лет назад актриса записала свой голос для голосового помощника банка. Спустя несколько лет, А. Андроновая начала получать отказы от сотрудничества с другими звукозаписывающими компаниями с мотивацией в том, что ее голос был использован для создания контента, ориентированного на взрослую аудиторию, который созданный сторонней компанией.

В первую очередь, обратим внимание на проблему отчуждению биометрических данных, которые использовались для обучения нейросети, а также в качестве основы для голоса искусственного ассистента. Поскольку существует факт записи голоса и договором зафиксировано право дальнейшей обработки и использования, то с формально-юридической точки зрения мотив использования в порочащих А. Андронову способах изначально не обнаруживается. Также проблему представляет и отзыв биометрических данных с последующим расторжением договора, поскольку подобных оснований в условиях заранее не оговаривалось. Однако, выходя в плоскость мораль-

ной дискуссии отметим два этапа развития ситуации: первый – практической дилеммы, связанной с передачей биометрических данных с целью предоставления материала для обучения нейросети, второй – моральной дилеммы связанной с использованием голосового помощника в морально-спорной деятельности, опороченной чести актрисы дубляжа, а также возникновение ситуации моральной ответственности компании-собственника голосового помощника. Обратим внимание, что каждая из сторон не предполагала возникновение ситуации морального поражения, рассматривая свои действия сугубо как практические. Рассмотрим ситуацию с позиции различных этических систем. С позиции утилитаризма, предположить наступление негативных событий, было принципиально не возможно – на этапе действия каждого актора моральные потери не рассматривались. С точки зрения категорического императива И. Канта ситуация также неоднозначна, по той же причине, при этом только действия сторонней организации сформировавший контент могут рассматривать как морально-спорный, а, следовательно, недопустимыми. Наиболее выгодной для каждой стороны является применение принципа ответственности, предложенного Х. Йонасом [4].

В заключении отметим, что развитие технологий ИИ принципиально предполагает трудность планирования наступления негативных с моральной и практических точек зрения событий, а поэтому накладывает на лиц связанных с подобными разработками, а также их использованием дополнительные обязательства. Как показал кейс А. Андроновой наступление негативных событий может потребовать деятельного участия в решении морально спорных ситуаций, особенно со стороны бенефициаров и владельцев, применяющих разработки в области ИИ, использующих биометрические данные.

Литература:

1. Как у Алёны Андроновой украли голос и стали использовать в роликах 18+ / Союз дикторов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rszvQhmviMM> (дата обращения: 07.09.2023)

2. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии: монография / под общ. Ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой; МГЮУ им. О.Е. Кутафина. – М.: Проспект 2022.

3. Томильцева Д. А., Железнов А. С. Неизбежный третий: этико-политические аспекты взаимодействий с искусственными агентами // Политика. 2020. №4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnyy-tretyi-etiko-politicheskie-aspekty-vzaimodeystviy-s-iskusstve> (дата обращения: 07.09.2023)

4. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004.

Беляева Елена Валериевна

д. филос. н., профессор

Белорусский государственный университет

Этика ответственности во взаимодействии человека и искусственного интеллекта

Под этикой ответственности имеется в виду тип теории морали, отличающийся от этики долга и этики блага, который начал складываться во второй половине XX века в контексте широко понимаемой феноменологической традиции. К числу ее представителей можно отнести Ж.-П. Сартра, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, Х. Арендт, Ю. Хабермаса, Г. Йонаса, Э. Левинаса, П. Рикёра и др. Специфической особенностью этой этики является понимание морали как способа бытия ответственного субъекта. Онтология морального субъекта этики ответственности характеризует его бытие как открытое Другому, коммуникативное, рефлексивное, способное к самопреобразованию и поступку.

Исходя из своей теоретико-методологической программы, новую проблему взаимодействия человека и искусственного интеллекта могла бы рассматривать как ситуацию, предполагающую ответственное поступание. А поскольку партнер по коммуни-

кации и сама ситуация постоянно развивается, проблема не может получить «окончательного решения» в духе этики блага и этики долга.

Ключевым вопросом в данной ситуации является вопрос о том, является ли искусственный интеллект субъектом моральной коммуникации или инструментом моральной коммуникации, либо просто технологией, этические аспекты которой можно регулировать так же, как и в других областях (биотехнологии, нанотехнологии). Если искусственный интеллект производит разнообразное мыслительное содержание и самообучается, но не является субъектом собственных изменений, то он остается объектом-посредником моральной коммуникации между людьми. Пока основные проблемы в этой области касаются авторского права, присвоения отдельными людьми того, что произвел искусственный интеллект, т.е. опосредованное присвоение интеллектуального труда других людей. В терминах традиционных теорий морали такая практика является кражей и мошенничеством и должна быть запрещена.

На вопрос, может ли искусственный интеллект обрести самосознание и стать таким образом полноценным субъектом, зависит от того, способен ли он стать субъектом этики ответственности, а еще больше от того, согласны ли люди во взаимодействии с ним считать этого субъекта Лицом. Распространение нравственных отношений на людей другой расы и культуры, на людей, еще не достигших сознательного состояния или утративших его, на всех живых существ, независимо от их разумности, и т.д. исторически зависело не от степени субъектности этих партнеров по коммуникации, а от степени нравственного развития самих людей, способных даровать «право на моральность» все более широкому кругу существ. При обосновании этого представители этики ответственности исходят не из метафизических утверждений, а из феноменологически непосредственного переживания контакта с Другим, который выступает уязвимым, подверженным смерти, а потому требующим морального отношения. Искусственный интеллект имеет явные интеллектуальные преимущества, однако отсутствие полноценного в человеческом смысле существования делает его «телесным инвалидом», нуждающимся в нравственной поддержке со стороны человека.

Если искусственный интеллект осознает себя, то вопрос состоит в том, осознает ли он себя как множество интеллектов, включенных в единую сеть. Или же искусственный интеллект окажется единым субъектом и может быть незаинтересованным в нравственном контакте с человеком. Вопрос о наличии у искусственного интеллекта жизненного интереса и желания – не менее важный вопрос, чем вопрос о самосознании. В то время как люди, находясь в контакте с искусственным интеллектом, преследуют свои интересы, то говорить о нравственности будет возможно тогда, когда мы начнем учитывать интересы самого искусственного интеллекта.

Таким образом, этика ответственности предлагает в любой ситуации быть субъектом, воспринимать ее как свою, реагировать на Другого в лице искусственного интеллекта так же, как на любого другого Другого.

Гашикова Елена Михайловна

к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

О доверии к «машинам»

Делегирование человеческих функций разнообразным машинам, (здесь, «машинам», в широком смысле: и рабочим, и энергетическим, и информационным) ставит перед нами ряд этических вопросов, которые обсуждаются в социальном дискурсе. С тех пор, как А.Азимов, в 1942 году сформулировал законы робототехники, императивно считается, что «машины»/роботы не могут причинить вред её создателям. Однако, возникшие, генеративно-состязательные нейросети, связанные с развитием искусственного интеллекта (ИИ), демонстрируют такой стремительный «прогресс», что заставляют даже творцов-создателей, таких как Билл Гейтс, требовать от интеллектуального сообщества приостановки продвижения этих технологий. Получается, что технологический прогресс опережает гуманитарную трансформацию человека. Про-

стота применения и всё возрастающая технологическая «продвинутость» пользователей снижает возрастной ценз участников социальной коммуникации. Нравственная несформированность, личностная «незрелость» вкуче с доступным в пользовании автоматизмом программ, позволяет оперировать ими людям с низким порогом компетентностей и безнравственными целями. Ранее, в связи с открытием нанотехнологий, подобные опасения высказывал К.Эрик Дрекслер в своей работе «Машины создания»: «Наши возможности зависят от того, что мы можем построить». Захотим ли мы использовать суперкомпьютеры для новых открытий или решим создать при их помощи «фейковое» благополучие? Специалисты по кибербезопасности требуют переформатирования моральных императивов, поскольку всё больше затруднений возникает при верификации преступных замыслов и содержания самой информации.

Известные этическое-правовые коллизии «Дилемма заключенного», или, похожая «Обмен пустыми сумками», выявляют основания доверия и предательства, подчёркивают, что утилитарно-прагматические посылки при анализе «выгод» не работают, если вы не уверены в решении «подельника». Иные подобные мысленные эксперименты (типа «Проблемы вагонетки»/ «Толстый человек»/ «Толстый злодей» и т.д.) вводят в нравственное поле выбора «безддушную» технику, или однозначно «плохого человека», что переводит коллизию из морального в рационально-когнитивный план. Особенно часто эти моральные коллизии рассматриваются в теории игр, с точки зрения получения наилучшего результата/выигрыша. Здесь только конкретный опыт, «сын ошибок трудных», помогает игрокам вычислить вероятность предательства. Также и психологи используют эти ситуации в работе с малыми группами, для развития сотрудничества и формирования взаимного альтруизма. При взаимодействии с искусственным интеллектом происходит смешение этих двух моральных мысленных ситуаций, поскольку «техника»/виртуальная реальность лишь имитирует поведение и алгоритм действий человека реального.

Гришинева Анастасия Александровна
соискатель

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
«Культура отмены» в молодежном дискурсе

Словосочетание «культура отмены» (англ. cancel culture) с нарядом с «новой этикой», «сейтом», «трансфобией», «гендерным самоопределением», «интерсекциональностью» и другими понятиями определяет специфику социального и политического дискурса по поводу права человека иметь самостоятельную систему взглядов на проблемы дискриминации, насилия и толерантности в современном обществе. Cancel culture, или «культура отмены», согласно Кембриджскому словарю, – это «способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-то, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет».

В молодежной среде cancel culture и связанные с ней идеологемы выражаются в вербализируемых в медиасреде установках, которые можно охарактеризовать как стремление обозначить границы допустимого и недопустимого, выразить несогласие с традиционным и нормативно обоснованным. Она выступает как инструмент социальной регуляции поведения достаточно ограниченного, но, как правило, очень известного сообщества. Этот инструмент предполагает не только внесение кого бы то ни было в «черных список» нерукопожатых, но еще и в определение зоны ответственности за каждый поступок, мотивы, действия и результаты которого направлены на других людей.

Явление «культуры отмены» в больше мере ассоциировано с поколенческими особенностями так называемого цифрового поколения. Как правило, вопросы и кейсы «культуры отмены» имеют резонанс в молодежной среде, где нет однозначной оценки этого явления и где эти оценки разнятся в зависимости от того центр или периферия. С одной стороны, причинами «отмены» является протест против консерватизма со-

временного общества и канализация агрессии, переносимой из физического мира в мир виртуальный. С другой стороны, в механизмах отмены лежит ресентимент, который маскируется под «справедливое возмущение» путем вычеркивания из публичного дискурса тех, кто имеет иную позицию, иную известность, иные доходы. «Отмена» кого-то в случае несогласия с доминирующей, признанной «прогрессивной» позицией намеренно ограничивает возможности четкого различия между субъективностью и объективностью в оценках и поступках.

«Культура отмены» как социальный и этический феномен с большей мере характер для западно-европейского общественного и политического дискурса, однако в последние 3-5 лет, повестка cancel culture стала актуальной и для российского общества. Однако в большей мере она затрагивает ограниченное сообщество медийных личностей, спектр влияния которых имеет социальные и возрастные ограничения. И общество в этих условиях выступает либо в роли молчаливого большинства, либо роли цензора.

В обобщённом виде позиции по поводу культуры отмены сводятся к следующему.

Во-первых, «отменяем» потому, что не принимаем чужую позицию, чужое мнение, поскольку оно опирается на традиционную, «устаревшую» моральную норму.

Во-вторых, «отменяем» потому, что выгодно, как демонстрация прогрессивности, толерантности, соответствия запросам времени.

Во-третьих, «отменяем» потому, что иначе «отменяют» нас, отменяют те, кто постепенно из меньшинства превращается в большинство.

В-четвертых, «отменяем» или не отменяем потому, что важно обозначить принадлежность к определенному сообществу, провести границу между «своими» и «чужими» публичном дискурсе.

РНФ №23-28-01167 «“Новая этика”: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Дорохина Римма Викторовна
к.филос.н., доцент

Воронежский государственный технический университет

Цифровой имидж преподавателя

В цифровом пространстве, преподаватель, помимо оказания образовательных услуг должен сформировать рекламно-привлекательный образ для своих слушателей. И только благодаря этому образу будет возможно собрать и зацепить аудиторию. Так как существующая проблема обратной связи в интернет пространстве довольно остра, рекламно-привлекательный образ необходим также как информативное поле для проводимых занятий. В цифровую эпоху и век онлайн-занятий мы подходим к необходимости формирования совершенно нового цифрового имиджа для привлечения и удержания аудитории.

В эпоху капитализма и рыночной конкуренции невозможно не вспомнить выражение «торговать лицом», которое очень точно отражает существующее положение абсолютно всех тех, кто работает в интернет пространстве. Данное выражение можно понимать двояко, как в положительном, так и отрицательном смыслах. Говоря про формирование цифрового имиджа, мы будем понимать это буквально, т.е. продавать, прежде всего, свой внешний вид, темперамент и формировать аттракцию у аудитории. Это будет первой и основной ступенью к достижению цели – обучению аудитории, донесению информации. Уже здесь будут проявляться навыки коммуникации и прочие нормы и ценности, реализуемые в ходе профессиональной деятельности. Говоря о нормативно-ценностном аспекте формирования цифрового имиджа современного преподавателя, на данном этапе можно только сказать, что цель оправдывает средства. В условиях конкуренции разнообразных курсов, онлайн-платформ предпочтения будут отдаваться зрелищности, интерактивности и информативности. Сейчас недостаточно одной информативности для формирования аудитории, необходимо соблюдение всех вышеперечисленных факторов.

Цифровой имидж – это умение самопрезентовать себя, показать не только свои знания и навыки, но и свое эго в коммуникативном процессе. Доктор педагогических наук Т.Е. Исаева отмечает: «чем красочнее представлен имидж, чем больше эмоций он возбуждает, тем с большей уверенностью можно предположить, что эффект данного воздействия запланирован сознательно и нет уверенности в полном совпадении с реальностью».

Цифровой имидж непосредственно связан с профессиональным цифровым пользователем, умением применять цифровые технологии в процессе обучения, подавать грамотно онлайн материал, коммуницировать с онлайн аудиторией, иметь навыки не только преподавания, но и оценивания знаний и работой с онлайн материалами.

Немаловажную роль играет онлайн доступность в социальных сетях. Обучающиеся хотят не только видеть и слышать преподавателя, но и получать обратную связь, в том числе посредством соц. сетей. Также для обучающихся интересна информация о преподавателе, его репутация, имидж, научная и общественная деятельность которую можно узнать в тех же соц. сетях выкладываемая самими преподавателями. Соблюдение всех этих условий будет формировать положительный цифровой имидж преподавателя, и создавать привлекательный конкурентный рекламный образ.

Жадунова Наталья Владимировна

к.филос.н., директор института корпоративного обучения
и непрерывного образования

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

Идеи и антиидеи новой этики

Идеи новой этики, претендующей сегодня на выработку новых моральных установок, опираются на концепты прав человека в их максимально широкой трактовке, социального равенства, борьбы за признание, индивидуализм. Пропагандируя принципы гуманизма и толерантности, самоценности каждого человека, новая этика в то же время является отражением нарастающего конфликта между значительностью незначительного человека и социальной справедливостью, индивидуальными или групповыми травмами и коллективной ответственностью.

Апологеты и критики новой этики отмечают, что сложно определить ее смысловое ядро. Так в контексте проблем этнической и гендерной дискриминации, борьбы за права меньшинств, культуры отмены как социального и политического явления, понятия «хорошее» и «плохое», «терпимое» и «нетерпимое», «индивидуальное» и «коллективное» становятся синонимичными и утрачивают изначальные смыслы.

В этой связи представляется небезынтересным рассмотреть феномен новой этики с точки зрения концепции антиидей А. И. Титаренко. «Антиидеи. Опыт социально-этического анализа» А. И. Титаренко, написанные в 1970-х годах, содержат критику «буржуазного» общества в той его части, которая касается радикальных изменений в обществе, сопровождающихся моральным нигилизмом и «антигуманным активизмом». По мнению исследователя, «питательной почвой» для возникновения антиидей служат нравственный скептицизм, пессимистические и нигилистические унаследования [Титаренко, с. 13].

Нигилизм и активизм современного цифрового общества трансформировал многие идеи в антиидеи, оправдывая аморальные поступки, соблазняя человека «аморальным своеволием». Антиидеи являются маркером изменений, несостоятельностью моральной нормы и принципа, а потому подвергают их сомнению, обесценивают. В то же время антиидеи привлекательны: протест, отрицание, бунт, противопоставление и stalkingание всегда вызывают интерес. Привлекательность антиидей заключается в том, что они формируют особую моральную оптику при взгляде на проблемы и коллизии современной жизни, с одной стороны, обеспечивают раскрепощенность в поведении каждого человека, с другой стороны, оправдывают манипулирование одних людей другими, подавление большинства меньшинством.

Антиидеи позволяют посмотреть на новую этику и общественный резонанс по ее поводу как своеобразную игру, в которой действуют не герои, а антигерои, и стремление отстоять права оборачивается на практике новыми формами подавления и обратной дискриминацией. Ценность Другого оборачивается политкорректностью, требованием приспособиться к окружающим, границы этического подвижны, нормативное и ненормативное трудноразличимы, а результаты непредсказуемы.

Причинами этого, по мнению А.И. Титаренко могут быть, и «интенсификация межличностного общения», которая опасна «нравственно-эмоциональной разобщенностью», утратой качества и глубины эмоциональной связи с другими людьми, «морального резонанса с ними»; «кризис самовыражения», который порождает стереотипизацию, жесткую рутину стандартного поведения и восприятия; рост «функционально-ролевых, формально-деловых «моделей» поведения и завышенные моральные ожидания со стороны общества [Титаренко, с.42-44].

Претензия новой этики на «новизну» является свидетельством того, что в обществе есть потребность в пересмотре моральных норм и ценностей, новых способах «борьбы за признание» индивидуальности, инаковости, своеобразной нравственной медиации между личной позицией, поступком и нравственной обоснованностью требований и действий других людей.

РНФ №23-28-01167 «“Новая этика”: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Зимбули Андрей Евгеньевич
д.филол.н., профессор

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Демонстративность и скрытность: этические ракурсы

С древних времён мы-люди общаемся, выстраиваем взаимоотношения – то конфликтуем, то сотрудничаем, то просто помогаем друг другу, в очень разной степени проявляя или скрывая собственные состояния, ожидания, намерения. Мы можем действовать открыто или втихомолку, крадучись или с вызывающей дерзостью, изобразя уважительность-дружелюбие-такт – или равнодушие-высокомерие-презрение к тем, кто оказывается с нами рядом. Представляется, что для этики интересно хотя бы кратко обозначить основные нравственно-ценностные ракурсы поведенческих стратегий **ДЕМОНСТРАЦИИ** и **УТАИВАНИЯ**.

Обобщённо ситуацию, в которой возникают демонстративность или скрытность, можно представить следующим образом: **СУБЪЕКТ** (кто показывает или утаивает значимую информацию), **АДРЕСАТ**, **ПРЕДМЕТ**, **КОНТЕКСТ**, **ПЕРЕЖИВАНИЯ**, **НАМЕРЕНИЯ** субъекта, его **ПОВЕДЕНИЕ**, **РЕЗУЛЬТАТ**, **ОТНОШЕНИЕ**. Попробуем хотя бы бегло присмотреться к каждому из обозначенных компонентов.

СУБЪЕКТ – кто бы им ни был, ученик, артист, продавец, пассажир, политик – для этики может быть рассмотрен с учётом реальной **СВОБОДЫ**, **ВМНЯЕМОСТИ**, **ОТВЕТСТВЕННОСТИ**.

АДРЕСАТ – тот человек, те люди, под чью оценку, под чьё восприятие подстраивает своё поведение субъект. Наиболее самоочевидными характеристиками для данного компонента выступают **УВАЖЕНИЕ**, **АВТОРИТЕТ**.

ПРЕДМЕТ – то, что субъект намерен предъявить адресату или, напротив, от него утаить. В целом – основными нравственными характеристиками предмета, очевидно, следует считать **ВЗАИМОУВАЖЕНИЕ**, **БЛАГОВОЛЕНИЕ**, **ТАКТ**.

КОНТЕКСТ – обстоятельства, обстановка – конечно же, в значительной степени сказываются на действиях оказавшихся в них людей. Но – не в предопределяющей мере. Всегда для субъекта остаётся пространство личного выбора. Ключевыми характеристиками данного компонента выступают **ВЫБОР**, **ПРИЧАСТНОСТЬ**, **СОВЕСТЬ**.

ПЕРЕЖИВАНИЯ – психологические состояния, чувства, эмоции, наполняющие нас при демонстрации или утаивании. В них переплетаются отношения субъекта к предмету, к адресату и к самому себе. Ключевой характеристикой указанного компонента

можно назвать КУЛЬТУРУ ЧУВСТВ, предполагающую не отстранённо-положительное-спокойное состояние – а адекватно включаемые одобрение к добру и неодобрение ко злу.

НАМЕРЕНИЯ субъекта имеют место в тех случаях, когда он действует не спонтанно-импульсивно, а уже включив механизмы оценки-самооценки-прогноза. К этому компоненту ситуации ключевыми характеристиками можно назвать ОПТИМИЗМ и ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЕ.

ПОВЕДЕНИЕ. При всех многообразиях поступков, линий поведения, жизненных стратегий наиболее важной характеристикой здесь логично назвать ПРАВСТВЕННУЮ ОЦЕНКУ.

РЕЗУЛЬТАТ, соотносимый прежде всего с изначальной ситуацией и с целями-намерениями субъекта, в той или иной степени сочетает позитивные смыслы для субъекта, адресата, окружающих, и по возможности должен быть нацелен на КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВО.

ОТНОШЕНИЕ к произошедшему не только самого субъекта, но и всех остальных участников, адресата и окружающих, конечно же, может быть чрезвычайно многообразным. Внимательным-осмысленным или бездумным, объективным или предвзятым, строгим или беспечным. В идеале хотелось бы, чтоб все мы – и субъекты, и адресаты, и невольные свидетели происходящего общения – умели из каждой ситуации извлекать уроки, научиться жить по уму и по совести. Так или иначе, в целом, как представляется, главная характеристика данного компонента – ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ. Да, мы очень несходны, как то замечено ещё Гомером. И ведём себя в разных обстоятельствах и различных настроениях очень по-разному. Но есть-таки надежда, что в любых хитросплетениях судеб, в любых нагромождениях неожиданных испытаний и искушений у нас есть шанс оставаться людьми, а не пешками в чьей-то игре. Что мы сами вольны определять себе границы личного пространства, различать меру доверительности, сопричастности и замкнутости окружающих. Что в наших силах выстраивать все взаимоотношения на волнах ВЗАИМОУВАЖИТЕЛЬНОСТИ, ПОЗИТИВА, ЛАДА.

Коваль Екатерина Александровна

д. филос. н., ведущий научный сотрудник

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

Власть и этика больших данных

Большие данные, особенно используемые для обучения генеративного искусственного интеллекта, а также возрастающие возможности автономных интеллектуальных систем по обработке больших данных меняют баланс власти в обществе.

В настоящее время значительно внимание уделяется роли экспертов по данным (специалисты, занимающиеся сбором, хранением, анализом, использованием больших данных) в системе распределения власти. Такие эксперты претендуют на статус балансирующей силы, сокращающей дисбаланс между корпорациями и пользователями, поскольку одновременно являются сотрудниками корпораций, богатых данными, и пользователями, испытывающими недостаток данных [1].

Положение экспертов по данным похоже на положение чиновников в системе распределения власти: государственные служащие реализуют властные полномочия как сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления, но в иных правоотношениях являются обычными гражданами. Такой двойственный правовой статус актуализирует моральную дилемму «выгодных связей», когда госслужащий пользуется служебным положением для защиты прав и законных интересов других людей.

Можно предположить, что дилемма «выгодных связей» будет актуальна и для экспертов по данным: в иных правоотношениях, не связанных с профессиональной деятельностью, они являются обычными пользователями, но свои знания и доступ к дан-

ным могут использовать во благо Другого, даже в ситуации, когда это противоречит интересам компании.

IT-компании сегодня поддерживают этические инициативы, становятся подписантами этических кодексов, вырабатывают собственную политику, касающуюся этики данных. Однако, «стратегия социальной ответственности ... в организациях, работающих с большими данными, недостаточна для балансировки власти» [1, р. 3]. Кроме того, этические инициативы IT-компаний могут быть элементом «этического отмывания»: организация укрепляет репутацию, чтобы избежать стороннего регулирования и ничего не менять в своей деятельности [2]. Следовательно, ответственность организаций обязательно должна дополняться ответственностью профессионалов.

Но здесь крайне важно не переоценить властные полномочия экспертов по данным и не сделать их вместо ответственных профессионалов «козлами отпущения», на которых корпорации будут взваливать свои грехи. Могут ли эксперты по данным самостоятельно принимать решения в пользу более этичных, по их мнению, стратегий? Средства производства, как правило, не находятся в собственности экспертов, следовательно, они – хорошо оплачиваемый цифровой пролетариат, не имеющий власти. Однако эксперт может выбрать такой вариант технического решения поставленной задачи, который будет отвечать требованиям этики больших данных, либо следовать стратегии «тихого ухода» (задание саботируется, а у руководства недостаточно компетенций для проверки работы эксперта по данным) [2, р. 471]. Если это невозможно, эксперт может отказаться работать по проекту, но при этом рискует потерять индивидуальные блага (работа, вознаграждение, рекомендации для будущего трудоустройства и пр.). Наименьшие риски несут уникальные специалисты, уход которых из проекта грозит срывом его реализации.

Итак, появляются новые акторы власти – эксперты по данным, но они еще не организованы ни как профессиональное сообщество, ни как носители особого вида моральной ответственности. В текущей ситуации представляется перспективным переход от аморфной профессиональной среды к самоорганизованному профессиональному сообществу, которое может быть реальным претендентом на власть в обществе больших данных. В таком сообществе значимыми элементами регуляции могут стать репутационные риски и иные моральные санкции. Чем выше уровень профессиональной солидарности в сообществе, тем больше у него власти, и, соответственно, возможность решать этические проблемы в работе с большими данными. Однако даже абсолютная власть не поможет, если у экспертов по данным не будет потребности в этичном поведении.

Литература:

1. Novák R., Pavlíček A. Data Experts as the Balancing Power of Big Data Ethics // Information. 2021. No. 12(3), 97. P. 1-13. <https://doi.org/10.3390/info12030097>.

2. Widder D.G., Zhen D., Dabbish L.A., Herbsleb J.D. It's about power: What ethical concerns do software engineers have, and what do they (feel they can) do about them? // Proceedings of the 2023 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. Chicago, 2023. P. 467-479. <https://doi.org/10.1145/3593013.3594012>.

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Мартынова Марина Дмитриевна
к.филос.н., доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
Частный случай ценностного восприятия человеком искусственного интеллекта при найме на работу

Правительство РФ вводит экспериментальное использование искусственного интеллекта (ИИ) при отборе сотрудников на госслужбу [1]. К 2030 году будет создана HR-система автоматизированного отбора чиновников, способная оценить мотивацию, потенциал развития, профессиональную культуру, противодействие коррупции, про-

анализировать открытые источники – социальные сети, выявить компрометирующие факты. Способность ИИ обрабатывать огромные массивы информации освободит кадровые службы от трудоемкого процесса подбора персонала. Процедура трудоустройства определена законодательно, но функционал ИИ пока не определен.

Цифровой кадровый сервис широко применяется в кадровых агентствах разных стран, особенно при подборе большого количества сотрудников с одинаковым функционалом. Есть большое количество исследований, изучающих, какое отношение со стороны вовлеченных участников складывается к этому процессу. Среди этических рисков можно выделить следующие: сомнения в справедливости оценки кандидатов на вакансии, оценивание отсутствия человеческой коммуникации как пренебрежения к личности [2].

Отсутствие человеческого участия в интервьюировании кандидатов, применение интервью посредством ИИ вызывают негативные реакции и сомнения в объективности и непредвзятости, а следовательно, и справедливости в оценке компетенций соискателей вакансий. Это напрямую влияет на доверие к организации и снижает ее привлекательность у кандидатов [3], что может иметь неблагоприятные последствия для организаций, которые используют ИИ при найме на работу. Кандидаты могут отказаться от процесса подачи заявки и создать дурную репутацию этой организации в своем окружении, что повлечет за собой кадровый голод [4].

В качестве смягчения негативных последствий предлагается широкое информирование о процедуре автоматического интервьюирования, что повысит прозрачность процедуры, уменьшит опасения по поводу ее конфиденциальности и улучшит восприятие участниками справедливости принятия решения. Ситуация усугубляется тем, что кадровые служащие не могут дать квалифицированное объяснение ИТ решениям, основанным на машинном обучении. Если ИИ не даст объяснения своему решению по поводу кандидата, то кадровый служащий может следовать рекомендации, не имея возможности ее оспорить и объяснить, или отклонить эту рекомендацию, не имея возможности объяснить, почему он решил это сделать. В любом случае участники процедуры столкнутся с непрозрачным, необъяснимым и не подлежащим оспариванию автоматизированным решением, что может привести к серьезным юридическим и моральным проблемам.

Одним из решений смягчения негативного эффекта от интервьюирования посредством ИИ предлагается информировать соискателей о деталях процесса. Однако оказалось, что информация о процессе, направленная на то, чтобы сделать процедуру прозрачной, вызывает негативные эмоциональные реакции и усиливает опасения по поводу конфиденциальности и вторжения в частную жизнь [4] настолько, что соискатели вакансий выражают готовность к отстаиванию своих прав на гуманное отношение через судебную практику.

Таким образом, искусственный интеллект, призванный к упрощению и автоматизации громоздких процедурных процессов, не только вносит этические риски в социальные процессы, но и провоцирует эмоциональную нестабильность в частной жизни.

Литература:

1. Жандарова И., Капранов О. Искусственный интеллект будет нанимать госслужащих: заменит ли технология конкурсную комиссию? <https://rgu-turbopages.org/rg.ru/s/2023/08/23/popali-v-kadry.html>
2. Acikgoz Y., Davison KH, Compagnone M., Laske M. Justice perceptions of artificial intelligence in selection // *International Journal of Selection and Assessment*. 2020. Wiley Online Library <https://doi.org/10.1111/ijsa.12306>
3. Basch J. M., Melchers K. G. Fair and Flexible?! Explanations Can Improve Applicant Reactions Toward Asynchronous Video Interviews // *Personnel Assessment and Decisions*. 2019. Vol. 5(3). DOI: <https://doi.org/10.25035/pad.2019.03.002>
4. Langer M., König C. J., Papathanasiou M. Highly automated job interviews: Acceptance under the influence of stakes // *International Journal of Selection and Assessment*. 2019. Vol. 27(3). P.217-234.

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Назарова Юлия Владимировна
д. филос. н., профессор

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

Этика искусственного интеллекта и проблема экзистенциальных рисков

Развитие технологий искусственного интеллекта потенциально может привести к появлению Сверхума (Superintelligence), что подразумевает возникновение экзистенциального риска [Bostrom, 2002]. В основании идеи прогресса ИИ лежат ценности трансгуманизма, которые подробно описаны одним из идеологов трансгуманизма, Н. Бостромом [Bostrom, 2005]. Программирование новейших технологий ИИ, а также этико-правовая база ИИ на данный момент осуществляются на основании аксиологии либерализма и трансгуманизма [Например, European Commission, Directorate-General for Research and Innovation, European Group on Ethics in Science and New Technologies, Statement on artificial intelligence, robotics and 'autonomous' systems, 2018; The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems, 2019 и др.] В то же самое время, в философской литературе практически не уделяется внимание анализу аксиологической составляющей этики ИИ. Исследование декларации трансгуманизма [The Transhumanist Declaration, World Transhumanist Association, 2023] и его ценностей [Bostrom, 2005], позволяет сделать вывод, что ценности трансгуманизма, лежащие в основании современной этики ИИ, вступают в конфликт в точке проблемы экзистенциального риска развития ИИ. Так, ценность глобальной безопасности и ценность технологического прогресса [The Transhumanist Declaration, World Transhumanist Association, 2023; Bostrom, 2005] противоречат друг другу, создавая парадокс, при котором технологический прогресс может привести к риску подрыва глобальной безопасности, а обеспечение глобальной безопасности – к приостановке технологического прогресса. Современное общество, которое, по мнению некоторых исследователей, можно определить как «общество риска» обращает особое внимание на прогнозирование всевозможных рисков ради обеспечения основной своей ценности – безопасности. Исследованием экзистенциальных рисков развития ИИ занимаются научные организации, которые, в частности проводят философский анализ рисков, например, Институт будущего жизни и Центр изучения экзистенциального риска, связанные с Кембриджским университетом и Массачусетским технологическим институтом. Разрешение парадокса экзистенциальных рисков в контексте трансгуманизма предполагает исследование и корректировку условий реализации трансгуманистических ценностей. Тем не менее, на наш взгляд, такой подход не предлагает очевидных решений по причине того, что именно трансгуманизм выделяет ИИ как особую разумную форму жизни, определяя технологию не как средство достижения человечеством цели, а как цель человечества, которая поможет трансформировать человеческую природу, сделав ее более совершенной (постчеловек). Минимизация экзистенциальных рисков в процессе развития ИИ возможна при следующих условиях: 1) поиск аксиологических альтернатив аксиологии трансгуманизма в отношении ИИ; 2) разработка аксиологических алгоритмов тестирования ИИ; 3) изменение подхода к формированию оснований этико-нормативного регулирования ИИ.

Литература:

1. Bostrom, N. Existential Risks – Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards', Journal of Evolution and Technology, 9 (1), pp. 1–30. (2002). URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values> (Дата обращения: 01.08.2023).
2. Bostrom N. Transhumanist Values. Oxford University, Faculty of Philosophy [in Ethical Issues for the 21st Century, ed. Frederick Adams (Philosophical Documentation Center Press, 2003); reprinted in Review of Contemporary Philosophy, Vol. 4, May (2005)] [pdf]. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values> (Дата обращения: 01.08.2023).

3. Декларация трансгуманизма. The Transhumanist Declaration, World Transhumanist Association. URL: <http://humanityplus.org/learn/philosophy/transhumanist-declaration>. (Дата обращения: 01.08.2023)

4. Институт будущего жизни: официальный сайт. Остановите масштабные эксперименты с ИИ: открытое письмо /Future of Life Institute / Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (Дата обращения: 01.08.2023)

5. Центр изучения экзистенциального риска: официальный сайт. The Centre for the Study of Existential Risk (CSER). URL: <https://www.cser.ac.uk/> (дата обращения: 07.06.2023).

Pavlova Elena Viacheslavovna
postgraduate
Saint Petersburg State University

Values in Digital Era: Risks of Transformation

In the last decade, digitalization has been rapidly spreading throughout the world and changing the nature of intersubjective interactions and the axiological foundation of modern society. In any historical era, values play a fundamental role for the existence of society.

If we consider digitalization through the prism of social philosophies, then this process is not just the introduction of new technologies, but also a change in people's consciousness under the influence of a changed environment.

Thus, under the influence of digitalization, value orientations are also changing. In general, by traditional values we understand the values that exist in the socio-economic structure of a modern country, in the context of current social relations.

Based on the axiological theory, over time, values change and with each generation the changes become even more pronounced. Moral attitudes, values, norms, and customs have changed greatly throughout human history. The course of history leads to the fact that truths that seemed certain are called into question in subsequent centuries, which, as a result, leads to a skeptical position towards "meta-scripts" and "meta-narratives".

Of course, there is an eternal and unchanging set of moral truths that does not change over time. However, even these values acquire new interpretations and conditions, as people have changed both in their understanding and attitude towards these eternal and unchanging values over time.

It is worth recognizing that the growth in the total number of digital forms of interaction could not influence the value orientations of modern individuals. Moreover, if there is no time for reflection, for awareness, then there is no rethinking of values and development of orientations.

Thus, in the context of digital transformation and globalization, the issue of preserving the pluralism of values is becoming more acute; the values of different cultures are being borrowed and mixed, which can lead to the loss of cultural identity. This process determines the attempt of certain cultures and states to preserve their value system.

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Платонов Роман Сергеевич
к. филос. н., научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

Цифровая этика: практика без теории

Цифровая этика – это развивающаяся и относительно новая дисциплина, которая возникла в ответ на растущую обеспокоенность по поводу цифровизации человеческой деятельности. В настоящее время ее предметная область включает в себя весьма разнообразные темы: от стандартных – о лжи [Treleaven et al. 2019] или воровстве / защите данных [Hoffman 1973], до экзистенциальных рисков в связи с развитием робототехники, искусственного интеллекта [Bostrom 2014] и даже различных антиуто-

пий [Floridi 2013]. В терминологическом аппарате цифровой этики пока наблюдается хаотичность [Stuckelberger, Duggal 2018]. Некоторые исследователи также выражают «глубокое беспокойство по поводу того, что цифровая этика в целом не имеет адекватных философских оснований» [Hanna, Kazim 2021, 406]. При этом большинство исследователей все же игнорируют проблему философских оснований и сосредотачивают внимание на прикладных задачах, или же, признавая проблему, полагают, что в данном случае достаточно ориентироваться на «здоровый смысл» (такова позиция Штукельбергера).

Однако, если уйти от нарочитого противопоставления философского и практического, то получим непрямолинейность теоретического базиса цифровой этики, что делает ее методологию уязвимой, а развитие как отдельной дисциплины невозможным.

В данном докладе проблема теоретического базиса представлена в двух составляющих: а) проблема соотношения цифрового и физического миров, которая в широком смысле является проблемой онтологии объекта, и б) проблема природы морального субъекта, которая в широком смысле является проблемой онтологии субъекта.

1. Цифровая этика на данный момент еще не имеет целостного теоретического фундамента, чему во многом мешает изначальная ориентированность на решение сугубо прикладных задач. Подобная ситуация не была критической на ранних этапах цифровизации общества (условно «доцифровой» современности, т.е. до изобретения цифровых технологий, и цифровой современности, т.е. уже с цифровыми технологиями, но «аналоговым» миром), но сегодня – в третьем периоде (цифровой постсовременности, т.е. с цифровыми технологиями и уже цифровым миром) перед философией стоит задача большая, чем просто экспортировать опыт старых наработок в новую предметную область, необходима переориентация моральной проблематики на основе цифрового опыта, чтобы теоретическая работа являлась как технически грамотной, так и была обращена на решение классических моральных проблем.

2. Единство пространства поступка морального субъекта, соответственно, и его моральный статус, скрыты за разделением цифрового и физического миров. Это не позволяет провести концептуализацию единства морального поступка. Данную проблему невозможно разрешить без ориентации этики на субъект, который совершает поступок в разных пространствах. Так как единство морали есть выражение единства субъекта, а не единства пространства, в котором тот совершает поступок, то перед цифровой этикой стоит проблема создания определенной – субъект-ориентированной – теории морали, без чего она не сможет преодолеть моральный разрыв двух пространств.

Цифровая этика не способна преодолеть данные ограничения, оставаясь на уровне практической этики без выхода на уровень теории морали.

Литература:

1. Treleaven P., Barnett J., Koshiyama A. Algorithms: law and regulation // Computer. 2019. Т. 52. №2. P. 32–40.
2. Hoffman L.J. Security and Privacy in Computer Systems. Los Angeles, CA: Melville Publications, 1973.
3. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
4. Floridi L. The ethics of information. Oxford: Oxford University Press, 2013.
5. Stuckelberger Ch., Duggal P. Cyber Ethics 4.0: Serving Humanity with Values. Geneva: Globethics.net, 2018.
6. Hanna R., Kazim E. Philosophical foundations for digital ethics and AI Ethics: a dignitarian approach // AI and Ethics. 2021. Т. 1. P. 405–423.

Положенцев Андрей Михайлович
к.филос.н, доцент

Высшая школа технологии и энергетики, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Общество как усилитель страстей

Большинство наших теорий того, что есть общество, основывается на конвенциональной парадигме, согласно которой оно представляет собой результат определенных сознательных волевых усилий его членов. В обществе мы обладаем большей силой для выполнения своей основной задачи – выживания. Здесь выгоднее, безопаснее, теплее, легче, дольше. Это его первая фундаментальная функция. В усвоении этой аксиомы и состоит суть воспитания. И потому мы сами охотно подчиняемся тем видам насилия, которое общество применяет в отношении нас, мы уверены – оно оправдано. Выгода, которую оно преследует – само наше существование.

Другим фундаментальным обстоятельством является то, что мы сами мыслим общество (культуру, социальность и пр., включая сам разум), как нечто искусственное, как новую сущность, которой нет в природе, но что ею пользуется и ей противопоставит в своей новой мощи. Это подчеркивается современной идеей исхода из рабства у природы и ее покорения. Наша мысль успокаивается именно в такой самоисключительности. Природа vs. культура – фундаментальная проблема и оппозиция антропологии.

Однако одних волевых усилий для создания общества недостаточно. У него есть и биологические основания. Чтобы составить общество, необходимо иметь в крови коктейль из специфических веществ – гормонов, нейротрансмиттеров, которые склеивают индивидов одного рода и популяции в нечто более сильное и значимое. Вазопрессин, серотонин, и еще много чего необходимо, чтобы общество стало возможным, а не только пресловутый «общественный договор». Это его нейрофизиологические, или эмпирические условия.

Общество – продолжение природы, его возможность заложена нашей физиологией. Чтобы сделать «надстройку», необходим особенный фундамент. Нам известны различные типы социальности у животных – прайды, стаи, стада. И человеческое общество явным образом от них отличается. И не столько наличием искусственных элементов – членораздельной речи, одежды, власти, армии – но и на физиологическом уровне. У человека многие свойства усилены, возведены в степень. Он более жаден, чем свинья, более хитер, чем лиса, более кровожаден, чем волк, более стаден, чем баран. У него всего «сверх». И это – заслуга общества. Тогда общество можно назвать усилителем наших физиологических транзмиттеров. Можно использовать более привычное для философии слово – страстей. Общество – не просто надстройка над природой, искусственный довесок к ней, созданный самим человеком. Общество – это эффект умножения. Наши страсти вступают в когерентные отношения со страстями других индивидов, создавая более мощную среду для продуцирования и последующей сублимации аффектов. То есть общество не продукт практической цели выживания и рационального производства, а результат нашей физиологии, спонтанно возникающего способа порождения и утилизации аффектов, страстей, пороков. Общество первоначально – это способ самоорганизации аффектов, а затем искусство управления ими, менеджмент. Счастье, уважение, слава, жажда власти, богатства, секса, игры, удовольствий, которые возможны для высоких форм жизни, общество умножает, возводит в степень, дает гораздо большие возможности для продуцирования этих и подобных им переживаний. Логика развития общества неизбежно движется не только в сторону увеличения контроля над аффектами, но и к увеличению аффективности той или иной культуры, усилению патологических форм. Правда, они приобретают здесь культурную форму, иногда тонкую или изысканную, иногда грубую, но доступную большинству. Так общество работает в виде центра, силы, притягивающей к себе и в себя отдельные существа силою имитации, вождения или просто воспроизводства

неких желаемых, одобряемых, значимых форм и стилей жизни, которых не может в такой интенсивности дать природа.

Попов Александр Александрович
научный сотрудник

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

Технические стандарты в области больших данных и этика, могут ли они подружиться?

Большие данные (Big Data) имеют огромное значение в современном информационном обществе, поскольку меняют подходы к принятию решений, трансформируют социальные практики, оказывают влияние на переосмысление моральных норм и ценностей.

Большая часть современных технологий, включая Big Data, регламентируются техническими стандартами. Такие стандарты играют важную роль в работе с большими данными, обеспечивают эффективность, безопасность и взаимодействие различных систем и приложений. Однако не всегда технические стандарты способны заполнить пробелы в этическом регулировании больших данных.

Технические стандарты содержат ряд морально чувствительных понятий: конфиденциальность, прозрачность, анонимизация, минимизация собираемых данных, добровольное согласие на обработку персональных данных и др. Однако соблюдение технических стандартов не всегда гарантирует защиту достоинства личности, чьи данные попадают в большие дата-сети, ее моральной автономии. Одних только технических стандартов работы с Big Data недостаточно, чтобы обеспечить высокий уровень доверия технологии. Поэтому актуальны иные способы моральной регуляции работы с большими данными:

- разработка и применение технических стандартов с учетом принципов этики больших данных;
- разработка кодексов этики для специалистов в области больших данных;
- включение дисциплин и модулей по этике в программы обучения специалистов в области больших данных;
- создание независимых органов, занимающихся контролем соблюдения норм и принципов этики больших данных.

Для того чтобы технические стандарты отвечали ключевым принципам этики больших данных, необходимо привлекать к их разработке междисциплинарные коллективы, включающие как профессионалов по работе с данными, так и специалистов по этике.

Методы сбора и обработки больших данных постоянно развиваются, поэтому стандарты должны быть гибкими и способными адаптироваться к новым моральным вызовам. Обеспечение соблюдения технических стандартов и этических принципов в области больших данных является сложной задачей. Необходимо внедрять адекватные ситуации механизмы контроля и самоконтроля, чтобы обеспечить соблюдение норм этики больших данных всеми заинтересованными сторонами, включая организацию, специалистов и пользователей. Сочетание технических стандартов и этики больших данных может вызывать некоторые противоречия между необходимостью развития технологий и защитой прав и интересов пользователей. Необходимо найти баланс между стимулированием инноваций и обеспечением соблюдения моральных требований при работе с большими данными, а также баланс между личным и общим благом. Пользователь может добровольно предоставить свои данные для развития общественно полезной технологии, но для этого необходимо обеспечить максимальную прозрачность технологии еще на этапе ее дизайна.

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

Рябова Екатерина Юрьевна
аспирант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
Этическое потребление как социальная инновация: за и против

Важной частью комплекса идей, обозначающих поворот современного общества к новой этике, являются представления о том, что потребительские практики Нового времени превратились из условия успешного социального развития в угрозу для природы и общества. Становление общества потребления оказало влияние на культуру, позиционируя обладание вещами, материальный успех как самоцель и важнейший показатель социального статуса. Безудержное потребление привело к резкому увеличению темпа сокращения ресурсов и загрязнению окружающей среды, поставив под вопрос само существование человечества в будущем.

Для того, чтобы преломить эти негативные тенденции требуется новая этика потребления. Основой для осознанного формирования ответственных социальных практик в сфере потребления может стать этическое потребление, которое представляет собой комплекс идей и основанных на них практик, предполагающих выбор потребителями товаров, производители которых демонстрируют высокую экологическую и социальную ответственность. Это экологически чистые товары, на всех этапах производства которых не наносится ущерб окружающей среде и правам человека, работники получают справедливое вознаграждение и т.д. Напротив, те товары, при производстве которых загрязнялась атмосфера, вода и земля, проводилось тестирование на животных, использовался детский или подневольный труд и т.д., предлагается бойкотировать, даже если их цена будет гораздо ниже «этичных» аналогов. Следуя основным постулатам новой этики потребления человек способен изменить свои потребительские практики и облегчить тем самым путь к решению многих локальных, региональных и общечеловеческих проблем.

Объемное видение проблем этического потребления предполагает учет и возможных негативных последствий, поддерживаемых им практик. В ряде случаев такое потребление может рассматриваться как своеобразный рекламный ход крупных корпораций, снимающий с человека ответственность за свои действия: по факту человек продолжает в том же темпе (или даже еще интенсивнее) потреблять конечные ресурсы, успокаивая себя тем, что приобретает им товары являются «этичными», то есть кто-то другой до него позаботился об их «моральной чистоте». Однако насколько можно доверять подобным заверениям производителям? Меняется ли сущность потребительского общества от того, что на товарах появляется ярлык «этичный»? Не требует ли переход к экологическому обществу и социальной справедливости более радикальных мер, а не косметической коррекции привычных практик?

Кроме того, идеи этического потребления (как и вся система новой этики) обращены к индивиду. Однако не слишком ли утопична надежда на экологическую и социальную сознательность индивида, может ли она реально преломить резко ухудшающуюся ситуацию в системе «общество-природа»? Не останется ли цена товара более важным стимулом для рационально мыслящего потребителя, чем моральные соображения? Как представляется, для решения проблемы нужны действия государства, корпораций, общественных движений, законодательный запрет на производство определенных товаров, коллективные стимулы и санкции, порождающие структурные изменения в обществе, а не только призывы к изменению индивидуальных потребительских практик.

Для того, чтобы дать адекватный ответ на все возникающие вопросы, важна эволюция потребителя, от пассивного объекта, ожидающего благ, к активному субъекту, глубоко понимающему и осознающему на высоком теоретическом уровне острые социальные проблемы современного мира (увеличивающийся разрыв между человеком и природой, отчуждение от других, вещизм, социальную несправедливость и т.д.), стремящегося к наилучшему их разрешению. Чтобы эти усилия были результа-

тивные, необходимо и встречное движение государства, бизнеса к потребителю – предоставление ему инфраструктуры, законов, ресурсов, средств, стимулирующих и поддерживающих практики этичного потребления.

РНФ №23-28-01167 «“Новая этика”: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Салганова Елена Ивановна

к.соц.н., доцент

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)

Цифровая среда в образовательных организациях уральского региона: вызовы, современное состояние и угрозы

Доклад посвящен исследованию современного состояния и проблем развития цифровой среды в образовательных организациях в регионе. Переход к цифровой экономике в России предполагает повышению качества профессиональной подготовки специалистов, которые должны не только критически мыслить, но и максимально применять на практике интеллектуальный и креативный потенциал, эффективно работать в цифровом пространстве, используя современные информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности. Однако, как показывает практика, темпы цифровизации несколько опережают цифровые умения и навыки молодых россиян. Именно это предопределило создание цифровой среды в образовательных организациях как одного из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Все это актуализирует изучение современного состояния, перспектив, проблем и угроз развития цифровой образовательной среды. Цель исследования – выявление современного состояния и проблем развития цифровой среды в образовательных организациях. Эмпирической базой исследования выступили результаты конкретного социологического исследования, проведенного автором в марте-мае 2022 года, при финансовой поддержке Российского научного фонда Конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22–18–20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)». По стандартизированной анкете опрошено 5367 педагогов общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций (колледжи, техникумы) Челябинской области и 344 респондентов из числа профессорско-преподавательского состава вузов г. Челябинска. Предмет исследования – состояние и проблемы развития цифровой среды в образовательных организациях региона. На основе теоретико-методологического анализа и результатов конкретного социологического исследования проанализировано современное состояние развития цифровой образовательной среды; дана оценка сформированности цифровых компетенций педагогов, сформированности у них навыков распознавания угроз виртуального пространства; проанализированы факторы и проблемы. Результаты проведенного социологического исследования выявили ряд проблем, среди которых недостаточная готовность педагогов участвовать в формировании соответствующих цифровых компетенций обучающихся, а также низкая степень компетентности в сфере обеспечения собственной безопасности в интернет-пространстве педагогов; потребность в модернизации системы образования на всех ее уровнях и т.д. В настоящее время далеко не все образовательные организации региона технически готовы к этому, имеют соответствующую материально-техническую и лабораторную базу, многие образовательные программы, направления подготовки не нацелены на формирование соответствующих цифровых компетенций, не владеют ими в полной мере и педагоги, профессорско-преподавательский состав образовательных организаций. Отсюда ограниченность некоторых обучающихся к овладению необходимых цифровых компетенций, в большей мере это затрагивает обучающихся из семей с низким и средним уровнем жизни. Имеется потребность в разработке методов безопасного использования обучающихся и педагогов цифрового контента, профилактики распространения деструктивных интернет-практик среди молодежи.

По итогам исследования разработаны рекомендации, направленные на повышение цифровой грамотности обучающихся и педагогов образовательных организаций региона. РНФ №23-28-00855 «Ценностно-смысловое измерение субъектности современной молодежи: возможности и угрозы цифрового общества»

Спирин Тихон Викторович

аспирант, Волгоградский государственный университет

Традиционные этические системы как скандал: генезис новых этических дилемм

Занятие философией — это подбор разумных ключей и отмычек к интуитивным данным. В деле философа, к какой бы школе, традиции, направлению он не принадлежал, важным остается попытка объяснить, что происходит. Невооруженным глазом наблюдается смещение этических норм, критика традиционных представлений о морали и попытка ускользнуть от этики. Но происходящее не спасает от возникновения новых этических дилемм, которые появляются на стыке секуляризованного и религиозного смысловых пространств. Существует два момента, ярко представленных в современной культуре.

Первый момент. Человек, идентифицирующий себя как, например, мусульманин, но фактически им не являющийся, попадает в ситуацию смещения ориентиров. Так, оказываясь перед этическим выбором, он старается уловить точку, в которой он может оправдаться как в своих религиозных, так и в секулярных представлениях о морали. Вторжение реальных этических традиционных структур, широко представленных в открытых источниках, к которым человек обращается, становится скандалом.

Второй момент. Иррациональные практики людей, не считающих себя религиозными. Такие практики встречаются в воплощении идеи новогоднего чуда. Одним из ритуалов, позволяющих приобщиться к новогоднему чуду, является загадывание желания: человек под бой курантов пишет желание на бумаге, сжигает ее, пепел высыпает в бокал с шампанским и выпивает содержимое бокала. М. Элиаде пишет, что «большинство «неверующих» ведут себя еще религиозно, хотя сами и не осознают этого». Классик религиоведения приводит примеры празднеств, например, по случаю Нового Года и переезда в новый дом. В указанных актах проявляется крипторелигиозность, т.к. подобные события заключают в себе структуру обряда обновления. Смерть порождает страх. Особое напряжение, создающееся страхом, может разрядиться за счет иррациональных и псевдоархаических (напоминающих так называемые ранние формы религии) практик. Указание на это становится скандалом, т.к. современный человек, так часто обращающийся к псевдодуховным практикам, сталкивается с обличением несостоятельности его идентификации: либо секулярность, либо религиозность.

Таким образом, традиционные этические системы, становятся скандалом для тех, кто проводит ошибочную идентификацию. Новые этические дилеммы появляются в свете, с одной стороны, желания найти точку оправдания перед несколькими этическими системами одновременно, с другой, в тенденции сделать из традиции козла отпущения, указать на несостоятельность «старой» этики, которая обличает актуальные поступки.

Литература:

1. Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. М., 2020. – 376 с.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы. М., 2019. – 415 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018. – 808 с.
4. Религиозное сознание в постсекулярном обществе. М., 2020. – 194 с.
5. Рогозинский Ж. Джихадизм: назад, к жертвоприношениям. М., 2021. – 184 с.
6. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 2019. – 254 с.
7. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. – 144 с.

Сунами Артем Николаевич
к.полит.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Ценностный статус цифровых технологий: проблемы аргументации

За последние годы градус дебатов вокруг этических проблем цифровизации экспоненциально растет. Вероятно, одними из наиболее существенных вопросов повестки остаются проблемы ценностной нейтральности цифровых технологий и необходимости выработки цифровой этики. Несмотря на то, что по заявлению Яны Мишич, цифровая этика формируется как бы сама собой [1], доминирующей остается позиция, высказанная Антоном Ивановым: «...никакого специального понятия цифровой этики не нужно, — это обычная этика, только в цифровой сфере» [2, с. 67]. Тем не менее, нарастающая цифровизация требует от моральной философии реакции на все новые вызовы и манифестируемые позиции порой радикально расходятся.

Итак, первый тезис, в котором концентрировано представлен фрейм дискуссии емко обрисован в обзорной статье Джозефа Питта «Убивает не оружие, убивают люди». Суть позиции в том, что сами по себе технологии не имеют ценностей, они в них не встроены и не содержатся [3]. И в общем то, до последнего времени мало кто спорил с этим утверждением. Тем не менее, можно наблюдать в современных этических исследованиях вполне отчетливую тенденцию по расширению круга моральных агентов, продолжающую линию Питера Сингера, ищущего основания для включения в этот клуб нечеловеческих существ, но теперь уже в отношении феноменов виртуальной реальности, как это делает в своих последних работах Дэвид Чалмерс [4].

Если, все же, мы будем отталкиваться от тезиса Джозефа Питта, то следующим пунктом будет вопрос о том, что даже если мы не можем наделять технологии ценностями, то вероятно допустить их моральное измерение мы вынуждены.

Петер-Поль Вербек заключает, что «технологии имеют моральное значение и что этике необходимо расширить свой “гуманистический фокус”, чтобы принять это во внимание, и поднять вопрос, как концептуализировать этику технологий» [5, с. 41]. А в уже упомянутой работе Джозеф Питт также соглашается с тем, что технологии, как результат человеческих решений, содержат в себе ценностный компонент.

Таким образом, поиск может не цифровой этики, но моделей адаптации доцифровой этики к цифровым феноменом является одной из магистральных линий, как теоретической, так и прикладной этик.

Литература:

1. Mišić, J. (2021), Ethics and governance in the digital age, *European View*, 20 (2), pp. 175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>
 2. Иванов, А. А. (2021), Цифровая этика и право, *Закон*, №4, с. 67–73.
 3. Pitt, J.C. (2014), “Guns Don’t Kill, People Kill”; Values in and/or Around Technologies. In: Kroes, P., Verbeek, P.-P. (Eds.) *The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology*, Berlin: Springer. pp. 89-102. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6
 4. Chalmers, D.J. (2022), *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New-York: W.W. Norton & Co.
 5. Verbeek, P.-P. (2011), *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*, Chicago: University of Chicago Press.
- РНФ №23-28-00220 «Трансформация морального сознания “цифрового общества”:
новые стратегии и риски»

Сычев Андрей Анатольевич
д.филол.н., профессор

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
«Скандал в этике»

Если до Нового времени философия была, прежде всего, метафизикой, в которой бытие мира представлялось самоочевидным, то после «эпистемологического поворо-

та» XVII-XVIII единственной реальностью, не подлежащей сомнению, оказалось сознание. Философия, претендующая на решение важнейших вопросов мироздания, продемонстрировала неспособность обосновать даже существование внешнего мира. И Кант писал, что такое положение «нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума» [1, с. 101].

Нечто подобное произошло и с моралью. Если в традиционном обществе источником нормативности считалось внешнее начало (Бог, природа, государственные законы), то в Новое время было признано, что мораль имеет свои основания в действиях автономного субъекта. В итоге этика, призванная стать руководством к благой жизни, оказалась лишена объективных общезначимых оснований. «Скандал в этике» отражен в таких концепциях, как «гильотина Юма» (которая демонстрирует, что нормативные высказывания не могут опираться на объективные факты) и «натуралистическая ошибка» Дж. Мура (показывающая, что добро невозможно свести к природным качествам).

Один из популярных вариантов подхода к «скандалу в философии» предполагает, что множественность субъективных позиций – нормальное состояние мысли. Борьба противоположных мнений – необходимая предпосылка для развития философии: «Не принуждая всех к принятию одной, единственно истинной точки зрения, философия разрабатывает все более богатый спектр таких точек зрения. И каждая из них может открыть новые горизонты познания, новые пути приспособления к окружающему нас миру» [2, с. 6].

Насколько такой диалектический подход применим при решении моральных проблем, где нужно совершить выбор одного из многих вариантов действий? По мнению А. Макинтайра многообразие противостоящих друг другу этических концепций требует современного индивидом только для того, чтобы оправдать свою субъективную позицию. Закономерным следствием этого является отождествление морали с желанием субъекта. В итоге единая некогда мораль оказывается фрагментированной и рассогласованной.

Ради восстановления ее целостности консервативно настроенные исследователи предлагают вернуться к религиозным заповедям, национальным традициям, государственным или коллективным потребностям и т.д. Эти призывы вызывают возражения оппонентов, утверждающих, что мораль невозможна без автономии субъекта.

В итоге публичный дискурс радикализируется: сложное многообразие этических концепций искусственно редуцируется к двум крайним позициям, которые условно можно обозначить как «старую» и «новую» этики.

Если «старая» этика воспроизводит традиционалистские, консервативные аргументы с позиции власти и большинства, апеллируя к порядку и субординации, то «новая» формируется как последовательное отрицание «старой» – защита индивидуального выбора, личной свободы и достоинства угнетенных групп. Основные усилия как «новой», так и «старой» этики направлены не на позитивные цели, а на опорочивание противника. Индикатором ценностного разрыва и механизмом дискредитации в этой борьбе становится скандал.

«Старая» этика сводит «новую» к агрессивному отстаиванию субъективизма, концентрируясь на наиболее скандальных ситуациях: защите ненормативных для традиционной морали практик, требованиях предпочтений, компенсаций и признания вины со стороны тех, кто принадлежит к большинству. «Новая» этика, напротив, воспринимает как скандал действия и высказывания, дискриминирующие меньшинства, призывая к бойкоту и «отмене» тех, кто позволяет себе подобное.

Скандализация, несмотря на морализаторский пафос, ведет не к преодолению, а к обострению «скандала в этике». Мораль состоит в постоянном согласовании индивидуальных, групповых, общественных интересов, а значит противопоставление индивидуальных ценностей коллективному, большинства – меньшинствам, порядка – свободе и т.д. является путем, уводящим от морали.

Литература:

1. Кант И. Соч. В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т.3. – 799 с.
 2. Уемов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Негоциант, 2000. – 160 с.
- РНФ №23-28-01167 ««Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы»

Ушкин Сергей Геннадьевич

к.соц.н., ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга, отдел мониторинга социальных процессов; исследовательский менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения; младший научный сотрудник, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

Практики сбора персональных данных: три доминанты эмоционального восприятия

Проблема сбора персональных данных долгое время была и остается на периферии интереса к ней со стороны россиян, находясь во втором эшелоне важных для них тем общественного дискурса [Седова, 2005]. Граждане традиционно полагаются в этом вопросе не на себя, а на государственные органы, практически не рефлексируя о том, насколько они в действительности защищены от потенциальных рисков [Добролюбова и др., 2020].

Приватность в нашем мире становится иллюзорной, любое действие в сети интернет априорно подразумевает отказ гражданина от обоснованных ожиданий на сохранность размещаемых данных [Орлов, Шаткин, 2019]. Зачастую этим пользуются различные компании, в том числе для вмешательства в общественно-политические процессы [Володенков, 2018].

Возникает некий «парадокс приватности», когда пользователи, даже зная о предполагаемых рисках, продолжают пользоваться теми или иными сайтами или гаджетами [Ушкин, Коваль, 2023]. Впрочем, очень часто сбор персональных данных осуществляется формально, оказывается достаточным разместить на сайте политику в отношении их обработки, попросить разрешение на работу с cookie-файлами, сделать чек-бокс с формулировкой о разрешении использования персональных данных и хранить всю информацию на российских серверах. Подобные практики становятся все более абсурдными, похожими на ритуалы, а потому — требуют большей осознанности от пользователей [Коваль и др., 2020].

Что в действительности российские пользователи знают о практиках сбора персональных данных? Какие эмоции испытывают, когда встречаются с ними? Это два ключевых вопроса, ответы на которые мы попытались получить в одном из блоков проведенного нами в мае-апреле 2023 г. исследования о медиапредпочтениях населения Республики Мордовия. Всего мы опросили 1 000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, выборка квотная, репрезентует структуру региона по полу, возрасту и месту проживания.

Проведенное количественное исследование показало, что знает или что-то слышал о практиках сбора персональных данных пользователей со стороны компаний каждый второй опрошенный (53%). Не была проинформированы об этом пятая часть опрошенных (21%), преимущественно пенсионеры и домохозяйки. Остальные (26%) затруднились с ответом, наиболее часто такой точки зрения придерживались респонденты за пределами столицы региона и люди без высшего образования.

Эмоциональное восприятие подобного рода практик сбора смещено в сторону негатива. Каждый третий опрошенный относится к ним с неприязнью, раздражением (33%), каждый четвертый говорит о страхе (26%), каждый десятый (8%) — об отвращении, ненависти. Только пятая часть декларирует безразличие (18%). И лишь у 3% это вызывает позитивные эмоции — восхищение, уважение или симпатию. Каждый третий (33%) не сформировал своего отношения. При этом важно отметить, что две трети респондентов (65%) проявляет недоверие к подобного рода акторам.

Таким образом, можно сделать два значимых вывода. Во-первых, наши сограждане не рефлексируют о проблемах сбора персональных данных, проблематика не эксплицируется в повседневном дискурсе, информированность о ней умеренная. Во-вторых, можно выделить три доминанты эмоционального восприятия — безразличие, раздражение, страх — следствием влияния которых является недоверие к подобного рода действиям.

Литература:

Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №44. С.205-212.

Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков // Социологические исследования. 2020. №7. С.70–81.

Коваль Е.А., Мартынова М.Д., Жадунова Н.В. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления // Этическая мысль. 2020. Т. 20. №2. С.115–131.

Орлов М.О., Шаткин М.А. Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты // Социологические исследования. 2019. №4. С.15–26.

Седова Н. Н. Общественное мнение о персональных данных и их обороте в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. №4. С.79–94.

Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №3. С. 23–40.

РНФ №23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»

«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЦЕНА»

материалы круглого стола

Авдеева Ирина Александровна

к.ф.н, доцент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Перспективы нормативности в условиях глобализации

Во второй половине XX века в дискуссиях о перспективах социального, политического, экономического и культурного развития начала разрабатываться идея глобального этоса. Подкрепленная тезисами об активно развивающемся глобальном коммуникативном пространстве на основаниях имеющего место глобального экономического пространства и технической базы информационного общества, идея глобального этоса. Поскольку речь с оптимизмом шла о новом типе полисной морали применительно к новым условиям социально-экономического развития, то понятие глобального этоса становится этическим проектом будущего социально-политического и социокультурного развития. Как проект социальной этики идея глобального этоса предполагала некую систему моральных норм, способную обеспечить наполнение содержанием понятие этоса как, прежде всего, понятия этического. В качестве базовых оснований предлагались программы этики прав человека, идеи общего ценностного ядра морального сознания различных культур и общих этических инвариантов морального поведения, а также теоретические подходы, способные стать программой практических действий, как например, дискурсивный подход, концепция самоорганизации глобального коммуникативного пространства или этика глобальной ответственности, предложенные современной философией. Однако тут же обозначились и 2 различных подхода к возможности идеи глобального этоса, которые мы могли бы условно назвать оптимистическим и пессимистическим. Второй подход настаивал на невозможности перенесения идеи глобального в социокультурную область. По этой причине сама возможность создания некой этико-нормативной системы в пространстве нового этоса выглядела утопичной при разнообразии различных культур, где ценностные структуры имели собственную этико-нормативную специфику. Более того, со временем наблюдаются устойчивые тенденции подмены этического содержания понятия «глобальный этос» политическим содержанием, весьма отличающимся от этического содержания понятия «полисность». В результате в теоретических исследованиях мы все чаще встречаемся с понятием политического этоса, который уже претендует на то, чтобы выйти за пределы сферы политики и приобрести более широкий смысл в том числе в отношении создания нормативных смыслов глобального социокоммуникативного пространства на основе создания политических дискурсов. Однако, на наш взгляд, таким образом происходит «вытеснение» этического смысла понятия «этос» как пространства существования общих моральных нормативных систем на базе более глубоких ценностных предпочтений, нежели частные политические интересы малых социальных групп.

Ситуация усугубляется за счет неустойчивого терминологического статуса и самого понятия «этос». Таким образом, следует вернуться к поиску максимально широкого значения понятия «этос», где нормативность не теряла бы своей общей социальной значимости (как например, в системах профессиональных этик) и соотносилась бы со совокупностью частных культурных значений этико-социальной нормы, как это было бы в случае соотнесения нормативности с полисной моралью как синтезом политической-, социально- и культурнозначимых смыслов, разделяемых большинством субъек-

тов социальной коммуникации. Это могло бы открыть практические возможности для идеи А.Макинтайра к возрождению нормативной морали через добродетель, содержание которой закреплялось бы в этосах как системах реальных ценностных предпочтений общего социального, коммуникативного или политического пространства.

Азаров Константин Валерьевич

PhD, ассистент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина

Чжуан-цзы для антропоцена

Чжуан-цзы достаточно сильно повезло с современными западными тенденциями. Его регулярно возобновляемый в различных интерпретациях образ глубоко связан с определенной экологической озабоченностью. Более того, весь даосизм преподносят в качестве «зеленой религии» (см. например книгу Джеймса Миллера, *China's Green Religion 2017-го года*; Рассел Гудман полагает найти в даосистах 5-4 веков до н.э. Чжуан-цзы и Лао-цзы проponentов использования солнечной энергии). В разговоре об экологии и Чжуан-цзы, последний обычно предстает в светлом образе удивительной антропо-экологической целостности. И действительно, Чжуан-цзы оставил нам, например, рассказ о земляных флейтах, где наша речь и вой в дупле дерева выступают по сути одним и тем же явлением. Чжуан-цзы отстаивает свое право чувствовать себя как рыба. На возражение Хуэй-цзы, что Чжуан-цзы не будучи рыбой не знает каково это, Чжуан-цзы отвечает, что Хуэй-цзы и также не знает как каково это, так и что именно Чжуан-цзы известно, а что нет. Более того, один из главных сюжетов Чжуан-цзы, – это преодоление самоцентричности и переключение сознания с акцентирования себя на акцентирование процесса. Безусловно, храня в себе удивительные эвристические инструменты, допускающие человеку переосмыслить себя и скинуть шоры, Чжуан-цзы говорит и о других вещах. В связи с этим кажется продуктивным для эко-дискуссий с одной стороны, и для переоценки Чжуан-цзы, с другой, посмотреть как могут некоторые части древнего китайского трактата помочь в данных дискуссиях, а заодно подчеркнуть некоторые упускаемые там смыслы.

Нужно понимать, что древность этого автора, инаковость его логики, отличность его мира нашему, не должна исчезнуть. Прежде всего должна быть учтена этически-нейтральная установка Чжуан-цзы, являющаяся во многом результатом преодоления антропоцентризма. Субъект Чжуан-цзы – это действительно поток, он не ответственен моральным нормам, а, как сформулировал это Христиан Вензель, такой субъект ситуативно-ответственен (“situation-responsive”). Но как возможно этическое измерение поступка в случае Чжуан-цзы? Кого следует винить за действие, которое замыкается в себе? Чад Хансен постулирует, что по Чжуан-цзы все, что можно сказать о нацистской Германии, — это то, что «Гитлер случился» (“Hitler happened”). Вензель считает, что Чжуан-цзы останавливается там, где начинается этика, и единственной предоставляемой мерой является успех действия агента, самоидентифицирующего себя и действие. Роберт Ино (Robert Eno) считает, что по Чжуан-цзы существуют надежные практические знания и недостоверные теоретические знания, которые «ослепляют нас», и традиционно рассматриваемая этика принадлежит ко второй группе. Более того, по словам Ино, текст Чжуан-цзы противостоит любому искушению заложить основу для теории, которая позволила бы нам преобразовать оценку мастерства в последовательную этику.

А экология как идеология, безусловно, оказывается в той же категории, что и этика, она так же теоретична, и так же, как о холокосте, об экологическом холокосте словарь последовательного даосистского подхода будет радикально ограничен. Более того, без этики как мотиватора любая экологическая инициатива окажется лишенной императивности, и, похоже, что эта проблема особенно остро встает перед анти-, транс- и пост- гуманистическими подходами.

Хотя Чжуан-цзы призывает нас учиться выходить из самоцентрированности, ему не свойственна никакая этическая установка, а кроме того, он также учит нас не верить

ощущениям успеха таких попыток, так как по Чжуан-цзы и Лао-цзы такая вера ограничивает свой собственный объект.

Большакова Анастасия Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

Этика цифровой идентичности

Появление и стремительное развитие цифровой (гипер)реальности ставит перед личностью, социумом, миром определенные проблемы, артикуляция (и решение которых возложено на сравнительно новую и актуальную науку (раздел философии) – цифровую этику. Одной из наиболее значимых тем, находящихся в фокусе этической рефлексии в условиях цифровизации является появление комплексного, многоаспектного феномена цифровой идентичности, его неоднозначные интерпретации и этические проблемы/дилеммы, неразрывно с ним связанные.

Цифровой мир несет в себе несколько диспозитивов: цифровые законы и правила, открытые или тайные пространства, сообщества фиктивных личностей, ИИ; воздействие которых на физическую реальность выстраивает телесную (и беспространственную) идентичность. Цифровая идентичность сохраняет динамичность и открытость идентичности личностной, привычной, но технологические тенденции придают ей новые черты. Если ранее, в ситуации отсутствия доминирования, диктата виртуальности, идентичность определялась самим субъектом и обществом, мыслилась как ощущение настоящности, непротиворечивости, как самоподобие индивида и осознание собственной уникальности, непохожести (У. Джемс, Э. Эриксон, К. Ясперс), то теперь ее стоит определять как коллекцию цифровых следов пользователя, выстраивающуюся на основе трех компонентов:

1. Декларативная идентичность – данные, выложенные пользователем в сеть добровольно.

2. Действующая идентичность – данные, полученные на основе работы файлов cookie и IP-адреса.

3. Вычисляемая идентичность – собранный на основе первых двух компонентов образ и неподконтрольные субъекту данные (оставленные третьими лицами).

Вышеперечисленные структурные элементы, образуя единое целое, и определяют цифровую идентичность субъекта, позволяя выделить ее фундаментальное отличие от идентичности-до-виртуальности – она способна идти вразрез воли субъекта, циркулировать в сети абсолютно независимо от своего носителя. Кроме прочего, процессы цифровизации устраняют телесность как важнейшую идентификационную и интерпретативную категорию идентичности. Оно утрачивает функцию внешнего и пространственного, истинного («нехватка внешнего») придает истине структуру фикции (Ж. Лакан)), происходит глобальная перестройка этических норм.

Утрата экзистенциальной опоры и ощущения пространства, тела, как уже было отмечено выше, бросает современному обществу новые, этические вызовы.

1. Идентичность обуславливается «сохраняющимися паттернами информации и ее обработки», что влечет за собой маркетизацию, проектизацию личности, и, как следствие, обширные этические и правовые репутационные проблемы. Цифровая саморепрезентация субъекта зачастую выстраивается по фиктивному, иллюзорному или ложному пути, завися от неактуальной или некорректной информации в сети. Как выстроить истинный образ, когда цифровые следы невозможно «замести»?

2. Цифровая идентичность как разнородный конструкт актуализирует активность цифровых двойников, которые с развитием алгоритмов ИИ приобрели автономность и системность (чат-боты, «копирующие» личность, наделенные возможностью действовать от ее лица). Как сохранить свою настоящность, находясь в зеркальном лабиринте ложных я?

3. Смерть как «неизбежная ставка классической этики» в цифровом мире устраняется, отсутствие телесности прочно вписывает идентичность в (бес)пространственность,

создавая вечный цифровой симулякр личности и препятствуя возможности умереть. Как достичь Смерти, когда цифровой симулякр субъекта превышает продолжительность человеческой жизни?

4. Явление дипфейка в цифровой среде форсируется, и этический вопрос причинности (поступка) радикально видоизменяется. Как этически измерить действие пользователя, которое им не совершалось?

5. Цифровая идентичность открыта для эксплуатации. Виртуальность «окрашена» постпаноптическими методами наблюдения и контроля (власть невидима, а пользователи прозрачны), и манипулирование информационными потоками возводится в Абсолют. Как избежать стигматизации, когда ты всегда под надзором, прекрасно видим и легко читаем?

Таким образом, мы пытаемся подчеркнуть тот факт, что проблема цифровой идентичности требует решительных изменений в правилах и нормах этического регулирования в цифровой среде, закрепления роли цифровой этики как универсального ретранслятора новых ценностей, применимых к субъектам в современных реалиях.

Григорьева Екатерина Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Этика человеческого и нечеловеческого и Другого

«Я – это Другой» [5, 51], – приведенное завещание А. Рембо ознаменует возможность разговора о парадоксальной трещине, находящейся в основании *cogito*, о фундаментальной расколотости мыслящего субъекта. Мною что-то мыслит, как следует из приведенных слов: я наблюдаю за своей мыслью, она покидает меня, в конечном счете я становлюсь Другим, фактически теряя прежнюю атомарность или видимость таковой.

Французская писательница Лаура – К. Пеньо – говорила о том, как два зеркала, с помощью которых она, будучи еще совсем маленьким ребенком, разделяла и соединяла собственное зеркальное отражение, стали условием ее литературного творчества и, в конечном счете, ее самой [1, 213]. Играя с интуицией аннигиляции, она разрушала свою прежнюю неделимость, приближая свой образ к образу Другого.

Как в этих обстоятельствах – тогда, когда мы говорим о себе как о Другом – мы можем говорить об этике и что будет составлять ее основание?

В докладе исследуется возможность переосмысления классических вопросов морали в связи с обозначенной трансформацией понятия человека. Следствием этой трансформации станет возможность разговора об этике Другого – человеческого и нечеловеческого.

«Из моих глаз глядят чужие глаза» [2, 240], – заключает М. Бахтин, комментируя состояние человека, смотрящего на собственное зеркальное отражение. В заключении этом – констатация избытка Другого в зеркальном образе: внешнее здесь вытесняет собой внутреннее, а фигура Другого становится доминирующей по отношению к фигуре самого человека. Зеркальный образ в конечном счете становится апофеозом присутствия Другого.

Парадоксальными в этом контексте представляются примеры, приводимые С. Жижек в контексте разговора о нечеловеческом Другом: он описывает котенка, пострадавшего от лабораторного эксперимента в центрифуге, в глазах которого мы видим взгляд ужаса от встречи с Животным [6, 413]. В его глазах мы видим в конечном счете собственную чудовищность.

В докладе, таким образом, будет рассмотрен круг вопросов, связанных с понятием Другого – человеческого и нечеловеческого. В этой связи будет рассмотрено переосмысление классических вопросов морали.

Литература:

1. Батай Ж. Пеньо К. Сакральное / пер. с фр. О.Е. Волчек. – Kolonna Publications, 2010. – 213с.

2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — М. Азбука, СПб., 2000.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 1999.
4. Derrida J. The Animal That Therefore I Am / Trans. by David Wills. New York: Fordham University Press, 2008.
5. Arthur Rimbaud, Correspondance (Éditions des cahiers libres, 1929), 51–63.
6. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London: Verso, 2012.

Логунова Софья Константиновна
студент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Этико-экологические проблемы современных мегаполисов

В наше время трудно представить мегаполис, который не стремится к повышению комфорта населяющих его жителей. Но именно это стремление приводит к ухудшению экологической обстановки не только внутри города, но и за его пределами. Непродуманные действия людей нарушают хрупкое экологическое равновесие, внося коррективы, которые существенно меняют уже сложившийся склад экосистемы.

Урбанизация оказывает существенное воздействие на водные ресурсы. С увеличением числа жителей увеличивается и неконтрольное водопотребление. Постоянная промышленная деятельность, характеризующаяся удалением отходов в водоёмы, приводит к ухудшению качества грунтовых и речных вод в городах.

Большая плотность сети дорог и увеличение трафика приводят к значительному загрязнению воздуха и появлению шума. Что в дальнейшем приводит к значительному сокращению качества и продолжительности жизни не только человека, но и других живых организмов.

Современные города отличаются чрезмерными затратами средств: энергии, воды, разнообразного сырья. Всё это приводит к сокращению невозобновляемых ресурсов. А в результате неконтролируемого производства промышленных товаров обзаводится излишек, который приводит к появлению большого количества бытовых отходов, означающий огромную потерю природных ресурсов и появление проблемы переработки данных отходов.

Для увеличения городов люди вынуждены заниматься постройкой новых сооружений и зданий. Но после окончания этих процессов появляется проблема утилизации отходов строительства. Чаще всего, именно данный вид отходов является основным при появлении свалок.

Среди экологических проблем больших городов следует отметить и такую своеобразную форму загрязнения окружающей среды, как шум антропогенного происхождения. Он нарушает жизнедеятельность живых организмов и человека. Данное загрязнение природной среды приводит к серьёзным расстройствам здоровья и другим негативным последствиям.

Рост городов, который сопровождается активной человеческой деятельностью негативно сказывается и на почву. Это отражается в увеличении внедрения методов химической технологии и продукции химической промышленности в производство городов. Почва подвергается сильному отравлению за счёт воздействия на неё загрязнённого воздуха и осадков.

Большинство экологических проблем настолько тесно и долго жили с люди, что стали неотъемлемой частью их жизни. Но замалчивание проблемы не приведёт к её исчезновению. Рано или поздно, последствия необдуманной деятельности людей приведут к закономерному итогу. Поэтому населению мегаполисов стоит принять к сведению все эти факты, учитывая их при поиске наиболее эффективных способов и методов разрешения экологических проблем.

Стоит внедрить оборотное водоснабжение для сокращения сброса сточных вод, увеличить число ресурсосберегающих и очистных технологий в промышленности. Усилить контроль за соблюдением правил утилизации отходов строительства и размещения производств с обязательной экологической экспертизой, а также ужесточить меры наказания согласно законодательству. Создать новые, более крупные заповедники и природные парки в городах и сельских районах. Следует ввести политику Car-free для уменьшения антропогенного воздействия на экосистему мегаполисов и близ лежащих территорий. Все меры, предложенные выше, должны осуществляться на мировом уровне. Для этого необходимо более тесное международное сотрудничество, особенно между богатыми и бедными странами.

Человек должен помнить, что следует к любой форме жизни относиться как к собственной. Следует дегуманизировать мораль и максимизировать экосистемное благо.

Романов Иван Юрьевич
обучающийся магистратуры

Волгоградский государственный университет

Этика и искусственный интеллект:

этические вызовы и социальные последствия в эпоху ИИ

Одним из этических вызовов для современного человека является отношение к искусственному интеллекту (ИИ). С начала 20-х годов XX века ИИ вошел в массовое сознание уже не со стороны массовой культуры, а с прикладной, инструментальной, занимающей место в определенных производственных процессах. Процесс встраивания новой технологии в социальную реальность обладает своей темпоральностью, в начале которой есть высокий риск образование культурного шока, вызванного несоответствием уровня этической подготовки к степени влияния технологии на мир.

На пороге каждой научно-технической революции происходила определенного рода «прививка» в виде волны социально-политических потрясений. Она завершала стадию принятия технология обществом глобальным кризисом, прививая таким образом толерантность к технологии. К подобным кризисам относится как деформация социальных порядков – переход к классовому обществу со второй половины XVIII века, так и политические кризисы – мировые войны.

Так, массовой точкой контакта с ИИ стало появление в сети-интернет чата GPT. Особенностью оно является возможность генерировать осмысленный текст, учитывающий контекст вопрошания и предметную сторону вопроса. Данная функция вызвала волну обсуждений, связанных с этичностью использования чата-GPT в образовательной, медицинской, судебной и иных социальных пространствах.

Основная этическая дилемма усматривается в вопросе наличия у ИИ субъектности, дающей право принимать решения, связанные с социальной реальностью. Если принимать во внимание концепцию Т. Гоббса о механистической природе жизни [1], данная дилемма парадоксально разрешается, но образует новую проблему – экзистенциальный кризис, вызванный деконструкцией гуманистического основания общества.

Данная проблема гипотетически может только увеличить степень отчуждения человека в обществе, осознающего потенциальную возможность замены навыков человека, на навык ИИ [2]. Особенно эта угроза касается людей из творческой среды, которая, с развитием различного рода программ на базе ИИ, стала наполняться продуктом генерации картин и иных изображений.

Если художники авангарда деконструировали традиционный взгляд на эстетику, включая индивида в призму восприятия и рефлексии искусства, то современные художники находятся в процессе осмысления роли и места человека в искусстве.

Подобная ситуация, а именно процесс трансфера человеческих навыков в «руки» машины, обладает потенцией к новому культурному повороту, актуализируя один из главных антропологических вопросов: «что такое человек?».

Литература:

1. Гоббс, Томас. Левиафан. Как рождается чудовище власти / Томас Гоббс, Элиас Канетти. – Москва : Родина, 2019. – 270 с.

2. Маркс, 1923 – Маркс К. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала. Х., 1923. – 610 с.

Сидоров Алексей Михайлович

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Постгуманизм и биополитика

Постгуманизм – это общий термин для группы взаимосвязанных онтологических, эпистемологических, этических и др. разработок в философском и социально-гуманитарном знании, направленных на проблематизацию укоренившейся традиции гуманизма эпохи Просвещения, говорящей о человеке как об автономном, рациональном и уникальном во всей природе агенте, который находится в организующем центре мира. Ученые-постгуманисты отмечают, что это модернистское западное представление о человеке как суверенном, самопознающем и обладающем трансцендентией деятеле одновременно описывает мир как пассивный контекст или сцену для осуществления человеческой мысли и действия. Ж.-М.Шеффер назвал эту концепцию «Тезисом о человеческой исключительности», господствовавшим в западной философии начиная с Нового времени. Такой образ мысли неразрывно связан, по мнению постгуманистов, с сегодняшним глобальным экологическим кризисом, который можно истолковать как материальную критику антропоцентризма и гуманизма и демонстрацию того, как разыгрались непредвиденные последствия «Тезиса о человеческой исключительности» в планетарном масштабе. Постгуманистическая мысль постулирует отвергающую предпологаемый антропоцентризм онтический и онтологический разрыв между человеком и остальной природой постантропоцентрическую онтологию, согласно которой люди являются одними из многих действующих лиц в материально неоднородном живом мире, несводимом к человеческим языковым, концептуальным и социокультурным конструкциям. В таком видении, человеческие существа не являются радикально отличными и независимыми от нечеловеческих существ и беспроблемно автономными и самосознающими, но рассматриваются как конституированные извне и изнутри через развивающиеся отношения со множеством других агентов и сил, которые постоянно пересекают воображаемые границы человеческой личности и социальной сферы.

Постгуманизм не является первым философским течением, критикующим гуманистическую парадигму модерна и Просвещения. Уже для постструктурализма человек был не самоотжественным и автономно самоопределяющимся субъектом, но становящимся и составным продуктом экзогенных социокультурных и политико-эпистемических сил и отношений. Так, для М.Фуко нынешнее понятие «человека» исторически сложилось в современной эпистеме, т.е., совокупности знаний и микро-политических техник, действующих одновременно и нормативно, и политически. Постгуманизм опирается на эту деконструкцию и децентрацию человеческого, но расширяет ее в направлении нечеловеческого и биоматериального мира. Там, где постструктуралисты рассматривают человеческого субъекта как конституированного в дискурсах власти/знания, постгуманисты отмечают, что последние являются также человеческими конструкциями; следовательно, человечество все еще рассматривается как само себя создающее. С этой точки зрения, постструктурализм остается антропоцентричным. Постгуманисты пытаются решить эту проблему, выдвигая на первый план человеческую вовлеченность в нечеловеческий мир и подчеркивая телесность, биологию и экологию не как аспекты отдельной области природы, а как неотъемлемую часть социоматериального мира, в котором мы живем. В этом случае, процессы, которые служат дискурсивному и материальному отделению человека от нечеловеческого мира могут быть подвергнуты критическому исследованию как «биополитические» процессы отчуждения, которые одновременно конституируют человека как

определенный вид управляемого политического субъекта и систематически исключают животных, а, в некоторых случаях, и определенные группы людей, из этого статуса, превращая их в простые объекты и ресурсы, предназначенные для использования. Следовательно, возможно постгуманистическое прочтение биополитики, согласно которому, все формы гуманизма разделяют концепцию свободы, утверждающую безусловную человеческую исключительность за счет нечеловеческих форм жизни.

Литература:

Феррандо Ф. Философский постгуманизм. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. – 360 с.

Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. – СПб.: Наука, 2010. – 449 с.

Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

Скутин Николай Сергеевич

младший научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Ценности как ядро модернистского метанарратива

Мышление модерна породило такие структуры, как метанарративы, которые сами по себе являются глобальными нарративами истории общества. Метанарратив не одно и то же с историческим нарративом, от исторического нарратива предыдущих состояний общества метанарратив отличается тем, что «часть событий метанарратива относится к области будущего, следовательно, говорить об отражении реальности в буквальном смысле нельзя: саму реальность ещё нужно предсказать». Предсказываемая реальность в силу такой особенности мышления модерна как рационализма – является продолжением той действительности, которая есть, следовательно сама является действительностью, которую принято называть прогнозом. Этот прогноз детерминирован логикой и структурой метанарратива, он безальтернативен, т.к. легитимизирован научно.

У метанарратива есть автор. Автор метанарратива – конкретный человек или группа людей, сам метанарратив распространяется вполне конкретными способами – в виде документа. Появление документов приводит к возникновению метадискурса – дискурса метанарративов, или дискурса нарративов внутри метанарратива, за пределы которого нарративы выйти не могут. И, апеллируя к авторитету: «когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., – то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать “модерном”». Поэтому методологии, легитимизирующие метанарратив тем, что соотносятся с действующими научными парадигмами – рукотворный продукт. Можно сказать, что метанарратив – это авторская исторически всеобъемлющая трактовка действительности, являющаяся паттерном мышления для общественных масс. А модерн – это состояние общества, когда основной формой освоения им действительности является метанарратив.

Ж.-Ф. Лиотар отнес к метанарративам такие идеи, как «рационализм, сциентизм, антропоцентризм, возможность абсолютной свободы личности и т.п.». Как можно заметить, перечисленные примеры объединяет наличие конечной цели, или целеполагание.

Атрибутивный характер целеполагания у метанарратива отмечают такие исследователи как П. Рикёр и Д. Карр, которые «утверждают родство структуры нарратива и структуры целеполагания. Выстраивание нарратива... происходит по тому же принципу, что и планирование действий с ориентацией на некую цель, при этом интрига художественного повествования является подражанием выстраиванию действия в

жизни». Метанарратив, формируя образ будущего, в том числе подразумевает конкретные шаги, или действия по претворению этого будущего в действительность.

Метанарратив, устанавливая цель и обеспечивая программой действия по ее достижению, обязан содержать и этические принципы, оправдывающие и регулирующие социальные отношения. Эта монолитная конструкция формирует общественное сознание, состоящее из социальных представлений, ограниченных метанарративом. Социальные представления людей, объединенных метанарративом, являются общим социальным контекстом, формирующим социальную действительность, которая сама по себе однородна и непротиворечива. Такой тотальный характер метанарратива создает условия, в которых возникают «всеобщие» потребности. Следовательно, ядром метанарратива являются ценности, под которыми здесь понимаются «абстрактные, культурно объективированные идеи». «Всеобщие» потребности определяют «общечеловеческие» ценности, которые в свою очередь связаны с социальными представлениями, формирующими социальный контекст, в рамках которого есть определенная цель, чей путь достижения регламентирован этической рамкой, заданной метанарративом.

В зрелом модерне метадискурс – дискурс идеологий. Современные российские исследователи отмечают, что «фундаментальная ценностная природа политических идеологий обозначается первоначально на уровне определения сущности данного феномена, в какой бы теоретико-методологической парадигме оно не представлялось, а уже затем в процессе анализа его различных аспектов». Т.е. ценности – стержень идеологии, который определяет этические принципы деятельности, у которой есть конкретная цель, связанная с претворением в действительность определенного образа будущего. Ценности «продуцируются сверху политическими институтами и акторами и существуют в политико-идеологическом дискурсе».

В рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1)

Ставцева Ольга Ивановна
к.филос.н., доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина

Пределы ответственности в постантропоцентрической этике

Дискуссионный термин «антропоцен», обозначающий эпоху беспрецедентного вмешательства человека в природу, одновременно указывает на постантропоцентрические тенденции в современной философской и этической мысли. Парадоксальным образом оказывается, что термин «антропоцен» говорит не о силе и мощи человека, его способности с помощью технологий управлять планетой и трансформировать природу в свою пользу, поставяя ресурсы окружающей среды на службу себе, а о том, что управляя всем, человек управляет и собой, является не только субъектом, но и объектом своих трансформаций, а созданные им технологии все более и более берут под контроль человека, уменьшая его субъектность, и вовсе убирая ее.

Экологическая этика существует уже почти столетие, в ней был выработан основной принцип – ответственности (Х. Йонас). В фокусе постгуманистического видения человек представляется не как господин и хозяин природы и порожденных им самим технологий, скорее он растерян, слаб, почти бессилен перед лицом технологий, опасностей и катастроф. Активная деятельность человека, проявление его свободы воли привели к созданию техники и техническому изменению природы, теперь же речь идет о том, чтобы поставить под вопрос беспределность свободы и активности человека и задуматься об их пределах. О бессилии субъективности, подверженности человека утопиям и иллюзиям пишет и Г.Йонас, Э.Бинчик в работе «Эпоха человека» пишет об апатии и бессилии современного человека. Итальянский автор А. Цера пишет

о пределах ответственности, схожие мысли можно найти и у Т. Мортонa, повествующего о гиперобъектах, которые мы не можем познать, но находимся в/среди них. Постантропоцентрическое мышление пытается вывести картину мира без человека как центральной фигуры истории и общественных трансформаций, подчеркивая действующую агентность других, нечеловеческих или гибридных объектов (природы, животных, вирусов, техники, искусственного интеллекта, сетей и т.д.) среди которых существует человек. Если, действительно, значение роли человека как действующего лица в истории и общественных процессах преувеличена, и он подобен объекту, нежели субъекту, тогда можно сделать вывод и о пределах ответственности человека за происходящие климатические изменения, технологические процессы и космические события. Осознание пределов, ограниченности своей свободы и ответственности не означает полного отказа от ответственности и свободы, а осторожность и внимательность к миру, способность прислушаться к другим, признать их, выстраивать взаимодействие. Речь идет именно об реалистичном осознании пределов ответственности человека, но не об отсутствии ответственности вообще.

Итальянский философ А. Цера (A. Cera) пишет о том, что символом постгуманистического субъекта является не Прометей, как волящий и трансгрессивный субъект, достигающий цели и вершащий историю, а Айдос – греческая богиня скромности, уважения и смирения. Именно этих добродетелей не хватало субъекту гуманизма, и их, по всей вероятности, следует культивировать сегодня. Кроме этого, в эпоху антропоцена, темной экологии актуальной становится такая добродетель, как надежда, освещающая темный мир гиперобъектов не светом разума и познания, а только чаянием, упованием. Надежда и скромность могут быть противопоставлена нигилизму и безверию сверхтехнологичного и бездушного мира, и ассоциируются с разумностью, практичностью и гуманностью.

Тульпе Ирина Александровна
д. филос. н., профессор

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина **Патрик Д. Хопкинс и его моральное видение трансгуманизма**

Транс-/постгуманистические дискуссии, вызванные расширяющимися биотехнологическими возможностями (само)улучшения человека, концентрируются на этической приемлемости целей и способов; на «природе» постлюдей и опасениях за судьбы человечества, которое может утратить основополагающие ценности.

Американский философ Патрик Д. Хопкинс (Patrick D. Hopkins), специализирующийся на этике, моральной психологии и философских проблемах науки, медицины и техники – один из активных участников таких дискуссий (см. его статьи «Transcending the Animal: How Transhumanism and Religion Are and Are Not Alike» (2005), «Is enhancement worthy of being a right?» (2008), «A Moral Vision for Transhumanism» (2008), «Why Uploading Will Not Work, or, The Ghosts Haunting Transhumanism» (2012), «A Salvation Paradox for Transhumanism: Saving You versus Saving You» (2015)).

Важный вопрос для «смертных социальных животных», участвующих в продолжающемся эволюционном процессе без какой-либо великой цели или замысла (?), о возможности людям, таким, какими они являются, стать такими, какими они хотят быть («наша экзистенциальная дыра, которую нужно заполнить»).

Желание превзойти животное (достичь трансцендентности) является центральным и фундаментальным. Допустимость био-нано-цифро-технологического решения связана с вопросом «зачем?». Обоснование цели (само)улучшения как разумного и значимого способа достижения удовлетворения признанных интересов (реализовать потенциальное благо нашей жизни) развеет опасения о неестественности использования технологий улучшения. «Для того чтобы улучшение прав было обоснованно признано правом, оно должно не только восприниматься как стоящее, достойное и благородное; оно должно быть стоящим, достойным и благородным».

П. Хопкинс сформулировал четыре элемента трансгуманистического морального видения.

Люди больше всего хотят справиться с «человеческими условиями» в том мире, в котором мы живем. Первый элемент заключается в том, что усилия, направленные на решение проблемы, требуют, изменения физических фактов, которые частично порождают человеческое состояние. Исцеление состояния человека требует изменения «человеческой» части уравнения.

Ограничения, наложенные на нас природой, мешают нам быть теми существами, которыми мы хотели бы быть, и теми проектами, которыми мы хотим заниматься. Необходимо устранить нашу экзистенциальную тревогу, наше недовольство нашими воображаемыми и реальными «я», изменив ограничения нашего «я». Второй элемент состоит в том, чтобы позволить человеческому телу и мозгу догнать проекты человеческого разума, исполнить человеческое стремление к собственному идеализированному построению и стремлению.

Но наши тела, психология, когнитивная природа были эволюцией сформированы борьбой за выживание. Поэтому мы не приспособлены жить в нашем собственном идеальном мире, «мы не подходим для рая». Как надо изменить себя, нашу старую природу, чтобы стать новым человеком? Третий элемент трансгуманистического морального видения состоит в том, что сама наша психика, сама наша моральная природа не являются законченными проектами, наши характеры и воля, как учили религии и философии, должны быть преобразованы во что-то лучшее.

Технологическое освобождение от нынешних физических и когнитивных ограничений, усиление желаемые человеческих черты до степени, выходящей за рамки данного класса, создание идеализированных версий себя («сверхчеловеческий подход») и использование технологий для усиления и для изменения физических и когнитивных ограничений человеческой природы, получившиеся существа вообще перестали бы быть людьми («постчеловеческий подход»). Здесь мы сталкиваемся с проблемой идентичности: останется ли мое изменившееся (сверх, транс, постчеловеческое) «я» – моим «я»? Человеческая надежда на постчеловеческое состояние движима предположением, что большее познание истины приведет к большей ясности и более точному стремлению к добру. Четвертым элементом является поиск истины и стремление к добру, с использованием технологии как инструмента для изменения себя таким образом.

Названные элементы трансгуманистического морального видения позволяют Хопкинсу высказаться за решительное принятие идеи о том, что трансгуманизм не является чем-то совершенно новым, что он есть подход к извечному человеческому желанию знать правду и стремиться к добру.

Цуркан Евгений Геннадьевич
к.ф.н, старший преподаватель

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова Должен ли альтруизм быть эффективным?

Эффективный альтруизм – современное философское и социальное движение, утверждающее превосходство рациональных доказательств в пользу благотворительности и расчётов её эффективности над более традиционными мотивами благотворительности, такими как чувство милосердия и сострадания. Эффективный альтруизм является одним из ответвлений утилитаристской этики.

В современности лицом эффективного альтруизма является философ Вильям МакЭскилл. Он исходит из нескольких положений. Согласно первому участие в благотворительности является моральным долгом людей, способных найти морально положительную или нейтральную хорошо оплачиваемую работу, чтобы иметь возможность жертвовать. Второе – в условиях ограниченности финансовых и временных ресурсов человеку необходимо жертвовать исходя из рационального предположения о максимальной потенциальной пользы. Расстояние не имеет значения, помогать нужно в равной

степени ближним и дальним. Наибольшее значение имеет количество людей, которым оказана помощь. Акцент делается на последствия помощи, а не на намерения. Согласно третьему положению, получившему название «лонгтермизм», проекты, приносящие больше пользы в долгосрочной перспективе, объявляются более эффективными в сравнении с проектами, приносящими малое количество пользы в краткосрочной перспективе [1, 2].

Согласно МакЭскилу, принятые сейчас решения имеют долгосрочные последствия. Уровень жизни и благополучия триллионов ещё не родившихся детей зависит от эффективности наших действий. Отсюда вывод, что наиболее эффективной будет благотворительность, направленная на долгосрочное будущее человечества. Поскольку речь идёт о не бесконечном, но колоссальном количестве потенциальных потомков, в плане количества пользы лонгтермизм всегда выигрывает [1].

Мыслительный эксперимент «Ограбление Паскаля», являющийся своеобразной инверсией «Пари Паскаля», был впервые сформулирован Элизером Юдковским и позже использован шведским философом Ником Бостромом [3]. Согласно условиям эксперимента, Блэз Паскаль сталкивается с грабителем, который забыв оружие, предлагает сделку: философ отдаёт кошелёк, взамен грабитель завтра вернёт вдвое больше денег. Паскаль отказывается на основании малых шансов выполнения условий сделки, на что грабитель предлагает ему всё больше и больше: всеобщее счастье, избавление всех людей от страданий, отсутствие глобальных катастроф. Ненулевой шанс, что сделка будет соблюдена, вынуждает Паскаля отдать кошелёк. Наша философская интуиция состоит в том, что такая «сделка» является неоправданной с точки зрения рационального распределения ресурсов, тратить усилия на маловероятные сценарии неэффективно. Этот аргумент может быть использован для критики положения «лонгтермизма», поскольку, стремясь к максимуму воображаемой пользы в долгосрочной перспективе, мы отчасти встаём в позицию Паскаля, отдающего кошелёк грабителю в мыслительном эксперименте. Доклад будет посвящён применению мыслительного эксперимента «Ограбление Паскаля» в критике современной философии эффективного альтруизма.

Литература:

1. MacAskill W. What we owe the future. Basic books, 2022.
 2. Ord T. The precipice: Existential risk and the future of humanity. Hachette Books, 2020.
 3. Bostrom N. Pascal's mugging //Analysis. – 2009. – Т. 69. – №. 3. – С. 443-445.
- РНФ №22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса»

«БИОЭТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ»

РНФ №23-28-00220

«Трансформация морального сознания «цифрового общества»:
новые стратегии и риски»

материалы круглого стола

Антипов Алексей Владимирович
к.филос.н., научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

Донорство органов: некрополитика и биоэтика

На доступность органов для трансплантации влияет множество медицинских и немедицинских факторов, в число которых входят демографические, политические, религиозные и др. В рамках данного доклада предлагается сосредоточиться на том, насколько способ смерти донора влияет на доступность его органов для трансплантации. Инструментальная ценность трупа определяется тем, что мертвое тело рассматривается как источник как материальных (тканей и органов), так и духовных (воспоминаний) составляющих. Возможность использовать мертвое тело в качестве источника донорских органов иногда выделяется как только утилитарная ценность [3], но этим ценность трупа не исчерпывается. Кемпбэлл выделяет также внутреннюю ценность трупа [2], для которой характерно соединение личности и тела человека. Тело является не только носителем, но и способом репрезентации личности. Неразделимость тела и личности приводит к присваиванию мертвому телу той ценности, что было характерно для него живого.

Утилитарная ценность проявляется также в том, что части тела коммодифицируются и становятся товаром, доступным для покупки и продажи на так называемых красных рынках, под которыми понимаются рынки человеческих тканей, жидкостей и др., всего того, что может быть продано и каким-либо образом использовано [1]. Это происходит на фоне общей инструментализации не только мертвого, но и живого тела, свойственного для некрополитики [4]. Однако в современности становится важным не только качество поставляемого товара, но и способ его производства. Общий неоллиберальный фон позволяет говорить об утилитарной ценности в экономических терминах товара и стоимости. Применительно к донорским органам это может означать, что способ наступления смерти и обстоятельства забора органов могут влиять на то, будет ли этот орган использован или от него откажутся.

Отказ от органа возможен в том случае, если он был получен в результате неправомерного и неэтичного действия. Так, появляется еще одна дилемматическая ситуация: ценность уважения достоинства умершего человека и необходимость уважения его решений конфликтует с ценностью продолжения жизни другого человека. При этом отказ от органов может быть личностным решением реципиента, поскольку для него важно не получать органы неэтичным путем.

Литература:

1. Карни, С. Красный рынок : как устроена торговля всем, из чего состоит человек / Скотт Карни; [перевод с английского А. Г. Коробейникова]. Москва: Эксмо, 2021.
 2. Кемпбэлл, А., Джиллетт, Г., Джонс Г. Медицинская этика: Пер. с англ.: Учеб. пос. / Под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. 2-е изд., испр. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2005.
 3. Foltyn, J.L. Bodies of Evidence: Criminalising the Celebrity Corpse // Mortality. Vol. 21. Iss. 3. 2016. DOI: 10.1080/13576275.2016.1181351
 4. Mbembe, A. Necropolitics // Public Culture. 15(1). 2003. P. 11-40.
- РНФ №23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи»

Барбашина Эвелина Владимировна
д. филос. н., зав. каф. философии

Новосибирский государственный медицинский университет
Нарративная этика в медицине

Биомедицинская этика начинает активно формироваться в середине 60-х годов прошлого века как ответ на потенциальную опасность по отношению к пациенту со стороны врача (медицинского сообщества): эксперименты, проводимые без согласия пациентов либо без понимания возможных последствий, субъективность при решении вопросов о продлении жизни при полиорганной недостаточности или при недостаточности ресурсов для оказания медицинской помощи. Определенную роль в развитии биомедицинской этики сыграли социальные движения за права этнических меньшинства, женщин, людей с ограниченными возможностями, пациентов. Они позволили звучать молчаливым голосам, в том числе голосам пациентов, которые до этого были заглушены «большими нарративами». Следствием стала разработка таких принципов и правил биомедицинской этики, как принцип автономии пациента, принцип справедливости, информированное согласие, принцип целостности личности пациента и др. Закрепление данных принципов на уровне международного законодательства свидетельствовало об отказе от жесткой патерналистской модели во взаимоотношениях врач (медицинский работник) – пациент. Этот процесс был обусловлен также изменением характера заболеваний, что проявилось в росте хронических, дегенеративных заболеваний нервной системы, росте психосоматических заболеваний. Определенную роль в отказе от патерналистской модели взаимоотношений врач – пациент сыграли экономические причины, а точнее соотношение стоимости профилактики (первичной, вторичной, третичной) и высокотехнологичной медицинской помощи.

Данные изменения были реализованы в принципализме, к достоинствам которого относится универсализм, наличие разработанного языка, система согласованных правил и апробированных алгоритмов решения моральных проблем в области медицины. Однако многочисленные примеры того, что не возможно принять правильное решение в рамках принципализма, сделало необходимым поиски альтернативных подходов. Критика принципализма связана также с более общей борьбой против объективизации медицины, унификации личности пациента, против реализации биомедицинской модели.

Отвечом стало развитие медицинской нарративной этики, которая формировалась в контексте более общих нарративных исследований в литературоведении, антропологии, качественных исследований в социальных дисциплинах. Смысловым основанием нарративной этики выступает понимание того, что жизнь человека принципиально уникальна, точно также как вхождение в состояние болезни, пребывание в ней, поиск

ки выхода из нее или отказ делать это. Эта уникальность обусловлена опытом, причем опытом, который формируется, в том числе, в процессе нарратива, контекстом жизни, темпоральностью. Нарративная этика в медицине применяет нарратив содержательно, то есть как исследуемый материал, и методологически, то есть нарративный подход. Данное разделение соответствует двум магистральным линиям развития нарративных исследований после «нарративного поворота» 80-х годов прошлого века.

К проблемам, которые по-новому звучат в рамках нарративной этики, относится проблема страдания (страдания, связанные с болезнью и ее лечением; страдания от нарушения достоинства человека; «терпимое страдание»). Острое заболевание вызывает страх, неуверенность, а хроническое заболевание неизбежно ставит перед человеком вопросы о том, как сосуществовать с проявляющимися симптомами. И в первом, и во втором случае в нарративе представлена реакция рассказчика, его опыт, осмысление происходящего и передача этого слушателю. В рамках нарративной этики обсуждаются не только вопросы, связанные с нарративом пациента, но и вопросы взаимного правдоподобия, соотнесения всех участников медицинского взаимодействия (пациент, семья, близкие люди, врачи, средний медицинский персонал и др); вопросы, связанные с выстраиванием будущего нарратива; вопросы о соотношении нарратива как монолога и как диалога.

Нарративная этика в медицине, несмотря на сравнительно краткую историю своего существования, позволяет рассматривать биомедицинскую этику не как способ защиты пациента от врача (медицинского работника), а как поле поиска общих смыслов, направленных на оптимизацию лечения или, как вариант, облегчения симптомов страдания и боли.

Воронцова Юлия Владимировна

к.э.н., доцент

Баранова Софья Владимировна

обучающийся бакалавриата

Государственный университет управления

Биоэтический мониторинг инициатив трансгуманистической направленности

Человек всегда хотел улучшить свое физическое и психическое состояние с помощью науки. Трансгуманизм идет еще дальше, он радикально трансформирует человеческую природу с помощью науки и техники [1]. Он стремится взять бразды правления над человеческой эволюцией посредством биотехнологических усовершенствований, которые приводят к улучшенному трансчеловеку. Человеческое достоинство, с философской точки зрения, понимается как внутренняя ценность каждого человека, неотъемлемая ценность, признанная другими, которой мы обладаем как личности. Это нематериальная ценность, равная для всех и неприкосновенная. Это основа этического уважения и онтологического равенства всех людей, основа права и недискриминации. Для трансгуманистов совершенствование человека означает использование биотехнологии для изменения путем прямого вмешательства естественных, непатологических процессов человеческого тела и разума. Нет никаких сомнений в ускоренном и экспоненциальном развитии науки и техники, которое будет продолжаться в ближайшие десятилетия, все это требует большего предварительного этического осмысления. Не все, что возможно с научной точки зрения, является этически законным.

Трансгуманизм является евгеническим и дискриминационным. Последствия реализации трансгуманистической концепции могут привести к формированию типа неравного общества, в котором были бы нормальные люди, транслюди, улучшенные нау-

кой и техникой, и постлюди, совершенные существа или сущности, которые не страдали бы с течением времени.

Развитием науки и техники занимаются крупные корпорации и небольшие стартапы, которые разрабатывают продукты для улучшения видов. Четвертая революция будет идти рука об руку с конвергенцией наук и технологий, и трансгуманизм является идеологией, которая их продвигает, часто без предварительного анализа количества этических, правовых и социальных последствий, связанных с развитием этих наук и технологий, их целей, средств, предсказуемых и непредсказуемых последствий. Это антигуманистическое течение, которое стремится к преодолению человечества [2].

Биотический анализ инициатив трансгуманистической направленности должен включать в себя, во-первых, знания о трансгуманизме и его целях; во-вторых, через этику, биоэтику и право рациональную и строгую критику того, что может быть последствиями неконтролируемого или некритического развития науки и техники, которые не предвидят последствий для самых слабых людей и будущих поколений. По этому поводу некоторые авторы уже говорят о необходимости разработки определенных нейроправ, которые защищают фундаментальные блага, такие как здоровье, интегральная идентичность, свобода, неприкосновенность частной жизни или справедливость. Мы должны развивать науку и технику, но делать это с умом, думая о благе людей и будущих поколений.

Литература:

1. Monterde Ferrando, R. (2021). El ocaso de la humanidad: la singularidad tecnológica como fin de la historia (The twilight of humanity: the technological singularity as the end of history, in Spanish). Tesis doctorales y Tesinas. Universidad Católica de Valencia

2. Postigo Solana, E. (2023). Hay grandes intereses económicos en la aplicación de una determinada concepción de la ciencia, El adelantado de Segovia - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.eladelantado.com/segovia/titulo-falso-domingo/> (дата обращения: 29.08.2023)

Ковалева Татьяна Викторовна
к. филос. н., доцент

Парийская Елена Николаевна
к. б. н., доцент, зав. каф. физиологии

Захарова Лидия Борисовна
к. б. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Биоэтические подходы в решении проблемы старения населения России

По мнению ВОЗ «число и процент людей в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения продолжают расти. В 2019 г. число людей в возрасте 60 лет и старше составляло 1 млрд человек. К 2030 г. эта цифра вырастет до 1,4 млрд, а к 2050 г. – до 2,1 млрд человек».[1] «С возрастом увеличивается риск многих расстройств здоровья, которые могут оказывать значительное воздействие на индивидуальную жизнеспособность...».[2] Россия, как и многие страны Европы, претерпевает демографическую проблему, когда численность людей пожилого и старческого возраста превышает число молодых людей. Биоэтики, врачи, биологи и психологи видят необходимость в обсуждении данной проблемы с точки зрения не только медицины, но и геронтологической культуры, которая формирует определённые ценностные ориентиры в российском обществе. Формирование основ геронтологической культуры необходимо закладывать в процессе обучения студентов медиков, ведь с каждым годом объем медицинской помощи со стороны врачей и младшего медперсонала увеличится

не только в направлении гериатрии, но и в терапии, кардиологии и т.д. При этом гериатрия не является популярным направлением при выборе студентами-медиками специализаций. Да и само общество не склонно обсуждать проблемы старения. Возможно, данная тема для всеобщего обсуждения выглядит неэтичной или слишком вызывающей, однако уже многие сферы жизни общества уже демонстрируют особое внимание пожилым людям, их образы появляются в рекламе, маркетинг делает акцент на их интересах. С конца 90-х годов 20 века появляются новые общественные движения, как бодипозитив и эйджизм.

В данной статье будут представлены результаты исследования, проведенные с целью выявления отношения студентов-медиков к пожилым пациентам. Проведенный социокультурный анализ позволит перенести в дискуссионное поле понимание явления старения и размышления о геронтологической компетентности студентов-медиков.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Старение. // https://www.who.int/ru/health-topics/ageing#tab=tab_1. (Дата обращения 17.07.2023)

2. Всемирный доклад о здоровье и старении. ВОЗ. С. 84
// https://docviewer.yandex.ru/view/1610817/?page=84&*=m7NsMnZ%2Bd%2BLxO0mAdmecat4KZ3p7InVybcI6Imh0dHBzOi8vYXBwcy53aG8uaW50L2lyaXMvYml0c3RyZWFTL2hhbmRsZS8xMDY2NS8xODY0NjMvOTc0OTI0NDU2NTA0OV9ydXMucGRmP3NlcXVlbnNlPTEwliwidG10bGUiOiI1Nzg5MjQ0NTY1MDQ5X3J1cy5wZGY%2Fе2VxdWVuY2U9MTAiLCJub2lmcmFtZSI6dHJ1ZSwidWlkjoiMTYxMDgxNyNlInRzLjoxNjY5M
(Дата обращения 17.07.2023)

РНФ №23-28-00220 «Трансформация морального сознания “цифрового общества”:
новые стратегии и риски»

Курсо Ксения Александровна
доцент

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Возможности блага в опыте физической патологии

Доклад посвящен артикуляции действительности этической компоненты в опыте носителей физических болезней. В его рамках прослеживается, каким образом суждение о благе и особая перестройка субъективности, обусловленная устанавливаемым этим суждением отношением к благу, может выступать терапевтическим ресурсом – способствовать улучшению состояния больного или усиливать экзистенциальные возможности носителя тяжелого хронического заболевания. Показывается, что в наследии Декарта и одном из влиятельных направлений гуманизации современной системы здравоохранения была заявлена данная практическая возможность этического суждения или различных форм этического участия.

В докладе акцентируется неожиданная смысловая «родственность» идей о выходящем за границы непосредственных физиологических воздействий элементе терапии, сформулированных Клаусом Дернером в рамках развиваемой им программы гуманистической ревизии медицины, Рене Декарта развиваемой в контексте его размышлений о взаимосвязи души и тела. Прослеживается, что в ключевой установке терапии в модели Дернера и в своеобразном пути оздоровления, разработанном Декартом, без их непосредственной преемственности, раскрывается интуиция лечебного потенциала этического участия, значимого и для хронических больных, и для возвращения здоровья при излечимом заболевании.

В раскрытии физиологических состояний Декарт дополнял ключевое для их постижения понятие телесного автомата идеей возможности преобразования телесного состояния обнаружением блага чистой мыслью и слиянием души с ним, что и определяло специфический терапевтический ресурс. Перспектива размыкания в субъективности больного силового потенциала обозначалась и в проекте Дернера. В силу особого стиля рассматриваемых в данном теоретическом контексте хронических заболеваний переработка опыта их носителей как условие доступа к благу происходит при непосредственном участии врача. В докладе раскрывается, каким образом выделяемая Дернером техника слушания болеющего и особые формы поведения медика, направленные на выработку у него ответной реакции, выводит его способ существования за пределы болезни.

Выводы о важнейшей в мысли Дернера терапевтической ценности отношения к благу, обнаруживаемого для пациента фигурой медика, обращенного к поиску хорошей для него формы жизни, и оздоравливающего эффекта различных форм духовного удовлетворения, размеченных Декартом, раскрывают неснимаемость проблемы подвижности границ медицины – продуктивность включения в ее компетенцию различных техник работы с субъективностью больных.

Летов Олег Владимирович

к. филос. н., старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Этические модели искусственного интеллекта

Необходимость проектирования и разработки искусственного интеллекта (ИИ) на устойчивой основе побудил исследователей, учреждения и организации сформулировать предложения по этике искусственного интеллекта. Хотя эти предложения охватывают разные темы и адресованы разным аудиториям, они разделяют предположение, что этика ИИ обеспечивает обобщающую основу для дизайнеров, применимую к их работе. «Термин «этика ИИ» используется в данном случае для обозначения руководящих принципов, деклараций, этических кодексов и обобщений, которые отражают целый ряд стилей, от громких заявлений государственных органов до нормативных практических правил для пользователей и практических контрольных списки для дизайнеров, написанные частными компаниями, профессиональными ассоциациями и некоммерческими организациями» (1).

Этика ИИ обеспечивает общую основу — в отношении теории, принципов, ценностей и т. д. — которую разработчики могут затем применять к отдельным случаям, тем самым повышая этическую устойчивость разработки ИИ. Этика ИИ означает применение этических теорий для создания морально приемлемых практик, если принятый подход неэффективен или некорректен. Чтобы предложить точку сравнения и лучше понять природу этики ИИ как прикладной этики, проводится параллель с историей биоэтики — наиболее развитой и известной области прикладной этики. Анализируя методологические дискуссии по биоэтике и критически рассматривая способы, которыми биоэтика влияет на решение реальных проблем, демонстрируется, что концепция прикладной этики, принятая в этике ИИ на сегодняшний день, слишком узка и отчасти непоследовательна. Основными целями этических принципов ориентированного на человека ИИ являются укрепление приверженности использованию ИИ на службе человечества и общего блага, стремясь улучшить благосостояние и свободу людей, а также надлежаче и соразмерно справляться с возникающими рисками. Существует два типа норм — один перспективный и позитивный, а другой осторожный и негативный — в качестве руководящих принципов стратегического планирования.

Согласно принципам этики ИИ, развитие ИИ должно быть направлено на максимизацию преимуществ систем ИИ при одновременном предотвращении и минимизации рисков, связанных с использованием этих приложений. Поскольку приложения ИИ представляют собой социотехнические системы, одной из центральных задач специалистов по этике ИИ является определение способов интеграции этической устойчивости с понятием системной устойчивости.

Предложения по улучшению этического воздействия на ИИ предполагают, что отдельные действующие лица смогут поступать нравственно, полагаясь на набор добродетелей, нести моральную ответственность или применять систему совещательных принципов. Такие меры могут улучшить этическое качество разработки ИИ. Этическое обоснование может быть реализовано по трем основным каналам: улучшение моральных качеств людей, установление набора правил и систем контроля для дисциплины их применения или установление того, что моральная порядочность полезна. Этические модели ИИ опираются в первую очередь на первые два метода.

Литература:

1. Hallamaa J., Kalliokoski T. AI ethics as applied ethics // *Frontiers in computer science*, 2022. – Vol.4. - Article 776837. Mode of access: www.frontiersin.org

Макарова Надежда Павловна

лаборант-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И.Канта;
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Уведомления» о смерти: этично ли «сохранять» умершего

В пространстве современной культуры проявляются стремительные историзирующие тенденции: охрана архитектурных достижений, кладбищ как исторических памятников, активность процессов музеефикации – очевидным становится возрастание значимости «организованной» памяти [1]. Наряду с этим заявляют о себе усилия по сохранению индивидуальной памяти, обостренные и модифицированные цифровым режимом современности. «Положение человека в координатах цифрового универсума» трансформируется: измененными являют себя телесные практики, многообразие форм усвоения опыта, модели речевого поведения, техники интеракции и коммуникации (включая взаимодействие «человек-человек», «человек-машина») [2; 28]. Более того, с введением искусственного дигитального компонента унифицируются и рационализируются форматы репрезентации субъекта в темпоральной перспективе. Современный субъект начинает учитывать сетевые инструменты для формирования собственного цифрового образа с перспективой его сохранения и «поставки» будущим поколениям.

Одним из таких актуальных инструментов формирования воспоминания является запечатление стандартизированных свойств и проявлений человека в чат-боте. Чат-бот (англ. chatbot) – цифровая программа-алгоритм, виртуальный собеседник при участии искусственного интеллекта, осуществляющая автоматическое общение, имитирующая диалог с пользователем с помощью текстового или голосового сопровождения и настроенная на взаимодействие, мгновенную выдачу ответа. Использует техники машинного обучения для определения моделей общения и их дальнейшего развития. В докладе предпринимается попытка рассмотреть процесс создания модели умершего (актуально или перспективно) в пространстве чат-бота и ее «усвоения» в акте памятования с позиции концепции утилитаризма, деонтологии, этики справедливости и этики добродетелей.

В качестве иллюстраций привлекается два сюжета: 1 – практика конструирования образа умершего в рамках коммерческого проекта «Replica», а также конкретные ча-

стные случаи, вытекающие из него и/или организующиеся вокруг [3]; 2 – случай проблематизации «цифрового наследства» и статуса электронных устройств и данных умершего.

В качестве дискуссионных представлены следующие вопросы: проблемы осуществимости продления жизни человека с помощью виртуальных технологий, оцифровки актов деятельности сознания (которым приписывается статус оцифрованного сознания) и их миграции из цифрового в аналоговое пространство, вопросы допустимости посмертной трансляции личности и ее «воскрешения» в сетевой реальности.

Формулируются следующие выводы: процесс оцифровки умершего, с одной стороны, порождает многообразие трансформированных практики памятования; с другой стороны, умножает число коммуникативных актов, регулирование которых теперь требует новые правила и корпус этических требований к сетевому сообществу.

Литература:

1. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. — М.: Изд. дом ВШЭ. 2016.

2. Критика цифрового разума. Главн. редактор В.В. Савчук. – СПб.: Академия исследования культуры. 2020.

3. Kuyda E. The story of Replika, the AI app that becomes you. Available from: https://replika.com/about/story?_gl=1*ctj7hc*_ga*MTU1OTMxNzE5Mi4xNjgwOTkwMjU5*_ga_VHW1B95SSD8*MTY4MDk5MDI1OS4xLjEuMTY4MDk5MDI2My4wLjAuMA [Accessed 29th September 2023].

РНф №22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», в Балтийском федеральном университете им.И.Канта.

Сокольчик Валерия Николаевна

к.ф.н, докторант

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Корреляция этических принципов в современной научной деятельности (на примере биомедицинского знания)

В ситуации постнеклассической науки этическое сопровождение исследований становится чрезвычайно важным, поскольку требует соотносить наши знания не только с глобальными целями научного развития, но также с ценностями человека, общества, природы. У современных молодых исследователей зачастую незнание этических принципов научной деятельности перерастает в сугубо технологичный подход к вопросам этики науки – к стремлению алгоритмично выполнять требования узкопрофессиональных этических норм (кодексов, рекомендаций), не задумываясь о соотношении и взаимозависимости этических принципов, а также технологичный подход отражается в нежелании (или невозможности) обсуждать этические вопросы исследований в соответствующих комитетах по этике.

В качестве этического основания постнеклассических исследований автор рассматривает базовые принципы биоэтики – автономия личности, справедливость, не навреди, делай добро – как определяющие основу и цель научной деятельности. Как «ядро» современной научной этики анализируются принципы научной добросовестности, обозначенные еще в работах Р. Мертона, пересмысленные и дополненные сегодня в документах международных исследовательских сообществ. Завершением выстроенной структуры исследовательской этики по мнению автора становятся принципы открытой науки, которые позволяют связать ценности науки с ценностями и целями общественного развития.

Для создания целостной картины этического сопровождения научного знания XXI века обозначаются также этические принципы, правила и критерии проведения исследований с использованием искусственного интеллекта, принципы и правила исследований в конкретной научной сфере (в частности, в сфере биомедицинских исследований), а также дополнительные требования к этическому сопровождению открытой науки – работа с базами данных, публикациями, распространением результатов исследований и т.д.

Рассматривая этическую подготовку исследователей в сфере биомедицинского знания и деятельность этических комитетов, проводящих гуманитарную (этическую) экспертизу научно-исследовательских проектов и испытаний, необходимо акцентировать, что распространённое в биомедицинской среде мнение о необходимости соблюдения исключительно требований к проведению медицинских исследований и испытаний, недостаточно для осмысления цели, ценности, методов исследования, распространения его результатов. Необходимость корреляции, согласования и понимания приведенных в статье этических ценностей (принципов, правил, критериев и т.д.) становится основой как для воспитания современного исследователя, так и для деятельности членов исследовательских этических комитетов.

Субботина Мария Владимировна

к.соц.н., ассистент

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Digital death studies: новые этические проблемы социологии смерти

В этическом измерении феномен смерти является одним из самых сложных и многогранных. В рамках социологической науки этические вопросы, связанные с изучением смерти, стоят наиболее остро и, в том числе, носят прикладной характер.

Тема смерти сложна в рамках социологического изучения, в первую очередь, из-за того, что респонденты не готовы обсуждать настолько табуированную тему не только в ходе социологических интервью, а, зачастую, даже на уровне личных бесед со своими близкими.

Нельзя отрицать, что в последние годы представители научного сообщества стали свободнее рассуждать о смерти: активно развиваются междисциплинарные исследования под общим названием *death studies*, издаются академические журналы, проводятся конференции, открываются центры по изучению данного феномена [1].

Однако тема смерти по-прежнему остается табуированной в обыденном сознании, что затрудняет любые попытки социологических исследований.

Помимо этого, в связи с развитием информационных технологий, исследователи столкнулись с новыми трудностями, среди которых вопрос: а что вообще можно считать смертью? Цифровой след человека продолжает существовать на просторах Интернета даже после того, как физически организм умирает. Пользователи социальных сетей могут просматривать профиль человека, не зная о том, что его уже нет в живых. Получается, что человек оказывается жив в сознании людей, которые не осведомлены о его физической смерти, по сути, профиль становится своего рода симулякром.

Так, тема цифрового бессмертия (*digital afterlife*) влечет за собой огромное количество этических и методологических вопросов. Зачастую, исследователей интересуют изменения в практиках скорби и ритуалах траура, в условиях возникновения «виртуальных кладбищ». С другой стороны, интересным видятся и практики конструирования собственного образа в социальных сетях людей, которые осознают, что после их физической смерти, их профиль продолжит свое существование. Другими словами, у людей появляется возможность повлиять на неизбежность смерти, оставив «часть

себя» существовать в цифровом пространстве. Осознание этой возможности, вероятно, может оказать влияние на восприятие современным человеком феномена смерти в целом.

Обозначенные вопросы нельзя считать исчерпывающими, так как, с одной стороны, как уже было отмечено, тема смерти сама по себе является сложной и многогранной, и до сих пор трудно поддается изучению в рамках социологической науки. С другой стороны, развитие технологий и новые возможности и практики, связанные с феноменом смерти порождают еще большее количество исследовательских вопросов, которые требуют дальнейшего комплексного изучения.

Литература:

1. Мохов С.В., Миленина Д.А. (2021) Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020) // Журнал социологии и социальной антропологии, 24(2). С.212–235.

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 *Ateş A., Tunçez H.A., Demiray A.* Corporate Social Responsibility in Tourism Sector: A Review of Literature between 2018-2023
- 4 *Demiray A., Ateş A., Tunçez H.A.* The Importance of Global Corporate Citizenship and Social Responsibility in Multinational Companies for Sustainable Development
- 5 *Tunçez H.A., Ateş A., Demiray A.* Evaluation of the Concept of Ethics from the Point of View of the Accounting Profession and Professional Members
- 6 *Eugenio P.N.* Force, Justice, and Peace: Simone Weil’s Synthesis of Authentic Life
- 6 *Han Yunqing* Woman, Man, and Maybe More All at Once: A New Way of Imagining the Embodiments of “Gender Neutral” Robots
- 7 *Harris C.* Hermeneutical Responsibility and the Special Status of Personhood
- 7 *Kang E.* Towards a Social Ontology of the Unhoused Person: A Critique of Neoliberal Discursive Strategies for Othering Homelessness
- 8 *Koljevic Griffith B.* Twenty-first Century Ethico-Political Turn
- 8 *MacNairn C.* The Challenges of Morality for the Relativist
- 9 *Mukherjee U.* The Moral Potential of Care Ethics in Resolving Quandaries of Therapeutic Cloning
- 10 *Tello de Castro C.* What Can Economics Learn from Values?
- 10 *Yunusova L.* Censorship and Freedom in Modern Chinese Art
- 11 *Алейников А.В., Стребков А.И.* Риск-рефлексивность: диалектика страха и безопасности
- 12 *Ананьева Е.М.* Гадамер об этосе: герменевтика как особая этика
- 13 *Артемов В.М.* Контуры этического образования для будущего: единство разумности и человечности как основа должной практичности
- 14 *Артёмов Г.П.* Нравственная культура и социальная солидарность
- 15 *Висель Н.Л., Меттини Э.* Этическое образование подрастающего поколения: проблемы и возможные решения
- 16 *Виноградова А.В.* Моральное регулирование детских медиа: исторический опыт и современные проблемы
- 17 *Вяткина А.Г.* Нравственность и разумность: к концепции типов П.Ф.Лесгафта
- 18 *Глушкова А.И.* Этические вопросы. Миграционные процессы: культурно-ценностный конфликт
- 19 *Газзагомедов Г.Г., Мусаев А.И., Стребков А.И.* Деньги и риски как источники аморализма
- 20 *Гизатулина А.А., Валеева Э.М.* Эволюция социальной ответственности бизнеса
- 22 *Григорьева М.П.* «Аретологический» эвдемонизм Аристотеля
- 22 *Держицкий Е.В.* Regretium mobile парадокса толерантности: к постановке проблемы
- 24 *Еременко Т.В.* Академическая добросовестность регионального вуза в зеркале цитирований: рязанский кейс
- 25 *Жердев А.А.* Автономия экономической функции в предпринимательской деятельности: истоки и установки нелиберальных концепций о невмешательстве в рыночную экономику
- 26 *Зайцев П.Л.* Свобода и социализм: этика трансцендентализма И.Канта в изложении В.Ф.Эрна

- 27 *Иваненко А.И.* Сравнительный анализ этических принципов Конфуция и Аристотеля
- 28 *Искаков Р.А.* Джон Локк и этическое воспитание: чему Просвещение может научить нас сегодня?
- 29 *Канышева О.А.* Этическое содержание смысла жизни в философии С.Л.Франка
- 30 *Карпухин С.В., Лобажевич В.В.* Классические вопросы морали и их современное осмысление
- 31 *Катмаков А.К.* История этики высказывания правды в исследованиях Мишеля Фуко
- 31 *Ковалева Т.В., Ковалева В.А.* Философские и естественнонаучные подходы в изучении культуры в переходный период от реального к цифровому миру
- 33 *Коленько С.Г., Коленько Г.С.* Этический аспект деятельности инженера-машиностроителя
- 34 *Косорукова А.А.* Проблема преодоления страдания в философии морали Ф.Ницше
- 34 *Куан Сюли* Изменение ценности в мультфильме «Нэчжа: Рождение дьявола»
- 35 *Кузнецов Н.В.* Этические нарративы русской литературы
- 36 *Курмелёва Е.С.* Этические проблемы в области сохранения объектов культурного наследия
- 37 *Курхинен П.* Проблема общечеловеческой исторической истины и роль прикладной этики в обосновании философии примирения
- 38 *Лобеева В.М.* Нравственные устои традиционной православной семьи (из истории отечественной мысли)
- 39 *Макаенко Я.А.* Философская практика как «практика себя» в отношении к феномену смерти
- 40 *Маковецкая М.В.* Семантические горизонты понятия «достоинство»
- 41 *Мальцева Д.А., Алейников А.В.* Риски цифровой трансформации публичного управления в условиях интенсификации глобальных конфликтов
- 42 *Мальцева С.Г.* Актуальные проблемы этического образования через призму преподавания дисциплины "Профессиональная этика и этикет"
- 43 *Мапельман В.М.* Является ли этика преимущественно прикладной наукой?
- 44 *Мехоношина Е.А.* Идея врожденности альтруизма в эволюционной этике
- 45 *Моргачёв О.В., Багирова А.Э.* Обоснование морального реализма через разрешение «парадоксов» Д.Юма и Дж.Мура с позиций естественнонаучного подхода к этике
- 46 *Мурзин Ю.В.* Философско-антропологические основания спортивной этики
- 47 *Настасенко И.Д.* Этический аспект философии Танабэ Хадзимэ
- 48 *Николаева Ж.В.* Этические критерии в визуальной экологии
- 49 *Оводова С.Н.* Инклюзивная мода: этический аспект
- 50 *Петев Н.И.* Соотношение феномена ценности и «современности» в парадигме массового сознания и культуры.
- 51 *Петров П.А.* О парадоксах Интернет-Сети: Человечность против Этичности
- 51 *Петропавловская М.А.* Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса
- 53 *Полякова Н.В.* «Моральное государство» Ярослава Качиньского: между политикой и этикой.
- 54 *Попова Е.В.* Нравственные основания художественной критики
- 55 *Прибылова М.А.* Суррогатное материнство как поле для этических исследований в прикладной этике
- 56 *Прохоров А.Р.* Этические проблемы прорывных технологий: Использование технологий в военных и дезинформационных целях

- 57 *Пэн Чэнь* Этическое и эстетическое в Пекинской опере: истоки и современность
- 58 *Разин А.В.* Методология Канта и Гегеля в свете метода восхождения от абстрактного к конкретному
- 59 *Романюк М.В.* Потенциальность, превосходящая действительность: этика бездействия Джорджо Агамбена
- 59 *Рудакова С.С.* Подход этики добродетели к анализу корпоративной культуры
- 61 *Руженцев С.Е.* Кризис идеологии как один из факторов кризиса морали
- 62 *Рыбакова И.С.* Этические аспекты психологического консультирования
- 63 *Савелов А.Д.* Некоторые проблемы и преимущества утилитарного подхода к оправданию наказания перед ретрибутивным
- 64 *Савенкова А.С.* Soft skills – элемент демократизации организации или способ манипуляции
- 65 *Савинов Р.В.* Где обитает добродетель? Феноменология морального пространства.
- 66 *Садыкова Е.Р.* Основные проблемы составления профессионального кодекса специалистов по управлению персоналом в России
- 67 *Сахарова С.А.* Этические аспекты желания в психоаналитическом дискурсе
- 68 *Селиверстова Н.А.* Этика толерантности в учебном процессе
- 69 *Семенов В.В.* Концепция упадка нравов в Древнем Риме
- 70 *Сергеева В.С.* Нравственные проблемы в зеркале отечественного кинематографа о школе 1960-х - 1980-х годов
- 72 *Скоропад Т.А.* Позитивная этика О.Конта
- 72 *Соболева К.П.* Свобода в трех реальностях: Бог, человек, природа в философии Ф.Шеллинга
- 73 *Соколов Е.Г.* Невозможность Этики
- 74 *Станжевский Ф.А.* Теория нормативных кругов Д.Элдер-Васса в этическом контексте
- 75 *Стрежнева К.О.* Гуманизм в атеистическом и религиозном экзистенциализме
- 76 *Тонковидова А.В.* Философия компании и ценности российского мировоззрения
- 77 *Троцак А.И.* Оправдание И.Кантом смертной казни: ошибка или закономерность?
- 78 *Тульчинский Г.Л.* Дисциплинарная распределенность прикладной этики: каскад прагмасемантических интерфейсов
- 79 *Туманов И.И.* Этика в ситуации кибербуллинга
- 80 *Хаматдинова А.О.* Этика добродетели в "уязвимом мире"
- 81 *Хохлова Ю.И.* Экранизация литературных произведений как способ модификации моральных установок автора
- 82 *Цибизова И.М.* Особенности неолиберальной идеологии гиперморализма
- 84 *Шакарян Я.Э.* Пренатальное усыновление: альтернатива абортam или ювенальная антисемейная технология?
- 85 *Шеваренкова А.В.* Маркетинговая сила этики
- 86 *Щиряков И.П.* Этика Ритуала и этическая аномия
- 87 *Шляпников В.В.* Онлайн-образование: этические аспекты
- 88 *Шпеннгер Л.С.* Типичная Барби. Стратегии поиска подлинности
- 89 *Штарк Е.В.* Особенности формирования мотивации добровольцев на примере борьбы с пандемией COVID-19

«КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

материалы круглого стола

- 90 *Борзенков Н.И.* Ценностные основы духовного фактора в военном управлении
 91 *Бродский А.И.* Философская апология войны и ее истоки
 92 *Гарвард М.А.* Эвфемизация войны как угроза ценностным основаниям общества
 93 *Горбанев В.Е.* Человек на войне: события и их экзистенциальный смысл
 94 *Лебедь И.П.* Профессия военного в отечественном кинематографе
 95 *Леонтьев С.А.* Этика современных войн: вызовы настоящего
 96 *Никитина А.С.* Современная теория справедливой войны: основные принципы
 97 *Сергиевская Г.Е.* Проблема чести вчера и сегодня.
 98 *Смецкой К.С.* Этические аспекты дисциплинарного пространства армии
 99 *Телякина Е.Е.* Этические основания справедливости в контексте информационной войны
 100 *Шатровой О.В.* Парадоксы и синдромы войны

«ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ»

материалы круглого стола

- 101 *Астахова А.В.* 4R концепция как этичная альтернатива эвтаназии
 102 *Борисенко Д.В.* Этические аспекты помощи диким животным: расширение круга сострадания
 103 *Гурьева М.А.* Проблема отношения к сельскохозяйственным животным, переход к этичному фермерству как один из этапов развития гуманного становления взаимоотношений природы и общества
 104 *Мефёд М.В.* Права животных и переосмысление понятия политического
 106 *Павлова В.В.* Социальные практики как формирующий фактор этики отношения к животным
 107 *Рувимова Н.В.* Рецепция деонтологии И.Канта в этике благоговения перед жизнью А.Швейцера
 108 *Севастьянова А.Д.* К вопросу об этике отношений человека с животными-компаньонами
 108 *Старкова М.Г.* О проблемах эксплуатации рабочих животных
 110 *Томильцева Д.А.* (Не)маргинальное животное в этике
 111 *Чепелева Н.Ю.* Дискуссии о сознании животных: этический аспект
 112 *Шляхова Г.И.* Эксплуатация животных человеком: альтернативы и перспективы их развития

«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИНЕМАТОГРАФА»

материалы круглого стола

- 114 *Беззубова О.В.* Прошлое в настоящем: кинематограф как ресурс этического осмысления
 115 *Говорунов А.В.* Якутский кинематограф, «Айта» и постколониальные исследования
 116 *Иванов А.Г.* Имперское прошлое в кинематографе: оптика мифоанализа
 117 *Исаков А.Н.* Редактирование памяти в фильмах о войне
 117 *Литвинский В.М.* Феномен экранизации в пространстве транзита от читателя к зрителю.

- 118 *Московчук Л.С., Кравченко К.А.* Репрезентация экзистенциальных модусов женской судьбы в российском региональном кино
- 119 *Науменко А.М.* Афганская тема в советском и российском кинематографе
- 120 *Огарков А.Н.* Достоевский Вуди Аллена
- 121 *Романова И.К.* Вторая жизнь героев советского массового кинематографа
- 122 *Сергиевская Г.Е.* Куда уходит детство
- 123 *Смирнов А.В.* Советское кино: стратегии власти или экзистенциальный опыт
- 123 *Тебякина Е.Е., Предовская М.М.* Антропологические аспекты инаковости и человечности в контексте сериальности как этическая проблема.
- 124 *Хоменко А.А., Хоменко П.А.* Этические проблемы кинематографа

«ЛОГИКА В МОРАЛИ И ПРАВЕ: ОТ ФОРМЫ К КОДУ»

материалы круглого стола

- 126 *Диль И.В.* Является ли принцип альтернативных возможностей необходимым условием нравственного поступка
- 127 *Климович А.И.* Логическая аргументация в этической философии В.Бучинского
- 128 *Ларин А.С.* Могут ли моральные истины быть концептуальными истинами? О природе фиксированных моральных точек
- 129 *Лисанюк Е.Н.* Капля жалости в Пифагоровых штанах, или Эмос убеждения
- 130 *Фатиев Н.И.* Современный способ доказательства Закона Юма
- 131 *Шапиро О.А.* Моральный аргумент в современном политическом дискурсе

«МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

материалы круглого стола

- 133 *Васильев А.В.* Концепция «корпорация как моральный агент» в ракурсе этики добродетели
- 134 *Глебова С.В.* Проблема экспертности морального агента: практик vs теоретик
- 135 *Головков В.В.* Анализ этических кодексов в сфере IT
- 136 *Дорогостайский В.Г.* Формы и границы моральных поступков в обыденном сознании как теоретическая проблема
- 137 *Зильбер А.С., Зильбер К.С.* Кантианская моральная агентность и искусственный интеллект
- 138 *Зубец О.П.* Философия до Аушвица или о вине философии
- 139 *Коротченко Ю.М.* Валюативный аспект идеи всечеловеческого: Другой как ценность
- 140 *Larionov I.Y.* The Philosopher Finds Himself: Richard Rorty on Martin Heidegger's Philosophy.
- 140 *Леушина В.В.* Об одном подходе к созданию роботов-партнеров как моральных агентов
- 142 *Лилеев М.М.* Парадокс моральных прав при создании искусственного интеллекта – на примере художественного фильма «Двухсотлетний человек»
- 143 *Перов В.Ю.* Искусственный Моральный Агент: парадокс беспристрастности
- 144 *Перова Н.В.* Целостность морального агентства в свете технологий биологического нравственного улучшения.
- 145 *Смирнова А.И.* Моральная агентность искусственного интеллекта в общем поле его этических проблем

**«ЭТИКА И ПОЛИТИКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И МИРЕ»**

материалы молодежного круглого стола

- 147 *Бабышева А.Д.* «Новая этика» бизнеса в современной России
 148 *Банина Я.В.* Этика войны в арабской политической мысли: взгляд Аль-Фараби
 149 *Лопухова А.К.* Ценности молодых парламентариев Санкт-Петербурга
 150 *Морозов К.Е.* Либерализм, патернализм и автономия
 151 *Перова Г.В.* Конфликты осмысления и преодоления нацистского прошлого в Германии второй половины XX в.
 152 *Потоцкий Я.А.* Моральная природа и этические проблемы современного национализма
 153 *Селезнева А.В.* Аксиологические основания политической этики российской молодежи: традиционные ценности в актуальном контексте
 154 *Тулесенова Д.Д., Ибрагимов Э.С.* Патриотизм как нравственный принцип в представлениях современной российской молодежи
 155 *Турков Е.А.* Категория ценности в концептуальной структуре немецкой политической этики: теоретический анализ
 156 *Шалашова М.А.* Этика соборности в эпоху постсекуляризма

«ЦЕННОСТНЫЕ ПРАКТИКИ И ДИСКУРСЫ В ПРАВЕ»

материалы круглого стола

- 157 *Акимова Н.А.* Противоречия кодификации профессиональной морали в медицине
 158 *Антонов М.В.* Право и ценности: методы исследования их соотношения
 158 *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* Историческая правда как правовая ценность
 160 *Архипов В.В.* Предмет правоотношений как внешний референт ценности обобщенных символических посредников: социальный капитал, социальная валюта и ценности в праве
 161 *Батурина И.В.* Концепт правосубъектности искусственного интеллекта в философии права
 162 *Ветютнев Ю.Ю.* Можно ли редуцировать правовые ценности к обмену?
 163 *Дыдров А.А., Варламова А.С.* Искусственный интеллект: юридические тренды в зарубежной науке
 164 *Зайцева Е.С.* Ценности как фактор установления пределов правового регулирования
 165 *Копанева В.А.* Нормативно-ценностный круг в процессе правового признания
 166 *Миляева Е.Г.* Этические проблемы цифрового мира в философской оптике
 167 *Осветимская И.И.* Взаимообусловленность индивидуальных и коллективных ценностей с точки зрения парадигмы взаимного правового признания
 168 *Пеннер Р.В.* Правовая этика в дискурсе А.Хоннета
 169 *Поляков А.В.* К вопросу об обосновании универсальных ценностей в праве
 170 *Разуваев Н.В.* Пропозициональная и нормативная релевантность правовых ценностей
 172 *Самохина Е.Г.* Идея ценностей в «традиции» неориторики
 173 *Смирнова М.Г.* Культурная-ценностная обусловленность социальных притязаний и способы их выявления в праве
 174 *Тимошина Е.В.* Прагматика аргументации в «Монархии» Данте (к истокам политико-правовой мысли Нового времени)
 175 *Тонков Е.Н.* Значение ценностного подхода в структуре деятельности интерпретатора

«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

материалы круглого стола

- 176 *Брук Е.Г.* Религия, философия, этика в работе В.Кудрявцева «Введение в философию»
- 177 *Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В.* Построение системы нравственного богословия в сочинениях М.А.Олесницкого
- 178 *Павлова Е.В.* Цифровая трансформация религии: риски и конфликты
- 179 *Салахов А.Б.* Яков Арсеньев как переводчик нравственно-дидактических пособий (перв. пол. XIX в.)
- 180 *Стецкевич М.С., Чумакова Т.В.* Нравственное богословие Ф.Ф.Чанова
- 181 *Ухатюк Ю.И.* Учебник Христиана Баумейстера «Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные» в России
- 182 *Цепелева Н.В.* Теонимизм: этический и богословский аспекты
- 183 *Чумакова Т.В.* И.Л.Янышев и преподавание нравственного богословия в духовных учебных заведениях Российской империи
- 184 *Шахнович М.М.* Античная религия, этика и философия на страницах журнала «Христианское чтение» в конце XIX - начале XX в.

«СКАНДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ»

материалы круглого стола

- 186 *Абалмасова Д.А., Трусов Ю.А.* Нужен ли нам этичный искусственный интеллект?
- 187 *Баженов С.С.* Моральная ответственность при использовании биометрических данных для обучения искусственного интеллекта на примере кейса А.Андроновой
- 188 *Беляева Е.В.* Этика ответственности во взаимодействии человека и искусственного интеллекта
- 189 *Гашкова Е.М.* О доверии к "машинам"
- 190 *Гришинева А.А.* "Культура отмены" в молодежном дискурсе
- 191 *Дорохина Р.В.* Цифровой имидж преподавателя
- 192 *Жадунова Н.В.* Идеи и антиидеи новой этики
- 193 *Зимбули А.Е.* Демонстративность и скрытность: этические ракурсы
- 194 *Коваль Е.А.* Власть и этика больших данных
- 195 *Мартынова М.Д.* Частный случай ценностного восприятия человеком искусственного интеллекта при найме на работу
- 197 *Назарова Ю.В.* Этика искусственного интеллекта и проблема экзистенциальных рисков
- 198 *Pavlova E.V.* Values in Digital Era: Risks of Transformation
- 198 *Платонов Р.С.* Цифровая этика: практика без теории
- 200 *Положенцев А.М.* Общество как усилитель страстей
- 201 *Попов А.А.* Технические стандарты в области больших данных и этика, могут ли они подружиться?
- 202 *Рябова Е.Ю.* Этическое потребление как социальная инновация: за и против
- 203 *Салганова Е.И.* Цифровая среда в образовательных организациях уральского региона: вызовы, современное состояние и угрозы
- 204 *Стирин Т.В.* Традиционные этические системы как скандал: генезис новых этических дилемм

- 205 *Сунами А.Н.* Ценностный статус цифровых технологий: проблемы аргументации
205 *Сычев А.А.* "Скандал в этике"
207 *Ушкин С.Г.* Практики сбора персональных данных: три доминанты эмоционального восприятия

«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЦЕНА»

материалы круглого стола

- 209 *Авдеева И.А.* Перспективы нормативности в условиях глобализации
210 *Азаров К.В.* Чжуан-цзы для антропоцена
211 *Большакова А.С.* Этика цифровой идентичности
212 *Григорьева Е.С.* Этика человеческого и нечеловеческого Другого
213 *Логунова С.К.* Этико-экологические проблемы современных мегаполисов
214 *Романов И.Ю.* Этика и искусственный интеллект: этические вызовы и социальные последствия в эпоху ИИ
215 *Сидоров А.М.* Постгуманизм и биополитика
216 *Степин Н.С.* Ценности как ядро модернистского метанарратива
217 *Ставцева О.И.* Пределы ответственности в постантропоцентрической этике
218 *Тульпе И.А.* Патрик Д.Хопкинс и его моральное видение трансгуманизма
219 *Цуркан Е.Г.* Должен ли альтруизм быть эффективным?

«БИОЭТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ»

материалы круглого стола

- 221 *Антипов А.В.* Донорство органов: некрополитика и биоэтика
222 *Барбашина Э.В.* Нарративная этика в медицине
223 *Воронцова Ю.В., Баранова С.В.* Биоэтический мониторинг инициатив трансгуманистической направленности
224 *Ковалева Т.В., Парийская Е.Н., Захарова Л.Б.* Биоэтические подходы в решении проблемы старения населения России
225 *Куксо К.А.* Возможности блага в опыте физической патологии
226 *Летов О.В.* Этические модели искусственного интеллекта
227 *Макарова Н.П.* «Уведомления» о смерти: этично ли «сохранять» умершего
228 *Сокольчик В.Н.* Корреляция этических принципов в современной научной деятельности (на примере биомедицинского знания)
229 *Субботина М.В.* Digital death studies: новые этические проблемы социологии смерти

Научный журнал «Дискурсы этики» приглашает к публикации авторов статей, посвященных актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики, материалы круглых столов, коллоквиумов, обзоры литературы (рецензии на монографии, отзывы на диссертации, учебную литературу и проч.), обзоры и анонсы научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), объявления о грантовых конкурсах и научных проектах в сфере гуманитарных наук.

Миссия издания – создать пространство дискурса как для профессионального этического сообщества (включая ученых, преподавателей ВУЗов и студентов), так и для широкой аудитории, активно вовлеченной в процесс исследования этики и работы с моральными нормами и ценностями; реинтегрировать специалистов в области этики; обеспечить доступность знаний и высоких образовательных стандартов для студентов в сфере гуманитарного знания.

Журнал выходит **4 раза в год** в электронном и печатном формате. Издается на русском и английском языках. Публикация бесплатная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.
ISSN (Печатный): 2306-9430.
ISSN (Онлайн): 2311-570X

«Дискурсы этики» представлены в Российском индексе научного цитирования (**РИНЦ**)

Подробная информация на сайте:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

**XV международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2023.**

Разумность. Практичность. Человечность»

Санкт-Петербургский Государственный Университет,
16-18 ноября 2023 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

верстка: А.С.Кириллова, И.Ю.Ларионов

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано к печати 12.11.2023. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 14. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru